

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXIV

**Slawische Phraseologie und Folklore:
Ihre linguokulturelle und lexikografische
Beschreibung
Kollektivmonografie**

**Фольклорная фразеология:
проблемы лингвокультурологического и
лексикографического описания
Коллективная монография**

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)
Валерий М. Мокиенко (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Беларусь), И.В. Кузнецова (Россия),
А.В. Савченко (Россия-Тайвань)

Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2018

**Монография посвящается
XVI Международному съезду славистов.
19–27 августа 2018 г.
Белград, Сербия**

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

Impressum:

Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.)
Internationales Slawistenkomitee. Phraseologische Kommission.
XVI. Internationaler Slavistenkongress. 19–27 August 2018.
Belgrad, Serbien

**Phraseologie und Folklore: Ihre linguokulturelle und
lexikografische Beschreibung.** Kollektivmonografie.
**Фольклорная фразеология: проблемы
лингвокультурологического и лексикографического описания.**
Коллективная монография
Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für
Slawistik, 2018. – 253 S.
ISBN: 978–3–86006–464–1.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР

Харри Вальтер, Валерий Михайлович Мокиенко Слово о Юбиларе	7
Список печатных работ Е.К. Николаевой	13
Глава I. ФОЛЬКЛОРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	
Мокиенко Валерий Михайлович (профессор, Санкт-Петербургский государственный ун-т) Славянская фразеология и фольклор	21
Бирих Александр (профессор, ун-т г. Трир; Германия) Фольклор как источник русской фразеологии	27
Вальтер Харри (профессор, ун-т г. Грайфсвальд, Германия) Студенческий фольклор как источник фразеологии	34
Рязановский Лев Михайлович (доцент, Санкт-Петербургский государственный ун-т) Фольклорная формула как один из важнейших источников фразеологии (на примере формулы невозможного в немецком языке)	43
Никитина Татьяна Геннадьевна (профессор, Псковский государственный ун-т) Фольклорные фразеологизмы в современном социокультурном контексте: по щучьему велению.	48
Воробьева Лина Бронислововна (доц., Псковский государственный ун-т) Языковая образность устойчивых выражений в псковских сказках.	52
Подюков Иван Алексеевич, ПГГПУ (Пермь, Россия), Свалова Екатерина Николаевна, ПГГПУ (Пермь, Россия) Обрядовые паремические пожелания в русских говорах Пермского края	57
Кузнецова Ирина Владимировна (доц., Чувашский государственный педагогический ун-т им. И. Я. Яковлева) Обрядовый фольклор как источник славянских устойчивых сравнений	63

Вильк Габриела (Силезский университет, Катовице, Польша) Концепт «Торговля» в малых жанрах русского и польского фольклора	68
Гулякова Ирина Геннадьевна (доцент, Санкт-Петербургский государственный ун-т) Речевые формулы русского городского романа: семантика повседневности	75
Невзорова-Кмеч Елена Александровна (доцент, ун-т г. Лодзь, Польша) Э-фольклор и э-фразеология (на материале польского языка)	80
Финк Арсовски Желька (профессор, Загребский ун-т; Хорватия) Фразеология в тексте современных хорватских граффити	89
Глава II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ФОЛЬКЛОР	
Еськова Анна Дмитриевна (Санкт-Петербургский государственный ун-т) К проблеме фольклоризации библеизмов: первый псалом в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»	96
Рак Мацей (доцент, Ягеллонский ун-т; Польша) Фразеология и словесный фольклор (на материале польского языка)	99
Рогалёва Елена Ивановна (профессор, Псковский государственный ун-т) Русский фольклор в учебном фразеологическом словаре для детей	105
Яромира Шинделаржова, Университет им. Я.Е. Пуркине, Усти над лабом, Чехия. Символ змеи в фольклоре и его отражение в фольклоре и фразеологии (в аспекте преподавания в чешской начальной школе)	110
Завченко Александр Викторович (Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбей, Тайвань); Хмелевский Михаил Сергеевич (Санкт-Петербургский государственный ун-т) Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии (растительный мир)	118

Андрианова Дарья Витальевна, научный сотрудник Институт лингвистических исследований РАН)	125
Устойчивые обороты со словами <i>сети, силки, тенёта</i> в диахроническом аспекте	
Гаш Агнешка (ассистент, Силезский ун-т)	130
Русские и польские устойчивые сравнения, характеризующие человека по манере есть	
Федосов Олег Иванович (доцент, ун-т им. Л.Этвеша; Будапешт - ELTE)	139
Венгерские сравнительные обороты <i>kevés (vagy), mint X</i> в чешско-русской конфронтации	
Боева Наталия Евгеньевна. (старший преп. Санкт-Петербургский государственный университет)	144
Размер как признак устойчивого сравнения при характеристике внешности человека	
Брунс Томас (профессор, Трирский ун-т; Германия)	149
Чёрный Пётр не добрался до России. „Der schwarze Peter“ в немецкой, славянской и западноевропейской фразеологии	

Глава III. ПОСЛОВИЦЫ, КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, АФОРИЗМЫ И ФОЛЬКЛОР

Абакумова Ольга Борисовна (проф., Орловский государственный ун-т)	155
Пословица как фразеологизм в бытовом диалоге (на материале имитации разговора в фольклорном тексте)	
Гомонова Инна Геннадьевна, Ничипорчик Елена Владимировна (доценты Гомельский государственный ун-т имени Ф. Скорины)	159
Русская пословица / поговорка в представлении носителей языка (на материале Национального корпуса русского языка)	
Дракулич-Прийма Драгана (доц., научный сотрудник, Библиотека Российской Академии наук)	169
К вопросу об истоках сербской паремиологии: словарь пословиц Йована Мушкатиновича	
Ая Урве Юловна (преподаватель, Нарвская Кренгольмская гимназия)	175
Особенности семантики русских пословиц и поговорок с наименованиями внутреннего убранства дома (на фоне эстонского языка)	

Николаева Елена Каировна (доцент, Российский государственный гидрометеорологический ун-т) 180
Советские пословицы о колхозной жизни

Иванов Евгений Евгеньевич (доцент, Могилевского государственного ун-та имени А.А. Кулешова; Беларусь) 185
Народно-поэтическое (фольклорное) понимание афоризмов как один из аспектов их эмпирической квалификации

Королькова Анжелика Викторовна (профессор, Смоленский гуманитарный ун-т) 189
Функции пословиц и поговорок в русской афористике

Глава IV. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ И ФОЛЬКЛОР

Ковшова Мария Львовна (проф., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН) 195
Традиционные смыслы и сквозные образы в поговорках и идиомах (на материале русских единиц с костюмными компонентами)

Селиверстова Елена Ивановна (профессор, Санкт-Петербургский государственный ун-т) 206
УМ в паремийных манифестациях прошлого и современности

Митурска-Бояновска Йоланта (Шецинский университет, Польша) 213
***Miodowy miesiąc* /медовый месяц/ в польском и русском языках**

Ван Аньди (аспирант, Российский государственный педагогический ун-т им. А. И. Герцена) 221
Образ человека в зеркале фразеологизмов и паремий, соотносимых с семантическим полем водоёмы

Федорова Людмила Львовна (доцент, Российский государственный гуманитарный ун-т) 225
В огороде бузина, а в Киеве дядька: фразеология нелепого

Мещерякова Ольга Александровна (профессор, Елецкий государственный ун-т им. И.А. Бунина) 229
Русская пословица с антропонимом аспект

Литература 234

Слово о Юбиляре

Июль 1975 года. Вечер в деревне Жаховичи Мозырского района в Припятском Полесье. У костра сидит этнолингвистическая дружина во главе с Никитой Ильичом Толстым: Светлана Михайловна Толстая, А.В. Гура, Ф.Д. Климчук, Л. Н. Виноградова... Обсуждается запись очередного славянского обряда – «Похороны кукушки». Его следы в этот день обнаружались в игре детей этой белорусской деревни, которые воспроизводили этот обряд с поразительной точностью. У костра сидит и наш будущий Юбиляр – Лена Испатова, студентка первого курса польского отделения Ленинградского университета. По договоренности с Никитой Ильичом Толстым её включили вместе с аспирантом ЛГУ Василием Ивановичем Супруном и студентом-богемистом ЛГУ Василием Георгиевым в эту этнолингвистическую экспедицию...

Немало воды утекло с тех пор. Стала иной и современная Славия, и европейский мир, и наша система образования. Но результаты толстовского видения «Славянских древностей», сбереженные благодаря этим экспедициям от черныбыльского катаклизма, остались неизменными, запечатленными в пятитомной энциклопедии общеславянской традиционной культуры. Осталось неизменным и служение Елены Каировны Николаевой славистике, ибо этнолингвистическая прививка того памятного 1975-го года предохранила Юбиляра от многих современных поветрий нашей науки.

Окончив в 1979 году польское отделение кафедры славянской филологии филологического факультета ЛГУ, Елена Каировна стала преподавателем польского и русского языков и литературы. Через 10 лет она окончила аспирантуру при кафедре славянской филологии и была не только одним из организаторов нашего Фразеологического семинара, но и его инициативной старостой. Она сразу же активно включилась в коллективную работу славистов и русистов нашего аспирантского фразеологического семинара – и в составление сводных картотек русских пословиц, поговорок и народных сравнений, и в создание ряда библиографических указателей – например, «Вопросов терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию» (1986, 1), «Словаря славянских фразеологических терминов» (1987, 3), «Материалов к

этимологическому словарю русской фразеологии: Этимологии профессора В.М. Мокиенко» (1993, 21) и персоналий-библиографий проф. Г.А. Лилич (1986, 2), проф. П.А. Дмитриева (1988, 6) и др. В 1989 году Е.К. Николаева блестяще защитила кандидатскую диссертацию по теме «Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка». Поскольку славистика и русистика «едино есть», то и наш будущий Юбилляр, как многие слависты, уже со студенческих лет вступила на эту единую стезю и в 1992 г. её избрали заведующей кафедрой русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета, которую она возглавляет бессменно уже 25 лет (тоже – Юбилей).

Педагогическая работа в одном из флагманов вузовского образования России потребовала от Е.К. Николаевой подключения к практическим проблемам русистики. Поэтому здесь она читает лекционные курсы «Фразеология современного русского языка», «Загадки русской фразеологии», «Лексикология русского языка», «Культура русской речи», «Научный стиль речи», и др. Уже сами их названия говорят о том, что эти курсы имеют общеобразовательную филологическую дальнобойность.

Славистическая же «прививка» глубоко отразилась в научно-исследовательской деятельности Елены Каировны, что отражено в большинстве её работ, представленных в прилагаемой к нашей юбилейной здравнице библиографии. Естественно, что тематической доминантой публикаций Юбилляра была и остаётся славянская Фразеология с заметным тяготением к этнолингвистическим комментариям. Закономерно поэтому, что она была уже почти два десятилетия назад избрана членом Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов и активно участвует в её работе.

Какие же фразеологические темы стали приоритетными для Юбилляра?

Прежде всего, – это серия публикаций о польских, русских и других славянских устойчивых сравнениях. Начало этой серии положила кандидатская диссертация Е.К. Николаевой «Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка» (1989, 2), в которой был предложен детальный анализ семантических доминант (или, как сейчас любят говорить, «картины мира») польских устойчивых сравнений. Этот анализ был сделан в основном на материале четырёхтомного академического тезауруса польской паремиологии «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» под редакцией акад. Юлиана Кржижановского (1969-1978), – самого полного в то время свода славянских паремий. Уже само описание такого материала в идеографическом ключе было значимым шагом для понимания лингвистической и культурологической специфики польских компаративов.

Идеи, сформулированные Е.К. Николаевой в ходе этого исследования, были в дальнейшем успешно развиты ею в других публикациях. Так, ею объективно была оценена роль мифологем (1990, 9, 1998, 43) – особенно таких мифологических оппозиций, как «Bóg – diabeł» (1997, 41; 1999, 47) и значимость компонентов-анимализмов в формировании признаковой базы в составе устойчивых сравнений (1994, 27) и раскрыта их культурная семантика (2015, 115). Образная составляющая этих фразеологических единиц постоянно интересует Юбилляра: от таких «прозаических» культурологем, как пищевая тематика (2016, 116) или представлений о крепком сне в славянских языках

(2016, 121) до динамических признаков в поведении человека (2016, 120) или его девиантных психологических состояний (2016, 117).

Устойчивые сравнения Е.К. Николаева исследует и в сопоставительном ключе. Такова её статья о структурно-семантической и стилистической систематизации польских и русских сравнений (1991, 13) или анализ польских и болгарских компаративных оборотов с компонентами-анимализмами (1994, 27). Межъязыковое сопоставление актуально и при разработке типологии фразообразования устойчивых сравнений, где материал польского языка находит перекличку в других славянских языках (1996, 36). Сопоставительный анализ проводится ею и на материале пословиц, демонстрирующих активное межславянское языковое взаимодействие (2010, 102). Этот подход к демонстрируется ею и в дидактическом ключе – в аспекте преподавания русского языка иностранным учащимся на фоне других славянских языков (1991, 10).

Несмотря на признание устойчивости как одного из категориальных свойств компаративных единиц, Е.К. Николаева последовательно демонстрирует их динамичность, обращая особое внимание на их варьированность. «Вариантность устойчивых сравнений в теории и лексикографической практике» – таково название одной из её статей, в которых эта проблема раскрыта (2009, 91) на словарном материале. Задолго до этого Юбиляр предложила и чёткую типологию лексического варьирования в компаративных оборотах (1993, 20), учитывая специфику этих фразеологических единиц.

Наблюдения за варьированием устойчивых сравнений позволили Е.К. Николаевой более широко взглянуть на их взаимодействие с другими устойчивыми оборотами – как идиомами (resp. фразеологизмами в узком смысле термина), так и с пословицами. Методологически значимыми являются её попытки определить первичность или вторичность устойчивых сравнений в пословицах (2016, 119) и определить их смыслообразующую роль в составе паремий (2010, 101). И здесь обильный конкретный материал, славянский сопоставительный фон и внимание к диахроническому потенциалу паремий помогают автору удерживаться от излишне прямолинейной диагностики, ибо решение проблемы первичности – вторичности, древней как мир, должна решаться лишь на основе фактографически обоснованного материала – в русле дихотомии «Эксплицитность – Имплицитность». Не случайно одна из её работ названа именно в русле этой дихотомии – «Эксплицитирование и имплицитирование пословиц как средство языковой игры» (2012, 108). Животворна в этом ключе и выдвинутая Юбиляром и аргументированная богатым польским материалом проблема фразеологических интенсификаторов (1989, 7), поддержанная многими современными фразеологами. Столь же перспективна и идея Е.К. Николаевой о так называемых метаоператорах (resp. метапоказателях) фразем (2003, 62; 2004, 67; 2008, 82; 2010, 97), позволяющая более чётко определять функциональные характеристики этих единиц и выделить их из массива других устойчивых словосочетаний. Не удивительно поэтому, что явление паремиологической вариативности привлекло специальное внимание Юбиляра и при анализе трансформированных пословиц («антипословиц») как элемента современной смеховой культуры (2001, 55; 2002, 59; 2003, 63; 2008, 85).

В том же русле петербургская исследовательница анализирует и фразеологизмы в узком, идиоматическом смысле этого термина. Вот лишь

несколько названий её публикаций на эту актуальную ныне тему: «"Красное словцо" журналистов (о фразеологизмах в газетных заголовках)» (1995, 29), «Фразеологический подвох газетного заголовка» (1995, 30; 1996, 38).

Одним из давних интересов Е.К. Николаевой являются историко-этимологические изыскания. Их несомненно стимулировала работа над «Историко-этимологическим словарем русской фразеологии» (А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова), подготовка материалов к которому велась практически всеми членами (а их было более пятидесяти) Фразеологического семинара. И в эту работу Юбиляр сумела внести свою лепту не только поиском и изложением соответствующей научной литературы, но и оригинальными этимологическими очерками. Таковы её попытки расшифровать внутреннюю форму фразеологизмов *андроны едут* (1996, 37), *долгий ящик* (1999, 46), *быть с кем запанибрата* (2010, 93), *открыть Америку* (1992, 16) и *всё в шоколаде* (2010, 103). Особое внимание при такой расшифровке исследовательница обращает на роль контекста, под влиянием которого может развиваться либо искажаться исходная образность идиом (2000, 54).

Собственно говоря, диахронический анализ фразеологии не является для Е.К. Николаевой самоцелью. За исходным смыслом устойчивых словосочетаний она ищет и находит культурологические факты самого широкого свойства, т.е. живописует различные фрагменты русской и инославянской картины мира. Как преподаватель русского языка иностранным студентам она обращает их внимание на лингвострановедческий потенциал фразеологических единиц (1997, 39), демонстрирует интернациональный фонд русской фразеологической картины мира (2002, 61; 2008, 86) или находит в русских пословицах и поговорках отпечатки нерусской картины мира (2001, 59). Взаимодействие универсального и национального раскрывается Е.К. Николаевой даже на таком бесспорно интернациональном языковом материале, как фразеологические библеизмы (1992, 23), варьирование которых может привести и к ошибочным употреблением (1998, 42). Именно поэтому с такими фразеологическими библеизмами нужна особая методика при работе в иностранной аудитории (1996, 33).

В таком же «картинном» ключе ею анализируются и значимые лексемы концептного наполнения – например, «Вода» в составе дезидентифицирующих славянских пословиц (2013, 109) или «Ноль», растущая культурологическая и символическая роль которого в русской фразеологии выписана с математической точностью (2016, 118). При этом исследовательница обращает внимание и на самые «горячие точки» применения фразеологизмов. К таким объектам её исследований относится анализ прагматической роли фразеологии и паремиологии в современной российской рекламе (2004, 64; 2006, 75; 2005, 70), причём эти языковые ресурсы, по её наблюдениям, не только подпитывают воздействующее функционирование рекламы, но и, наоборот, могут создаваться самой рекламой (2008, 87), ибо последняя имеет в наши дни мощный «крылато-образующий» потенциал.

В последнее время Е.К. Николаева обратилась к исследованию пословиц и с историографической точки зрения, находя «польский след» в их фиксации уже с конца XVII в. (2000, 50; 2004, 65; 2005, 69; 2006, 76; 2007, 81; 211, 104; 2012, 106) или демонстрируя их особенности в польско-русском словаре Д. Бартошевича (2007, 80), других двуязычных словарях (2015, 114)) и даже в

«Букваре для обучения юношества чтению по русийску и по польску» 1796 года (2014, 111). В этом же ключе – её публикация о способах перевода польских пословиц на русский язык, обогативших русскую паремиологию (2015, 114). Такие наблюдения значимы для славянской историко-этимологической паремиографии, ибо действительно «Polonica в русских пословицах» (2009, 90) долгое время оставалась не исследованной.

Будучи одной из приверженцев Ларинской филологической школы, Е.К. Николаева поверяет все свои теоретические идеи лексикографической практикой. Вдумчивое изучение основательного опыта польских коллег – составителей уже упомянутого четырёхтомного паремиологического тезауруса под руководством акад. Ю. Кржижановского, помогло ей творчески оценить и принципы описания устойчивых сравнений в отечественной лексикографии (2014, 110) и более масштабно оценить эти языковые единицы как объект словарной обработки. Количественная разнокалиберность этого масштаба, по её оценкам, носит впечатляющий характер: от 207 до 45000, что налагает особые ограничения на специализацию составления словарей компаративных оборотов разного типа (2012, 102).

Лексикографический опыт, приобретенный Е.К. Николаевой при работе над многими словарными проектами Фразеологического семинара при Межкафедральном кабинете им. проф. Б.А. Ларина, играет особую роль при составлении и постоянном усовершенствовании «Большого словаря русских пословиц» (2010, 94), одним из трёх соавторов которого она является. Со студенческих лет будущей Юбиляр принимала активное участие и в накоплении материала для этого паремиологического тезауруса, насчитывающего более 70 000 пословиц, и в определении его задач и структуры, и в скрупулёзном редактировании (2006, 77; 2008, 84). Стало необходимым и уточнение терминологических проблем паремиологии, что стало темой её доклада на международной конференции «ЕВРОФРАЗа» в Словакии (1997, 40) и в специальной работе по истории русской паремиологической терминологии конца XVII – первой половины XVIII в. (1999, 45). До сих пор актуальны и размышления Е.К. Николаевой над такой вечной теоретической проблемой, как границы фразеологии и её понимание в широком и узком смысле (1991, 11).

Внесла исследовательница и весомый вклад в практическую дифференциацию паремиологических вариантов в этом словаре, используя лексикографический опыт отечественных и зарубежных паремиологов (2008, 83). Этот опыт стал востребованным и в таком значимом для российской лексикографии общего типа проекта, как переиздание известного «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. Издатель пригласил Е.К. Николаеву и ещё нескольких участников нашего Фразеологического семинара (Е.И. Зыкову и О.А. Михайлову) для работы над фразеологической частью этого словаря и редактирования этой части. И они с этой сложной задачей успешно справились (2001, 57; 2001, 58). Стала Е.К. Николаева и одним из инициаторов, составителей и редакторов дважды изданного «Школьного словаря живых русских пословиц» (2002, 60). Продуктивно было и её участие в коллективном обсуждении проекта словаря библейских крылатых слов (1992, 17), авторы которого (Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко и О.И. Трофимкина) смогли учесть предложения Е.К. Николаевой. Столь же полезны были соображения Юбиляра о

специфике лексикографирования прецедентных единиц в русско-польском словаре крылатых слов (2006, 71).

Как видим, фразеология, паремиология и лексикография являются доминантами научно-исследовательских интересов Е.К. Николаевой. Вместе с тем, посвятив свою жизнь преподаванию русского и других славянских языков и будучи заведующей кафедрой, наша Юбиляр не осталась в стороне от педагогической филологии. Ею создано более десяти учебных пособий по русскому языку – как для его носителей (1991, 12; 2007, 79), так и для иностранных студентов (1993, 24; 1994, 28; 1996, 34; 2005, 73; 2007, 78; 2008, 88; 2009, 89 и др.), а также – серия лабораторных и контрольных работ и других полезных учебных материалов.

Во всем этом теоретическом и практическом наследии Е.К. Николаевой чувствуется не только добротный профессионализм, но и любовь к Филологии, которая привела её в стены *alma mater*. И которая когда-то на первом курсе осыпалась общением с Никитой Ильичом Толстым и его научной школой, не только сохранившими для всех нас «Славянские древности», но и сделавшие их славистическими атрибутами современности. Именно поэтому мы, редакторы этой коллективной монографии, решили оставить в ней очерк Е.К. Николаевой о русских поговорках (вроде *Кто науку уважает, тот бывает с урожаем*), ставших перелицовками традиционного фольклора. Ведь и они – часть единого исторического пространства славянского народного творчества, к изучению которого Юбиляра потянуло со студенческих лет.

От имени всего семинара и всех членов Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов сердечно поздравляем Елену Каировну со знаменательным жизненным этапом и желаем сохранить и преумножить всё то, что делает нашу науку неизменной несмотря на все зигзаги динамичной жизни.

Харри Вальтер
Валерий Михайлович Мокиенко

Грайфсвальд (Германия); Санкт–Петербург (Россия)
март 2018 г.

Список печатных работ Е.К. Николаевой

1. Контрольные задания по русскому языку для студентов- заочников из национальных республик. I курс. - Л., 1985. - 47 с. (Совм. с А.Л. Максимовой).
2. Контрольные задания по русскому языку для студентов- заочников из национальных республик. IV курс. - Л., 1985.- 34 с. (Совм. с А.Л. Максимовой).
3. Библиографический указатель "Вопросы терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию". - Самарканд, 1986. - 156 с. (Совм. с Г.М. Атаевой, Н.В. Агабабовой, Е.В. Беляевой и др.).
4. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию: Профессор Галина Алексеевна Лилич. - Самарканд, 1986. - 147 с. (Совм. с Г.М. Атаевой, А.К. Бирихом, Т.А. Болотиной и др.).
5. Словарь славянских фразеологических терминов. (Проблемы и задачи составления) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Материалы IV международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии. - Минск, 1987. - С. 138-141. (Совм. с А.К. Бирихом, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстовой).
6. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию: Профессор Петр Андреевич Дмитриев. - Самарканд, 1988. - 137 с. (Совм. с Т.Е. Аникиной, С.А. Бойцовым, А.М. Бушумом и др.).
7. О фразеологических интенсификаторах (на материале польского языка) // Вестник Ленинградского университета. - 1989. - Сер. 2, вып. 3. - С. 74-77.
8. Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка. Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. - Л., 1989. - 16 с. (ЛГУ).
9. Польские устойчивые сравнения с мифологическим компонентом // Советское славяноведение. - 1990. - № 2. - С. 61-64.
10. Сопоставительное изучение компаративных фразеологических единиц славянских языков в аспекте преподавания русского языка иностранным учащимся // Учет родной культуры учащегося в ходе преподавания русского языка. - Волгоград, 1991. - С. 99-108 (Совм. с Е.И. Селиверстовой).
11. К вопросу о границах фразеологизма // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Тезисы докладов и сообщений. - Л., 1991. С. 8-9.
12. Слово о словах [составление, задания, примечания, словарь] // Слово о русском языке. Книга для чтения для студентов-филологов. - М.: Рус. язык, 1991. - С. 157-214.
13. Структурно-семантическая и стилистическая систематизация польских и русских сравнений // Synteza w stylistyce słowiańskiej. Materiały konferencji. - Opole, 1991. - S. 149-155. (Совм. с В.М. Мокиенко).
14. Лингвистические трудности преподавания фразеологии иностранным учащимся // Современные подходы к формированию профессиональных качеств учителя-русиста зарубежной школы. - Волгоград, 1991.- С. 94-96.
15. Спецкурс по фразеологии // Проблемы преподавания русского языка и литературы на интенсивных курсах для иностранцев. - Л., 1992. - С. 20-21.
16. "El descubrimiento de America" en las lenguas eslavas ("Открытие Америки" в славянских языках) // Jornadas Andaluzas de Eslavística / Resumen de Ponencias y Comunicaciones. - Andalucía, 1992. - P. 82-83. (Совм. с В. Мокиенко и Л. Степановой).
17. К проекту словаря библейских крылатых слов // Проблемы фразеологии и фразеографии. (Сопоставительная фразеология и двуязычная фразеография). - Махачкала, 1992. - С. 154-155. (Совм. с В.М.Мокиенко и Л.И. Степановой).

18. Лабораторные работы по русскому языку для аспирантов-гидрологов. - СПб., 1992. - 24 с. (Совм. с Н.А. Воронцовой).
19. Рец. на кн.: Słownik literatury staropolskiej. (Średniowiecze. Renesans. Barok). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990 // Славяноведение. - 1992. - № 6. - С. 110-111. [Совм. с С.И. Николаевым].
20. Типы лексического варьирования в компаративных фразеологических единицах // Диалектические процессы во фразеологии. Тезисы докладов межвуз. науч. конф. - Челябинск, 1993. - С. 41-42.
21. Материалы к этимологическому словарю русской фразеологии: Этимологии профессора В.М. Мокиенко. - Самарканд, 1993. - 93 с. (Совм. с Е. Бетехтиной, А. Бирихом, С. Бойцовым и др.).
22. Работа с антропонимами // Проблемы преподавания русского языка и литературы на интенсивных курсах для иностранцев. Материалы докладов и сообщений. - СПб., 1993. - С. 43-44.
23. Универсальное и национальное во фразеологических библеизмах // Frazeologia vo vzdelavan / vede a kulture. Phraseology in Education, Science and Culture. Zbornik materialov z II. medzinarodnej frazeologickej konferencie. Nitra 14-16. september, 1992. — [S.l.], 1993. - S. 35-39. (Совм. с А. Бирихом и Л. Степановой).
24. Добро пожаловать в Санкт-Петербург! Материалы для занятий по разговорной практике на краткосрочных курсах русского языка. - СПб., 1993. - 96 с. (Совм. с Т.Баевой и Е.Селиверстовой).
25. Грамматика русского языка в таблицах. (Справочное пособие для иностранных учащихся). - СПб., 1993. - 42 с.
26. Ред.: Материалы к этимологическому словарю русской фразеологии: Этимологии профессора В.М. Мокиенко. - Самарканд, 1993. - 93 с. (Совм. с Л.Степановой).
27. О формировании признаковой базы компонентов-анимализмов в устойчивых сравнениях польского и болгарского языков // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. - Псков, 1994. - С. 47-49. (Совм. с Н.М. Кабановой).
28. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся начального этапа обучения (падежная система). - СПб., 1994. - 65 с.
29. "Красное словцо" журналистов (о фразеологизмах в газетных заголовках) // Rossica olomucensia. XXXIII. (Za rok 1994). - Olomouc, 1995. - S. 85-88.
30. Фразеологический подвох газетного заголовка // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. - Оломоуц, 1995. - С. 51-52.
31. Ред.: Баева Т.Т. Лекции по курсу "Методика преподавания русского языка как иностранного". - СПб., 1995. - 78 с.
32. Ред.: Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. - Оломоуц, 1995. - 84 с. (В составе редколлегии).
33. Работа с фразеологическими библеизмами в иностранной аудитории // Проблемы преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории. Материалы докладов и сообщений. - СПб., 1996. - С. 47-48.
34. Тексты для чтения для иностранных учащихся. - СПб., 1996. - 35 с. (Совм. с Г.А.Морозовой).
35. Мифологические оппозиции типа "Bóg - diabeł" в польской фразеологии // Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego. - Opole, 1996. - S. 80-81.
36. К типологии фразообразования устойчивых сравнений (на материале польского языка) // Вопросы языкознания. - 1996. - № 3. - С. 95-99.
37. "Андроны едут". (Историко-этимологический этюд) // Slavia Orientalis. - 1996. - N 4. - S. 503-508. [Совм. с С. Николаевым].

38. Фразеологический подвох газетного заголовка // Russistik. - 1996. - N 1-2 (15-16). - S. 97-101.
39. К вопросу о лингвострановедческом потенциале фразеологических единиц // Проблемы преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории. Материалы докладов и сообщений межвузовской научно-методической конференции. - СПб., 1997. - С. 80-82.
40. On the History of Russian paremiological Terms // Europhras 97. Phraseology and Paremiology. Theses. - Liptovsky Jan, 1997. - S. 34-35.
41. Мифологические оппозиции типа «Bóg - diabeł» в польской фразеологии // Frazologia a religia / Pod red. A.M.Lewickiego i W.Chlebdy. - Warszawa: Energeia, 1997. - S. 263-269. (Problemy frazeologii Europejskiej, II).
42. Фразеологическая ошибка или вариант? (на материале фразеологических библеизмов) // Проблемы преподавания русского языка и литературы. СПб., 1998. С. 30-34.
43. The Reflection of a Polish Mythological Image in Comparative Phraseology // Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. - Bochum: Universitätsverlag Dr.N.Brockmeyer, 1998. - S. 583-590.
44. Обучение реферированию (учебное пособие). - СПб.: РГГМУ, 1998. - 54 с. (Совм. с Т.А. Петрущенко).
45. Из истории русской паремиологической терминологии. (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 77-85. [Совм. с С.И. Николаевым].
46. «Долгий ящик» А.А.Бестужева-Марлинского // Русская речь. 1999. № 6. С. 103-106. [Совм. с С.И. Николаевым].
47. Славянский *черт* в мифе и в языке // I Славистические чтения памяти профессора П.А.Дмитриева и профессора Г.И.Сафронова. СПб., 1999. С.74-77. (Совм. с В.М. Мокиенко).
48. Рец. на кн.: Івченко А. Історія та етимологія української фразеології. Бібліографічний покажчик (1864-1998). Харків, 1998. 159 с. // Slavica Orientalis. 2000. N 1. S. 149-151.
49. Новые историко-этимологические указатели по славянской фразеологии [Рец. на кн.: Ludmila Stěpanova. Historie a etymologie českých rčení. Praha, 1998; Анатолий Івченко. Історія та етимологія української фразеології. Бібліографічний покажчик (1864-1998). Харків, 1998] // ЯЛИК. № 39. 2000. Апрель. С. 10.
50. Польские пословицы в русской записи середины XVIII века // Слово во времени и пространстве. СПб., 2000. С. 489-498. [Совм. с С.И. Николаевым].
51. От редакционной коллегии // Слово во времени и пространстве. СПб., 2000. С.5-7. [Совм. с Г.А.Лилич, А.К.Бирихом].
52. Ред.: Слово во времени и пространстве. СПб., 2000. 564 с. [Совм. с Г.А.Лилич, А.К.Бирихом].
53. Польско-русская фразеология XVIII века // Frazografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej. - Opole, 2000. - S. 42-43.
54. Контекст и этимология фразеологизма: искажение или развитие исконной образности // Rossica Olomucensia. XXXVIII. (Za rok 1999). - Olomouc, 2000. - 2 č. - S. 397-402.
55. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // Nowa frazeologia w nowej Europie. Новая фразеология в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Słowo. Tekst. Czas VI. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6-7 września 2001. – Greifswald, 2001. – S. 45-46.

56. Русские пословицы и поговорки и нерусская картина мира // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской конференции 26-27 октября 2000 г. СПб., 2001. Т. 1. С. 112-122. (Совм. с В.М.Мокиенко).
57. Из опыта работы над фразеологической частью БТС // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5: Секция фразеологии. СПб., 2001. С.42-46. (Совм. с Е.И.Зыковой, О.А.Михайловой)
58. Ред.: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2001. 960 с. – Редактирование фразеологии (в составе коллектива редакторов-фразеологов).
59. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // *Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*. Szczecin; Greifswald, 2002. S. 158-164.
60. Ред.: Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Издательский дом "Нева"; "ОЛМА-ПРЕСС", 2002. - 352 с. (Совм. с В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстовой).
61. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // *Rossica Olomucensia*. XL. (Za rok 2001). - Olomouc, 2002. - 1
62. Значение метаоператоров устойчивых выражений для исторической фразеологии/паремиологии (на материале XVII-XVIII вв.) // *Slavia Orientalis*. 2003. N 2. S. 247-256.
63. Антипословицы как лингвистические единицы и их лексикографическое описание // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 14: Фразеология. СПб., 2003. С. 38-44.
64. Лингвистический аспект рекламы // Материалы итоговой сессии Ученого совета 27-28 января 2004 г. Ч. 1: Секции: метеорологии, гидрологии, экономических и социально-гуманитарных наук.
65. Польская фразеология в русском литературном языке // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции. Кострома, 18-20 марта 2004 г. М., 2004. С. 206-209.
66. О.А.Михайлова (27.03.1964 – 22.07.2004) // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции. Кострома, 18-20 марта 2004 г. М., 2004. С. 286. (Совм. с Е.И.Зыковой, В.М.Мокиенко, Л.И.Степановой).
67. Метапоказатели устойчивых выражений в текстах русских писателей XVII-XVIII вв. // *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*. Gdańsk, 2004. S. 189-193.
68. Об учителе // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М.Мокиенко. М., 2005. С. 11-15. (Совм. с А.Бирихом, Л.Степановой).
69. Польские корни русских устойчивых выражений // Там же. С. 122-126.
70. Фразеология рекламы // *Frazeologické štúdie*. IV. Bratislava, 2005. S. 258-263.
71. Крылатые слова как объект двуязычной фразеографии (о русско-польском словаре крылатых слов) // Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 746-749.
72. Общая концепция преподавания дисциплины «Введение в PR для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью в сфере окружающей среды» (применение PR-технологий в проектах «Природная среда и человек» // Сборник трудов международной школы конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Изменение климата и окружающая среда». СПб.: РГГМУ, 2005. С. 349-356. (Совм. с Е.В.Быковой).
73. Выражение пространственных и временных отношений в русском языке. Практикум по грамматике русского языка для студентов-иностранцев вузов

- естественнонаучного направления. СПб.: РГГМУ, 2005. 68 с. (Совм. с Н.А.Воронцовой).
74. Методические рекомендации по подготовке, оформлению и защите дипломных работ. Специальность: 350400 – Связи с общественностью. – СПб.: РГГМУ, 2006. – 32 с. (Совм. с Барежевым В.А., Быковой Е.В.).
 75. Фразеологический аспект современной российской рекламы // Вестник Факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры: Материалы 5-й международной конференции (апрель 2006). Вып. 9. Тайбэй, 2006. С. 65-71.
 76. Польские пословицы в русском языке на рубеже XVII-XVIII вв. // Meunarodni znanstveni skup "Slavenska frazeologija i pragmatika". Rab, 17-19. rujna 2006. Sažeti referata. Международная научная конференция «Славянская фразеология и прагматика». Раб, 17-19 сентября 2006. Аннотации докладов. Zagreb, 2006. S. 58.
 77. Из опыта составления «тезауруса русских пословиц» // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. (Лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. М.: ООО «Элпис», 2006. С. 555-559.
 78. Под небом Санкт-Петербурга. Учебное пособие. СПб.: РГГМУ, 2007. (Совм. с Г.А.Морозовой).
 79. Загадки русской фразеологии // Программы гуманитарных спецкурсов для студентов РГГМУ. – СПб.: Изд. РГГМУ, 2007.
 80. Пословицы в польско-русском словаре Д.Бартошевича // Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii / Editori D.Baláková, P.Ďurčo. Ružomberok, 2007. S.161-170.
 81. Польские пословицы в русском языке на рубеже XVII-XVIII вв. // Slavenska frazeologija i pragmatika. Славянская фразеология и прагматика. Zagreb: KNJIGRA, 2007. S. 423-428.
 82. Метаоператоры как вспомогательное средство выделения фразем // «Лишь слову жизнь дана...». Сборник статей, посвященный юбилею доцента Санкт-Петербургского государственного университета Марины Алексеевны Шахматовой – СПб.: МИРС, 2008. С.135-138.
 83. Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М.Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.).- М.: ООО «Издательство «Элпис»», 2008. С.509-512.
 84. Новый большой словарь русских пословиц: задачи, структура, итоги работы // Rossica Olomucensia XLVI-II. Sbornik prispěvku z mezinárodního konference "XIX. Olomoucké Dni Rusisty" – Olomouc, 2008. S. 381-384. (0,4 п.л.)
 85. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // Komparacja współczesnych języków słowiańskich. T. 3: Frazeologia / Red. naukowa W.Mokienko i H. Walter. Opole, 2008. S. 431- 437.
 86. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // Komparacja współczesnych języków słowiańskich. T. 3: Frazeologia / Red. naukowa W.Mokienko i H. Walter. Opole, 2008. S.149 -163.
 87. Из языка – в рекламу, из рекламы – в язык // Сб. ЭИСГ ф-та РГГМУ, 2008, С. 200–208.
 88. Русский язык для метеорологов. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2008. - 145 с. (Совм. с Е.В.Михайловой).
 89. Русский язык как иностранный. Раздел «Обучение реферированию». Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2009. – 61 с. (4,1 п.л.). (Совм. с Т.А.Ярославцевой)

90. Polonica в русских пословицах // "Wort – Text – Zeit " Phraseologische Einheiten in traditionellen und neuen wissenschaftlichen Paradigmen. Materialien der gemeinsamen wissenschaftlichen Konferenz / Red.: H.Walter, M.Alekseenko, M. Hordy. Greifswald, 2009. S. 74-75.
91. Вариантность устойчивых сравнений в теории и лексикографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. - Вып. 2 (24). - Москва - Магнитогорск - Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; тип. МГПК, 2009. - С. 713-718. (ВАК)
92. К 70-летию Валерия Михайловича Мокиенко // Русский язык за рубежом, № 1, 2010 (218) – С.124-125. (0,2 п.л.). ISBN № 0131-615X (Соавторы: Бирих А.К., Ломакина О.В., Степанова Л.И.)
93. Еще раз о выражении *быть с кем запанибрата* // Phraseologie und Text. Materialien der XXXVIII. Internationalen wissenschaftlich-metodischen Konferenz Fakultät für Philologien und Kunst der Staatlichen Universität Sankt Petersburg. Greifswald; Sankt Petersburg, 2010 - С. 142-144.
94. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с. (Соавторы: В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитина). (107,52 п.л.) *Рец.:* 1) *Тищенко О.* Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева О.К. Большой словарь русских пословиц // Мовознавство. 2011. № 3 (259). С. 93-94; 2) *Tiszczenko O.* Nowy słownik przysłów rosyjskich // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. Lublin, 2011. Т. 23. S. 262-264.
95. Polonica в русских пословицах // Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Szczecin; Greifawald, 2010. S. 612-619. (0,4 п.л.)
96. Диалектолог – фразеолог – лексикограф (научный путь В.М. Мокиенко) // Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Szczecin; Greifawald, 2010. S. 15-22. (Соавторы: Бирих А.К., Степанова Л.И.). (0,4 п.л.)
97. Метаоператоры фразем в преподавании русского языка как иностранного // Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан. Сборник материалов научно-практической конференции. Т.2. Москва, 2010. – С.150 – 154.
98. От 207 до 45000: расширение корпуса устойчивых сравнений в современной фразеологии // Phraseologische Studien. Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Praseologie. Динамические тенденции в славянской фразеологии. Redaktion D.Balakova und H. Walter. Greifswald, 2010. s. 274-280.
99. Профессор Валерий Михайлович Мокиенко: К 70-летию. [Библиографический указатель] / Сост. А.К.Бирих, Е.К.Николаева, Л.И.Степанова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 139 с. (6,13 п.л.)
100. О Валерии Михайловиче Мокиенко // Профессор Валерий Михайлович Мокиенко: К 70-летию. [Библиографический указатель] / Сост. А.К.Бирих, Е.К.Николаева, Л.И.Степанова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 5 – 15. (Соавторы: Бирих А.К., Степанова Л.И.)
101. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. - Вып. 3(29). - Москва - Магнитогорск - Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; тип. МГПК, 2010. С. 238-245. (ВАК) – 0,5 п.л.
102. О межславянском языковом взаимодействии (на материале пословиц) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22-24 апреля 2010 года). Т. II / Под ред. Н.В.Большаковой,

- Л.Я.Костючук, Т.Г. Никитиной, Л.М.Попковой. – Псков: ПГПУ, 2010.- 278 с. ISBN 978-5-87854-557-0. С.206-211.
103. Сладкая жизнь в шоколаде // И вновь продолжается бой...: Сб. науч.ст., посвященный юбилею д-ра филол.наук, проф. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2010. с.185-188.
 104. Польский след в русской фразеологии и паремиологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума к 90-летию со дня рождения В.П.Жукова/ сост., отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород, 2011, т.1, с.184-188.
 105. Русские устойчивые сравнения как объект лексикографического описания // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции (г.Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / Под научн. Ред. А.М.Мелерович. – Кострома:КГУ им.Н.А.Некрасова, 2012. – С, 290-292.
 106. Пути проникновения польской фразеологии и паремиологии в русский язык XVII – первой половины XIX вв. // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Виталия Михайловича Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.) / Казань: Казан. ун-т, 2012. – Т.2. - С.184-191.
 107. Международные конференции по фразеологии // Научно-информационный бюллетень «ЯЛИК», СПбГУ, № 85. Март 2012. – С.6-7.
 108. Эксплицирование и имплицирование пословиц как средство языковой игры. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» / Симферополь, 2012. - Т.25 (64). № 2 (1). – С.315 -320.
 109. «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии. Water in Slavonic Phraseology and Paremiology. Коллективная монография. Т 1-2./ Под ред. А.Золтана, О.Федосова, С.Янурика. Будапешт: Изд-во «Тинта», 2013. 733с. (статья «Кровь не водица... (дезидентифицирующие пословицы с компонентом *вода*)» с.452-458.
 110. Словари устойчивых сравнений русского языка // Die slawische Phraseographie und Parömiographie. Славянская фразеография и паремиография. Коллективная монография. / Redaktion Н. Walter, V.M. Mokienko. Greifswald: Ernst-Mortz-Armdt-Universität Greifswald, 2014 – С. 57-63. (229 S.)
 111. Пословицы в «Букваре для обучения юношества чтению по-русски и по-польски» (1796 г.)// Проблемы истории, филологии и культуры Москва-Магнитогорск-Новосибирск. Научный
 112. Рец.: РУССКО-НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ АКТИВНЫХ ПОСЛОВИЦ // ЯЛИК. Язык. Литература.История. Культура. Научно-информационный бюллетень. №91. 2014. С.19-20. (0,3 п.л.) (Walter Н., Mokienko V., Komorovska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). – Greiswald; Szczecin, 2014. - 433 с.
 113. Фразеология в польско-русских словарях XVIII в. // Frazeologia a przeklad. / pod. Red. W.Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. - 2014. – С.251-258.
 114. Способы перевода паремий в польско-русском словаре середины XIX в.// Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула: Издательско-полиграфическое объединение С-принт, 2015. С. 421-426.
 115. О культурной семантике устойчивых сравнений // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада,

- Испания, 13-20 сентября 2015 года)/ Ред. Кол. Л.А.Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И Попова и др. – В 15 т. – Т. 6. - СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 399-404.
116. Пищевые образы в устойчивых сравнениях // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. Отв. Ред. В.М.Мокиенко. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 152 – 159. (0,5 п.л.). 278 с.
117. Девиантные психологические состояния в устойчивых сравнениях // Rezumees. Book of Abstracts. Slavofraz 2016. Graz, Osterreich: Institut fur Slawistik der Karl-Franzens-Universitat Graz, 2016. – С. 47.
118. Растущая роль ноля в русской фразеологии // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). – С.110-114.
119. Устойчивые сравнения в пословицах: что первично? //Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах. Материалы международной научно-практической конференции 18–23 марта 2016 года. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2016. С. 92 – 95.
120. Динамические признаки в поведении человека (характеристика движения в устойчивых сравнениях) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4-8 октября 2016 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С.483 – 486. (0,4 п.л.) (совм. Селиверстова Е.И., Якименко Н.Е.).
121. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // Studia Slavica Hung. 61/2 (2016), 325–343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6 (совм. с Селиверстовой Е.И.)

Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания

Глава I

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Валерий Михайлович Мокиенко, Санкт-Петербургский университет,
Санкт-Петербург, Россия
mokienko40@mail.ru

Славянская фразеология и фольклор¹

Взаимодействие фразеологии и фольклора органично и имеет давние истоки, ибо в зоне интересов фольклористов всегда оказывались пословицы и поговорки, т.е. фразеологизмы в широком смысле этого термина. Источники последних разнообразны: традиционные фольклорные жанры (пословицы, поговорки, фольклорные формулы, народные устойчивые сравнения, сказки, былины, загадки, заговоры и т.п.), библейские афоризмы и сентенции, речевые формулы песен и городского романса, криминальный и студенческий жаргон, и современный Интернет. Культурологически значимыми являются «кодовые» компоненты фольклорного происхождения, накладывающие отпечаток на образное содержание фразеологических единиц, на трудности расшифровки внутренней формы, перевод фольклорных словосочетаний и презентацию их в лексикографии. Собственно лингвистическое решение проблем взаимодействия славянской фразеологии и фольклора предлагается в данном разделе монографии.

Тема «Фразеология и Фольклор» для работы фразеологической секции нашей традиционной мартовской конференции СПбГУ была предложена М.Л. Ковшовой в 2016 году на заседании фразеологической комиссии в Трире и была единогласно и единодушно поддержана всеми членами комиссии. Это и понятно. Понятно и то, почему предложение исходило именно от М.Л. Ковшовой: ведь одна из первых её работ (ещё до защиты кандидатской диссертации) так и называлась «Концепт судьбы. Фольклор и фразеология» (Ковшова 1994). Взаимосвязь фразеологии с фольклором давно уже стала и предметом моих исследований – достаточно

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 – «Полный фразеологический словарь русских народных говоров») в Санкт-Петербургском государственном университете.

упомянуть, например, что в лингвогеографическом спектре она была темой моего доклада на IX-м Международном съезде славистов в Киеве в уже далёком 1983 году (Мокиенко 1983).

Программа нашей секции показывает, что интерес фразеологов к фольклору и фольклористов к фразеологии не только не угасает, но и возрастает, захватывая всё новые и новые сферы взаимодействия фольклора и фразеологии. Четыре тематических блока наших докладов – убедительное тому свидетельство.

Блок «Фольклорные источники фразеологии» демонстрирует разнообразие той «материальной базы», на которой зиждется интересующее нас всех взаимодействие. Это и традиционные фольклорные жанры (пословицы, поговорки, фольклорные формулы, народные устойчивые сравнения, сказки, былины, загадки, заговоры и т.п.), и библейские афоризмы и сентенции, и речевые формулы городского романса, и криминальный и студенческий жаргон, и граффити, и его современное Виртуальное Величество – Интернет.

Не менее разнообразен и диапазон тематического блока «Фразеологизмы и фольклор». Анималистическая, флористическая, темпоральная, этикетная и ономастическая фразеология, компаративные фразеологизмы русского, болгарского, польского, венгерского и шведского языков, «кодовые» компоненты фольклорного происхождения, накладывающие отпечаток на образное содержание фразеологических единиц, трудности расшифровки внутренней формы и перевода фольклорных словосочетаний и презентация их в лексикографии – вот общий контур проблем, поставленных и решаемых авторами нашей коллективной монографии.

Обширен и блок «Пословицы, крылатые выражения, афоризмы и фольклор». Функциональное и образные сходства и различия пословиц и поговорок, их оценка носителями языка и функционирование в фольклорных текстах, особенности семантики и компонентный состав, связь фольклорных паремий и афоризмов с крылатыми выражениями, попытки актуализации фольклора в пропагандистском дискурсе – вот ассортимент проблематики, предложенный авторами этого тематического блока.

Естественно, разумеется, что фразеологи не могли не включить в повестку дня и актуальную сейчас проблему – «Фразеологическая картина мира в когнитивном аспекте и фольклор». Особый тематический блок посвящён именно этому лингвофольклористическому аспекту. В свете когнитивно-семиологического подхода рассматриваются лингвофольклорные параметры русской паремии в её традиционных и современных манифестациях. В том же русле анализируются семантические поля и концепты, образы и паремиологические портреты определённых социумов, антропонимические компоненты в составе фольклорных паремий. Тем самым, как кажется, повестка нашей

фразеологической секции очерчивает основные контуры предложенной нами общей проблемы – «Фразеология и фольклор».

Как видим, наш интерес к взаимодействию фольклора и фразеологии закономерен. Ведь, перифразируя слова В.В. Маяковского, мы, фразеологии, можем утверждать:

Мы говорим Фразеология – подразумеваем Фольклор.

Мы говорим Фольклор – подразумеваем Фразеология.

Не случайно же фразеологию в широком смысле, т.е. включая и паремиологию, считают «малым жанром фольклора» (Simple forms 1994), и европейские фольклористы и этнографы многое сделали, чтобы снабдить фразеологов надёжным языковым материалом.

Что же объединяет фразеологию и фольклор?

В первую очередь – то, что большинство *поговорок* (resp. фразеологизмов в узком смысле этого термина, т.е. идиом) и пословиц (т.е. фразеологизмов в широком смысле этого термина) являются порождением народной речи, т.е. плодом устного народного творчества. Ревнителю строгого соблюдения терминологических разграничений, конечно же, – могут возразить: так ли уж все фразеологизмы в узком и широком смысле этого термина являются порождением народного безымянного творчества? Ведь мы часто включаем во фразеологические словари и удачные выражения и афоризмы, авторы которых известны.

Спору нет: в круг идиоматики и паремиологии нередко входят «авторские» выражения, которые и получили обкатку в литературном языке и народной речи благодаря популярности тех или иных известных личностей. Л. Смит, например, в своей книге «Фразеология английского языка» даже связывает фразеотворчество с конкретными историческими личностями (Смит 1959, 125-132). Г. Бюхман, основатель европейской крылатологии (или, по терминологии Л.П. Дядечко, эптонимии) также многие поговорки и пословицы отнёс либо к конкретным авторам, либо к Библии – как коллективному автору. В таком же ключе взаимодействие паремий и крылатых слов и выражений интерпретируется и лексикографически описывается и русскими крылатологами – начиная И. Редниковым (1883) и М.И. Михельсоном (1903, 1905) и кончая последними собраниями этого жанра (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000; 2008-2009, Серов 2003 и др.).

Относясь с пониманием к этому аргументу, мы в то же время не считаем его сущностным для терминологического отграничения фразеологии от фольклора. Составив с К.П. Сидоренко 3 словаря крылатых слов наших классиков – А.С. Пушкина (Мокиенко–Сидоренко 1999, 2005), А.С. Грибоедова (Мокиенко–Семенец–Сидоренко 2009) и И.А. Крылова (Мокиенко–Сидоренко 2017), мы ещё раз убедились в относительности атрибуции «авторства» к конкретной известной личности. Эту относительность подтверждает и наш с В.П. Берковым и С.Г. Шулежковой «Большой словарь русских крылатых слов» (Берков–Мокиенко–

Шулежкова 2000; 2008-2009) и «Большой словарь русских библеизмов» (Лилич–Мокиенко–Трофимкина 2010). Это и понятно: углубление в источники конкретных крылатых слов и выражений часто вскрывает своеобразный многослойный авторский или нередко и псевдоавторский палимсест. Так, сюжет пушкинского выражения *золотая рыбка* оказывается перифразой северонемецкой сказки о говорящей камбале (*Halbut* – Мокиенко 2002), а фраза из «Бориса Годунова» *и мальчики кровавые в глазах* – псковским диалектизмом (Мокиенко 1979, 22-24). Пресловутый грибоедовизм *дым отечества* давно уже отнесён по авторству к Горацию (Берков–Мокиенко–Шулежкова 2008-2009, 1, 338-339), а пословицы и поговорки нашего «дедушки Крылова» настолько гармонично слиты с русским «малым фольклором» или творчеством Эзопа, Федра, Лафонтена и других баснописцев, что определить «право первородства» далеко не всегда возможно (см. комментарии к таким случаям: Мокиенко–Сидоренко 2017). Ибо часто оно уходит именно в древнее фольклорное прошлое – как, например, библеизмы *Кто другому роет яму, тот сам в неё попадёт* или фраза Иисуса Христа о богаче, которому столь же невозможно попасть в царство небесное, как верблюду пройти через игольное ушко (Мокиенко 1989, 113-115). Ветхий Завет и Евангелие, между прочим, как показал в специальном исследовании британский этнограф Дж. Фрэйзер (2003), насквозь инкрустированы фольклорными сюжетами, пословицами и поговорками.

Следовательно, по принципу «авторское – неавторское» разграничить фразеологизмы от фольклоризмов невозможно в силу условности и относительности точной атрибуции соответствующих языковых единиц к конкретному автору.

Понятно при этом, что *фразеология* и *фольклор* хотя и взаимосвязанные понятия, но – не тождественные. Грубо говоря, не все фольклорные единицы являются фразеологизмами и не все фразеологизмы – фольклоризмами. Даже загадки к фразеологизмам уже прямолинейно отнести нельзя как её готовые продукты, хотя многие из них могут быть источниками «малого фольклорного жанра», т.е. паремиологии. На это обратил внимание Л.И. Ройзензон в своём докладе «К лингвистической интерпретации загадок в связи с некоторыми проблемами фразеологии» (1975), расшифровав эротическую подоплёку и амбивалентность известной всем паремии *И хочется, и колется, и мама не велит*. Став фразеологизмом, эта загадка, однако, утратила для большинства носителей русского языка свою исходную отгадку, ибо мало кто теперь знает – чего именно хочется тому (или – той) носителю или носителнице языка, которому (или которой) это запрещает делать мама. Лишь по эвфемизированным или шутливым контекстам, хорошо представленным в словаре В.П. Жукова (Жуков 1991, 344), можно гипотетически реконструировать его исходное содержание:

<И> хочется и колется <и матушка (мамка) не велит). *Говорится тогда, когда кто-л., опасаясь трудностей, опасности и т. п., не решается осуществить что-л. желаемое, поступить определенным образом.*

– Поди ты, какая ломака барыня-то!.. По пословице: хочется и колется. Писемский, Масоны.

[Тарелкин:] Что делать! Истинное мучение: и дочь-то любит и деньги-то любит; и хочется и колется. Сухово-Кобылин, Дело.

Тут [в Замороченье] много бродило националистов, и, должно быть, в Золотом был у них центр... Мы [партизаны] поехали севернее Золотого в каком-нибудь километре. Они нас видели, но стрелять не посмели. Есть поговорка: и хочется и колется. Так вот было и у бульбовцев и этот раз. Л. Бринский, По ту сторону фронта.

– Знаю, перебила Настя. Все знаю, что у парня на уме: и хочется, и колется, и болит, и матушка не велит... Так, что ли? Нечего глазами-то хлопать, правду сказала. Мельников-Печерский, В лесах.

И он [Сёмка] решил, что действительно лучше всего иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят что-то... И хочется им, и колется, и мамка не велит. В. Шукшин, Мастер.

А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много... Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим. Ленин, т. 43, с. 243.

Ср. также украинский эквивалент *І хочеться, і колеться, і болить, і матінка не велить* (ПП 2, 1990, 400), таящий в себе ту же исходную эротическую семантику.

Ещё более широки, естественно, рамки фольклора по сравнению с фразеологией, когда речь идёт о развёрнутых фольклорных текстах – былинах, народных песнях, сказках, быличках и т.д. Здесь и не надо искать отождествления фольклора и фразеологии. Но исследователи фразеологии не могут игнорировать их связи, и мы знаем немало работ, посвящённых описанию функционирования фразеологизмов в таких жанрах фольклора. Таковы, например, работы С.И. Коткова (1982), О.А. Давыдовой (1983), О.Е. Фроловой (2007) и др. Из относительно недавних докторских диссертаций и публикаций на эту тему следует назвать работу волгоградской исследовательницы Е.И. Алещенко «Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки)» (2008, 2008а:), которую я имел честь оппонировать.

И такой аспект соотнесённости фразеологии и фольклора остаётся очень важным. Важным не только для синхронного описания фразеологизмов и пословиц в фольклорных текстах бóльшего масштаба, но и для выявления в них собственных фразеологизмов, т.е. выражений типа *жил-был, по усам текло, а в рот не попало, сказка про белого бычка, при царе Горохе* и т.п. Такого рода исследования особо полезны для исторической фразеологии, ибо идентификация их источника как сказочного, былинного, песенного или «загадочного» – это уже путь к этимологизации национального или интернационального прототипа фразеологизма. Это в своё время проникновенно показал украинский

славист и финноугровед О.Б. Ткаченко, реконструировавший в своей докторской диссертации, защищённой в ЛГУ, финно-угорскую субстратную идиому русского сказочного зачина *жили-были*. До этого считалось, что эта формула – рефлекс исчезнувшего в современном русском языке плюсквамперфекта. Но О.Б. Ткаченко не только убедительно доказал субстратный характер этого оборота, но и затем, расширив поле обследования финно-угорско-русского взаимодействия, даже реконструировал ныне мёртвый мерянский язык (Ткаченко 1979). Исследования в этом направлении сейчас продолжает венгерский исследователь И. Пачаи (1995, 2002).

Как видим, дуализм «Фразеология и фольклор» обнаруживает количественную диспропорцию в смысле бóльшей жанровой масштабности фольклоризмов. Но, как и всё в языковой системе и в природе, и здесь нет одностороннего количественного перевеса фольклоризмов над фразеологизмами. Верно, как только что утверждалось, что *фольклор* шире *фразеологии*. Но верно и то, что по своему объекту изучения и фразеология в определённом смысле является фольклором. Понимаю парадоксальность своего утверждения, которое как будто перечёркивает то, что только что сказано о масштабном дисбалансе *фольклора* и *фразеологии* в пользу первого. Но взгляды внимательнее в избранный нами объект изучения. Действительно, в широком смысле каждый фразеологизм – продукт народного творчества, как мною и утверждалось в начале доклада. Но это верно лишь в широком смысле обобщения взаимосвязи «Фразеология – Фольклор». В более узком, конкретном понимании этой связи легко проглядывается и различие. Ведь фразеология как часть общей национальной языковой системы – уже не только фольклор, а – как и любая национальная литература – уже и явление общей культуры нации. Куда, естественно, входят и фольклоризмы в узком смысле. Но во фразеологической системе литературных языков уже много и других элементов: и античное языковое наследие, и библеизмы, коранизмы и буддизмы, и крылатые выражения мировых и национальных классиков, и современная перифрастика, и жаргонизмы, и политические клише, и поток (нередко мутноватый) из неуправляемого половодья СМИ и Интернета. Конечно, и в таких потоках можно выловить отдельные жемчужины фольклора, но в целом это уже не фольклорная фразеология, а фразеология литературной, публицистической, разговорной, просторечной и «чатовой» речи. Речи, которая в итоге и определяет современный качественный и количественный статус языковой системы – в том числе и системы фразеологической.

Как видим, рассматривая взаимодействие «Фразеология и фольклор», нам, фразеологам, желательно объективно оценивать конкретные результаты этого взаимодействия, не заменяя, а тем более не подменяя полюса́ этого лингвистического дуализма. А определив специфику каждого из полюсов этого дуализма, можно выявить и всё то общее,

что их объединяет. От такого диагноза, построенного на надёжном конкретном материале, выиграют как фразеологи, так и фольклористы.

Александр Бирих (Трирский университет, Трир, Германия)
bierich@uni-trier.de

Фольклор как источник русской фразеологии

Наряду с фразеологизмами, источниками которых являются церковно-книжная письменность, язык художественной литературы, живая разговорная речь, диалекты и социолекты, в русской фразеологии отмечаются и устойчивые обороты, по своему происхождению восходящие к фольклору. Фольклор чрезвычайно богат фразеологизмами, которые, однако, не всегда являются специфически фольклорными. Во фразеологическом составе фольклора отмечаются: а) фразеологические единицы, совпадающие с фразеологизмами литературного языка (*биться как рыба об лёд, горе луковое, наш брат* и др.); б) фразеологические единицы, совпадающие с фразеологизмами русских народных говоров (*куда голова понесёт, подпускать лясы, проводить по шее кого* и др.); и наконец: в) устойчивые обороты, употребляющиеся только в различных фольклорных жанрах, т.е. собственно фольклорные фразеологизмы (*ясный сокол, добрый молодец, красно солнышко, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, ни в сказке сказать, ни пером описать* и др.)².

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются лишь те фразеологизмы, которые по своему происхождению связаны с языком фольклора. Часть из них восходит к собственно фольклорным фразеологизмам, перешедшим в литературный язык и пополнившим его фразеологический состав. Литературные фразеологизмы фольклорного происхождения делятся на следующие группы:

а) устойчивые обороты, уже в фольклорных текстах отличающиеся идиоматичностью, экспрессивной выразительностью и перешедшие в литературный язык без изменения значения и структуры, ср.: *кровь с молоком, змея подколотная, видимо-невидимо, за тридевять земель, хлеб-соль, белый свет* и др.;

б) устойчивые обороты, образованные на базе фольклорных формул, но получившие в литературном языке новое, фразеологическое значение, ср.: *красная девица, молочные реки и кисельные берега, избушка на курьих ножках, живая вода, мужичок с ноготок, Баба-Яга, Лиса Патрикеевна,*

² Ср.: Гюлюмянц 1978, 7. О фольклорных фразеологизмах см. также: Ройзензон 1968; Гюлюмянц 1978; Мокиенко 1986, 200-252.

Кощей Бессмертный, жар-птица, летит как вещий бурка, как по щучьему веленью и др.;

с) фразеологические обороты, образованные на базе свободных словосочетаний, отмеченных в фольклоре и семантически детерминированных фольклорными текстами, ср.: *сказка про белого бычка, битый небитого везёт, на ходу подмётки рвёт (режет)* и др.;

д) фразеологизмы, образованные на базе малых фольклорных текстов (пословиц, присловий, загадок и т.п.): *бабушка надвое сказала, если бы да кабы, без царя в голове, сыр-бор загорелся, зарезать без ножа, в огне не горит и в воде не тонет* и др.

Рассмотрим названные группы фразеологизмов фольклорного происхождения подробнее.

1. Выражения, выступающие в фольклоре в качестве фразеологических единиц

Среди русских устойчивых оборотов фольклорного происхождения выделяется небольшая группа единиц, сформировавшихся уже в фольклорных текстах в качестве фразеологизмов и сохранивших в литературном языке свой компонентный состав и значение. Выражение *змея подколодная* употребляется в литературном русском языке в значении 'о злом, коварном, подлом человеке'. Достаточно сравнить лишь некоторые контексты с этим фразеологизмом в фольклоре, чтобы заметить, что его значение полностью совпадает с литературным, ср.:

«А и ты съела меня, кума крестовая,
Молютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стокан подала,
Съела ты мене, *змея подколодная!*».
(Былина «Михайла Скопин»)

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная...
(Сказка «Белая уточка»)

В русском народном сознании *змея* издревле символизирует коварство. Эта символика усилена во фразеологизме эпитетом *подколодная*, вызывающим представление о притаившейся, спрятавшейся змее и потому особенно опасной. *Колода* обычно интерпретируется как бревно с выдолбленной серединой, в котором давали корм скоту. С наступлением холодов змеи ищут укромное, тёплое место (например, под колодой в хлеву), с надеждой перезимовать там; в это время яд змей особенно опасен (ср.: ОЭСРФ 1987, 55; БМС 2005, 253). В отличие от авторов «Опыта...», В.И. Коваль объясняет закрепление в составе фразеологизма *змея подколодная* этого эпитета связью его производящей базы (*колода*) с сакральными представлениями: «В тексте заговоров слово *колода* выступает как выразительный предмет-символ, связанный с негативными ассоциациями – со сферой болезни, нечистой силы и смерти. Именно это обстоятельство актуализировалось в процессе образования

фразеологизма: из довольно обширного ряда определений-эпитетов к слову змея, встречающихся в народных заговорах, в качестве фразеологического компонента использовано только слово *подколотная*, которое в наибольшей степени соответствует представлению о змее, как об опасном, несущем смерть существе» (Коваль 1998, 172-175). Приведённые выше примеры показывают, однако, что выражение *змея подколотная* встречается не только в заговорах, но практически во всех фольклорных жанрах и потому вряд ли может быть объяснено заговорными сакральными представлениями о *колоде*. Трудно согласиться и с тем, что змеи прятались в колодах для корма скота в хлеву, змеи предпочитают зимовать в более спокойных укрытиях, чем шумный хлев. Представляется, что основой эпитета *подколотная* послужило первичное значение лексемы *колода*, данное В.И. Далем: «Колода, лежачее толстое дерево, бревно или немалый и толстый отрубок, срубленное голомя (т.е. оголённая от сучьев часть дерева – А.Б.), лежачее дерево в лесу. *Пень да колода*» (Даль 2, 350). Такие колоды служили для змей безопасным укрытием для зимовки. В английском языке применяется близкое выражение – «змея в траве» (*a snake in the grass*), со значением ‘вероломный, ненадёжный человек’.

Общеславянским является и выражение *кровь с молоком* ‘о здоровом, румянном, цветущем человеке’, связанное с народными представлениями о красоте: белое лицо и румянец на щеках. Ср., например, обязательные атрибуты красавицы в былинах:

Очи (очушки, глаза) у ей (ней) ясн-а (-ых) сокол-а (-ов), Брови (бровушки) у ей (ней) черн-а (-ых) собол-я (-ей), Белое лицо как белый снег, Лицо как маков цвет. Походочка лани белою (павлиная). А речь лебединая (Черноусова 2012, 97).

Символическим выражением цветущего вида, здоровья, румянца на лице в народно-поэтической речи выступает также устойчивое сравнение *как маков цвет*, т.е. подобный ярко-красному цвету мака. В этом же значении этот оборот вошёл в литературный язык, ср., напр., у А.С. Пушкина: *Ты румян как маков цвет, Я как смерть и тощ и бледен*. Ты и я.

Белая кожа и румяное лицо как признаки красоты и здоровья характерны, однако, не только для русского народного сознания. Во многих славянских и неславянских языках употребляются фразеологизмы, аналогичные русскому *кровь с молоком*, причём в славянских устойчивых оборотах на первом месте обычно стоит компонент *кровь*, а в неславянских – компонент *молоко*. Ср.: укр. *кров з молоком*, польск. *krew z mlekiem*, чешск. *krev a mléko*, нем. *wie Milch und Blut*, ит. *latte a sangue* и т.д.

2. Выражения, возникшие на базе фольклорных формул

Основную часть фразеологизмов фольклорного происхождения составляют устойчивые обороты, образованные на базе фольклорных

формул, но получившие в литературном языке новое, фразеологическое значение. Образование такого рода фразеологизмов может происходить двумя путями: во-первых, на основе семантического переосмысления фольклорных формул, ср., напр., *красная девица* ‘о застенчивом, робком, нерешительном молодом человеке’, *Баба-Яга* ‘о злой, сварливой и безобразной старой женщине’, *мужичок с ноготок* ‘о человеке очень маленького роста’, *избушка на курьих ножках* ‘о ветхой и маленькой деревянной постройке’ и др.; и, во-вторых, в результате включения части фольклорной формулы в компонентный состав фразеологизма (обычно сравнения): *как (будто, словно, точно) по щучьему веленью* ‘чудесным образом, без вмешательства или поддержки кого-л.’, *летит как вещий бурка* ‘о стремительно, с большой скоростью передвигающемся человеке, животном, транспорте и т.п.’, *явиться (стать, предстать) как лист перед травой* ‘быстро, мгновенно, внезапно’ и т.п. Семантическому переосмыслению подвергаются устойчивые формулы, обозначающие:

а) лиц, ср., напр., *красная девица* ‘о застенчивом, робком, нерешительном молодом человеке’, *Кощей Бессмертный* ‘о крайне худом, злобном и скупом человеке’;

б) животных: *Лиса Патрикеевна* ‘о лукавом, хитром, пронырливом человеке, льстеце’;

в) жилище: *избушка на курьих ножках* ‘о ветхой и маленькой деревянной постройке’;

г) расстояние (пространство): *в тридевятом царстве* ‘очень далеко’;

д) волшебные предметы: *живая вода* ‘эликсир жизни; всё, что даёт человеку энергию, бодрость, силы’;

е) сказочное изобилие: *молочные реки и кисельные берега* ‘сытая и привольная жизнь, символ достатка и благополучия’ и т.д.

Среди названий лиц в первую очередь выделяются устойчивые формулы, называющие отрицательных фольклорных персонажей. Главным из них, безусловно, является *Баба-Яга*, злая, старая и безобразная старуха-колдунья, живущая в глухом лесу в избушке на курьих ножках и питающаяся человеческим мясом – в основном детьми, которых она заманивает в лес, а затем жарит в котле (БМС 2005, 36). Не случайно поэтому злую, сварливую, безобразную старую женщину и называют Бабой-Ягой. Семантически переосмыслилось и название жилища Бабы-Яги – *избушка на курьих ножках*, ставшее образным обозначением маленького, ветхого, неказистого строения. Особый интерес в этом выражении вызывает компонент *на курьих ножках*, происхождение которого имеет несколько версий. Первая из них связывает название избушки с древним способом строительства избы – так называемыми свайными постройками, где все столбы, предназначенные для фундамента, предварительно «обкуривались», т.е. обжигались на кострах, отчего и называли их *куреными*, или *курьими* (Липатов 1979, 168; БМШ 2000, 196; БМС 2005, 269). В соответствии со второй версией образное название избушки Бабы-

Яги идёт от тех деревянных срубов, которые, чтобы предохранить постройку от загнивания, ставили вместо фундамента на пеньки с обрубленными корнями. Одна из деревянных церквей в старой Москве, поставленная, из-за топкости места, на такие пеньки, называлась *Никола на курьих ножках* (Муравьев 1981, 79-80; Ашукины 1987, 147-148; БМС 2005, 269). Нельзя, однако, исключить и того, что в сказках действительно имелись в виду куриные лапы, ведь избушка могла поворачиваться, ср.: *Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.*

Среди переосмысленных названий животных особенно выделяется выражение *Лиса Патрикеевна* 'о хитром, двоедушном человеке, обманщике'. Лиса в русском фольклоре – символ хитрости, ловкого ума, что отразилось и в языке. Дополнительный компонент этого оборота – *Патрикеевна* – уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Возможно, что это определение восходит к имени литовского князя *Патрикея*, бывшего в 14 веке наместником Новгорода и вошедшего в историю тем, что он коварно и хитро посеял вражду между новгородцами (БМС 2005, 386).

3. Выражения, образованные на базе фольклорных свободных словосочетаний

Большинство фразеологизмов, образованных на базе фольклорных свободных словосочетаний, возникло в результате «сгущения» (термин А.А. Потебни), т.е. сжатия, содержания сказки, песни и т.п. Так, напр., значение выражения *на ходу подмётки рвёт (режет)* 'о ловком, плутоватом или об очень старательном, активном человеке' понятно лишь на фоне русской народной сказки о ворах, в которой рассказывается об уговоре между старым вором и молодым парнем. Старый вор был согласен взять его себе в товарищи лишь при условии, если он украдёт из-под дикой утки яйца, да так украдёт, что она не услышит и с гнезда не слетит. Пока старый вор подкрадывался к утиному гнезду, парень не только все яйца из гнезда повыбрал, да так, что птица и пером не шевельнула, но и мимоходом у старого вора из сапог подошвы вырезал (Вор. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева). Аналогичным образом возникли фразеологизмы *сказка про белого бычка* 'бесконечное повторение одного и того же с самого начала' (из «докучной» сказки, которой дразнят детей, докучающих просьбой рассказать им сказку); *битый небитого везёт* 'о ситуации, когда более слабый, неимущий вынужден выполнять обязанности сильного или богатого' (выражение – из русской народной сказки «Лисичка-сестричка и Волк», где побитый за проделки Лисы Волк несет на себе плутовку-лисицу, притворившуюся больной и слабой. – БМС 2005, 53) и др.

Среди фразеологизмов рассматриваемой группы особый интерес представляет выражение *сдуру, что с дубу* 'по глупости, не сообразив в чём дело', отмеченное уже в 18 веке, ср.:

Он все знает, все здешние места ему известны; рассказывает мне то, болтает другое; я, выведывая, не открываюсь: он *сдуру*, *что с дубу* говорит, что от роду помнит, и насаждал мне много такого, чего б мне иском не доискаться (Болотов, Записки).

...одни люди с крюку, а другие, глядя на сих мудреных предводителей и начальников зла, *с дубу* ругают, поносят и проклинаят мстителей, а об обидчиках не говорят ни слова, как бы они не имели пристойного человечеству дарования, то-есть здравого ума, чтоб рассудить, кто был начальник и родитель зла, мститель ли или обидчик... (Я.П. Козельский. Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года).

А.А. Потебня связывает происхождение этого выражения с народной сказкой: «Выражение *как с дубу* взято из следующей сказки: «Дурень взлез на дерево, скрываясь от разбойников, и оттуда бросил в них ступу» [...]; у нас выражение *как с дубу* применяется к неожиданному событию, сделанному *сдуру*» (Потебня 1894, 110). В. Васильев считает, напротив, что устойчивое выражение, поговорка *Сдуру, как с дубу!* рассчитана на продолжение: «ничего не возмёшь», тогда как «*сдуру*» и «*с дубу*» выступают в ней в качестве синонимов (ср.: *дуб* – о тупом, грубом, неотёсанном человеке) (Васильев 2001). Языковой материал показывает, однако, наличие семантической модели «упасть с дуба, дерева, берёзы и т.п. = вести себя странно, глупо, удивляя всех», ср. *с дуба рухнул кто; с дерева упал (свалился, рухнул, брякнулся) кто*, ср. также у В. Даля: «*наше авось не с дуба сорвалось, рассудительное*» (Даль 1, 8). Первичным в этом ряду является, по-видимому, компонент *дуб*, что связано с семантикой ‘тупой, глупый’, которую активно развивает это слово. Ср. переносное значение лексемы *дуб*, которое фиксируется в ТСРЯ: ‘о тупом, нечутком человеке’ (ТСРЯ 1992, 183). Аналогичные значения имеют производное *дубина*: ‘тупой, глупый, упрямый человек’ (Даль 1, 1240), а также идиомы *дубина стоеросовая* ‘то же, что дурак, болван’ (МАС 4, 269) и *дубовая голова* ‘о недалёком, тупом человеке’ (МАС 1, 451). Эта же семантика является ассоциативной основой фразеологизма *как с дубу рвёт* ‘придирается без причины, бестолково, зря’. Ср.:

(Мать) привязывается ко всякой безделице... ругает её наповал, *как с дубу рвёт*, упрекает её в таких вещах, которые девушке даже во сне не грезились. Григорович. В ожидании паромы. Ср. Сердит ноне – приступу нет! Со вчерашнего дня такой-то стал... И сами не знаем, что такое. Так вишь *с дубу и рвёт*. Григорович. Рыбаки. 2, 12. Ср. Языки-то больно долги у вас там, говорили бы да оглядывались, а то *сдуру как с дубу!* Мельников. На горах. 2, 23. (Михельсон 1902, 1, 406).

4. Выражения, образованные на базе малых фольклорных текстов

Устойчивые обороты этой группы образуются, как правило, на базе пословиц, присловий и загадок. Образование ФЕ на базе пословиц уже

довольно хорошо изучено, см., например, работы И.В. Абрамец, Ю.А. Гвоздарёва, Л.С. Паниной и др. Выделяются, как правило, три типа отношений между пословицами и образованными на их основе фразеологизмами:

1) ФЕ совпадает по своему компонентному составу с частью пословицы и полностью передаёт её содержание: *собака на сене лежит, сама не ест и другим не даёт* → *собака на сене*; *голод не тётка, пирожка не подсунет* → *голод не тётка*;

2) ФЕ совпадает по своему компонентному составу с частью пословицы, но передаёт лишь часть её содержания: *старого воробья на мякине не проведёшь* → *старый воробей*; *пьяному море по колено, а лужа по уши* → *море по колено кому*;

3) ФЕ совпадает по своему компонентному составу с частями пословицы, но имеет особое значение, лишь соотносительное с элементами значения или всем значением пословицы: *свой ум – царь в голове* → *без царя в голове*; *не терт, не мят, не будет калач* → *тертый калач* и т.д. (ср.: Гвоздарев 1977, 98-99).

В значительно меньшей степени изучено образование ФЕ на базе присловий (т.е. выражений, употребляемых в диалоге с целью яркой и однозначной характеристики предмета разговора): *если бы да кабы, во рту росли бы грибы, был бы не рот, а целый огород* → *если бы да кабы*; *хорош, когда спит зубами к стенке* → *спать зубами к стенке* ‘успокоиться, перестать быть агрессивным’ и т.д.

Изучение устойчивых оборотов, восходящих к загадкам³, представляет большие трудности, поскольку во многих случаях неясно, возник ли фразеологизм из загадки, или же загадка основана на фразеологизме, ср.: *В воде купался, сухим остался* (Гусь) и *выйти сухим из воды*; *Ни сучка, ни обручка, ни задоринки* (Яйцо) и *ни сучка, ни задоринки*; *пройду огонь и воду и конец мой – огонь и зубы* (Хлеб) и *пройти огонь и воду* и т.п. По справедливому замечанию Л.И. Ройзензона, «в подобных случаях нужны очень тщательные историко-этимологические разыскания, в основу которых должно быть положено комплексное изучение ФЕ и загадок» (Ройзензон 1975, 31). Первичность загадки и вторичность фразеологизма представляется очевидной в примерах типа: *Зарежет без ножа, убьёт без топора* (Смерть) и *зарезать без ножа*; *Зимой и летом одним цветом, осенью не увядает, зимой не пропадает* (Ель, сосна) и *зимой и летом одним цветом* ‘о чём-л. неизменном, постоянном’; *В огне не горит и в воде не тонет* (Лёд) и *в огне не горит и в воде не тонет* ‘о человеке, который в любых обстоятельствах умеет постоять за себя’ и т.д.

Таким образом, изучение способов образования фразеологизмов фольклорного происхождения позволяет вплотную приблизиться к

³ На связь народных загадок с фразеологией русского языка одним из первых обратил внимание Л.И. Ройзензон (Ройзензон 1975).

решению проблемы влияния языка фольклора на становление фразеологического фонда русского языка. Выявление этого влияния является одной из увлекательнейших задач русской исторической фразеологии.

Харри Вальтер, Грайфсвальдский университет им. Эрнста Морица Арндта,
Германия
walter@uni-greifswald.de

Студенческий фольклор как источник фразеологии

Органичной, хоть и достаточно обособленной частью фольклора, является вербальное творчество отдельных социальных слоёв или групп. Как особое сообщество можно рассматривать студенчество, имеющее свой специфический язык, особые традиции и собственно фольклор.

Европейское студенчество со времен средневековья всегда осознавалось обществом как особая страта, которой дозволен больший, чем другим, предел свободы. Литературные и исторические (в т.ч. мемуарные) источники в достаточной мере ясно свидетельствуют об «особости» университетского уклада жизни и о специфике «неофициального» времяпрепровождения европейского студенчества (Красиков 2011, 160). Студенчество XIX-XX вв., по словам исследователей, характеризовалось двумя важнейшими качествами: маргинальностью во всех гранях своего бытия и одновременно генетической преемственностью с интеллигенцией, однако, в отличие от интеллигенции, студентам присуща относительная свобода от пут статусности и, как следствие, раскрепощенность его социального поведения, выразившаяся в склонности к радикальному образу действий (Иванов 1999, 7; Анищенко 2007, 16–20). Будучи молодёжной по преимуществу, данная социальная группа отличается от прочих «эмоциональной взрывчатостью, резкостью, заостренностью, массовостью внешних форм протеста против академического и гражданского бесправия» (Иванов 1999, 7). Этим объясняется столь распространенное в студенческой среде вольнолюбие, достаточно вспомнить студенческий радикализм 1960-х гг., вылившийся в Студенческую революцию в США и ставший точкой отсчёта для научного переосмысления феномена молодости.

Несомненно, названные черты студенческой группы оказали непосредственное влияние на средства её самовыражения, прежде всего на язык, в том числе устойчивые выражения, а также на иные фольклорные жанры.

Несмотря на яркость самого феномена студенчества, его творчество

ещё только ждёт своих исследователей. Интернет-эпоха предоставила читателю ряд материалов, посвящённых современному студенчеству, его приметам, поверьям, специфическим ритуалам (предэкзаменационным, переходным и т.п.), анекдотам, устным рассказам, эпиграфике, сленгу и др. Несмотря на близость данной субкультуры большинству из нас, сама специфика её ещё не осмыслены, студенческое устное творчество и ритуалы не рассмотрены в кругу типологически сходных явлений традиционной народной культуры (как и других молодёжных и профессиональных современных субкультур), не прояснён должным образом и вопрос об их генезисе.

Ещё хуже обстоят дела с исследованием фразеологии данной субкультуры. Хотя и предпринимались попытки создать словари студенческого жаргона или сленга, см., например, (Краткий словарь 1997; Вальтер–Мокиенко–Никитина 2005), устойчивые выражения восточнославянских студентов всё ещё за пределами внимания лингвистов. Таким образом, судя по доступной научной литературе и публикациям в интернет-пространстве, студенческий русскоязычный фольклор только начинает входить в круг научных интересов.

Несколько иная ситуация в Германии, где история немецкого студенчества изучается с середины XIX века, в том числе в рамках Общества истории немецкого студенчества (*Gemeinschaft für deutsche Studentengeschichte*). Вербальное творчество немецких студентов также довольно неплохо изучено, достаточно упомянуть объёмный и прорабатывающий разные сферы жизни студентов словарь Роберта Пашке (*Paschke 1997: Studentenhistorisches Lexikon*).

Студенческий фольклор создаётся студентами и бытует преимущественно в студенческой среде, хотя отдельные, особенно яркие выражения переходят из студенческих аудиторий в более широкое речевое пространство, с течением времени теряя свои «университетские» корни (см., напр., *Walter – Mokienko 2011, 58; 229–230; 234–235; Walter 2013, 38; 94*). Это тексты, которые творят или переделывают студенты, тематически связаны с ситуациями, реалиями вузовской жизни. Можно наблюдать специфический свод поведенческих стереотипов и систему персонажей, которые, несмотря на постоянное обновление студенческой массы, весьма традиционны. «Многие темы в творчестве студентов практически не меняются со времен средневековых европейских университетов. <...> Основные конфликты с давних времён <...> – конфликты между студентами и профессорами, между студентами и горожанами, между студентами и властью, между студентами разных учебных заведений. Для студенческих традиций всех времён характерно прославление пьянства и свободы нравов, опровержение канонов» (*Шумов 2003, 165*).

Сегодня особенно прорабатываются темы экзаменов, приобщения «новичков» к нормам учёбы в вузе, общение с одногруппниками и с преподавательским составом, а также вечные темы отдыха и любви. При

анализе вербального компонента функционирования сообщества рассматривается его (общества) амбивалентный характер: подчеркнуто серьёзный и вместе с тем пародийно-смеховой, что выявляет двойственность мышления молодого человека.

Погружаясь в глубины студенческого фольклора, не всегда ясно осознаёшь его границы. Всё ещё не разрешёнными остаются вопросы, с чего начинается именно фольклор, а не продолжается студенческая молодёжная речь? Тождественны ли студенческие фольклор и жаргон? Такого рода вопросы требуют, естественно, детализированного ответа и должны стать платформой для социолингвистических, фольклористических и общефилологических дискуссий. В этом очерке я не претендую на исчерпывающий и однозначный ответ на них, а продемонстрирую глубину и потенциал отдельных выражений из немецкой традиции. Для анализа избраны такие немецкие слова и выражения, которые либо рождены в студенческой речевой среде, либо были креативно переосмыслены в ней таким образом, что стали популярными и передаются, как говорят фольклористы, «из уст в уста».

В Германии студенческий фольклор оказал значимое влияние на фразеологию, которая впитала немало образных слов и выражений из речи студентов. И сами носители немецкого языка не всегда распознают студенческий «след» во фразеологии такого происхождения.

Типичный пример – разговорный оборот **Verflixt (Verflucht) und zugenäht!** – популярное немецкое восклицание, выражающее сожаление, огорчение, возмущение по какому-л. поводу. Его буквальный смысл – *Проклято и зашито!* Русскими экспрессивными его эквивалентами являются **Проклятие!; Чёрт возьми (побери)! Чёрт!**

Обратимся к истории этого фразеологизма, происхождение которого вызывает дискуссии. Слово *verflixt* является эвфемистической заменой (с XIX века) более известного *verflucht* (Kluge 2002, 952). Одни этимологи считают его крылатым выражением из стихотворения „Und da fast täglich wie zum Hohn ihm Knopf um Knopf abgeht, / so hat er seinen Hosenlatz verflucht und zugenäht“ (Röhrich 2001, 5: 1670-1671; Müller 2004, 635) – букв.: «И почти ежедневно, как назло, у него пуговица за пуговицей отрывается, / поэтому он проклял и зашил свою ширинку». По мнению других исследователей, выражение образовано соединением слов *Zwillinge* (близнецы), *Hosenlatz* (ширинка), *verflucht* (проклят) и *zugenäht* (зашит), из которых некий рифмоплёт быстро сочинил стишок (там же). По третьему, ярко образному объяснению, оборот представляет собой расширенный вариант простого проклятия, напр., *Verdammt und zugenäht!*, *Verdammt juchhe!* (Seiler 1922, 274). Оно употреблялось в случаях, когда при единоборстве фехтующих студентов один получал тяжёлую рану лица, которую тут же нужно было зашить. Нередко в рану специально вкладывали конский волос, чтобы рана загнивала и оставляла более заметный след. Такой «ритуал» у студентов подчёркивал принадлежность

к одной из элитарных групп, а также воспринимался как своеобразная печать мужества.

Для объективного объяснения источника фразеологизма, как кажется, следует исходить из специфичного значения как всего оборота, так и его компонентов. Это проклятие означает, что произносящий его не потеряет самообладания из-за неудачи или несчастливого стечения обстоятельств, а будет далее стремиться к цели. Такую же семантику имеет параллельный оборот *Au, Backe!*, который также связан с нанесением удара по лицу, оставляющего глубокий шрам (*Mensur*). Связь со студенческой речью позволяет предположить, что выражение прямо восходит к шутливой студенческой песне. Она, по мнению Л. Рёриха, первоначально является цитатой из стихотворения Фрица Ройтера *Festungstid* («Время в тюремном бастионе») (Röhrich 2001, 5, 1670-1671), почти буквально совпадающего со словами этой песни:

„Als sie mir neulich unverblümt die Folgen uns’rer Lieb’ gesteht,
da hab’ ich meinen Hosenlatz verflucht und zugenäht“.

(букв.: Когда она недавно откровенно показала последствия нашей любви, то я проклял и зашил свою ширинку).

Песня имеет и продолжение:

„Doch als sie gar zu sehr geflennt,
hab’ ich ihn wieder aufgetrennt“.

(букв.: Но поскольку после этого громко рыдала, я ширинку снова открыл) (Kürper 1993, 875).

Рифмованный характер песни и сохранившая ритмическая структура доказывают, что песня и фразеологизм генетически связаны. Следовательно, выражение *Verflucht (Verflucht) und zugenäht!*, имея фольклорно-песенную основу и опираясь на обычаи студенческой молодёжи, долго сохраняло «цитатный» характер студенческой субкультуры, прежде чем перешло в обыденную речь, выражая сожаление или огорчение.

Яркая образность, экспрессивность и стремление к каламбурам всегда отличали вербальное творчество студентов. Одним из источников создания экспрессии является народная этимология, когда случайное созвучие позволяет обыграть исходный образ. Так, в студенческой среде XIX века родилось выражение **unter aller Kanone** (разг.): *О чём-л. очень плохом, не удовлетворяющем самым простым требованиям; что-л. плохого качества* (букв: под всеми пушками). Русскими эквивалентами, пожалуй, являются выражения **ниже всякой критики**; *что-то не выдерживает [никакой] критики*; **хуже всего**; **хуже не бывает**; **не фонтан**; **не фасон**; **ниже среднего**; *что оставляет ожидать (желать) лучшего (многого)*; **низкой пробы**.

Латинское сочетание *sub omni canone*, буквально означающее «ниже всяких критериев» (Duden, Bd. 11, 317), было шутливо переосмыслено. Лат. *canon* (образец, правило, предписание, канон) здесь означает «шкалу

оценки, по которой учитель оценивал работу ученика» (*optime, bene, sic satis, male, pessime*). То, что было ниже такого «канона», характеризовало крайне плохую успеваемость ученика. В речи учеников лат. *cánon* было шутливо переосмыслено на основе немецкого слова *Kanone* ‘пушка’. Последнее слово, хотя этимологически и связано с первым (они оба происходят от греч. *kanna* ‘труба’), очень отличается по значению от своего латинского «прародителя» (Olschansky 1999, 75). Столкновение этих значений рождает каламбур, поскольку образ чего-то, находящегося ниже всей пушки, явно абсурден и абсолютно непонятен носителю немецкого языка.

Ещё один каламбур, основанный на народно-этимологическом обыгрывании опорного слова, – **einen Kater haben** (разг.): *Быть в плохом физическом и психическом состоянии после [чрезмерного] потребления алкоголя; быть с похмелья – быть с бодуна* (прост.). Для носителя немецкого языка он кажется прозрачным – иметь кота (см. синонимическое выражение *einen Katzenjammer haben*). Но сразу возникает вопрос: каким образом кот связан с похмельем? Ответ на этот вопрос даёт студенческая речь XIX в., где в результате народно-этимологического германизирования слова *Katarrh* и появился наш кот (Olschansky 1999, 76). Л. Рёрих утверждает, что выражение возникло в языке студентов г. Лейпциг, где являлось особенно известным в форме *seinen Kater spazieren führen* (букв.: выгуливать своего кота), *einen Kater ausführen* (букв.: выгуливать кота) ‘мучиться с похмелья’. «Отсюда и шутка, известная в студенческих кругах: «Каждый раз происходит (зоологическое) чудо, когда обезьяна за одну ночь превращается в кота» (Röhrich 2001, 3, 816). Как *Kneipe* и *kneipen*, слово *Kater* перешло из студенческого жаргона в народную речь. Слово считалось вульгарной формой слова *Katarrh*, сказанного по-саксонски, что в разговорном языке означает не что иное, как ‘насморк’, ‘плохое самочувствие’ и ‘головная боль’. Таким образом, первоначально этот *Kater* не имел ничего общего с названием домашнего кота и лишь позднее был истолкован именно так, особенно в тех регионах, где саксонская форма произношения была неупотребительной или непонятной.

Вместе с тем данное объяснение, предложенное Ф. Клуге, является не совсем убедительным, т. к. уже в биографии немецкого писателя Фридриха Кристиана Лаукгарда (Friedrich Christian Laukhard, 7 июня 1757 – 28 апреля 1822), т. е. между 1780 и 1790 г. встречается фразеологическое сравнение *besoffen wie ein Kater* (букв.: пьяный как кот) (Röhrich 2001, 3, 816). Очевидно, что слово *Kater* в данном выражении подразумевает всё-таки домашнего кота. Сама его форма напоминает шведское *full som en kaja*, *full som en alika* ‘пьяный как галка’. Подобное сравнение может нас, конечно, удивить: почему, собственно, кот, если в сравнении фигурирует птица? Тот же вопрос напрашивается и в связи с немецким выражением *besoffen wie ein Besenstiel* (букв.: пьяный, как метла), как и со многими

другими выражениями этого рода, – напр. *saufen wie ein Bürstenbinder* (букв.: пить как щёточник). Действительно, мы часто употребляем подобные сравнения чисто механически или в таких контекстах, где они являются, в общем-то, бессмысленными и служат единственно для усиления эмоций.

Фразеологическое сравнение *besoffen wie ein Kater* могло также появиться по аналогии с выражением *verliebt* (влюблён) или *geil wie ein Kater* (букв.: похотливый как кот). Появление выражения *besoffen wie ein Kater* благоприятствовало употреблению слова *Kater* = *Katarrh* в значении ‘похмелье’. *Katzenjammer* (букв.: горе кота) в этом же значении появилось, в свою очередь, в начале XIX в. в академических кругах Гейдельберга. Сначала оно было известно в языке балтийских студентов, а затем Й. Гёррес (J. Görres), К. Брентано (Clemens Wenzeslaus Brentano de La Roche; 9 сентября 1778–28 июля 1842), И. Эйхендорф (Joseph Karl Benedikt Freiherr von Eichendorff; 10 марта 1788–26 ноября 1857) и другие романтики того времени ввели его в литературное употребление (Röhrich 2001, 3, 816). Принимая во внимание множественность объяснений этимологии оборота *einen Kater haben*, несомненно то, что распространение его и насыщение особой экспрессией происходило именно в студенческих кругах, где алкоголь зачастую сопровождал молодёжные вечера (см. и Райкова 2009, 26–48).

И ещё один, кроме похмелья, посталкогольный «итог» – тошнота и рвота, охотно и продуктивно фразеологизированное во многих языках состояние человека, особенно известное в русском языковом пространстве как **поехать в Ригу** (разг. шутл.); **исполнить арию Рыгалетто** (разг. шутл.). В немецком языке фразеологизм **den heiligen Ulrich anrufen (rufen); nach Kotzebude fahren** (шутл., иноск.): *О человеке, которого тошнит и рвёт; блевать* (букв.: звать святого Ульриха; звонить святому Ульриху; в г. Коцебуде – *kotzen* (фам.) ‘блевать’) также обязан своим происхождением студенческой речи XV в. (Kürper 1993, 861). Имя Ульрих используется в выражении оноματοпоэтически, как подражание звуку, производимому при рвоте (Olschansky 1999, 152; Duden Bd. 11, 152). Ср. чеш. *honit Davida*, образованное шутливой парафразеологизацией глагола *dávit* ‘тошнить, рвать’. Приведённые русские эквиваленты образованы также подобным звукоподражательным способом. К ним можно добавить и «специализированные» шутливо-иронические обороты из русской молодёжной речи: *Ихтиандра звать (вызывать)* ‘о рвоте в унитаза’; *снегурочку пугать* ‘то же’; *делать/сделать снегурочку* ‘о рвоте на себя’. В ряду русских синонимов есть и оборот, который является свидетельством русско-немецких языковых контактов: *сделать Франц хераус* ‘вытошнить’. Его записал великий «собиратель слов» Владимир Иванович Даль, прекрасно знавший немецкий язык (ДП 1957, 401) – возможно, в солдатском обиходе. Прямое влияние немецкого языка ощущается и в словен. *klicati Urha [na pomoč]*, которое, по мнению известного

словенского фразеолога Я. Кебера (Keber 2003, 134; 2011, 1016), образовано от нем. *den heiligen Ulrich anrufen, in Sankt Ulrich rufen*. При этом Я. Кебер приводит и другой синонимичный шуточный оборот, образованный по той же типологической модели, – *praviti (peti) rigoletto* (букв.: говорить (петь) [артию] риголетто) (там же).

Ассоциации со столь неприятными физиологическими состояниями возникают и при обращении уже собственно к учебному процессу, правда, в финальной его части, когда нерадивый студент *ein Durchfall hat* – проваливается на экзамене. Шуточный оборот **Durchfall haben (erleben)** (разг.-шутл.): 1. *Не сдать экзамен, потерпеть неудачу на экзамене; проваливаться/провалиться на экзамене; уходить/уйти несолоно хлебавши*. 2. *Проиграть на выборах; потерпеть неудачу на сцене* (букв. в современном немецком языке: *иметь, пережить провал*) построен на обыгрывании двузначного слова *Durchwall*, которое имеет значения ‘провал’ и ‘понос’. И в этой двузначности кроется каламбур.

Но конкретная история этого выражения иная. Фразеологизм является сокращённым вариантом устаревшего и неупотребительного сейчас оборота *durch den Korb fallen* (букв.: провалиться через корзину). Он восходит к старому судебному обычаю: в качестве штрафа для определённых поступков провинившегося ставили на всеобщее обозрение в корзину. Неожиданно дно корзины открывалось, и виновный «проваливался в воду» (Röhrich 2001, 1, 346). Другое толкование предлагает Х. Кюппер, который прямо связывает его с историей выражения *jmdm. einen Korb geben*, относящегося к отказу при сватовстве и позднее (с XVIII в.) переосмысленного в студенческой речи (Kürper 1993: 184). Следовательно, первоначально – даже при различии двух версий – оборот значил *durch den Korb fallen* ‘провалиться сквозь корзину’.

Характерно, что слово *Durchfall* в значении ‘провал на экзамене или на сцене’ оказывается более новым, чем глагол *durchfallen* ‘провалиться, потерпеть неудачу’, который зафиксирован с XVI в. именно в значении ‘потерпеть неудачу при сватовстве’ (Kürper 1993, 184-185). Это не случайно, поскольку сущ. *Durchfall* омонимически совпадает с обозначением такой бытовой болезни, как расстройство желудка, понос. Известно, что при страхе и волнении человек испытывает симптомы именно такого рода, ср. нем. *jmdm. geht der Arsch auf Grundeis* или рус. *наложит в штаны со страха, обкакаться* ‘сильно испугаться’, а также шутовское русское обозначение расстройства желудка – *медвежья болезнь*. Шутовская экспрессивность, созданная столкновением омонимов лексемы *Durchfall*, – одна из причин популярности соответствующего выражения. В других языках, где закрепилась калька с нем. *durchfallen*, ассоциации с расстройством желудка не возникает – напр., бел. *паваліцца на іспытах*; укр. *провалитися на іспиті*; англ. *to fall through*. Известны и эквиваленты с иной образностью, напр., укр. *азнати невдачі; азнати фіаско*; пол. *oblać/ oblewać egzamin*; *ponieść fiasko*; чеш. *mít lítací den; utrpět fiasco*;

словацк. *mať lietací deň; utrpieť fiasko*; словен. *dáti komu košarico*; англ. *to fail, to flunk*.

И последний фольклористический поступок, который нередко пугает иностранных гостей. Стучать костяшками пальцев по столу – так немецкие студенты традиционно приветствовали профессоров и преподавателей в университетах. В настоящее время такое действие уже реже употребляется в высшей школе и университете в качестве приветствия, теперь таким способом обычно благодарят преподавателя за прочитанную лекцию или в академической жизни просто выражают подтверждение предложения, согласие со сказанным и т. п.

Постучав по столу костяшками пальцев, можно поприветствовать и компанию за столиком кафе или столовой. Такое постукивание согнутым пальцем по крышке стола в знак приветствия или прощания встречается сегодня в Германии повсюду, но надо иметь в виду, что подобный жест допустим только в кругу хорошо знакомых между собой людей.

Топать ногами (mit den Füßen trampeln) – выражение очень положительной оценки в студенческой аудитории (правда, редкое) или приветствия в цирке, варьете (но не на концерте!). *Шаркать ногами (mit den Füßen scharren)*, наоборот, выражение отрицательной оценки в студенческой аудитории, большого недовольства сказанным или манерой чтения лекции (в XVIII в. студенты в такой ситуации били кулаком по столу). В студенческой аудитории обычай постукивания по столам зафиксирован с начала XIX в.

Некоторые лингвисты считают, что постукивание по столу – лишь результат того, что студенты в одной руке держат ручку и тем самым руками не могут аплодировать (проф. Нотгер Хаммштайн, историк во Франкфурте-на-Майне, Notker Hammerstein, Frankfurt am Main. (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,1190176,00.html>. Дата обращения: 7.5.2017).

Но сам такой обычай постукивания намного старше. Уже в древности воины в знак поддержки вождя или одобрения сказанного стучали по своим щитам, поскольку у них в руках было оружие и щит и не оставалось свободной руки для аплодисментов. В средние века, как отмечает директор университетского архива университета в Вене Курт Мюльбергер (Kurt Mühlberger), в знак согласия стучали по щитам, напр., во время судебных процессов (<http://science.orf.at/science/ays/76206>. Дата обращения: 6.5.2017). В своих письмах (II в. н. э.) римский историк Корнелий Тацит (Cornelius Tacitus) пишет, что «вольные германские мужчины» в древнем парламенте Тинг (Thing) в знак согласия ударяли своими копьями друг о друга („De situ et origine germanorum“ – «О происхождении германцев и местоположении Германии»). Несогласие или

отказ от предложения выражался громким ворчанием-ропотом. Тацит замечает, что Тинг был не только законодательным, но и судебным органом: «На таком народном собрании можно также предъявить обвинение и потребовать осуждения на смертную казнь». Показателен также другой отрывок из книги античного историка: «Бросить щит – величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях и появляться в народном собрании». Оружие в то время могли носить лишь мужчины, достигшие определённого возраста, имеющие достаточные средства для его приобретения или изготовления, прошедшие соответствующее посвящение (инициацию). Налицо строгий половой, возрастной, имущественный, морально-этический и национальный ценз. Возможно, этот древний германский архетип в какой-то мере и сохраняется в студенческой привычке постукивать пальцами в знак одобрения услышанного. Корпоративный, социально чётко очерченный характер этого жеста, который был ещё более актуален в студенческих корпорациях XVIII–XIX вв., свидетельствует именно о таком социальном адресате этого архетипа. Истоки этого обычая связаны с бытом ремесленников. По свидетельству самого большого знатока истории студенчества в Германии, Роберта Пашке (Paschke 1999, 30-31), именно у ремесленников такой обычай был весьма актуален уже в средние века. В цеховых корпорациях ремесленников обычай стучать по столу был приветствием при встрече и знаком признания «своего», причём – *auf den Tisch klopfen* – и при голосовании, когда этот жест означал согласие.

Возможно, что символика одобрительности, имплицированная в обычае немецких студентов, имеет и мифологические корни. Ведь в какой-то мере она перекликается с другим жестовым фразеологизмом, характерным также для германских культур – **[dreimal] auf Holz klopfen** – (букв. [трижды] постучать по дереву). Насколько такая семантическая связь вероятна – судить читателю.

Древние истоки германского обычая объясняют различие в поведении студентов на понравившихся им лекциях или публичных выступлениях. Русские студенты, желая выразить одобрение преподавателю, хорошо прочитавшему лекцию, начинают аплодировать; немецкие же в такой ситуации с той же целью стучат костяшками пальцев по столу (Мальцева 2002, 163). «Стук согнутым пальцем по столу – высший знак одобрения у немецких студентов», – с удивлением пишет об этом обычае один из наших современников, Л. Стржижовский, в книге о Германии «Деньги – господа». И такое удивление вполне понятно. Ведь в русском жаргоне, перешедшем в просторечие, символика стука – совсем иная. Во времена сталинских репрессий многие «стучали», т. е. писали доносы и выдавали сообщников, и такое действие имело совершенно иные последствия для тех, на кого «стучали», чем тот «стук», которым выражают одобрение в Германии.

Определяя типы и характер связей вербального творчества немецких студентов с народной и массовой культурой, зримо выявляются представления о специфических особенностях жизнедеятельности студенчества как социальной группы. Анализ устойчивых выражений студенческой субкультуры позволяет выделить основные признаки фольклорности – устность, безличность, традиционность, вариативность, полифункциональность. В целом студенческое творчество даёт мощную возможность молодым людям в переживании коллективной идентичности и творческой самореализации.

Лев Михайлович Рязановский, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
rjasanowski@mail.ru

Фольклорная формула как один из важнейших источников фразеологии (на примере формулы невозможного в немецком языке)

Статья посвящена происхождению фразеологизмов из фольклорных формул (общих мест, *loci communes*), которыми пронизаны все жанры устного народного творчества. Из множества формул выбрана формула «невозможного», употребляемая для иносказательного выражения понятий «никогда» и «нигде» в немецкой фразеологии. Корни этой формулы уходят в так называемую «поэзию бессмыслицы» (*Poesie des Unsinnns*), в названиях жанров которой присутствует слово «Lüge» (ложь): *Lügenmärchen*, *Lügendieder*, *Lügenschwänke*... и так до историй Мюнхаузена. В этих жанрах ложь считается искусством, мы видим нагромождение различных невероятных ситуаций, совмещение несовместимых вещей с целью развлечь, рассмешить, удивить слушателя. Помимо смеховых жанров, формула невозможного типична и для народной лирики, где она употребляется для завуалированного выражения понятия «никогда» в драматических ситуациях – при прощании, отказе, проклятии и т.п. Формульные устойчивые сочетания, употребляемые также в клятвах, пожеланиях, пародиях и заговорах, могут прямо или с небольшими синтаксическими изменениями переходить во фразеологию. Так, при исследовании ФЕ со значением «никогда» в немецком языке выявлено более 400 единиц в различных фразеосемантических моделях.

Формульность является одной из типологических универсалий фольклора. В отношении народной лирики А.Н. Веселовский писал: «То, что мы зовём народной лирической песней, не что иное как разнообразное сочетание тех же простейших мотивов (то есть формул). Эти формулы, «типические общие места, *loci communes*», устойчивые словосочетания, не связанные с определённым сюжетом и лежащие в основе народных песен. Формулы служат анализу психологического содержания: формулы печали,

расставания, привета, в эпической песне есть формулы боя, столования и т.д.; тот же стилистический Домострой» (Веселовский 1940, 272). Формульность отмечена как закономерность художественной системы не только мировой народной лирики, но и других фольклорных жанров. «Формула представляет устнопоэтический канон, она не только фиксирует традиционные смыслы, но и воплощает их, устанавливая тождество формы – смысла» (Мальцев 1981, 20).

Из множества фольклорных формул мы выбрали для рассмотрения формулы «невозможного» (термин П.Г. Богатырёва), выражающие отрицание с помощью иносказаний, то есть это никогда (и нигде) и ни при каких обстоятельствах не может случиться. Формула исследовалась в славянском, русском и немецком фольклоре. Чтобы понять природу этой во многом специфической формулы, необходимо обратиться к так называемой поэзии бессмыслицы (*Poesie des Unsinn*s). Исследователи этой поэзии, в частности, утверждали со ссылками на Платона и Шопенгауэра, что поэты – это лжецы, а сама поэзия – это искусство лжи. Ведь не случайно немецкое слово *Gedicht* (стихотворение) родственно со словами *erdichten* (выдумывать, фантазировать), *Erdichtung* (выдумки). Содержание формул, заполняющих такую поэзию, представляет собой нагромождение невозможных, невероятных, несовместимых друг с другом вещей, которые восходят к смеховым фольклорным жанрам, в названии которых присутствует слово *Lüge* (ложь): *Lügenmärchen*, *Lügendieder*, *Lügenschwänke* (сказки-небылицы, песни-небылицы, шванки-небылицы).

Самыми древними являются *Lügenmärchen*. Старейшая дошедшая до нас сказка «*Modus florum*», написанная на латыни в стихах, относится к началу XI века. В сказке король объявляет, что отдаст свою дочь за мастера лжи. Из претендентов объявился один шваб, который рассказал, что убил зайца, из правого уха которого вытекло 100 шеффелей мёду, из левого уха выпало много золотых монет, а из хвоста он извлёк грамоту, в которой написано, что король является слугой шваба. «Грамота врёт, как и ты», – вскричал король, признав таким образом мастерскую ложь, и шваб победил. Королевская дочь как награда за искусную ложь – это частый сюжет в сказках-небылицах. Пользуясь этим искусством, можно выиграть разные крупные призы, иногда оно спасает от смерти. При этом главным является не столько сама ложь, а интенсивность оскорбления, которым сопровождается признание вранья в виде возгласа типа *das ist nicht wahr!* (это неправда!).

Частым сюжетом в старых сказках является подъём рассказчика на небо по кочану капусты, по стеблям проса или гречихи и обратный спуск по верёвке из мякины, из волос, овса и т.д. После спуска он оказывался на лошади «длиной в два дня и шириной до полудня» (*Zwei Tage lang und bis Mittag breit*). Такие истории перерастают в истории Ганса Клаудерта (*Hans Claudert*), изданные в 1587 году. Там лошадь, на спине у которой вырастал лес, была уже длиной в 7 миль, и если она поворачивалась, то сидящие у

головы оказывались за 14 миль (Müller-Fraureuth 1965, 7-9). В подобных сюжетах формируется новый вид лжи – перевёрнутый мир (*verkehrte Welt*), которому посвящено множество песен-небылиц (*Lügenlieder*).

В этих песнях, большая часть которых приходится на 14-15 век, всем лицам и вещам приписываются качества, которых у них быть не может. Здесь нанизываются друг на друга различные невероятные сочетания, противоречащие друг другу вещи, мир ставится с ног на голову (*verkehrte Welt*). В этих песнях редко что-нибудь связано между собой, их невозможно анализировать, и только иногда сквозь бессмыслицу проглядывает какой-то смысл.

Приведём несколько цитат: *Ein krebs ein hasen will erlaufen* (рак хочет догнать зайца); *wer baden will einen rappen weiß* (кто хочет отмыть ворона добела); *do sach ich eine schneck den lewen töten* (я видел, как улитка убила льва); *ein haus bauen auf einer Nadelspitze* (строить дом на кончике иглы).

К песням о перевёрнутом мире относятся и песни о лечении, о курьёзных медицинских рецептах, о докторе Айзенбарте (*Eisenhardt*), который не лечит, а калечит:

*Auch macht er die geraden lahm,
Ein Gutwerk hat er nie getan,
Er kann die gesehenten plint machen,
Und den gesunden vertreiben das lachen.*

Einen hat er pracht von dem leben (Прямых он делает горбатыми,/ ни разу никому не помог,/ зрячих делает слепыми,/ а здоровым становится не до смеха./ Одного он лишил жизни) (Müller-Fraureuth 1965, 13).

И, наконец, только в перевёрнутом мире возможны вещи и ситуации, которые содержатся в песнях о стране Шлараффии (*Schlaraffenland*). В этой стране больше всего ценятся вруны (*Lügner*). Название страны произошло от с.-в.-н. *slur* (лентяй), в XIV в. возникло ругательство *slur-affe* (букв. процветающий бездельник). Ещё в 1494 г. Себастьян Брант пишет о *Schluraffenlandt*, а в 1530 г. у Ганса Закса мы видим *Schlauraffen landt*, где он использовал текст нюрнбергского майстерзингера, убрал грубые места и создал классический вариант (Röhrich 1982, 852).

Вот фрагмент описания сказочной страны: Через 3 мили за Рождеством лежит страна, попасть в которую можно, только если прогрызёшь стену из пшённой каши толщиной в три мили,... дома там покрыты блинами, балки из сала, заборы увязаны сосисками, фонтаны бьют вином, на ивах по берегам молочных рек созревают булки, жирные рыбы плывут, а жареные голуби летят прямо в рот, крестьяне растут на деревьях, под которыми уже стоят для них сапоги, лошади несут яйца, кто спит, получает почасовую оплату, самый ленивый становится королём... Образы сказочной страны очень древние, уходят в ещё более древние мифы разных народов. Они дополняются, например, русско-славянскими образами кисельных берегов (Мокиенко 1999, 325), французскими (*Cucania*): 4 раза в год Пасха и Фашинг, пост один раз в 20 лет;

английскими: попадают в страну только те, кто стоял 7 лет в свином навозе и не думал о Боге.

Квинтэссенцией всех песен и сказок (в смысле употребления нашей формулы) стала книга о Финкенриттере (*Lügenbuch* 1599). В эту книгу вошли с многократным усилением все сюжеты сказок и песен, которые были до неё. Финкенриттер рассказывает сюжет ради перевёрнутых и невероятных ситуаций, создавая их, во-первых, с помощью простейшего приёма – это совмещение атрибутов абсолютно противоположного смысла у одних и тех же предметов (*contradictio in adjecto*) – ср.: *ein hübscher, hässlicher junger, alter Mann* (красивый, безобразный, молодой, старый человек). Другие приёмы: перепутывание членов предложения – ср.: *Vorigen Handschuh verlor ich einen Herbst* (прошлую перчатку я потерял осень); объект действительности делается субъектом перевёрнутого мира – ср.: *die Gänse brieten den Koch* (гуси зажарили повара); *der Hase fängt den Hund* (заяц ловит собаку); субъект выполняет чужие действия – ср.: *da bellen die Bauern; da grunzten die Hähne und krächten die Säue und brüllten die Hühner* (тут лают крестьяне, хрюкают петухи, кукарекают свиньи и ревут куры) (Müller-Fraureuth 1965, 19). Помимо этого, ещё множество других курьёзов, которые были популярны раньше, а теперь частично сохранились в народном языке в виде формул, фразеологизмов в качестве замены *Nirgends* (нигде) и *Nie* (никогда), а также как эвфемистические ответы на вопросы. Целью подобного наслоения всяческих несуразностей в указанных жанрах – рассмешить, удивить, поразить слушателя.

Другую цель преследует создание различных «невозможностей» в жанре народной лирики. В лирической песне понятие «никогда» возникает в решающие моменты действия: при прощании, при отказе (жениху или невесте), при проклятии. Обычное слово *niemals* кажется здесь слишком прозаичным, невыразительным, и отрицание описывается то в шутку, то всерьёз. Вместо *niemals* народная песня говорит: *Bis der Birnbaum wird Äpfel tragen, dann soll mein Trauern Ende haben* (моя скорбь будет продолжаться, пока на груше не вырастут яблоки) (Häften 1895, 168). Как правило, формула лирической песни состоит из двух частей: *Wenn es Donau eintrocknet, dann heiraten wir* (когда Дунай высохнет, тогда мы поженимся). Этим она отличается от формул смеховых жанров, где присутствует только одна инверсия.

Формула употребляется, помимо указанных жанров, в клятвах, пожеланиях, в заговорах, загадках, пародиях, в сказках в качестве зачина. Из фольклорной формулы невозможного произошло множество фразеологизмов. Только во фразеосемантическом поле «никогда» выявлено более 400 фразеологизмов, примерно столько же в поле «нигде», много их и в других полях, где есть понятие невозможности. Фольклорная формула, подвергаясь не очень большим изменениям, может почти напрямую переходить во фразеологию. П.Г. Богатырёв назвал её «оксюморон в действии». Так, само название страны *Schlaraffenland*, являющееся, по сути

дела, фантастически окрашенным синонимом слова *nirgends*, стало источником ряда ФЕ: *wie im Schlaraffenland leben; ins Schlaraffenland gehören* (Röhrich 1982, 851, 852). Многие фразеологизмы уже не употребляются в языке, значительная часть осталась в диалектах и лишь немногие – в литературном языке. Можно предположить, почему остались именно эти выражения, например, *am Sankt Nimmerleinstag* (в день св. Никогда). Главный компонент ФЕ называет фиктивного, выдуманного святого. Поскольку структурная модель с подлинными именами святых является распространённой, а имя *Nimmerlein* в разных диалектах произносится по-разному (*Memmerle, Jemmerle, Bemperle, Hämmerle* (Рязановский 1997, 26), то незнакомое имя иногда принимали за настоящего святого, тем более, что были распространены пародии на религиозные тексты, где фигурировали фиктивные святые, например, *St. Nemo*, житие которого было известно во всей Европе. Оборот с компонентом *St. Nimmer(lein)*, входящий в систему формулы невозможного и поддержанный мастерами слова (Б. Брехт увековечил выражение отдельной песней), активна в языке до сих пор.

Другой активный фразеологизм *Wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen* (когда Пасха и Троица придутся на один день) содержит названия двух главных праздников, разделённых временным отрезком в 49 дней. В модель невероятного совпадения входят названия и других праздников, но центром модели является самая стабильная и известная пара – это Пасха и Троица, неразрывно связанные друг с другом.

В формуле невозможного также много совмещений времени с нереальным для этого времени природным явлением. Ср.: *Weihnachten im Sommer passt zu den Rosen im Schnee* (рождество летом подходит к розам в снегу); *Zu Pfingsten auf dem Eise* (в троицу на льду); *am kalten Montag, als die frau den peltz verprent zu mitternacht in der sonn* (в холодный понедельник, когда у жены выгорела шуба на солнце в полночь).

Проделанный анализ позволяют сделать следующие выводы:

- 1). Формула невозможного представляет собой несколько вариантов, она может быть словосочетанием, предложением и целой ситуацией.
- 2). Большинство формул возникло в смеховых жанрах, а также в лирических песнях.
- 3). Формула является потенциальным источником фразеологизмов, а каждое её воплощение – это потенциальная ФЕ.
- 4). Сохранение формульных ФЕ зависит от активности функционирования самой формулы в фольклоре и семантического состава оксюморонного сочетания.

Фольклорные фразеологизмы в современном социокультурном контексте: по щучьему велению

Фразеологизмы фольклорного происхождения (*быльём поросло, за тридевять земель, рожки да ножки, сказка про белого бычка* и др.), по данным словаря «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко (Мелерович–Мокиенко 1997, 92-94, 147-148, 581-583, 656-657), активно используются в «литературно-публицистической речи» XIX-XX вв., подвергаясь различным индивидуально-авторским трансформациям. Приобретая новые смыслы и расширяя диапазон своих формальных вариаций, фольклорные фразеологизмы функционируют и в текстах современных масс-медиа ресурсов. Исследование такого материала целесообразно как в структурно-семантическом аспекте, так и в прагмалингвистическом плане.

Проследим динамику содержательной структуры и формальные преобразования фразеологизма *по щучьему велению* в Интернет-коммуникации по материалам 2006-2016 гг.

Фразеологизм *по щучьему велению* [*по моему хотению*] – ‘чудесным образом, само собой’, восходящий к тексту и названию русской народной сказки, не зафиксированный нами в течение последних 10 лет в живой разговорной речи (студенты, городская интеллигенция, сельские жители в возрасте от 18 до 50 лет), активно используется в интернет-публицистике.

Опираясь на интерпретацию Е.П. Прохорова взаимосвязи публицистики и современной действительности (Прохоров 1973), А.А. Терпычный относит к интернет-публицистике тексты таких сетевых изданий, как Lenta.Ru, REGNUM, Internet.Ru, Газета.ru, Грани.Ру, Дни.Ру, Drive.ru, Membrana.ru и др., материалы блогосферы и социальных сетей, посвящённые актуальным проблемам современности и обладающие высокой социальной значимостью, психологической близостью для аудитории, яркой нацеленностью авторов на выражение личного мнения с целью воздействия на читателя в значимом, с точки зрения публициста, направлении (Терпычный 2014, 8-9). С этой прагматической целью в интернет-публицистике и используются фразеологические единицы, обладающие таким категориальным свойством, как экспрессивность (Мокиенко 1980, 4), например, в политически маркированном тексте: ... *Будто после создания единого выстрадавшего поколениями национально-озабоченных создателей, воистину академического каталога всех многочисленных врагов русского народа, на Руси тотчас прекратится по щучьему велению коррупция и криминал* (Sunhome). Это вовсе не

означает, что, как только вы выбросите на свалку истории Януковича и его уголовную камарилью, то Украина, **словно по щучьему велению**, станет равноценной сестрой благополучной Швейцарии или Австрии (Sunhome), в актуальных для молодежи инструкциях по бодибилдингу: **По щучьему велению** плечи не увеличатся. *Ширина фигуры – как таковая – на силовые показатели влияет мало* (Sunhome), в популярных словесных интернет-мемах, построенных на языковой игре: *И сказал директор «АвтоВАЗа»: — По щучьему велению, по моему хотению, езжайте, вёдра, как-нибудь сами!* (Inpearls) и др.

Как отмечает И.Ю. Третьякова (Третьякова 2015, 125), авторские интенции определяют отбор фразеологизма, способного передавать суждение о ценности именуемого объекта, эмоционально воздействуя на адресат, впечатляя его своей яркой образностью. Средством, усиливающим силу воздействия текста на адресат, является трансформация фразеологической единицы (ФЕ) в соответствии с задачами дискурса и авторским творческим замыслом (Третьякова 2015, 125).

Замена компонента как один из видов структурно-семантических трансформаций ФЕ дает возможность модифицировать фразеологическое значение (например, в случае с оборотом *по щучьему велению, [по моему хотению]*: ‘чудесным образом, само собой’ → ‘определенным образом, по чьей-л. инициативе’) и конкретизировать речевой смысл ФЕ, когда новый атрибутивный компонент указывает на инициатора какого-л. действия, субъекта волеизъявления, пожелавшего, приказавшего что-л., распорядившегося о чём-л.: *По щучьему велению, по КГС хотению* – заголовок материала о повышении земельного налога Киевским городским советом (Jurliga); *Астраханская школа: когда по «щучьему велению, по нашему хотению» не выходит* (заголовок материала о планах реформаторов системы образования и невозможности их осуществления на практике) (Ast-news); *Не по щучьему велению, по «налоговой» хотению Хомяка в тюрьму закрыли, теремок снести забыли. Опустел домишко лишь, сразу появилась мышь* (фельетон в стихах о незаконном строительстве и сокрытии налогов) (Athenaeum).

Таким образом, можно констатировать функционирование в интернет-публицистике двух конкретизирующих трансформационных моделей данного фразеологизма: а) *по щучьему велению, по ЧЬЕМУ хотению* – с чисто формальным сохранением сказочного «зачина», не участвующего в формировании нового фразеологического значения; б) *НЕ по щучьему велению, по ЧЬЕМУ хотению* – с использованием стандартного преобразования в первой структурной части ФЕ – перехода утвердительной формы в отрицательную (Мелерович, Мокиенко 1997, 41) с целью интенсификации нового значения оборота.

Трансформированный фрагмент фольклорного фразеологизма (*не по щучьему велению*) используется и без конкретизирующей второй части, когда необходимо подчеркнуть и положительно оценить достижение

результата своими силами, например, в названии музыкально-хореографической постановки для детей (Kultura) или в сказке про Ивана-байкера, который, получив от щуки мотоцикл, затем всего в жизни добился сам (Sinus).

Показать неприменимость сказочной формулы успеха к современным условиям удастся и без обращения к трансформации ФЕ, а исключительно за счёт этимологизирующего контекста: указание на сказочное происхождение оборота позволяет противопоставить сказку и реальность, опровергнуть исходный смысл оборота: *Так бывает в сказке, "по щучьему велению, по моему хотению", но сегодняшняя школа – это далеко не сказка! Застывшие на уровне знаний нашего литературоведения 1950-60-х годов и заматеревшие, "забронзовевшие" в своем невежестве учителя, забывшие, когда они в последний раз были в библиотеке и брали в руки современную научную монографию, апатичные, скучающие школьники, слушающие на уроке набившую оскомину жвачку о "лишних людях" и "маленьком человеке"... И все это разработчики новой программы надеются преодолеть одним сокращением списка текстов! Какая наивность!* (Uchitel).

Интерпретация текста сказки «По щучьему велению» в эзотерике, психологии, теории манипулирования личностью приводит к расширению сферы функционирования оборота *по щучьему велению*.

Так, из материалов портала «Дом солнца» (Sunhome), раскрывающих эзотерический смысл детских сказок, мы узнаём, что «щука – это символ ведического знания. Когда богиня Лада со своим мужем Сварогом творили этот мир, она разрубила щуку на 12 частей и положила в 12 котлов». Емеля, видимо, обладавший ведическим знанием, использовал словесную формулу (*по щучьему велению*), которая, действуя через «щучье божество», открывала труднодоступный канал, совершающий исполнение желаний, изменяющий законы мира. Отсюда – рекомендации использовать эту формулу в рамках психологических техник личностного и духовного роста, например, предлагаемых на сайте «Как стать счастливым человеком» (Jivu) в цикле «Простые чудеса» или в «Курсе практического волшебства» и позволяющих постоянно ощущать гармонию с миром, уверенность в своих силах, собственную полноценность, значимость своей жизни, способность достигать поставленных целей, материального и эмоционального благополучия.

В социальных сетях и на различных интернет-порталах функционируют и «непрофессиональные» группы и форумы «волшебников», пытающихся осуществить свои желания посредством сказочной формулы привлечения удачи и рассказывающих об этом с различными оттеночными коннотациями. Такие контексты использования выражения *по щучьему велению* в его первичной «дофразеологической» функции важны в плане социокультурологического исследования ценностных приоритетов и целевых установок представителей современ-

ной русской лингвокультуры. Здесь можно выделить топики (приведем наиболее представленные темы): желания, связанные с состоянием здоровья (*По щучьему велению, по моему хотению, апатия, сонливость, стресс, усталость, – уйдите, исчезните; По щучьему велению, по моему хотению пусть вся семья быстренько выздоравливает и радостно встречает осень с хорошим настроением*), с работой и учебой (*По щучьему велению, по моему хотению пусть у меня появится новая замечательная работа; По щучьему велению, по моему хотению диплом сам напишешь и сам защитишь, ГОСы сами сдайтесь, и красный диплом мне в руки*), с любовью, интимными отношениями (*По щучьему велению по моему хотению, взаимная любовь, войди в мою жизнь; По щучьему велению, по моему хотению, ночь любви с Н. Д, состоись*), материальным благополучием (*По щучьему велению, по моему хотению, долг погасишь 15 июля; По щучьему велению, по моему хотению, чтобы я сегодня выиграла 2 миллиона и купила квартиру без ипотеки; По щучьему велению, по моему хотению, деньги в сумме 50 000 долларов, появятся*) (Vk.com).

В теории и практике манипулирования личностью оборот *по щучьему велению* терминологизируется и используется как наименование особого манипуляционного приёма, смоделированного в народной сказке. И.Л. Корчагина, автор «Большой энциклопедии манипуляций» (Корчагина 2009), рассуждает: почему Щука, такая могущественная, просит Емелю выпустить её? Она же способна выполнить любое хотение, а значит и спастись. Выходит, она сама дала себя поймать, она манипулирует Емелей. Скрывая своё истинное намерение, она обращает к Емеле притворные мольбы: отпусти меня, только ты в состоянии быть моим великим спасителем. В такой ситуации самооценка Емели повышается, он чувствует себя героем. А затем становится настоящим богатырем, сильным и умным, достойным мужем для царской дочери. Таким образом, Щука раскрывает личностный потенциал Емели, но не только. Она действует и в личных интересах – делает себя необходимой Емеле, который постоянно обращается к ней за помощью, так и её жизнь наполняется смыслом, становится значимой для другого человека. И.Л. Корчагина рекомендует использовать манипуляционный прием «по щучьему велению» в супружеских отношениях и при воспитании детей (Корчагина 2009).

Реклама как инструмент манипулирования сознанием также обращается к фразеологизму *по щучьему велению*. Здесь он используется как наименование предлагаемого потребителю продукта. Такой рекламный ход апеллирует, прежде всего, к эмоциям адресата, когда срабатывают положительные коннотации фразеологизма, а мотив номинации определяется ассоциативно-тематическими связями компонента *щучий* с именуемой реалией – рыбной закуской, набором детских игрушек для ванной: *Приготовьте по этому рецепту закуску «По щучьему велению», постарайтесь купить хорошую рыбу, которую будет удобно фаршировать* (Ovkuse); *«По щучьему велению» — это игрушки, которые*

развлекут ребёнка во время водных процедур (Detmir). В других случаях прототип фразеологизма тематически не привязан к именуемому продукту, но качество товара должно соотноситься в сознании потребителя с мелиоративным оценочным компонентом значения ФЕ: Фейерверк «По щучьему велению» из категории «Средние батареи салютов» выпускают 49 залпов калибром 0,8 дюйма. Фейерверк «По щучьему велению» позволяет устроить красочный фейерверк продолжительностью 30 секунд (Funnyfire), Огурец «По щучьему велению F1». Холодостойкий. Не требует формирования (Vhoz).

Использование ФЕ *по щучьему велению* в качестве названия фирм и компаний сферы отдыха и развлечений, торговли, рекламы, производства мебели и т.п., зарегистрированных в Москве, Санкт-Петербурге, Сургуте, Новосибирске, Уссурийске, должно, по замыслу номинаторов, убедить потребителя в успешности фирмы и базируется на филологической пресуппозиции: фоновые знания адресата позволяют ему расшифровать мотив номинации в заданном направлении: свою работу фирма выполняет быстро и качественно – как по волшебству, как в сказке.

Таким образом, фразеологизм фольклорного происхождения *по щучьему велению* устойчиво сохраняет в сознании носителей языка свою связь с сюжетом народной сказки. Эти фоновые знания обеспечивают активное функционирование оборота в самых разных сферах межличностного взаимодействия, в том числе в Интернет-коммуникации, как в исходной форме, так и в структурно-семантических трансформах, характерных и для других фразеологизмов. Специфическим для данного оборота является расширение сфер его употребления, терминологизация в теории манипулирования личностью и использование в качестве эргонима – наименования фирмы, предприятия. В актах ономастической и терминологической номинации также реализуется лингвокультурологический потенциал фразеологизма.

Лина Бронисловна Воробьёва, ПсковГУ, Псков, Россия
lina5558@yandex.ru

Языковая образность устойчивых выражений в псковских сказках⁴

В последнее время интерес к проблеме изучения произведений народного творчества заметно усилился: не только фольклористы, но и этнографы, лингвисты, психолингвисты стали заниматься анализом фольклорных текстов.

⁴ Работа подготовлена в рамках реализации международного гранта (РГНФ/РФФИ №16-24-04001).

Каждый народ вкладывает в фольклор свой бытовой и социальный опыт, жизненную философию, обусловленную историей, мировоззрением и бытом определенной среды, поэтому мир сказки сложный и многогранный. Говоря о художественной системе фольклорных жанров, В.П. Аникин отмечает наличие в них разных типов тропов, близких им сравнений и параллелизмов. Специфичность эпоса обнаруживается в самом качестве фольклорной образности – в тематическом сравнении предметов и явлений, в выборе основания для сравнения, сопоставления и замещения (Аникин 1996, 331).

Мы попытались определить роль сравнений, в том числе устойчивых сравнений (УС), в художественной системе псковских сказок, выявить связи сравнительных образов с самыми разными сферами материально-культурной и общественной жизни. Рассматривались единицы, извлеченные методом сплошной выборки из текстов сказок мультимедийного издания «Народные сказки Псковского края» (2014).

Анализ многочисленных текстов сказок показал, что использование в них сравнений связано с характеристикой человека (его внешности, речевой деятельности, физических качеств и физиологических состояний, черт характера, поведения), с характеристикой событий, явлений природы, вещей, окружающих человека и осмысляемых человеком. Благодаря своему ассоциативно-образному происхождению, сравнения передают богатейшую гамму человеческих эмоций.

Образы большого числа компаративных единиц восходят к универсальным явлениям животного и растительного мира, бытовым представлениям, истории, духовной культуре (обрядам и суевериям, религиозным представлениям). Как правило, они строятся на переосмыслении основных, наиболее общих признаков, черт, свойственных этим явлениям. Именно эти группы сравнений стали объектом нашего описания.

Многие исследователи обращают внимание на то, что распределение УС по семантическим разрядам неравномерно, не все области объективной действительности получают отражение в компаративных единицах; одни семантические группы охватывают большое число УС, другие представлены единичными оборотами. Так, Л.А. Ивашко заметила, что «наполненность тех или иных групп находится в прямой зависимости от коннотативной насыщенности фразеологизмов. Богаты и разнообразны группы оценочных ФЕ, связанных с характеристикой человека, его физических и психических особенностей, действий и состояний (причём более многочисленны фразеологизмы с пейоративным значением), ФЕ, выражающие понятия количества, меры и степени» (Ивашко 1981, 8).

Материал псковских сказок подтверждает, что наибольшее количество сравнений в них относится к тематической группе «Человек». Материал сказок подтверждает справедливое замечание И.А. Подюкова о том, что в народной самооценке, в устойчивых характеристиках внешности

человека преобладают аналогии с реалиями окружающего мира, и первое, что бросается в глаза, – это чрезвычайная детализированность в описании внешности (Подюков 1990, 95–96).

В отличие от общерусских народных сказок, где устойчивыми сравнениями характеризуется рост человека (*мужичок с ноготок, борода с локоток; растет словно тесто на опаре*), в псковских сказках не обнаружены сравнительные примеры роста человека. Но в целом внешность описывается: *Марфута уже невеста, пора б замуж выдавать, да никто не хочет даже плевать: леная; как палка, чёрная, нескладная!* («Маша и злая мачеха»); *А вор-то перепачкался в такую липучую, потом в перья перекатался, перья – весь как чёрт сделался и сидел наблюдал, когда они будут играть* («Вор Фоныга»); *Во, брат Демьян, как нас объагорил Иван: ходить разодетый, как атаман!* («Про Ивана-бездельника»).

Так как действующими лицами сказок часто являются животные, то их внешность получила отражение и в сравнениях. Например: *Он пошёу на мельницу, увесь обкачаётся у муку, стау белый, как коза.* – о волке («Про козу-дерезу»); *Наелась она [коза], что бочка, наелась* («Коза-рогоза»); *Такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать!* – о жеребце («Сивка-Бурка»); *Сидел, сидел, наутро поглядел и видит: Сивчик-Бурчик, такой красивый, как в сказке сказать!* – о коне («Сивчик-Бурчик»).

В сказке «Про невестку, свёкра и внучка» дается характеристика внешности черта: *Вылез дедушка, вот такой, с рогам, лохматый, вот таки копыты (широко размахивает руками). Вылез, – говорить, – такой, – говорить, – как козёл.*

В псковских сказках достаточно примеров, с помощью сравнений характеризующих действия человека или качество действия: *Мужик был плюгавенький такой, усяво на свете боялси, трясси, што лист, ну, етот, на бярэзине* («Удачный выстрел»); *Маша проснётся и реветь. ... Завела, как волчонок, каждый день воеть, до чего ж надоела!* («Маша и злая мачеха»); *Оженил Иван своих Иванов, набрал невесток Марей, да как взялись за дело, как виши за тело!* («Иван с женой да три Ивана с Фомой»); *А в мяня будет учоный, будет что сыр в масле кататься!* («Царь Дадон»); *Дал парень дочке лекарство – и всю хворь как рукой сняло* («Есть ли правда на свете»).

В связи с тем, что действующими лицами сказок являются не только люди и животные, но и мифологические существа, сравнительная характеристика дается и их действиям: *Слезла и давай начала это дерево зубами грызть. Грызёт зубами, как пилой пилит!* – о Бабе Яге («Васятка и Баба-Яга»); *Ваня дал осилку, тот загрел с лошади, как гром, и насмерть сразу!* («Сивка-Бурка»).

В данной статье нами не только сделана попытка дать идеографическое описание сравнений, обнаруженных в псковских сказках, но и представлена тематическая классификация лексики, выражающей образную основу сравнений.

Образные стержни псковских сказок условно мы разделили на 7 тематических групп:

1. Наименования частей тела (соматизмы).
2. Наименования, связанные с растительным миром (часть дерева).
3. Наименования, обозначающие представителей животного мира (домашние и дикие животные, насекомые).
4. Названия явлений неживой природы (атмосферные явления).
5. Наименования предметов и явлений бытовой сферы (предметы домашнего обихода, продукты питания).
6. Наименования мифологических существ.
7. Наименования лиц по должности.

Анализ сравнительных компонентов (образных стержней) вскрывает их органическую связь с традиционной символикой, когда окружающая действительность, преломляясь в сознании людей и приобретая символическую интерпретацию, отражается в языковой семантике.

Человеческое тело на основе мифологических интерпретаций может быть представлено как система символов, в которой объединяются духовное и материальное начала. Сравнение *как рукой сняло* наряду с такими фразеологизмами русского языка, *как живой рукой* ‘очень быстро, молниеносно’, *на скорую руку* ‘быстро, без большой затраты времени’ передают характер протекания действия с временным оттенком.

Несколькими примерами представлены сравнения, основанные на переосмыслении признаков и свойств, характерных для тех или иных растений. Сравнение *дрожать (трястись) как осиновый лист* в значении ‘испытывать страх, боязнь; трястись от страха’ в псковской сказке имеет сокращенную структуру: *трясси, что лист*. Сравнение связывают с преданием, что на осине повесился Иуда-предатель, и осквернённое Иудой дереву суждено якобы вечно дрожать (Бирих и др. 2005, 386).

Ассоциации, положенные в основу сравнений человека с животными (*белый, как коза; воет, как волчонок; как козёл*), основаны на наблюдениях человека над внешностью и поведением этих животных, поэтому внутренняя форма этих сравнений прозрачна и не требует дополнительных разъяснений.

Несмотря на то, что в целом в русских сравнениях явно преобладают наименования вредоносных насекомых (муха, комар, паук, таракан, клоп и др.), что обусловлено отрицательными свойствами насекомых вообще, их связью с «нижним миром» и нижней частью мирового древа (корнями), связью с нечистой силой (духами, демонами, злыми божествами), а положительный символический смысл, как правило, связан только с пчелой, образ вши в псковской сказке «Иван с женой да три Ивана с Фомой» является положительным. Сравнение *взялись за дело, как вши за тело* характеризует людей, начавших что-л. делать с большим рвением, очень старательно.

Известно, что в народных традициях уподобление человека солнцу, грому, вихрю переводит его в ранг природного объекта, зачастую подчеркивая исключительность того или иного свойства или действия. В сказке «Сивка-Бурка» обнаружено сравнение *загреметь как гром (Ваня дал осилку, тот загремел с лошади, как гром, и насмерть сразу!)*, которое подчеркивает ассоциации, вызванные неожиданностью, стихийностью проявления данной природной силы, а также звуковое сходство.

Образы сравнений с названиями предметов быта, орудий труда, использованных в псковских сказках, связаны, как правило, с внешним видом реальных, специфическими их качествами: *толстый как бочка (Наелась коза как бочка); как палка, чёрная, нескладная; грызёт зубами, как пилой пилит.*

Устойчивое сравнение *будто сыр в масле кататься*, характеризующее чью-л. богатую, обеспеченную жизнь в полном достатке, отражено книжным языком уже с XVII века. Народное сравнение с сыром, катающимся в масле, отражает процесс переработки молока, известный издавна в русской деревне. Слово *сыр* в этом выражении обозначает ‘творог’, а, как известно, сыр-творог и коровье масло – крестьянские символы жизненного благополучия, сытости и довольства (Бирих и др. 2005, 683).

Представления о внешнем виде чёрта сложились под влиянием книжной традиции и визуальных форм религиозного искусства. Чёрт уродлив, страшен, грязен; как правило, это заросшее шерстью, с торчащими кверху волосами существо (Березович–Виноградова 2012, 520). Сравнение *как чёрт сделался* в псковской сказке построено на внешнем сходстве героя (вора) с чёртом: он перепачкался в чём-то липким, а потом перекатался в перьях.

В «Большом словаре русских народных сравнений» *как атаман* имеет значение ‘о властном, удалом, бойком, решительном и отважном человеке’ (Мокиенко–Никитина 2008, 24). В сказке «Про Ивана-бездельника» сравнение строится на характеристике внешности, на что указывает левая часть сравнения: *разодетый, как атаман.*

Таким образом, в результате выделения тематико-идеографических групп сравнений стало очевидно, что преобладающими являются единицы, характеризующие внешность человека или животного. Анализ сравнений показал, что они, образно, ярко и наглядно характеризуют человека и предметы окружающей действительности, являются не только способом наименования, но и точным средством оценки обозначаемого.

Иван Алексеевич Подюков, ПГГПУ (Пермь, Россия)
podjukov@yandex.ru
Екатерина Николаевна Свалова, ПГГПУ (Пермь, Россия)
svalova87@mail.ru

Обрядовые паремические пожелания в русских говорах Пермского края

Жанр пожелания в диалектном общении – один из наиболее развитых и семантически нагруженных. По своей семантике жанр предполагает демонстрацию благожелательности и своего интереса к делам адресата речи, изъявление желания говорящего (в одних случаях добра, в других чего-либо негативного). Функционально пожелания расцениваются либо как проявление вежливости, либо речевой агрессии, с их помощью говорящий выражает надежду на будущее благополучие в жизни адресата или (при конфликтном общении) сулит ему неприятные последствия. Как отмечает Н.А. Трофимова, перечень событий, обуславливающих появление этикетных пожеланий, в современных европейских языках (в частности, в немецком) невелик: расставание, прием пищи, отход ко сну, болезнь, деятельность, планирование свободного времени; русской же культуре свойственно применение пожеланий по существенно большему количеству поводов (Трофимова 2008, 77, 79). Заметим, что в русском диалектном общении ситуаций применения пожеланий еще больше (прием пищи, отъезд гостей, поход в баню, чихание, охание, подготовка ко сну, упоминание покойного или нечистой силы, надевание обновы, пробование первых ягод и овощей, занятия типа стирка, выпечка, ткачество, доение коровы, стрижка овец, «благословение» строительного инструмента перед работами и пр.).

Распространенным средством выражения пожеланий являются устойчивые речевые формулы, которые, по определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, представляют собой особый вид идиом, перформативных по своей природе, выражающих речевой акт и привязанных к конкретной ситуации (Баранов–Добровольский 2008, 79–80). Эта прикрепленность формул к определенной ситуации предопределяет их полиинтенциональность: пожелания как многофункциональный жанр могут быть совмещены с благодарностью, приветствием или прощанием, выступать как магический заговор, брань, проклятие. Нередко имеет место отщепление высказывания от обрядовой закреплённости, что, в частности, демонстрирует бранный посыл *Иди ты в баню под девятое бревно* (используется и как шутивная формула удаления, и как выражение крайнего нежелания видеть кого-л.). Выражение связано с архаичным восприятием бани как места, связанного с «переделыванием» человека. Этой же идеей мотивированы многочисленные способы лечения баней (ср. отправление бессонницы *под девятое бревёшко: Бессонница-*

полуношница, иди под девятое бревёшко. Как девятое бревёшко лежит да спит крепко, так и дитё пусть спит и лежит крепко. Аминь, аминь, аминь; заговор нашептывают на святую воду и после слов умывают ребенка, а оставшуюся воду выплескивают под девятое бревно дома – Якимово, Нытвенский район). Образ *девятого бревна* в выражении воспринимается как вполне условный (таков и «бессмысленный» зачин плясовой *Суковатое девятое бревно, дружка милого не видела давно* (Традиционная культура Тверского края 2014, 19). Фактически же образ соотносится с принятой в прошлом строительной практикой брать девятым бревном сруба особо крепкое, не гниущее (лучше суковатое) дерево, т.к. на него устанавливались окна: брёвна под окном быстрее сгнивали. Образ сохранился и в поговорочных выражениях *на девятое бревно скачет* арх. ‘о подвижном, энергичном человеке’ (АОС 10, 403), *высикивать (усикивать) на девятое бревно* арх. ‘сильно ругать, бранить кого-л.’ (АОС 10, 402), где еще ощутимы сближения этого образа с идеей крепости. Изначально же *девятым бревном* маркировалась зона переходности, что, собственно, и учтено в посыле *Иди ты в баню под девятое бревно!* Значима для формирования семантики выражения и символика числа *девять*, замыкающего счёт и способного символически представлять открывающееся новое (избывали болезнь *девятью банями*, брали при гадании для обмазывания лица сажу с *девятого банного бревна*). Поздний собственно бранный смысл выражения формируется уже другими ассоциациями – намеками на нарушение гигиенических табу, как и в общеизвестном ругательстве *Иди в баню!*

Высказывания-пожелания в повседневной речи обычно связаны с поверхностно вежливым общением, являются условно-формальными этикетными знаками. Для крестьянской среды они более полноточны, поскольку в традиционной культуре больше обряда, чем условного, автоматически исполняемого ритуала, и этикет в ней не отделен окончательно от обряда. Отличий бытовых и обрядовых ситуаций несколько. Прежде всего, обрядовое общение связано с высоким душевным напряжением, с глубоким эмоциональным переживанием происходящего как позитивного, так и негативного характера и, по словам Ю.М. Лотмана, является «внепрактическим» (Лотман 1992, 249). Таковы, в частности, мотивы использования в народной речи проклятий. Пожелание умершему ненавистному человеку *Как бы день, так бы тебе (в землю) на сажень!* («Радио тогда было – кругляш, в избе-то, и вот передают: «Сталин умер». А я думаю: «Как бы день, так бы тебе сажень» – Воскресенское, Уинский район) отличает особая инвективная сила в связи с сознательным нарушением народного императива «об умерших не говорят плохо», поскольку, говоря так, человек берет на себя роль обвинителя и судьи, т.е. присваивает функцию Бога, к которому отправилась душа умершего.

Обряд обычно связан не с общением типа «человек-человек», а направлен на стихийные силы природы, трансцендентные существа, контакты с которыми «способны» обеспечить благополучие человека. Как и в собственно заговорной традиции, в обереговых формулах может использоваться обращение к законам природы. Слова, которые говорятся утром, чтоб не сбился дурной сон, основаны на обращении к непреодолимой силе движения времени: *«Сон чтоб не стал, надо утром перво сказать – куды ночь, туды и сон. И всё, не сбудется»* (Лобанова, Юрлинский район). Осуществление желаемого связано не с говорящим, который сам не способен на указанное действие, посыл учитывает неизбежность наступления очистительного рассвета, имеющего силу, над которой никто не властен.

Среди обрядовых пожеланий принято выделять благопожелания, недобрые пожелания-посылы, проклятия; Л.Н. Виноградова и Т.А. Агапкина называют также благопожелания-приветствия, благопожелания-заклинания, благопожелания-тосты, благодарственные благопожелания и т.п. (Агапкина – Виноградова 1994, 176); О.В. Мешкова, кроме того, выделяет благопожелания-поздравления, благопожелания-просьбы, благопожелания-наказы (Мешкова 2010). Обрядовые пожелания часто произносятся одновременно с выполнением того или иного символического акционального действия. Например, пожелание долгой совместной жизни молодым в свадебном обряде связывается с дарением полотенца: *«Связывали молодых поясом. Длинное-длинное расшитое полотенце брали и молодых обвяжут. Говорят: «Чтоб вместе были, чтоб жизнь была долгая, как это полотенце»* (Архангельское, Юсьвинский район). В данном случае формула закреплена в обрядовой акции, где используется особый культовый предмет с медиаторной функцией (полотенце) и производится особое символическое действие (завязывание узла как символическое скрепление). Связаны с эпизодом свадебного дарения и другие формулы, очевидные в следующих описаниях: *«Сваха подарки подносила. Горсть монет у неё было. Высыпает их на блюдо и говорит: «Это медь, троих детей вам иметь»* (Кунгур), *«Как молодых спать вести, ломают корчагу и говорят: «Сколько кусочков, дай Бог столько же сыночков»* (Пожва, Юсьвинский район). Упомянутое в последнем случае битье посуды имеет в народной культуре магический, продуцирующий смысл, отражает архаическое представление о глиняной посуде как вместилище жизненной силы. Приведенные примеры демонстрируют также ритмическую и фонетическую обработанность обрядовых паремий, развёрнутость их в текст (более развёрнутая текстовая структура формул способствует и меньшему выветриванию сакрального и символического смысла входящих в них компонентов). Любой обряд подразумевает особый тип поведения и способ мышления: при исполнении обряда люди чувствуют и думают «не как всегда». Поэтому художественная обработанность обрядовых высказываний противопоставля-

ется автоматизму повседневной речи, соотносится с эстетическим переживанием говорящего. Художественная форма усиливает веру в магическую силу слова, формирует значимую для обряда равноценность слова и действия, способствует выполнению обрядовыми формулами магической функции: сакрализация в них часто осуществляется именно ритмикой, игрой слова, лексическими средствами (Левкиевская 2002, 239).

Обрядовые формулы-паремии в пермских говорах отмечены во всех обрядовых традициях – в календарной, семейной, хозяйственной, магической и пр. Разнообразие устойчивых высказываний соотносится, например, с таким событием народного календаря, как весенний «Праздник ледохода», или «Проводы льда». При «дарении» реки на уходящий лед бросали монеты, хлеб, приговаривая: «*Дарю тебя, вода, храни меня*» (Добрянка) (см. подробно: (Podiukov 2016, 21). Формула основана на известном многим культурам сакрально осмысленном образе вешней (полой) воды, символизирующей очистительную стихию (ср. сходный ритуал пермских башкир: женщины и дети бросали на льдинку монеты, кукол со словами *Беҙҙең ауырыуҙарҙы алып кит, беҙгә оҙон ғүмер бир!* («Унеси наши болезни, дай нам долгую жизнь»!)).

В семейной обрядности пожелания применяются в родинной, рекрутской, свадебной, похоронной обрядности наравне с другими акциональными действиями. Пожелание покидающему родительский дом новобранцу *Господи Иисусе, вперед не суйся, сзади не отставай, в серединочке болтайсь* (Зарубина, Юрлинский район) имеет заговорный смысл и содержит наказ остаться невредимым. «Сила» паремии-напутствия создается и за счет молитвенного зачина, и за счет противопоставленных образов центра – периферии (указаний на символическое сходство первого и последнего как крайних и потому опасных точек начала и конца и на безопасное нахождение в центре). В родинной традиции показательна паремия *Господи, одну душу прости, другую на свет пусти*, которая говорила при трудных родах. Она отражает религиозное восприятие родов (вообще рождения человека) как Божьего наказания и содержит призыв на помощь Бога. Пожелание родившей девочку *Дай Бог вскормить-вспоить, красну девку сохранить (да за прялку посадить)* также строится как просьба-обращение к Богу и одновременно как наказ (в прошлом по умению девушки прясть судили о достоинствах будущей невесты). Воспринимаемое также как наказ пожелание родившей мальчика *Вспоить-вскормить да на коня посадить* (Монастырь, Гайнский район) содержит отсылку к старорусскому выражению *на коне сидеть* (откуда современное эллиптированное *на коне* «в почетном, привилегированном положении»), которое связано с древнерусским *сесть на коня* «собраться в поход».

Насыщенность формулами отличает все эпизоды свадебного обряда (см. подробно Свалова 2012). Семантика отказа закреплена в формулах,

которые произносятся в завершении свадебного пира: «*Добрые люди, ближние люди, попили-поели, а теперь пора гостям к лешему. Добрые люди, дальние люди, разъезжайтесь, ближние люди, расходитесь*» (Пож, Юрлинский район). В этой же ситуации может использоваться и более грубый посыл: «*Угостили в последний день, ухват выносят – конец, мол, гости, убирайтесь в дыру*» (Усолье). Используемое здесь бранное пожелание (ср. пермское бранное *Каку дыру надо?*, где *дыра* прочитывается как эвфемическое к *vulva*) вписывается в общую установку на «антиповедение» участников обряда на его завершающей стадии; бранные слова, замыкающие ритуал, здесь, несомненно, носят магический, обереговый характер.

Пожелания в похоронной традиции используются как средства «задабривания» смерти, как обереги. Слова в адрес встретившейся похоронной процессии *Канун да свеча, Канун да ладан* содержат упоминание названий атрибутов обряда церковного отпевания, которые в народном православии воспринимались и как обереговые. В момент последнего прощания с умершим на кладбище произносят слова, которые обеспечивают невозможность встречи живого человека с умершим: «*Дорога с дорогой не сходятся, расстань с расстанью расходятся, и мы с тобой разошлись. Тебе эта дорога, мне другая. Аминь. Аминь. Аминь*» (Лызиб, Соликамский район). Обереговый смысл фразы основывается на соотношении живого и мертвого как двух расходящихся перекрестков дорог (в связи с восприятием перекрестка как прерывания, «перечеркивания» пути).

Хозяйственные обрядовые паремии приурочены к самым разным ситуациям и обрядовым моментам. Слова *На старо место пень да колода, на ново – путь да дорога*, которые говорились при покупке и переводе коровы на новое место, призваны «закрыть» привычную животному дорогу к старым хозяевам (выражение строится на совмещении противоположных по семантике фольклорных символов, ср. аналогично в пожелании уходящему в путь *Злому, лихому – пень да колода, доброму – путь да дорога*). В высказываниях взаимодействуют фольклорный бином *пень-колода* (частый в заговорах образ полной – как по горизонтали, так и по вертикали – преграды на пути) и устойчивое сочетание *путь-дорога*, в котором объединены синонимические обозначения пути, в совокупности представляющие возможность беспрепятственного движения.

Пожелания отпускаемому остриженному животному (многочисленны и крайне разнообразны в говорах) строятся на метафорических аналогиях: *Сняла зипун, надевай шубу!* (Фоки, Чайковский район), *Тебе шубка, мне зипунок* (Сёйва, Гайнский район), *Убежи лебедем, прибежи хохликом!* (Карагай). В последнем случае, очевидно, ассоциативно-цветовой признак заменен общепозитивным смыслом, дополнительно задействованы связи лебедь – снег, холод, овца – шерсть, тепло (по народной примете, *Лебеди улетают – к снегу*). В пожелании

остриженному животному могут быть ипользованы и не типичные для славянской культуры мотивы. Таково зафиксированное в Северном Прикамье пожелание овце *лететь*: *Летай филином, прыгай зайчиком, никому не поддавайся – ни собакам, ни волкам; Через семь жердей лети, никому не поддавайся!* (Сёйва, Гайнский район). Позитивное уподобление кого-л. филину, ночной хищной птице, в русской культуре нетипично; филин, ночная хищная птица, считался у славян нечистым; известно, что его громкие крики пугающе действуют не только на людей, но и на животных. Почитание этой птицы, понимаемой как помощник в борьбе со злыми духами, более характерно для финноугорских народов (у манси, вогулов филин осмысляется как тотемное животное).

Практически уподоблено обряду использование рыбацких и охотничьих промысловых пожеланий, которые обычно строятся по принципу «от обратного». Выражение *Рыба в воду, чёрт на уду, кривохвостик на крючок* (оханское) формально является недобрым пожеланием: с помощью вербальной формулы рыбака виртуально «лишают» улова (*рыба в воду*) и насылают на него нечистую силу, способную навредить промыслу (*чёрт на уду*) или вообще заменить добычу (*кривохвостик на крючок* – от диалектного *кривохвостик* ‘черт’). На самом деле использование подобных формул (ср. также *Ни хвоста, ни плавников, Ни рыбки ни хвоста, Лешачок в сачок!*) является типичным «обманным» пожеланием неудачи из эвфемических соображений, отголоском древней веры в то, что рыба, зверь «слышат» промысловика, связано со стремлением подчинить себе не только рыбу, но и самих духов, её охраняющих. Аналогично выстроено охотничье пожелание *Ни рогов ни копыт!*: пожелание «неуспеха» в деле призвано скрыть истинный смысл намерений промысловика (к тому же отрицается в приведенных примерах не добыча как таковая – мясо, мех животного, а то, что не представляет интереса для добытчика (рога, копыта). В шутовском пожелании неудачи охотнику *Мясо мясоятам, кожа коженятам!* также охотнику желают остаться без добычи (пересылая её мифическим *мясоятам* и *коженятам*). Неологизмы *мясоята* и *коженята* поддерживают шутовской характер выражения, за счет их введения охотник как бы устраняется из дела.

Разнообразны в говорах обереговые формулы, защищающие от колдуна: *Спица в глаз, переломись да в другой воткнись* (Осинцево, Суксунский район), *Колдун, фигу заколдуи* (при этих словах, которые говорят тихо, нужно сложить фигу – Ст. Пашня, Карагайский район); *Колдун, колдуи свой х..и! Колдун, не колдуи, а п..здуи!* (Одинцово, Карагайский район). Часто они, как видим, включают бранные слова, которые в народной традиции нередко используются как средство оберега и очищения. В этих выражениях бранный грубый посыл восстанавливает свой исходный смысл как средство обороны.

Формулы пожеланий представляют собой синкретичные тексты, в которых отражены принятые в конкретной этнической культуре жизненные ценности. Как и сами обряды, они обычно связаны с изменением социального статуса и вообще жизни человека, с их помощью осуществляется общение участников с коллективной традицией, устанавливается связь между предками и потомками, прошлым и настоящим, реализуется общение с высшими силами. Применяемые в обрядах формулы-пожелания являются вербальным регулятором поведения их участников, поскольку они выработаны коллективным опытом и закреплены в традиции. Ярко выраженная магическая функция обрядовых пожеланий тесно связана с моделирующей функцией: произнесение их и одновременное выполнение определённых действий моделируют «настоящее» и «будущее» в структуре обряда. Их применение носит условный характер и является частью символического поведения участников ритуала.

Ирина Владимировна Кузнецова, Чувашский ГПУ
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары
irinak47@yandex.ru

Благопожелания обрядового фольклора как источник устойчивых сравнений

Взаимодействие фразеологии и фольклора давно привлекает внимание исследователей. Их взаимопроникновение рассматривается в разных ракурсах (см. работы К.М. Гюлумянц, А.Т. Хроленко и др.). А.В. Савченко и М.С. Хмелевский (2016; 2017) показывают, как этносимволика флоры, став основой поверий и обрядовых действий, отразилась в народных необрядовых (лирических, выражающих психоэмоциональное состояние человека) песнях и изречениях (пословицах, поговорках, фразеологизмах), Ю.А. Шуплецова описывает фразеологические единицы (ФЕ) в песенном фольклоре, в том числе обрядовом. Паремии интересны тем, что относятся к фразеологическим выражениям (при широком понимании фразеологии) и к малым жанрам устного народного творчества, что позволяет Е.И. Селиверстовой говорить о фольклорных мотивах и концептах в пословице (2007; 2010). Являясь самостоятельным жанром фольклора, пословицы характеризуются высокой степенью актуализации в фольклорных текстах других жанров, в первую очередь прозаичных, например, в сказках (см. статью Виктории Ляшук).

Термин *фольклорные ФЕ* обозначает обороты, которые используются в произведениях устного народного творчества (УНТ): песнях (*зелёная дубрава, ясные очи*), сказках (*жили-были, в тридевятом царстве*),

былинах (*чисто поле, стольный град*) и т.д. Причём есть «слой общефольклорных фразеологизмов, обслуживающих в равной степени произведения разных фольклорных жанров (ср. *добрый молодец, красное солнце, мать-земля сырая* и др.)» (Ройзензон 1968, 79). При этом, по Л.И. Ройзензону, «“фольклорная фразеология” не является синонимом “фразеологии фольклора”. Последнее понятие значительно шире первого, так как во фразеологию фольклора входят не только собственно фольклорные устойчивые обороты речи, но и фразеологизмы других языковых сфер (общенародные фразеологизмы, диалектные фразеологизмы и т.д.), т.е. произведения устного народного творчества “обслуживаются” различными фразеологическими сферами языка» (1968, 79 – 80). Этому мнению придерживаются и фольклористы: «Разумеется, в текстах фольклора имеются и собственно фразеологизмы. Кроме того, некоторые формулы могут становиться фразеологизмами (но это обычно происходит за пределами собственно фольклора). Одним словом, необходимо различать фразеологию в фольклоре и “фольклорную фразеологию”» (Мальцев 1981, 20).

В УНТ выделяются жанры, связанные с обрядами и не связанные с ними. Как следует из названия, обрядовый фольклор восходит к каким-либо обрядам: календарным (например, земледельческим), бытовым (родинно-крестинным, свадебным, похоронным и пр.). С заговорами связана, например, обрядовость лечебной магии. ФЕ обрядового УНТ не раз становились объектом описания (см. работы Антоняковой 1995; Кузнецовой 1999 и 2004), поэтому остановимся на ФЕ, представляющих собой «осколок» благопожелания – текста, содержащего «пожелание добра, и ритуал его произнесения. Занимая пограничное положение между формулами речевого этикета и заклинательно-магическими текстами», этот текст «регламентирует и взаимоотношения между людьми, и контакты человека со сверхъестественными силами, способными обеспечить благополучие» (Агапкина–Виноградова 1995, 188).

Часто благопожелание имеет структуру сравнения: бел. *Дару маладой вядзёрка, каб была спрытная як вавёрка* (ср. это свадебное пожелание молодой быть проворной в работе с устойчивым сравнением (УС) *спрытная як вавёрка* ‘о расторопной, работающей девушке’); *Дару ветку (манетку), каб жонка была як кветка* (ср. формулу-пожелание молодой жене быть красивой с УС *дзеўка як кветка*).

В свадебный обрядности невеста ассоциировалась с коровой; свинья же как особо плодовитое животное символизировала плодородие, поэтому свадебные величания молодой содержали у восточных славян формулу типа рус. *Будь здорова как корова, плодовита как свинья; Будь тучна как земля, плодовита как свинья*, откуда УС: рус. *здорова как корова*; укр. *здорова як корова; плодовита як свиня*; бел. *здарава як карова*. В.И. Рабкевич тоже отмечает, что *Здарова як карова, багата як зямля, пладавіта як свіння* – з вясельнага пажадання маладой (1985, 82).

Пожелание *будь здорова как корова* основано на эвфонии. В современном языке выражения рус. *будь здорова как корова* <и *изящна как свинья*> (пожелание здоровья чихнувшему, обычно женщине) и укр. *будьте здорові як сиві корові* <а *наш бик і так звик*> носят шуточно-ироничный характер.

Укр. *багата як земля* ‘о зажиточной женщине’ и бел. *багаты як зямля [святая]* ‘об очень богатом человеке’ являются элементом традиционных формул: рус. *Будь здоров как вода*, <*богата как земля*>, *плодовита как свинья (земля)*; укр. *Будь багата як земля, весела як весна, здорова як вода; Будь здорова як вода* <а *багата як земля*>; бел. *Будзь вясёлы як сват на вяселлі, здаровы як вада, багаты як зямля; Будзь багаты як земля і здаровы як вада*. У восточных славян совершаемая в Вербное воскресенье «оздоровительная» процедура сопровождалась словами: рус. *Будь великий, как вода, будь здоровый, как верба, а богатый, как земля*; укр. *Будь великий, як верба, а здоровий, як вода, а багатий, як земля*, бел. *Будзь багаты як земля, здаровы, як вада, расцы як вярба*. Легко заметить сюжетную переключку этих пожеланий с серб. *Да си здрав као дрен, да се угојиш ко свиня, да си брз као јелен, да растеш као врба*. Магические формулы типа рус. *расти как верба*; серб. *да вираје као врба*, произносимые в этот день, известны и другим народам. Ср. с УС: укр. *росте мов верба*; лемк. *рости як вербина*; серб. *расте као врба*; черногор. *раст’ ко врба*; чеш. *roste jako vrba*. В практике народной медицины воду часто применяли одновременно с другими средствами фармакологии природного происхождения или сочетали с магическими приёмами. Не случайно на восточнославянском ареале появились УС: укр. *здорова (здоровий) як вода*; бел. *здаровы як вада* (ср. с пожеланием *Дай, боже, каб ты быў крepak як вада*).

Особенность формул-пожеланий (в нашем случае произносимых свадебным старостой или крестным отцом после обряда крещения) – вариативность: укр. *Бувай (будь) здорова як риба, гожа як вода, весела як весна, робуча (робоча) як бджола (пчола), <а> багата як земля <свята (сьвятая)>*; *Будь, дочко, здорова як риба, гожа як рожса, весела як весна, робоча як бджола, а багата як свята земля*. УС с образным конкретизатором (ОК) *рыба* (или точным её названием) известны многим индоевропейским народам: укр. *здоров (здорова) як риба*; бел. *здароў (здаровы) як рыба*; серб. *здрав као риба; здрав као пастрвица /форель/*; хорв. *zdrav kao (ko) riba*; словн. *zdrav kakor (ko) riba <v vodi>*; чеш. *zdravý jako ryba (rybička); zdravý jako mřínek /голец/ (kapr /карп/, línek /линь/)*; словц. *zdravý ako ryba (rybička, rybka)*; польск. *zdrowy jak ryba <w wodzie> (rybka); zdrów jak sum /сом/*; нем. *gesund wie ein Fisch <im Wasser>*. Словари русских сравнений не фиксируют УС *здоров как рыба*, но оно встречается в текстах XVIII–XIX вв., в т.ч. переводных: Рыба редко хворает, того ради говорится: *здоров, как рыба*. Рыба с чешуею здоровее той, которая без чешуи; чего ради бог в Ветхом завете жидам запретил есть рыбу без чешуи (Ломоносов М.В. Лифляндская экономия (перевод). 1747);

Вы смотрите на Соломина: умен – как день, и здоров – как рыба... (Тургенев И.С. Новь. 1877); – Какая она здоровая! – с грустью заметила она, любуясь девочкой. – Вся крепкая, как рыба (Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб. 1895).

По замечанию Н.И. Толстого, «почти каждый славянский фразеологизм типа **sъdorvъ kakъ* <...> требует особого лингво-этнографического рассмотрения или хотя бы подробного комментария» (Толстой 1995, 409). УС этой семантической группы тесно связаны с формулами пожелания здоровья и ритуалами их произнесения и характеризуются неизменностью общего смысла и неоднократным употреблением в аналогичных ситуациях. Генезис слова *здоровье* (от **sъdorvъ*, где *sъ* = др.-инд. *si* 'хороший', **dorvъ* 'дерево' => исходная семантика лексемы *здоровый* – 'из хорошего дерева' (Фасмер 1986, 90), 'подобный хорошему дереву') позволяет считать данную структурно-семантическую модель наиболее архаичной. В некоторых деревнях Русского Севера до сих пор сохраняется обряд посадки дерева на новорождённого, во время которого произносится заговорная формула с пожеланием быть таким же *крепким, здоровым как дерево* (Мазалова (Грысык) 1993, 100) – ср. с брянск. *здоровый как (что) дерево*. Сравнение человека с деревом уходит своими корнями в древнейшие времена, когда был распространён культ деревьев и закладывалась концепция совершенного человека, и выходит за пределы славянского мира – ср. с нем. <*ein Kerl*> *wie ein Baum* 'силач, очень здоровый человек'.

Дерево в УС может конкретизироваться. С этим связано лексическое расхождение на славянском ареале внешней формы УС-вариантов, развивающих гиперо-гипонимические (родо-видовые) отношения. Названия некоторых деревьев чаще фигурируют в УС славян, других – реже, что связано с природно-географическими условиями, этничными и местными традициями.

Символом здоровья у многих народов Европы является *дуб*, занимавший в древности ведущее место в обрядах и поверьях благодаря чисто эмпирическому восприятию этого дерева человеком (долговечность, мощный ствол, высота, дубильные свойства, прочность и крепость древесины и пр.) и религиозно-мифологическим представлениям, связанным с ним. Заметим, что слово *дуб* в XII – XVI вв. и в современных славянских языках и диалектах часто выступает в родовом значении 'дерево' (Агапкина 1999а, 142; Кругликова 2001, 31); производные от **dobъ* обозначают части дерева (*дубец* 'ветка', *дубина* 'большая палка'), предметы из него, разные ботанические виды. Не случайно УС с ОК *дуб* зафиксированы на общеславянском ареале: рус. *здоров(-ый) как (что) дуб (дубок)* 'об очень здоровом, физически крепком, сильном и рослом мужчине (юноше); укр. *здоров як дуб*; бел. *здаровы як дуб* <*скарбовы*>; серб. *здрав као храст (дуб)*; чеш. *zdravý jako dub*; словц. *zdravý ako dub*; польск. *zdrowy jak dąb (dómb)*. Распространённым структурным типом

благопожелания здоровья, долголетия являются побудительные и императивные формулы, содержащие элемент сравнения с дубом: болг. *Да сте здрави и дълговечни како дабо!*; польск. *Bądź zdrow jak dąb, miej pieniądze zgrab.* Эти представления выходят за пределы славянского мира – ср. с чувашским пожеланием, чтоб новорождённый стал крепким и здоровым как дуб: *юман нек нитё пултър, тёреклё пултър, чирё ан тивтёр тесе хураççё.*

Символ здоровья, силы, молодости в культуре южных славян – *кизил*. Это обусловлено такими его свойствами, как раннее цветение, крепость древесины, долголетие: серб. *здрав као дрен* (*дренова срц* /сердцевина кизила/, *дреновина* /древесина кизила/); макед. *здрав како дрен*; словн. *zdrav kot dren*; болг. *здрав като дрян* (*дрянова пръчка, дряновица*). Культ этого дерева связан и с приписываемыми ему свойствами оберега (Толстой 1995, 409). Кизилевые ветки, древесина, почки, плоды, цветы широко используют в календарной и семейной обрядности, хозяйственной и лечебной магии. Магические действия с кизилом сопровождались формулой-благопожеланием здоровья. Так, сербы, перерезая пуповину новорожденному на кизилевой дощечке, говорили: «*Да би дете било здраво као дрен*»; в Рождество съедали плоды кизила, говоря: «*јем дрен, да сам здрав као дрен*» и т.д. (Агапкина 1999б, 493), в день Сорока мучеников обрядово-профилактическое «битье» кизилевыми веточками сопровождалось словами: «*Да си здрав као дрен*».

Обычай в некоторые календарные праздники (а также в магии целения) хлестать людей и скот «прутом жизни» – освящёнными в церкви ветвями рябины, лещины, можжевельника, пальмы, вербы и пр. в зависимости от этнических и региональных традиций – распространён у многих народов. Бел. *здаровы як віціна* (= хворостина, веточка, прут, часто – ‘вербовый прутик’) отражает «обряд весеннего (на Юрия) выгона скота на пастбище и битья скота вербовой веткой для здоровья и обряд весеннего (в Вербное воскресение) битья детей в тех же целях» (Толстой 1995, 409). Многим народам известны «вербные заклинания», основанные на суеверном убеждении, что высеченный освящённой лозой вербы станет сильным и здоровым. «На уровне обрядового действия удар прутиком освящённой вербы синонимичен формуле *будзь здаровы як вада* или *будзь здаровы як рыба*» (Толстой 1995, 410). Обряд битья вербой в Полесье со славянскими аналогами подробно рассмотрен в работе Н.И. Толстого «Из “грамматики” славянских обрядов» (Толстой 1995, 68–75). Приведём два пожелания здоровья у белорусов: *Не я б’ю, верба б’е, будзь здороў на весь год, ек осенній лёд*; *Будзь здароў на ўвез гот, як калядны лёт*, на базе которых появилось УС *здаровы як лу^од* (лёд) – ср. с новг. *как лед крещенский* ‘о физически сильном, крепком, здоровом человеке’; *ребята как ледни* (= 1) льдинка, сосулька; 2) перен. здоровый и ухоженный человек) ‘очень здоровые’. Лёд – одно из агрегатных состояний воды – был в арсенале знахарских способов лечения, как свидетельствуют этнографические

источники. Во второй благожелательной формуле мы видим переплетение реального знания (в крещенские морозы лёд особенно крепок) и поверий о крещенском льде, которому приписывали особо ценные магические свойства.

Приведённые примеры показывают, что определённая часть корпуса УС обязана своим существованием в языке распространённым прежде формулам пожелания здоровья, богатства, счастья и т.д.

Габриела Вильк, Силезский университет, Катовице, Польша
gabriela.wilk@us.edu.pl

Концепт «Торговля» в малых жанрах русского и польского фольклора

Малые жанры фольклора уже давно привлекают интерес многих ученых. Первоначально пословицы и поговорки были предметом изучения фольклористов, что понятно и вполне объяснимо; в последние десятилетия в центре своего внимания их поставили также лингвокультурологи и когнитологи, подчеркивая ценность данных изречений для исследования концептов и создания языковой картины мира. Так, Е.В. Иванова как часть языковой картины мира выделяет пословичную картину мира, а её подход подразумевает реконструкцию «представлений людей об устройстве мира, отраженного в пословицах» (Иванова 2006, 109).

Как справедливо утверждает М.А. Бредис, поговорки – это «многочисленные мельчайшие кусочки огромной мозаики, составляющей картину мира в понимании целого народа» (Бредис 2015, 191). В этой огромной мозаике особое место занимают поговорки о торговле, поскольку торговая деятельность испокон веков является неотъемлемой частью человеческой жизни. В этом материале прочно запечатлена специфика свойственного языковой картине мира так называемого наивного хозяйственного и экономического мышления прошлых поколений. В данной статье предпринимается попытка представить в сопоставлении фрагменты двух пословичных картин мира: русской и польской, связанные с процессом купли-продажи. Материалом для исследования концепта «торговля» в обеих лингвокультурах послужили данные сплошной выборки из одноязычных и двуязычных паремнологических словарей (см. список источников материала в конце работы).

Пословично-поговорочные изречения о торговле можно подразделить на несколько групп. Как гласит русская народная мудрость, *Куплей да продажей (запросом да подачей) торг стоит*. В польском языке, в свою очередь, можно встретить такое: *Tanio kupić, drogo sprzedać, na tym handel stoi*. Торг основан на купле и продаже, и в связи с этим

первую, довольно объёмную, группу образуют высказывания, характеризующие участников торговой деятельности – покупателя и продавца. А.Г. Осипова определяет их следующим образом: «Один из участников ситуации включает в свою собственность тот или иной объект, компенсируя партнеру стоимость этого объекта имеющимися в его распоряжении денежными средствами. Второй участник ситуации – лицо, обладающее каким-либо объектом, – совершает передачу этого объекта, получая взамен эквивалент его стоимости в виде денежных знаков» (Осипова 2007, 372). То, что торгуют двое участников, закрепилось в русской единице *Ты* (продавец) *с запросом*, а *я* (покупатель) *с подачей*. Значительное количество паремиологических единиц обоих языков не только констатирует факт существования названных субъектов, но и является их качественной характеристикой.

Так, в паремиях продавец описывается как человек нечестный, вор, т.е. «злодей и преступник, который похищает чужое и не столько в мысли (красть) и на деле (грабеж), сколько прежде всего действуя словом (обман)» (Колесов–Колесова–Харитонов 2014а, 129). Следовательно, торговля для языкового сознания связывается, так или иначе, с обманом. Это нашло своё отражение в следующих высказываниях: рус. *Кто торгует, тот ворует; Кто чем торгует, тот тем и ворует; Продавцовой божбе не вверяйся (не верь)* и польск. *Każdy kupujący sprzedającego, a sprzedający kupującego chce oszukać; Kupiec za grosz sprzedaje, a za dwa oszukuje; Na jarmarku każda krowa cielna*. В польском примере *Na jarmarku każda krowa cielna* закрепилось то обстоятельство, что определить по внешнему виду стельность коровы на ранних стадиях сложно, и это становится поводом для обмана. Нечестным человеком может быть и покупатель, что особенно заметно в изречении *Każdy kupujący sprzedającego, a sprzedający kupującego chce oszukać*.

Примечательно, что в ряде паремий ложь при торговле оправдывается, что приводит к её принятию в качестве нормы. Ложь воспринимается как залог получения прибыли: рус. *Не обманешь – не продашь; Не солгать, так и не продать; Лучшие воровать, чем торговать*; польск. *Nie oszukasz, nie sprzedasz; Przekupień (kupiec) musi kłamać*. В польской единице *Przekupień (kupiec) musi kłamać* появляется модальный глагол *musi*, характеризующийся высокой степенью категоричности.

Продавец может обманывать покупателя, восхваляя свой товар и довольно часто приписывая не соответствующие ему признаки: рус. *Всякий купец свой товар хвалит; Не похваля, товар не продашь; Не похваля, не продашь; не похуля, не купишь; Не подкрасив (не подцветив) товару, не продашь (не продать)*; польск. *Każdy kupiec swój towar chwali*. В обоих языках также имеются единицы, в которых говорится о том, что таким рекламирующим свой (конский) товар выступает нередко цыган: рус. *Всякий цыган свою кобылу хвалит*; польск. *Każdy Cygan swego konia chwali*. В них отражаются общие стереотипные представления об этом

народе. Цыгане (мужчины) многие столетия занимались кузнечным делом и торговлей лошадьми (отсюда в польском языке появилась поговорка *Frymarczy jak Cygan kobyłami*). Согласно польскому исследователю цыганского фольклора Е. Фицовскому, они не только расхваливали свой товар, но и обладали умением «омолодить» старую лошадь, заполняя дёгтем сделанные перед этим углубления у неё зубах, «поменять» масть краденой лошади, чтобы её владелец не разобрался в происходящем. Краска держалась до заключения сделки купли-продажи (Ficowski 2013, 271–273). Не случайно в польском языке встречается поговорка *Co Cygan to szalbierz*, а нарицательное имя *cygan* обозначает ‘обманщика, плута’, *cygaństwo* – ‘плутовство’, *cyganić* – ‘обманывать’ (Bańko 2014, 208–209). Русские, в свою очередь, говорят, напр., *Цыгану без обману дня не прожить; Цыган ищет того, как бы обмануть кого*. Сюда же можно было бы отнести известное русское выражение (хотя не пословичное) *коня красить*, т.е. обманывать, и польское, ему соответствующее *robić kogoś w konia*.

Для польского представления подобным умением рекламировать своё наделён и еврей, что отразилось в единице *Każdy Żyd swój towar chwali*. Евреи способны воспользоваться обстоятельствами для личной выгоды (*Dłatego Żyd bogaty, że żyje z cudzej biedy i straty*), они также склонны к обману (*Co Żyd, to cygan; Żyd nie byłby Żydem, gdyby nie oszukał*). В русском паремиологическом фонде высказывания о том, что еврей умеет расхваливать товар, обнаружить не удалось, в свою очередь, в Интернете встретилась единица, подтверждающая, что он, как цыган, а также представители некоторых других народов, склонен к обману: *Мужика обманет цыган, цыгана обманет жид, а жида обманет армянин, армянина обманет грек, а грека обманет только один черт, да и то, если ему Бог попустит* (Пословицы народов мира).

Восхваляет товар тот, кому на данный момент это выгодно, что свидетельствует о несовпадении интересов продавца и покупателя: рус. *Покупатель дома похвалит, а купец в лавке; Торгуешь – хаешь; купишь – похвалишь*; польск. *Gani ten, co kupuje, chwali ten, co handluje*.

Русские и поляки не только порицают поведение продавца. В поговорках находим похвалу честному образу жизни. В русском языке бытуют противоречащие друг другу пословицы: *Лучше воровать, чем торговать* и *Лучше торговать, чем воровать*. Встречаются также такие: *Лучше с убытком торговать, чем с барышом воровать; Воровать – не торговать: больше накладу, чем барыша; Обманом барыша не наторгуешь; Торгуй правдою, больше барыша будет; Товар лицом продай, но покупщика не надуй*. Как справедливо отмечает А.Г. Петелина, «эти противоречия можно объяснить известными культурными доминантами русской ментальности: необходимость жить по законам высшей справедливости, вытекающий отсюда максимализм в оценке реальной жизни, негативная оценка материального обогащения индивидуума»

(Петелина 2007, 473). В польском паремиологическом материале встрети́лась единица *Kto oszukuje, targ sobie psuje*. Такой вариант встречается в словаре Д. Сверчиньской (Świerczyńska 2009, 483). Ю. Кшижановски, в свою очередь, даёт *Kto zbyt oszukuje, to sobie targ psuje* (Krzyżanowski 1970, 754). Получается, что обманывать можно, но в меру, на что указывает наречие *zbyt* ‘чрезмерно’. На основании сказанного можно прийти к выводу, что в обоих языках паремии-рекомендации жить так, чтобы не нарушать морально-этические и юридические нормы, не столь многочисленны на общем фоне единиц, отмечающих негативные модели поведения.

Продавец должен действовать рассудительно, что отразилось в русских пословицах *Без ума торговать – только деньги терять; Без ума торговать – долги наживать*. В данных примерах, помимо характеристики продавца, содержится одновременно характеристика покупателя. Другими паремиями, в которых осуждается участник торговли, лишённый здравого смысла, являются рус. *Дорого купить, дешево продать и плохо жениться и дураку под силу (любой дурак сумеет)*; польск. *Drogo kupić, tanio sprzedać i źle się ożenić potrafi każdy idiota; Przyjdzie głupi, co to kupi; Głupi wszystko kupi*. Возникает вопрос: как нужно торговать, чтобы заработать? Ответ находим в русских пословицах: *На торге два дурака: один дешево дает, другой дорого просит* (т.е. не следует продавать слишком дорого и покупать слишком дешево), *У грошового товара не наживёшь (не уторгуешь) рубля* (т.е. не стоит продавать дешёвые товары) и *Дорожиться – товар залежится, продешевить – барышей не нажить*. В последнем примере говорится о том, что если товар необоснованно дорогой, то никто не станет его покупать, а если продать товар дешевле того, что он стоит, то выручки от продажи не будет. В польской паремии закрепи́лась следующая стратегия повышения эффективности торговли: *Kto pół ceny daje, ten kupcem się staje* (надо покупать за полцены).

Оба участника торговли не должны быть также слишком скупыми, поскольку, как гласит русская поговорка, *Скупой платит дважды*. Польский эквивалент: *Skąpy (chytry) dwa razy traci*.

Согласно польскому представлению, торговать разумно умеет еврей, о чем свидетельствует паремия *Żyd niegłupi: sprzedaj tanio – wszystko kupi*.

Русский продавец может похвастаться предпринимательским талантом, поскольку продать товар сложнее, чем купить: *Купить-то и внучек купит, а продать и дед намается; Купить, что вошь убить, а продать, что блоху поймать*. В собранном польском материале имеется единица с противоположным значением *Łatwiej sprzedać, trudniej kupić*.

В языковом сознании поляков закрепи́лось ещё и то, что продавец не должен быть боязливым и робким: *U trwożnego kupca ani pieniędzy, ani towaru; Kto się straty boi, ten zarobku nie ma*.

Покупатель, в свою очередь, должен внимательно осматривать товар: рус. *Твои деньги, твои и глаза: гляди сам, что покупаешь; Видели глаза, что покупали, хоть лопни да ешь; Не верь ушам, верь очам!; Не верь речам, верь своим глазам!* В польском паремиологическом фонде находим единицу *Widziały gały, co brały*, однако она, по сравнению с русскими, обладает более широким значением: нечего жаловаться не только на тот или иной товар, но также и на мужа или жену, поскольку мы сами их выбирали. В обоих языках существуют также паремии, в которых подчёркивается, что плохого качества товар купит тот, кто его не видел: рус. *На гнилой товар – слепой покупатель* и польск. *Na zleżały towar ślepy kupiec*. Следует попутно отметить, что в польском языке слово *kupiec* используется в двух значениях, обозначая как ‘покупателя’, так и ‘лицо, занимающееся торговлей или владеющее торговым предприятием’ (Bańko 2014, 733). В зависимости от паремиологической единицы это слово конкретизирует свое значение. Аналогично происходит и с русским словом *купец*.

Практичный ум носителей русского и польского языков отметил, что не следует приобретать товар, заранее не имея представления о его качестве. Примером здесь могут послужить следующие паремии, имеющие схожее значение в обеих лингвокультурах: рус. *Кота в мешке не покупают*; польск. *Nie kupuj kota w worku; Kota w worku nie kupuje się*. Как в русском, так и в польском языках произошла утрата отрицания при глаголе, в результате чего образовались фразеологизмы *покупать / купить коту в мешке* и *kupować / kupić kota w worku*. Данные единицы восходят к средневековому анекдоту, согласно которому мошенники пытались продать коту вместо кролика или зайца (Мокиенко 2009, 178–179). В словаре Д. Сверчиньской зафиксирована еще одна единица: *Kto lisa w worze kupuje, psa albo kota znajduje* (Świerczyńska 2009, 481).

Необдуманная покупка имеет свои последствия, что закрепилось в польской пословице *Kto kupuje, czego mu nie trzeba, nie ma potem za co kupić chleba*.

Тот, кто занимается торговлей, должен помнить, что в деловых отношениях нет родственников и настоящих друзей. Это нашло своё отражение в таких паремиях, как рус. *Родство – дело святое, а торговля – дело иное; Торг дружбы не знает*; польск. *Przyjaźń przyjaźnią, a interes interesem*. Лучшим другом торговца являются деньги: рус. *В торгу друг – деньга; В торгу друг – кто деньги платит*; польск. *Każdy kupiec dobry, który z worka płaci*.

Стоит подчеркнуть, что существует прямая зависимость между дружбой и деньгами, и это особо заметно на примере польского изречения *Gdzie pieniądze wiele wokół przyjaciela*. Народная мудрость предостерегает от одалживания денег друзьям: рус. *В долг давать – дружбу терять; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег*; польск. *Chcesz stracić*

przyjaciela, pożycz tu pieniędzy; Dobry zwyczaj nie pożyczaj; Pożyczka z przyjaciela czyni nieprzyjaciela.

В денежных вопросах носители польского языка советуют брать пример с евреев, которые отличаются чрезвычайной скрупулёзностью: *Kochajmy się jak bracia, liczymy (rachujemy) się jak Żydzi; Szanuj przyjaciół jak pieniądze Żydzi*, либо немцев *Handlujmy jak Żydzi, a liczymy się jak Niemcy*, которые также точно ведут расчёты. В собранном нами русском материале подобных высказываний, отсылающих к поведению евреев или немцев, не обнаружилось. Зато встретилась поговорка, подчёркивающая важность точного учета доходов и расходов: *Деньги (денежки) счёт любят.*

Вторую группу составляют пословицы и поговорки, описывающие предмет торговли – товар. Как в русском, так и в польском паремиологическом фонде имеются изречения, в которых говорится о том, что то, что высокого качества, не нуждается в рекламе: рус. *Хороший товар сам себя хвалит*; польск. *Dobry towar sam się chwali; Dobry towar wiechy nie potrzebuje; Na dobry towar trafi się kupiec.* В паремии *Dobry towar wiechy nie potrzebuje* отразились старопольские обычаи. Помимо нее, в польском языке встречается также *Dobremu piwu nie potrzeba wiechy.* *Wiecha* в приведенных примерах обозначает пучок соломы, который вывешивали над входом в шинок, кабак. Это была своего рода вывеска, наружная реклама. Так, в романе Генрика Сенкевича «Огнём и мечом» можем прочесть: «znikli [Заголоба и Богун – Г.В.] w ciemnych drzwiach, nad którymi sterczała wiecha oznaczająca szynk i winiarnię» (Sienkiewicz) («исчезли в темном входе, над которым торчала метёлка, обозначавшая корчму и погребок» – перев. А. Эппель) (Сенкевич).

Качество товара зависит от купца (рус. *По купцу [и] товар*; польск. *Jaki kupiec, taki towar*). Оно также должно соответствовать его цене (рус. *Цена по товару, а товар по цене. Дешевому товару дешева и цена; Хороший товар сам цену назовет*).

К следующей группе относятся паремии, касающиеся цены товара. Согласно «Словарю русской ментальности» В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновой, цена – это «относительное достоинство вещи или дела (“Всё имеет свою цену”», идеальным пределом которого является их стоимость (*ценно* то, что *в цене*), а минимальным – нравственная обязанность исполнения (“Нужда цены не ждёт”))» (Колесов–Колесова–Харитонов 2014б, 473). Многие русские паремии включают в себе информацию, что низкая цена – признак плохого качества: *Дёшево покупать – деньги терять; Хорошо дёшево не бывает; Дорого, да любо, дёшево, да гнило; Дорого, да мило, дёшево, да гнило.* В польском языке единицей со схожим значением является *Co drogie, to mile, co tanie, to zgnile.*

В сознании носителей польского языка закрепилось убеждение о том, что собака хуже человека, и поэтому ей можно давать то, что не самого высокого качества. Об этом говорится в паремиях *Co się kupi tanie,*

psom się dostanie; Tanie kupisz, psom wyrzucisz; Tanie mięso jedzą psy; Za tanie pieniądze (za tani grosz) psy mięso jedzą. Не случайно словосочетания *psi pieniądze, psie pieniądze, psi grosz* в польском языке обозначают 'небольшие деньги'. Собака является низшим существом также для русских, о чём свидетельствуют, напр., паремии *В такую пору добрый хозяин и собаки не выгонит за ворота; Собаку грешно кликать человеческим голосом; Собаке собачья смерть.* Однако они не связаны с торговлей.

По оценке пословиц как нечто необходимое, так и редкое, недоступное стоят намного дороже. Об этом свидетельствуют следующие паремии: рус. *То и дешево, чего не надо, а что нужно, то дорого; Чего нет, то дорого – чего много, то дешево;* польск. *Co rzadsze, drożej się ceni.*

В паремиях содержится также представление о том, что ничто не бывает даром, за всё следует платить: рус. *За [одно] «спасибо» ничего не купишь (шубы не сошьёшь);* польск. *Za „dziękuję” nic się nie kupuje; Za Bóg zapłać niewiele kupisz; Wszystko za pieniądze, darmo nic.* Как советует народная мудрость, *Дорого – не купи, а даром не бери* и *Lepiej najdrożej kupić, niż wyprosić.*

Стоит еще отметить, что от цены зависит размер прибыли и убытка. В паремиологических фондах обоих языков удалось выявить целый ряд изречений, в которых отразилось то, что купля-продажа тесно связана именно с понятиями прибыли и убытка: рус. *Барыш с накладом в одном кармане живут; Барыш с накладом двор обо (об) двор живут; Барыш с накладом на одних санях ездят; Барышу наклад большой (родной) брат;* польск. *Kupiec ma dwa worki: jeden na zysk, drugi na stratę; Bez dołu grobla, bez nakładu zysk nie będzie; Nie ma zysku bez nakładu; Gdzie są zyski, są i straty; Gdzie dochód, tam rozchód.*

Поскольку интересы продавца и покупателя не совпадают, также и предлагаемые ими цены за тот или иной товар отличаются друг от друга: *У купца цена, у покупателя другая; У купца своя цена, у покупателя своя; У купца расчёт, у покупателя другой (свой).* Цена определяется путем достижения компромиссов и взаимных уступок между продавцом и покупателем, поэтому, согласно русским пословицам, *На торг со своей ценой не ездят; На базар ехать – с собой цены не возить; Базар цену скажет.*

Анализ языкового материала позволяет прийти к выводу, что значительное количество единиц о купле-продаже в паремиологическом фонде как русского, так и польского языков свидетельствует об особой значимости концепта «торговля» для обоих народов. В языковой картине мира русских и поляков можно обнаружить сходные представления об этом рода деятельности. Так, продавец оценивается по таким качествам, как честность/нечестность, умение/неумение восхвалять свой товар и пр. При оценке покупателя принимается во внимание, напр., умение/неумение рационально выбрать товар. В паремиях нашло своё отражение то, что

хороший товар не нуждается в рекламе и не стоит терять деньги, покупая дешёвые товары, потому что они плохого качества.

Однако среди общего материала в анализируемых языках обнаружены паремии, позволяющие утверждать, что опыт, собираемый веками польским народом, в некоторой степени отличается от многовекового опыта русских. Так, в польском языке имеется немалая группа пословиц о торговле, где говорится о том, что дешёвый товар не для людей, поскольку он предназначен собакам. Кроме того, в языковом сознании поляков активно живут стереотипные представления о еврее-торговце (для евреев торговля держится на обмане; представители данного народа отличаются также аккуратностью во ведении подсчётов расходов и доходов). Носители русского языка, в свою очередь, больше внимания, чем поляки, уделяют цене товара.

Ирина Геннадьевна Гулякова, СПбГУ, С.-Петербург, Россия
irgengul@gmail.com

Речевые формулы русского городского романа: семантика повседневности

Толчком к проведению данного исследования стали две идеи. Первая идея – это расхожее суждение о том, что в массовой культуре успех очень часто обеспечивает сочетание банальности и штампа. Вторая идея взята нами из функциональной стилистики и принадлежит В. Г. Костомарову, который показал, что ориентация газеты на массовую аудиторию требует сочетания экспрессии и стандарта. Это сочетание мыслилось им как конструктивный принцип газетной речи (Костомаров 1971).

Наша гипотеза состоит в том, что две обозначенные нами идеи представляют два варианта одного и того же принципа организации любого речевого материала, предназначенного для массовой аудитории, а не только газеты. С одной стороны, речь, привлекательная для всех, должна состоять из привычных, узнаваемых, стандартных элементов. С другой стороны, она должна содержать экспрессивный, эмоциональный компонент, гарантирующий контакт с эмоциональной, чувственной сферой читателя.

В когнитивном аспекте исследование речевой проблематики русского городского романа как текста, рассчитанного на массовую аудиторию, представляет интерес для исследования философской и социальной категории повседневности. Когда говорят о повседневности, повседневной жизни, то имеют в виду тот социокультурный жизненный мир, который в обычном течении жизни представлен буднями, жизненной рутинной, самоочевидными повседневными занятиями в привычных

общеизвестных ситуациях, не требующих рефлексии, самоанализа. Человек не ощущает личной вовлеченности в ситуацию, которая требовала бы поступка, он вовлечён в общее течение жизни самим её ходом, естественным и самоочевидным. Повседневности противопоставлены праздники, профессиональные и различного рода личностные формы деятельности, требующие интеллектуального и психологического напряжения. Реальной повседневности противопоставлен мир идеалов. «Единичное “Я”, – пишет М. И. Козьякова, – там растворяется в массовом, в господствующих стилях жизни и способах времяпрепровождения, стереотипах поведения или языковых клише. Именно здесь ещё сохраняется давно исчезнувший в других областях жизни заповедник “неотрефлектированного блаженства” (с. Кьеркегор), поскольку повседневные практики, как правило, не поддаются рефлексии. Генераторами их специфических особенностей выступают приметы времени, модальные императивы эпохи (Козьякова 2013, 5).

Повседневность как важная сфера существования человека не могла не найти отражение в речевой практике повседневности. Речевая практика, взятая в предельно обобщенном виде, воспроизводит важнейшие, базовые социально-психологические особенности сферы своего существования. Повседневность органически связана с привычными устойчивыми речевыми конструкциями, причём неважно, имеем ли мы дело с собственно стандартными конструкциями, или со штампами, или с привычными фразеологизмами, речевыми формулами. Отсюда тяготение к банальности, тривиальности. Та же М. И. Козьякова пишет: «Ее [повседневности – И. Г.] смыслообразующее ядро составляет семантика тривиальности, некоего регулярно повторяющегося действия, бытовой вещественной формы, становящихся в силу этого привычными, заурядными, обыденными. Повседневность – нерелективируемая очевидность, мир “естественной установки”, “стихийности бытия” с её бесконечной вариативностью мелочей, неуловимых и ускользающих от внимания исследователей. И в то же время она – “продукт социального конструирования” (Козьякова 2013, 8–9).

Косвенно с этим выражали согласие многие знатоки романсовой поэзии, как собственно литературоведы, так и авторы романсовых текстов. Нам представляются интересными с этой точки зрения некоторые идеи Д. Л. Быкова, сформулированные им в его лекциях о советской литературе. Так, исследователь пишет о А. Блоке: «И Блок – которому все откуда-то известно, который из самых высоких сфер принимает свои сигналы, сквозь петроградское небо всегда видит иное небо, – отворачивается, уходит в человеческое, в трактиры и пьяные песни Петроградской стороны, в рестораны и на песчаные пляжи Стрельны, в пошлость цыганского и городского романа: словом, в человеческое. Вот тут разгадка, потому что Зощенко – отлично знающий Блока, дышащий тем же отравленным воздухом – бежит туда же. Мало ли у Блока пошлости? Сколько угодно. “В

кабаках, в переулках, в извивах,/ в электрическом сне наяву,/ я искал бесконечно красивых/ и бессмертно влюбленных в молву,” – дикий набор пошлейшей, романсовой бессмыслицы, ни на что другое не претендующий» (Быков 2015, 114). Слово пошлость употребляется в данном случае в значении *избитый, банальный, бывший издавна в обычае, в употреблении*. Д. Л. Быков, подвергая определённые произведения А. Блока суровой критике, отмечая их вынужденность, фактически выявляет важнейшую особенность этого типа лирики – уход в мир повседневности. Поэт работает здесь в семантике повседневности с её тривиальностью, банальностью, речевой формульностью.

Игнорирование Д. Л. Быковым права на существование словесно-музыкальных текстов повседневности, восприятие самого факта их существования как проявления ущербности творческого состояния поэта и ущербности духовного состояния отдельных слоёв населения приводит критика к такой трактовке текстов, которая сама по себе не может не восприниматься как несколько ущербная: «Есенин стал доступен массам только в состоянии нарастающей деменции, не тогда, когда изобрел свой замечательный дольник (более прозаизированный, разговорный, непосредственный, чем у Маяковского), а тогда, когда принялся упражняться в жанре кабацкого романса...» (Быков 2015, 50–51). И далее: «Вся эта преувеличенная и вот именно что пьяная нежность к деревьям, зверью, месяцу и т. д. рассчитана на такую же поддавшую аудиторию, и как в “Хоббите” лунные буквы видны только при определенной фазе луны, так и стихи эти со всеми их пороками могут вышибить слезу или восторг только у того, кто до них допился» (Быков 2015, 53–54).

Подобные не совсем корректные высказывания обусловлены как раз некоторым непониманием поэтики русского городского романса. Изучение речевого выражения в тексте городского романса того, что называется банальностью, тривиальностью, а иногда и пошлостью, играет важную роль не только в исследовании чисто филологической проблематики, но в понимании категориальной структуры повседневности.

Обратим внимание, учитывая обозначенные аспекты исследования, непосредственно на тексты русского городского романса.

Русский городской романс – это романс бытовой, для него характерны фольклорные и литературные формы бытования в городской среде, и предназначен он для пения в быту или любительского музицирования. Ему противопоставляется высокий, классический романс – камерное вокальное произведение, созданное профессиональным композитором на слова профессионального поэта и исполняемое, как правило, исполнителем-профессионалом.

Бытовые романсы традиционно подразделяются на мещанские, цыганские, жестокие, сентиментальные и салонные (Петровский 2005). Эту группу романсов отличает популярность, общедоступность, соответствие вкусам широких кругов городского населения. Городской

романс рассчитан не столько на определенный социальный слой, сколько на бытовую сторону жизни человека, который может принадлежать к разным социальным слоям. Эта сфера жизни представлена как в будничном, повседневном течении жизни, так и в бытовых праздниках.

Основными чертами городского романса считаются традиционный, много раз повторяющийся сюжет (страдания из-за неразделенной любви), чёткая расстановка персонажей (Он – страдающий влюблённый, Она – недостижимая возлюбленная, реже – наоборот), ступенчатая композиция, создающая нарастающее эмоциональное напряжение, особая романсовая фразеология, очень часто предоставленная штампами. В результате текст даже никогда не слышанного ранее романса воспринимается как *узнаваемый*. Исполнитель романса и слушатель становятся как бы авторами текста, содержание которого они знают заранее.

Текст становится изначально узнаваемым прежде всего благодаря широкому употреблению стандартных конструкций, которые в плане не просто синтаксическом, а содержательно-синтаксическом выглядят как речевые формулы. Формульность – существенная отличительная черта городского романса.

Можно выделить два типа таких романсовых формул.

С одной стороны, это устойчивые словосочетания разного типа: *пропасть разлуки, улыбка нежности, жаркая страсть, звон бубенцов (бубенчиков, колокольчиков), дни прошедшей любви, (юность) без конца, без края, горькие слезы, далекие страны, минувшие мечты, очи чёрные, годы молодые, сны неверные, взор суровый, сердцу больно, любовь-призрак, две розы, былому нет возврата, в последний раз любить, часы как минуты, страсть как вихрь, белым саваном снег, моя душечка, моя ласточка, мой нежный друг, друг-гитара* и др.

С другой стороны, формульность проявляется на семантическом уровне, когда типовая формульная ситуация обозначается одним словом, которое прочитывается как целое предложение. Такое слово в картине мира, сформированной русским городским романсом, получает пропозитивное значение и обозначает банальную, из раза в раз повторяющуюся ситуацию.

Так, *слёзы* в романсе — это не прозрачная солоноватая жидкость, выделяемая слёзными железами, это *капли на строчках*, они *туманят взор*, их *невольнo роняют в тиши*. С этими смыслами слово *слёзы* входит в текст любого романса, обозначая соответствующую ситуацию: *Капли испарений катятся, как слёзы, и туманят синий вычурный хрусталь*.

Таким же словом-формулой является в романсе слово *роза*.

Рассмотрим популярный русский романс начала 20 века «Две розы». Сочетания *белая роза, красная роза, две розы, увядшие розы* вошли в текст этого романса с уже готовой, веками существовавшей символикой. Белая роза – воплощение чистоты и невинности, алая роза – символ красоты, страсти, пламенной любви; две розы означают единство, союз; увядшие

розы – скоротечность жизни, смерть, скорбь. Однако в контексте романа эти словосочетания приобретают дополнительные значения: белая роза – неопытность, что подкрепляется сравнениями *как свирель неумелая* (вариант *как свирель безыскусная*), *как улыбка несмелая* (вариант *как попытка несмелая*), алая роза – недостижимость, коварство, порочность, что выражается в сравнении *как мечта небывалая* и эпитетах *вечно обманная, бесстыжая, наглая, пьяная*. Две розы представляют здесь скорее не традиционные единство и союз, а противопоставление, контраст, антитезу. Хотя в большинстве романсов цветовая символика розы остаётся неизменной: жёлтая роза – символ измены, разлуки: *Капают слезы на жёлтую розу, Жгу приглашенье на свадебный пир...; И печально вздохнув, разлучаясь со мной, Подарил ты мне жёлтую розу...; Много горьких мгновений, отчаянья, слез Принесла мне та жёлтая роза...* и др.

Из романа в романс кочуют *очи* с почти неизменным эпитетом *чёрные*: *очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные; взгляд твоих чёрных очей; одному лишь тебе позволяла целовать мои чёрные очи; и нет в мире очей и черней, и милей; я поцелуями покрою уста, и очи, и чело; как блеск звезды сквозь синий мрак ночей сияет мне звезда твоих очей; наглядитесь на меня, очи ясные* и т.п. Формула *чёрные очи* характеризует их обладательницу (реже – обладателя) как жестокую красавицу (жестокую красавца) с магическим взором, навеки подчинившим себе героя (героиню). *Чёрные очи* – это целый мир безумных страстей и невероятных страданий, непереносимых душевных мук и неземного блаженства.

Примечательно, что слово *очи* употребляется как в классическом, так и в городском романсе, в то время как *глаза* и даже *глазки* встречаются только в романсе городском: *ах, эти чёрные глаза меня пленили; очаровательные глазки, очаровали вы меня* и т.п. Это можно объяснить тем, что *очи* как слово архаичное придают тексту более высокое, торжественное звучание; именно *очи* воспринимаются как *зеркало души* и говорят о духовном восприятии мира. *Глаза* же – термин бытовой, его употребление свидетельствует о физическом восприятии мира.

Что касается выразительной стороны речи русского романса, то выразительность в нём часто связана с широким использованием штампов. Штамп – образное слово или выражение, претендующие на свежесть и оригинальность (и, соответственно, на искренность), но давно их утратившие и ставшие литературной банальностью.

Так, текст известного в исполнении Изабеллы Юрьевой романса «Если можешь – прости» практически весь состоит из штампов: *мне... так больно; слёзы туманят взор; слёзы роняю; сердце забило; былое проснулось; мой нежный друг; дни прошедшей любви; я жду тебя; такой жестокий; капли на строчках; две прощальные розы; горькие слёзы; те дни.*

Принципиально важно отметить, что в романсе происходит реабилитация штампа, который получает вторую жизнь в ином семантическом статусе. Здесь штамп – стандартный элемент, устойчивое словосочетание (то, что облегчает восприятие текста) – сочетается с экспрессией (тем, что воздействует, устанавливает контакт, прежде всего эмоциональный). Перед нами экспрессия в стандартной упаковке.

Механизм реабилитации прост, хотя и не очевиден: исполнитель не делает текст полностью своим, отстраняется от него. Выражается это в соответствующей мелодраматической интонации, утрированном жесте (некое подобие можно найти в аналогичных по содержанию немых фильмах). Вадим Козин так говорил об этой особенности романса, ссылаясь на своего учителя Д. А. Камчатова: «...не надо никогда, когда ты поёшь, выкладываться весь, как будто это ты переживаешь. Не надо. Нужно в вещи недодавать. Чтобы так. Когда тебя слушает какой-то двадцатилетний юноша или девушка восемнадцатилетняя, чтобы она своим созерцанием жизни, чтобы она бы заполняла эту песню» (цитируется по тексту фильма). Таким образом, мы ещё раз возвращаемся к мысли о том, что благодаря рассмотренным речевым особенностям романса его полноправными авторами становятся не только авторы слов и музыки, но и исполнитель, а также и слушатель, ибо полноценным произведением текст романса становится только тогда, когда проживается слушателем.

И в заключение приведём ещё одно высказывание Д. Быкова, которым автор опровергает всё несправедливо сказанное им о поэтике городского романса, реабилитируя и себя, и городской романс. Автор говорит об обозначенном выше направлении в творчестве А. Блока: «И все это – нормальная реакция на грядущее расчеловечивание. Предложим свой вариант классического афоризма: если патриотизм – последнее убежище негодяя, то пошлость – последнее прибежище человеческого» (Быков 2015: 115).

Елена Александровна Невзорова-Кмеч, Лодзинский университет, Польша,
lena_kmiec@hotmail.com

Э-фольклор и э-фразеология (на материале польского языка)

В работе, что следует из её названия, рассматриваются вопросы, связанные с фольклором и фразеологией. Ученые говорят в настоящее время уже не о фольклоре жителей какого-то региона или местности, какой-то профессиональной группы, а о фольклоре глобальном, который выходит за языковые, за этнические и национальные рамки. Этому способствует Интернет. Байки, сплетни, побасенки, сказки, шутки,

анекдоты и т.д. – это то, что читают, просматривают, комментируют, передают друг другу пользователи виртуальной сети, участники форумов, блогов, соцсетей, мемов. Электронная передача элементов, характерных для традиционного фольклора, не делает из этого традиционного фольклора е-фольклор. Е-фольклор – это прежде всего особая форма, мотивы и содержание. Это интерактивность представителей-героев электронных сообществ, групп некоего нереального мира со своими представлениями и динамичность этой активности. Как и для традиционного фольклора, для е-фольклора характерны свои формулы, стереотипы, в том числе и языковые – элементы мозаики, заполняющей электронно-виртуальное пространство, которые в нём и благодаря ему рождаются и могут выходить за его пределы. Одними из них являются фразеологические единицы, которые нами рассматриваются с точки зрения их семантики и происхождения.

Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. С 1989 года, когда Тим Бернес-Ли подал идею создания всемирной сети, она «оплела» устройства, владельцами которых, по данным Международного союза электросвязи (МСЭ) от 2016 года, является более 3,5 миллиардов человек (bizhit.ru). В настоящее время Интернет доступен широкому кругу людей, в частности благодаря реализации проектов подобных Internet.org (год создания 2013), цель которых – дать аудитории бесплатный Интернет. Как заявляют авторы названного проекта, «никто не должен выбирать между доступом в Интернет и едой или лекарствами». Число пользователей и время, проведенное в интернет-пространстве, а также скорость самого Интернета стремительно увеличивается. Об этом можно судить по рапортам, касающимся Интернета и социально-общественных сетевых медиа, изданным в разных странах. Так, в Польше по данным отчета We are Social's Digitals за 2016 год активных пользователей Интернета 25,71 миллионов (из 38,60 миллионов всех жителей Польши), которые в среднем проводят 4,4 часа в день в виртуальном пространстве, при этом на мобильных устройствах 1,3 часа в сутки (mobirank.pl). Видим, что большая часть населения Польши уже пересекла порог киберпространства и проводит часть своей жизни в виртуальной и дополненной реальности, т.е. стала частью мира, созданного техническими мультимедийными устройствами: компьютерами, мобильными телефонами и производными от них приспособлениями. Отметим, что это пространство можно сравнить с тем искусственным, о котором размышляли до развития компьютерных технологий авторы-фантасты. Это реальность, созданная для разумных существ, которые живут в ней, но которая ничем не отличается от нормальной действительности, но подчиняется другим законам (С. Лем – см. Википедия. Виртуальное пространство).

В наши дни эта реальность существует, она, однако, несколько отличается от материальной, в ней, конечно, иные (но не совсем) правила. В этих двух параллельных, но порой пересекающихся мирах одновременно

живет приблизительно одна шестая часть людей нашей планеты. Они, став пользователями всемирной сети, стали носителями не только своей национальной, но и представителями глобальной цифровой культуры.

«Новая» цифровая культура стала объектом изучения учёных разных областей знаний, в том числе этнологов, фольклористов, лингвистов. Причина повышенного интереса к ней и актуальность темы – это не только новизна явления, но также быстрая изменчивость и бесследное исчезновение его составляющих. Как отмечает во вступлении к сборнику «Folklor w dobie Internetu» Петр Гроховский, через 10 – 20 лет не будет шанса найти следа сплетен и анекдотических историй на тему птичьего гриппа или Романа Гертыха (бывшего польского министра образования), если, конечно, эти явления не будут в будущем активизироваться (Grochowski 2009, 8). Это подчеркивал и Э. Бауман, используя определение «ускользающая реальность», а также В.И. Чупров, Ю. А. Зубок, говоря об «инстант-культуре».

Систематизированное изучение культуры, фольклора и языка Интернета приходится на самый конец XX – начало XXI века. Ученые сосредоточили внимание на исследовании разных проявлений современного фольклора, антропологии Интернета, виртуальной коммуникации, вопросах, связанных с использованием компьютерных технологий при сборе, архивизировании и анализе этнографических, фольклорных, языковых материалов.

Мы в настоящей статье делаем попытку представить, какую роль э-фольклор играет во фразеобразовании и можно ли некоторые репродуцируемые в Интернете выражения назвать э-фразеологизмами.

В работах фольклористов отмечается, что в настоящее время наступает закат традиционного фольклора, замирание привычного народного творчества. На смену этим формам пришел э-фольклор (для его обозначения используются также термины: рус. интернет-фольклор, киберфольклор, цифровой фольклор, компьютерно-дигитальный фольклор, виртуальный фольклор; пол. e-folklor, folklor Internetu, digital folklore, cyberfolklor, komputerolor, pseudoklor, metafolk). Э-фольклор – явление многогранное, которое, перефразируя А.С. Каргина и С.Ю. Неклюдова, обозначает свое присутствие в разных слоях сетевой культуры, сетевых субкультурах и кодовых виртуальных системах, «имеет разные социально-ролевые функции и обладает специфическим набором способов своей манифестации» (Каргин–Неклюдов 2005, 6). Его можно определить как аудиовизуальные и письменные возникшие под влиянием современных медиа формы транснационально-народного, глобального творчества, которые передаются электронным путем (см. Krawczyk-Wasilewska 2009, 18). Молниеносная передача информации осуществляется при помощи СМС, компьютерных игр, e-mail-ов, блогов, чатов, информационно-дискуссионных площадок, интернет-мессенджеров, «текстовых рыб» (условный, зачастую бессмысленный текст-заполнитель) и многих других

форм электронного общения (Krawczyk-Wasilewska 2009, 19). Сообщения быстро переходят от одного к другому, размножаясь (клонирываясь) до бесчисленности (повторяемость в традиционном фольклоре), но в границах определённого тематического сайта – www, среди заинтересованных им адресатов-специалистов (И. Таран в статье «Фольклор в Интернете» говорит, что интернет-фольклор связан не только с глобализацией, но и глокализацией), но, как было отмечено выше, быстро исчезают в никуда, теряются во «вселенной» виртуального пространства, при этом порой никакие молитвы «богу Интернета» не помогут (см. Krawczyk-Wasilewska 2009, 19).

Сравнивая черты (кроме повторяемости) традиционного фольклора с интернетным, отметим, что они схожи (т.е. вариативность, присутствие контаминации, анонимность). Под анонимностью подразумевается неизвестность (неявность официально зарегистрированных данных (напр., паспортных) автора-создателя материала для его получателя. Общающиеся друг с другом в Интернете – это представители киберсообщества, киберплемени (используем эти определения не в строго терминологическом смысле) и т.д., которые в них имеют свой статус, место. Обозначение личности в кибергруппе происходит с помощью «ника» и «аватара», e-mail-а (в случае on-line игр, чатов, форумов, дискуссионных групп, комментариев и под.), по виртуальному поведению: griefing, grokking, trolling, cyberbullying, ceberstalking, её статус: admin, moderator, ekspert, nowy (newfag), weteran (oldfag), uzależniony и др. (см. Kamińska 2011, 286) в виртуальном обществе со своими правилами и законами (напр., закон Гудвина). Анонимность так или иначе является относительной, поскольку, имея знания и умения в области информатики и компьютерных технологий, несложно определить реальные данные любого сидящего по ту сторону экрана и разоблачить в случае необходимости нарушителя правил (напр., за flame не только bana/ kick), предписанных установленным законом (авторское право, оскорбление личности и др. /с юридической точки зрения реальное законодательство не совершенно для сетевой действительности/).

Говоря о э-фольклоре, можно сказать, что Интернет как э-общество и э-пространство может быть представлен как фольклорная сцена, на которой разыгрываются загадочные, таинственные, странные события, действия. Как пишет Медер, Интернет для пользователей – это сверхъестественная мистическая вселенная, а компьютер – магическая коробочка со знахарями и волшебниками, называемыми программистами и хакерами, поэтому они во избежание несчастья – поломки компьютера в результате проникновения вируса – готовы на все, даже пересылать *письма счастья* (см. Meder). Сам термин *łańcuszek szczęścia* приобрел значение не только интернет-спама, а используется в разных контекстах для совершения каких-либо действительно необходимых и полезных для достижения положительного результата действий, напр., *twój łańcuszek*

szczęścia: każda kolejna książka daje nam poczucie szczęścia. Оборот также имеет трансформации *chomik szczęścia* (изображение хомька и текст “*jeżeli widzisz ten obrazek przydarzy ci się coś dobrego*”). Кроме такого вида мифов небывалые истории распространяются через сайты местных легенд.

В Интернете появляются «мифические» существа тролли (само название существа, пугающего людей, заимствовано из скандинавской мифологии и распространилось благодаря произведениям и играм в жанре фэнтэзи), которых выпускают пользователи, носители группового сознания. Ведутся *flame wars*, участниками которой являются *trolle-animatorka, trolle-marionetka, nowicjusz, denizen, troll-zombi*. Виртуальные тролли, как и мифологические, приобретают разный облик, т.е. э-тролль может скрываться под невинным ником, напр., *Kasia*. (Kamińska 2011). Способ разжигания виртуальной словной полемики с помощью постов провокаторов-хулиганов (подробнее также на сайте: http://wyborcza.pl/magazyn/1,124059,12908834,Wysmiej_trolla_na_smierc.htm) известен всем членам киберпространства. В польском «виртуально-сказочном» пространстве находим карикатуры и шутки, которые отождествляют виртуальных хулиганов с мифологическими (напр., в демотиваторах). Это интернет-явление стало источником таких оборотов, как *zostać strollowanym* (от англ. *you have been trolled*), *nakarmić/ karmić trolla*, которые стали активно использоваться в речи и означают ‘поддаваться на провокации, стать их жертвой, быть наивным’. О «радиации» явления *trolling-a in real life* свидетельствует частое обыгрывание их в публицистическом дискурсе. Напр., *nie karm trolla* – о кампании против ненависти (Gazeta Wyborcza 2015), Дональд Трамп был окрещен *królem trolli* – (www.gazeta.pl 2017) и др. С упомянутыми выражениями связан оборот *tykać zarzutkę* ‘повестись на провокацию, обман, цель которых – вызвать у собеседника желаемую реакцию (гнев, удивление, смущение и т.д.)’. Список таких выражений с их объяснениями пополняется пользователями Интернета на сайте vasisdas.pl. Цель этого сайта – фиксировать новые выражения, появляющиеся в польском языке. Лозунг его: *fejsbóg powiada! Lajkować świeże słowa, to nie grzech*. Подобным образом аккумулируются новые единицы на сайте miejski.pl.

В Интернете создаются и мистификации, неправдивые, вымышленные истории. Одной из них, созданной городскими легендами, является *kot w butelce (bonsai kitten)*. История говорит о том, что можно вырастить кота в бутылке, рассказывается, как о нём заботиться: как кормить, убирать нечистоты и т.д.

Традиционный фольклор и интернет-фольклор тесно связаны и с той точки зрения, что вербальное, может быть подкреплено визуальным: обрядом, жестом. В э-фольклорной традиции эту функцию выполняют знаковые формы выражения эмоций, передача интонаций (эмотиконы, написание букв и т.д.) (Назаровская 2014). Повторяются даже некоторые

жанры, напр., анекдот, сказка, легенда. Думается, что в настоящее время это взаимодополняющие формы фольклора. Интернет помогает в популяризации традиционного фольклора и его современных произведений с помощью размещения на сайтах текстов ранее собранных С. Адальбергом, О. Кольбергом, Ю. Кшижановским сказок, легенд, пословиц, народных песен, а также видео народных танцев, изображений предметов народного ремесла, описания традиционных блюд и т.д., а э-фольклор трансформирует их, наполняя их новым содержанием, актуальным для реалий настоящего времени, используя кроме традиционных формул народной культуры формулы популярной массовой культуры и новые технические возможности и средства. Э-фольклор – это новая динамично развивающаяся форма фольклора. Это, прежде всего, иная среда общения со своими правилами поведения и иные её члены. Это новая (computer-mediated communication) устно-письменная форма общения по формуле many-to-many (не face-to-face). Это новые жанры (чаты, блоги, форумы, мемы, социальные сети, письма счастья и т.д.). Это новые формальные средства передачи информации, иными словами – новый язык.

Польский э-фольклор имеет схожие черты с иными э-фольклорами. Он носит карнавальский, смеховой, игровой, насмешливый характер, стёб. (Тарса 2015).

Несмотря на глобальность э-фольклора, каждый национальный э-фольклор имеет своё пространство, т.е. польский – порталы, сайты, страницы с доменом *.pl*, где он размещается. Его найдём также и на сайтах: facebook.pl/ananasowe memy, witaj przybyszu w internetach, besty.pl, kwejk.pl, nonsensopedia.pl, define.pl, atrapa.net, 9gag.com и др.

Используется для общения свой язык (напр., e-polszczyzna). Язык э-фольклора – это «новый вариант национального языка, который находится на границе между письменной и устной формами, подвергается постоянной эволюции, переходя в разговорный язык, а также используется в сообщениях, написанных от руки. Этот язык сохраняет свои характерные черты: стремление к ёмкому и экспрессивному высказыванию, использование определённого кода, употребление формул, неологизмов, акронимов и уменьшительно-ласкательных форм, пренебрежение правилами традиционной орфографии и пунктуации»⁵ (Krawczyk-Wasilewska 2009, 20). О языке, третьем языке, писали А. Милошевская, Я. Гженя, Я. Бецеля и другие, называя и описывая его характерные черты. Однако редко речь в работах исследователей идёт о интернет-фразеологии, э-фразеологии и т.п. Попытка представить новый тип фразеологических единиц на материале олбанского языка, а также демотиваторов как одного из типов креолизованных текстов (тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/ речевой) и

⁵ Перевод наш. Е. Н.-К.

невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык) (Сорокин–Тарасов 1990, 180-181) была предпринята Я. Тарсой (Тарса 2015). Исследовательница не называет их э-фразеологизмами, а использует термины «устойчивые повторяющиеся выражения» и «фразеологические неологизмы», поскольку рассматривает также трансформированные фразеологические единицы, не происходящие из Интернета и не имеющие отношения к компьютерной области. То, что Тарса относит к фразеологизмам, Я. Кайфош считает текстами фольклора, определяя их как «тексты, которые в конкретных условиях (в частности, социальных, экономических, политических, технологических) размножаются в коммуникативной среде в разных формах мутаций, из которых только некоторые могут выжить и быть представленными в системе (*langue*), создавая таким образом «естественную среду», в рамках которой будут повторяться, размножаться и мутировать очередные тексты, распространяющиеся по разным коммуникативным каналам (Kajfosz 2003, 51). Думается, что к э-фразеологии можно отнести те выражения-репродукты (по терминологии В. Хлебды), которые связаны с интернет-технологиями, профессиональным компьютерно-сетевым жаргоном, жаргонами геймеров и иных представителей сетевых движений, а также жанрами э-фольклора. Парадоксом является то, что прежде чем фольклористы и лингвисты обратили на это явление внимание, как иронично подчеркнул фольклорист Михаил Алексеевский, оперативные менеджеры уже успели на этом хорошо заработать, используя их в рекламе.

Приведём примеры таких единиц. В семантическом плане одну из групп составляют единицы, в которых виртуальный мир противопоставляется реальному/материальному. Такие единицы имеют структуру *szukam świata* + трансформированная известная пословица/фразеологизм, юмористическое современное (оказиональное) выражение (*w którym jedna jaskółka czyni wiosnę/ gdzie szewc chodzi w butach/ gdzie jak cię widzą to dzień dobry/ w którym człowiek człowiekowi człowiekiem/ gdzie kebab ma zawsze więcej mięsa niż warzyw*). Семантически связаны с этой группой обороты *ucieczka do realu* ‘выход на улицу, на прогулку’, *spotkać się w realu* ‘встретиться в настоящей, не виртуальной жизни’ (часто на обыгрывании разных значений слова *real* в подобных оборотах строятся шутки и анекдоты: 1. Материальный мир в э-общении, 2. Название сети гипермаркетов, 3. Название испанского футбольного клуба). Обороты о виртуальной жизни: *uaktualnić swój status, zobaczyć się/ na Fejsie, dać coś do Internetu, zrobić dzień, zmemić prezydentową, jak to „odzobaczyć”, być na łączach, być w taczu, być SWAG, wirtualny kopniak (kick), gorące miejsce (hot spots), Ale włam!* Некоторые изображения и аудио-видео-материалы объединяются одним выражением *Z cyklu: A chciałem dobrze; Z cyklu: jak zrozumieć psa; Z cyklu: dobre, bo polskie; Mistrz drugiego planu; Wersja*

rosyjska, Wersja Polska, tymczasem w Australii; Kto bogatemu zabroni; (seria o kangurze – Jaki kraj taki kangur), Polaki biedaki Cebulaki.

Самая обширная группа – это выражения-ответы на поведение и содержание высказывания собеседника в Сети: а) указание на недалекость кого-л.: *A ja przezedłem Mario w lewą stronę* ‘не обманывай’, *idź na dwór zobaczyć czy Cię tam nie ma* ‘опомнись, не будь дураком; ты дурак’, *jesteś inteligentny jak komentarze na Onecie; masz mózg z allegro czy z biedronki; daj zdjęcie, bo pokemony zbioram; twój stary ma stragan na allegro* ‘ты глупый, неопытный, недоразвитый и т.д., говоришь-пишешь чушь’, *mów do ręki* ‘говори по сути, не болтай ерунду’, *bakaj/ bekaj lolo* ‘отвали’. Компонентами таких оборотов становятся названия популярных у широкого круга пользователей польских интернет-порталов и сайтов.

Одна из характерных черт э-фольклора заключается в его взаимодействии с массовой культурой, к которой причисляются, между прочим, любительские фильмы на канале YouTube. Рекорды популярности можно проследить по числу количества просмотров размещенного файла. К подобным фильмам восходят, например, такие выражения, как: *Jestem hardcorem!, Jem zupę!, Daj kamienia!* Они доказывают открытость фольклора к явлениям популярной культуры и возможность его творческого использования при сосуществовании разных явлений (Каргин–Костина 2009, 15). Одними из таких популярных выражений было до недавнего времени *Co się stało? – Daj śrubokręt; Co się stało się?* (цитата из речи Мачека, героя польского сериала «Klan»).

Кроме того, благодаря Интернету появились новые звёзды YouTube (*Ham(p)ster Dance, Pani Barbara z klatki “B”*), имена которых стали нарицательными, а тексты, произнесённые ими, были быстро подхвачены пользователями и разосланы по Интернету. Относительно имён можно сказать, что они занимают свою нишу в э-фольклоре. Жанр, который без них не обошёлся, – это мемы. В них частыми героями являются *Typowy Seba* (представитель поколения людей 90-х годов XX века), *Typowy Mirek* (продавец автомобилей), *Janusze biznesu, Janusze plaży, Janusz to stan umysłu, Janusze marketingu, Janusz wyznaje zasadę, że nieważne jak, ważne że.* В них имена собственные становятся нарицательными (ср. русск. *Иваны, не помнящие родства* и др.)

Следующие группы выражений – это составная часть демотиваторов, которые отражают отношение к происходящим политическим событиям, социально-общественным ситуациям, к спорту и жизненно-бытовым ситуациям. Пожалуй, это наименее устойчивая группа выражений. Напр., одними из последних (март 2017 года) были популярными тексты, касающиеся аварии премьер-министра Беаты Шидло, – бронированный автомобиль, на котором она ехала, столкнулся с Seicento, после чего госавтомобиль врезался в дерево. Это событие пользователями Сети было воспринято с долей иронии. Была проведена параллель с терактом в Германии, с катастрофой в Смоленске, также прозвучала насмешка в

отношении следствия и т.д. *Wrak Tupolewa, wrak Seicento; pancerna brzoza, pancerne Seicento; wszystkich samochodów nie rozbijemy, ale próbować warto; Mam Seicento i nie zawaham się go (Seicento) użyć* (этот пример представляет собой трансформацию цитаты из польского перевода текста к мультфильму «Шрек» (перевод Б. Вежбиенты): *tam smoka i nie zawaham się go użyć*; в трансформированном виде ставшее крылатым выражение использовано и в названии книги Йоанны Олех о правах ребенка: *Mam prawo i nie zawaham się go użyć*; *Seicento przetrwa wszystko (prawdziwa miłość przetrwa wszystko)*; *Polak potrafi* [текст подкреплен изображением Seicento] (оборот может ассоциироваться с названием телепередачи о ремонте автомобилей на канале TVN Turbo); *kiedy spotykasz na swej drodze kogo z zupełnie innej bajki* (обыгрывание ситуации с использованием разговорного фразеологизма *z innej bajki* ‘отличаться от кого-л., не принадлежать к какой-л. группе, сообществу’ (см. Czeszewski 2006)). Эти выражения не заново созданы, а трансформированы или актуализированы благодаря наличию визуального компонента (изображения, картинка). Во фразеологизмах этой группы, используемых как вербальный компонент демотиватора, часто сталкиваются их прямое и переносное значение как приём *вербально-визуальной игры*. Думается, что упомянутые обороты связаны не своим происхождением с Интернетом, а с местом размещения их трансформации (например, трансформация известной цитаты (неправильно понимаемой) из произведения («*Do tego co czytał*») Миколая Рея – *A niechaj narodowie wždy postronni znają, // Iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają!*) – *Polacy nie gęsi i swe temy znają* ассоциируется не с текстом писателя, а порой лишь с мемом, размещённым в Интернете. Digital-natives (≈ представители, рожденные в эпоху активного использования Интернета и активно пользующиеся им) пространство Интернета воспринимают как свой мир. Для того, чтобы быть своим в нём (даже не глобальном, а локальном), надо ориентироваться в пространстве Сети.

Языку свойственно меняться и обновляться, в том числе за счёт воскрешения забытых, архаичных единиц. Можно ли назвать найденные в Интернете фразеологизмы (трансформированные, новообразованные окказионализмы и т.д.) э-фразеологизмами? Представляется, что использование термина «э-фразеологизм» по отношению ко всем новым, обновленным (преобразованным/трансформированным) единицам, которые встречаются и передаются пользователями электронным путем (СМС, коммуникатор, Интернет и т.д.), не справедливо и не обосновано. Объясняется это тем, что в расширении терминологического аппарата за счёт сомнительного термина, объём понятия которого накладывается на понятие термина «фразеологический неологизм», нет необходимости. В нестрогом научно-терминологическом плане можно его использовать как вариант «фразеологического неологизма», в качестве уточнения источника происхождения фразеологической единицы, вошедшей в разговорный (напр., польский) язык (при полном осознании и проверки того факта, что

данная единица не может быть этимологизирована при помощи иных до-интернетных источников).

Подведём итоги. Э-фольклор (интернет-фольклор) (в совокупности с данными культуры) и его элементы требуют постоянного отслеживания, аккумуляирования, фиксирования (о чем не раз говорили ученые). Методические разработки для этого изложены в статье *Folklorystyka 2.0* Филиппа Гралинского (Graliński). Все материалы важны для этимологизирования э-фразеологии. Все «лексикографические» проекты, которые позволяют on-line внесение и проверку данных, должны стать неотъемлемым элементом при изучении фразеологии в настоящее «виртуально-пространственное» время.

Желька Финк, Философский факультет Загребского университета
(Загреб, Хорватия)
zfink@ffzg.hr

Фразеология и паремиология в тексте современных хорватских граффити⁶

1. До недавнего времени российские фольклористы почти исключительно занимались образцами «классического» фольклора, записанными среди сельского населения, и некоторыми архаическими традициями. Но, «как свидетельствуют данные социологии, во второй половине XX века “классические” устные сельские традиции исчезают, и этот процесс особенно набирает силу вследствие стремительной урбанизации страны в 1970-ые годы» (Неклюдов, режим доступа: www.culture29.ru/.../73bb571cb38f26cf4e596284aacc6b01.pdf). Этот факт сопровождается появлением в фольклорном репертуаре текстов, ранее для него совершенно не характерных. Такие новации были связаны исключительно с городской культурой, и поэтому исследователями всё чаще упоминается современный городской фольклор⁷, под которым условно подразумевается «та область художественного творчества, которая в самых разных формах и видах бытует сейчас в крупных городах. Это явление динамичное, активно развивающееся и трансформирующееся, поэтому классифицировать его можно лишь приблизительно. [...] Современный городской фольклор включает в себя как традиционные жанры

⁶ Работа выполнена в рамках проекта *Primjena frazeološke teorije u frazeografiji* (№ 4054), который финансирует хорватский фонд *Hrvatska zaklada za znanost*.

⁷ Такой фольклор нового типа, место которого не деревня, а город, исследователи называют ещё *постфольклором* (термин С. Ю. Неклюдова), *антифольклором* (термин Н. И. Толстого), *неофольклором* (термин В. П. Аникина), *третьей культурой* (термин В. Н. Прокофьева).

фольклора, адаптированные в современном городском обиходе, так и собственно городские тексты, распространяющиеся в двух формах: устной и письменной» (Современный городской фольклор 2014, 5). В пособии *Современный городской фольклор* предлагается классификация устных и письменных форм городского фольклора.

Устные формы предполагают следующие группы: 1) городской обрядовый фольклор (который делится на общественный бытовой и домашний бытовой); 2) городская фольклорная проза (городские былички, городские бывальщины, городские мемуараты, городские легенды, семейные легенды, городские мифы, слухи, сплетни, байки, анекдоты); 3) малые жанры городского фольклора (поговорки, пословицы, современные изречения, современные загадки); 4) городская фольклорная поэзия (городские частушки, городские романсы и новые баллады, песни, песенные переделки популярных произведений, фольклоризированные формы эстрадной и авторской (бардовской) песни, традиционные любовные, семейные, элегические песни); 5) городской детский фольклор (авторские колыбельные, тиражируемые потешки и пестушки, современные нелепицы, нескладухи, считалки и игровые приговорки, дразнилки, современные загадки-шутки, «саdistские стишки», «страшилки», «вызывания», школьные пародии, школьный толковый словарь); 6) фольклор городских субкультур (молодежной, студенческой, армейской, блатной, профессиональной, компьютерной, региональной).

Письменные формы городского фольклора – это рукописные и печатные песенники, альбомные стихи, поэмы и рассказы, стихотворные подписи к фотографиям, открыткам, письмам, граффити, «святые письма» и «письма счастья», аудиозаписи и видеозаписи, причем они делятся на следующие группы: 1) обрядовый фольклор (сценарии различных праздников, городских гуляний); 2) альбомный фольклор (произведения, которые хранятся в рукописных альбомах, и сами альбомы); 3) эпистолярный фольклор (эпистолы, подписи к фотографиям, поздравления, «магические письма»); 4) граффити.

2.1. Таким образом, граффити представляют собой один вид письменного городского фольклора. Слово *граффити* (от итальянского *graffito*, ед. ч. 'нацарапанный', *graffiti*, мн. ч.) употребляется в двух значениях, причем первое относится к древним и средневековым рисункам и надписям магического и/или бытового характера, нацарапанным на металлических изделиях и сосудах, и они в основном воспринимаются как ценный артефакт культуры и памятник истории. С другой стороны, второе значение является более современным, и оно относится к городскому фольклору. Это не только вид уличного искусства, но и один из самых актуальных способов художественного выражения, это неформальный способ коммуникации между отдельными людьми и группами, способ коммуникации неофициального характера. Хорватский социолог Дражен Лалич выделяет пять факторов данного феномена: техника создания

граффити, место, на котором они находятся, их форма, модели коммуникации и коммуникативная интеракция (Botica 2010, 384, 385).

Можно сказать, что граффити представляют собой неотъемлемую часть городской культуры. Несмотря на тот факт, что в большинстве стран мира нанесение граффити без разрешения считается проявлением акта вандализма и асоциальным явлением⁸, в настоящее время лингвисты, социологи, психологи, антропологи все чаще обращают внимание на содержание современных настенных надписей и рисунков.

2.2. В 2000 году в Загребе вышел сборник современных хорватских граффити (*Suvremeni hrvatski grafiti*), который подготовил Стипе Ботица, доктор филологических наук и профессор Философского факультета Загребского университета. Второе дополненное издание было опубликовано в 2010 г., причём авторами данного издания (*Suvremeni hrvatski grafiti. Od 1992. do 2009.*) являются Стипе Ботица и студенты. Первое издание содержит 813 городских настенных текстовых граффити (с 1992 г. по 1999 г.), собранных в разных городах Хорватии студентами спецкурса «Хорватское устное народное творчество» (отделение Кроатистики на Философском факультете в Загребе). Позднее к загребским студентам присоединились и студенты кроатистики из других городов страны, и, естественно, количество текстовых граффити и городов увеличилось. Второе издание содержит всего 1338 текстов (525 новых текстов за период с 2000 г. по 2009 г.). У всех текстов в этих изданиях указан год, когда они написаны или зафиксированы, и город, а в некоторых случаях (в основном во втором издании) дается и более детальная информация о месте, где находится данная надпись (напр., улица, площадь, район, подземный переход, затем помещение, напр., женский туалет на первом этаже Философского факультета и т. д.). Граффити приводятся в оригинальной форме, т. е. со всеми ошибками, орфографическими и/или грамматическими, и со всеми включёнными словами, включая и вульгаризмы (если они есть)⁹.

Весьма часто в текстах обсуждается актуальная политическая ситуация (в основном в Хорватии), поступки политиков, причем, как можно и предположить, тексты негативно окрашены. Помимо этого, рассматриваются отношения между мужчинами и женщинами, упоминаются любовные проблемы, проблемы в школе и на факультете, затрагивается тема спорта. Часто обсуждается и поведение человека под влиянием алкоголя. Если сравнить текстовые граффити в первом и во втором изданиях, то можно заметить, что в первом издании они носят более общий характер, в то время как во втором они как-то более индивидуальны. Часть текстов в сборнике весьма оригинальна и инте-

⁸ Во многих городах для снижения уровня вандализма, выделяются специальные стены и зоны для граффитчиков.

⁹ В такой форме они приводятся и в настоящей работе.

ресна, наполнена юмором или иронией, иногда сарказмом. Для них часто характерна игра словами, лудизм, двупланность.

Приведём несколько, по нашему мнению, интересных текстовых граффити.

В первом упоминается конкретный политический момент, связанный со сношением Берлинской стены:

ODEM DO BERLINA / DA NAPIŠEM GRAFIT / KAD ONO SRUŠE ZID
/Сплит, 1994/

[Я приехал в Берлин написать граффити, как вдруг – стену снесли]

Во втором не без доли юмора даётся определение женщин, учитывающее возрастной элемент, который сопоставляется с истечением гарантийного срока товара:

Žene su djevojke / kojima je prošla garancija. /Загреб, столовая, 2002/

[Женщины – это девушки, у которых истёк гарантийный срок]

Иногда граффитчики затрагивают и библейские темы. Вниманию предлагаются тексты на тему создания человека, проникнутые и юмором, и иронией:

KAD JE BOG STVARA MUŠKARCA, / SAMO JE VJEŽBAO

[Когда Бог создавал мужчину, он только упражнялся]

Другой автор дописывает:

A ZA STVARANJA ŽENE / BIJAŠE MAMURAN! /Сплит, 1994/

[А когда создавал женщин, он еще страдал от похмелья]

BOG JE PRVO / STVORIO MUŠKARCA. / NO, POZNATO JE DA / PRVA PALAČINKA NE USPIJEVA /Загреб, Философский факультет, 1996/

[Бог сначала сотворил мужчину. Но всем известно, что первый блин комом]

Весьма интересным, по нашему мнению, является и текст, в котором граффитчик ссылается на пьесу ирландского драматурга Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо»¹⁰. В нём имя Годо подписано под текстом, в котором указывается, что он сейчас вернется, и таким образом текст граффити отклоняется от содержания самой пьесы:

ODMAH SE VRAĆAM

GODO /Загреб, 1993/

¹⁰ На основе названия и лейтмотива пьесы в хорватском языке образован книжный фразеологизм со сравнительной структурой *čekati (iščekivati) kao Godota* koga, što, причем он, кажется, чаще употребляется по отношению к неодушевленному предмету: *I dok Karlovčani kino čekaju kao Godota, stiže alternativa. Vraća se projekt "Kino u kazalištu" u organizaciji kazališta Zorin dom.*

https://hr-hr.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1073556042739984&id... (доступ 9.3.2017)

Jasno vam je, riječ je o maksimirskom stadionu čija je rekonstrukcija započela još 1997. godine, a njen kraj iščekujemo kao Godota.

www.telegram.hr/.../zasto-planirana-izgradnja-krova-na-maksimiru-kosta-280-milijun...

(доступ 9.3.2017)

3. Основная тема данной работы относится к текстовым граффити, включающим разные виды малых жанров или мини-текстов. Часто в них происходит какой-либо тип трансформации (чаще всего это субституция компонентов), ср.

TKO RADI NE SJEDI U VLADI

[Кто работает, не сидит в правительстве]

Автор текста берет первую часть пословицы *Tko radi, ne boji se gladi* (русский эквивалент *Кто работает, тот ест*), а вторая часть заменяется новым текстом, в котором выражается негативное мнение о политиках и об их отношении к работе.

Несмотря на тот факт, что в текстовых граффити весьма часто происходят разные типы трансформаций, влияющих как на форму и компонентный состав, так и на семантический уровень, в работе будут показаны случаи, в которых отсутствуют лексические преобразования.

3.1. Сначала рассмотрим два случая, когда в двух крылатых выражениях происходит трансформация, основанная на изменении порядка компонентов.

В глубинной структуре фразеологизированного крылатого выражения *<i>zidovi imaju uši* (русский эквивалент *у стен есть уши*¹¹) заложен нереальный образ, а самим выражением собеседник предупреждается о возможности подслушивания. В текстовом граффити изменён порядок субстантивных компонентов, и таким образом автор текста либо хотел указать на слуховые ограничения, границы, либо просто хотел добиться эффекта:

I UŠI IMAJU ZIDOVE /Копривница, 2009/

[И у ушей есть стены].

С другой стороны, крылатое выражение Рене Декарта *Mislim, dakle postojim* (русский эквивалент *Я мыслю, следовательно, существую*) сначала приводится в оригинальной форме, причем это служит лишь исходным пунктом, чтобы позже опровергнуть основную идею данного крылатого выражения. Во второй части текста на первое место выдвигается второй глагол, а первый глагол отрицается и подчеркивается с помощью слова *bolje*. Таким образом, не только опровергается идея существования человека как мыслящего субъекта, но и человек сам выбирает позицию немыслящего, считая её лучшим вариантом:

MISLIM, / DAKLE POSTOJIM / POSTOJIM. / DAKLE, BOLJE DA NE MISLIM /Загреб, столовая, 1993/

[Я мыслю, следовательно, существую. Существую. Следовательно, лучше не мыслить]

3.2. Теперь представим несколько текстовых граффити, частью которых являются фразеологизмы и пословицы. В отличие от предыдущих

¹¹ Выражение из пьесы Лопе де Вега «Валенсианские безумцы». Оно употреблено и у Сервантеса в «Дон Кихоте» (БСКСИВРЯ 2009).

двух текстов, в которых произошло изменение порядка компонентов, в следующей части отсутствуют лексико-структурные преобразования, значит, фразеологизмы и пословицы остаются в своей оригинальной форме. Наблюдаются разные типы семантического преобразования.

3.2.1. Фразеологизм *oboriti / obarati s nogu* кога (досл. 'ударом свалить / сваливать *кого*, заставить / заставляя упасть *кого*') употребляется в значении 'привести / приводить в восхищение *кого*, вызвать / вызывать удивление у *кого*'. В первой части текста речь идёт о двойной актуализации, о совмещении фразеологического значения оборота и его образной основы (Мелерович–Мокиенко 2005, 20), но подпись (*пулемёт*) ясно даёт понять, что речь идёт не о двупланности, а о буквализации¹²:

OBARAM LJUDE S NOGU

MITRALJEZ /Дубровник, 1997/

[Сваливаю людей с ног. Пулемёт]

В следующем текстовом граффити употреблён фразеологизм *ubiti boga* и *come* со значением 'сильно избить *кого*', но на первый план выдвигается дословное значение его компонентов, вызванное значением существительного *атеист*:

POSTAO SAM ATEIST, / UBILI SU BOGA U MENI /Дубровник, 1997/

[Я стал атеистом, убили Бога во мне]

3.2.2. Теперь рассмотрим пять пословиц, включённых в текстовые граффити. Хотя сборник текстовых граффити содержит определённое количество пословиц с разными типами трансформаций, в данной части работы будут представлены пословицы, употреблённые в своей оригинальной форме, без лексико-структурных преобразований, причём все они сопровождаются текстом (чаще всего приведённым после самой пословицы), в котором с разных сторон обсуждается их образная структура и/или значение.

Сначала приводятся два текстовых граффити, во второй части которых полностью меняется смысл пословиц.

TKO LAŽE TAJ I KRADE, / TKO KRADE TAJ I IMA, / TKO IMA / BUDI MU PRIJATELJ /Загреб, 1999/

[Кто лжёт, тот и крадёт; кто крадёт, у того есть много денег; дружи с тем, у кого есть много денег]

Данный текст делится на три части. В первой части приводится пословица *Tko laže, taj i krade* (русский эквивалент *Кто лжёт, тот и крадёт*), в которой выражается определённый тип предупреждения, потому что одна форма негативного поведения легко может превратиться в другую, худшую. В продолжении текста выражается противоположное мнение, оправдывающее именно ту форму поведения, по отношению к которой выражается предупреждение в пословице, и таким образом стирается основная идея паремии. Третья часть текста граффити ещё

¹² См. и в Užarević 2012, 137.

больше удаляется от смысла пословицы, она побуждает к дружбе с состоятельным лицом, несмотря на способ приобретения им имущества.

Tko radi taj i griješi / Tko malo radi malo griješi / Ima ljudi koji uopće ne griješe! /Осиек, 1997/

[Кто работает, тот ошибается; кто мало работает, мало ошибается; есть люди, которые вообще не ошибаются]

Этот текст можно разделить на три степени. В первой, выраженной пословицей *Tko radi, taj i griješi* (русский эквивалент *Кто работает, тот ошибается*), оправдываются возможные ошибки человека в случае, когда он много работает и успевает сделать всё, что надо было. Во второй количество ошибок уменьшается, а в третьей ошибок больше или совсем нет. Но, естественно – отсутствует и работа.

В следующем тексте не без доли юмора смысл пословицы *Griješiti je ljudski* (русский эквивалент *Человеку свойственно ошибаться*) доводится до банальности, т. е. снова стирается основная идея пословицы:

GRIJEŠITI JE LJUDSKI, / ALI AKO VAM SE GUMICA / ISTROŠI PRIJE OLOVKE, / MALO STE PRETJERALI /Дубровник, 1997/

[Человеку свойственно ошибаться, но, если ластик истёрся раньше, чем исписался карандаш, вы немного переборщили]

В отличие от этого, в следующем тексте смысл пословицы *Nesreća nikad ne dolazi sama* (русский эквивалент *Бедя никогда не приходит одна*) делается ярче, он как будто становится более опасным, грозным:

NESREĆA NIKAD NE DOLAZI SAMA. / OBIČNO JE U PRATNJI POLICIJE /Дубровник, 1997/

[Бедя никогда не приходит одна. Её обычно сопровождает полиция]

В заключение приведём и случай, в котором пословица *Na greškama se uči* (русский эквивалент *На ошибках учатся*) следует за текстом, точнее с помощью пословицы автор отвечает на заданный вопрос. Снова речь заходит о библейской теме, а ироничный комментарий, выраженный пословицей, имеет гендерный характер:

ZAŠTO JE BOG PRVO STVORIO / MUŠKARCA? / NA GREŠKAMA SE UČI /Загреб, Философский факультет, 1997/

[Почему Бог сначала создал мужчину? На ошибках учатся]

4. В настоящей работе показана только часть материала, собранного в сборнике современных хорватских текстовых граффити. Мы, во-первых, представили несколько, по нашему мнению, оригинальных и эффектных текстов граффити. Но особое внимание мы обратили на тексты, включающие фразеологизмы, пословицы и крылатые выражения, в которых происходит определённый тип семантического преобразования. В заключение можно сказать, что часть хорватских текстовых граффити является весьма интересной как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения.

Глава II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ФОЛЬКЛОР

Анна Дмитриевна Еськова, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
GratiaA@yandex.ru

К проблеме фольклоризации библеизмов: первый псалом в повести м. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Стихия фольклора очень важна для М. Горького. Вспомним хотя бы его слова из заключительной речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей: «Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его» (Горький 1953, 342¹³). Значимость фольклорного начала для этого автора отмечали еще дореволюционные критики. Так, В. Л. Львов-Рогачевский писал: «М. Горький, один из немногих русских писателей, — родной своему народу и по духу, и по крови, и по языку. <...> Язык Горького — это язык народа, богатый, красочный, сочный, пленительный в своей певучести и красоте. Наши модернисты-чужестранцы изучают русский язык по Далю, по словарям, — Горький говорит этим языком» (Львов-Рогачевский В. Л.: Максим Горький). Далее автор цитирует Александра Блока, считавшего, что «если и есть реальное понятие «Россия», или, лучше, — *Русь*, — помимо территории, государственной власти, государственной церкви, сословий и пр., то есть если есть это великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем *Руси*, — то выразителем его приходится считать в громадной степени — Горького» (Блок 1962, 103).

В статье рассматриваются выражения, восходящие к первому псалму, которые встретились в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина».

Псалтырь стала источником устойчивых выражений для многих языков мира, в том числе и для русского. Цитаты из псалмов, пословицы и поговорки, связанные с текстом Псалтыри, организуют особое фразеопространство в каждом европейском (да и не только европейском) языке. В художественном произведении эти единицы обретают свои особые функции. Можно сказать, что у всякого большого писателя своя Псалтырь. Обороты, связанные с текстом Псалтыри, безусловно, значимы и в творчестве М. Горького. В «Жизни Клима Самгина» такое пространство тоже есть.

Формула *блажен муж* неоднократно используется в Библии. С этих слов начинается Псалтырь:

¹³ Текст повести цитируется по изданию 1953 г., в скобках указываются том и страница.

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе (Пс. 1, 1) Также она используется, например, в 31-м псалме: *Блажен муж, емуже не вменит Господь греха, ниже есть во устех его леть* (Пс. 31, 2).

Но именно первый псалом по первым словам именуется в церковной традиции *блажен муж*.

«Как единодушно отмечают комментаторы, и старые, и новейшие, первый псалом — это вступление ко всей Псалтири в целом. Среди других псалмов ему принадлежит особое место» (Аверинцев: 75). Он предпослан всем последующим псалмам, как произносимой молитве предпосылается размышление в тишине. А в повести Горького цитаты из этого псалма отнюдь не наполнены тишиной и спокойствием.

Оборот *блажен муж* дважды возникает в «общественно-политических» разговорах. Дядя Миша Суслов, критикуя своего товарища по революционному движению, использует пословицу, появившуюся на основе первого и второго псалмов:

– *Нет, Гусаров этот из таких, знаете, как будто «блажен муж», а на самом деле – «вскую шаташася»...* (22:393). Первая часть этой пословицы восходит к первому стиху первого псалма, а вторая – к первому стиху второго псалма: *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?*

Собеседник Клима предстает довольно жалким: «Но, хотя Суслов и ехидничал, Самгину было ясно, что он опечален, его маленькие глазки огорченно мигали, голос срывался, и ложка в руке дрожала». В контексте происходит нарочитое снижение изначальной высокой окраски библеизма. Суслов говорит *морщась*, у него не *глаза*, а *маленькие глазки*.

Впрочем, снижение существует уже на общеязыковом уровне, ведь пословица не восхваляет благочестие, а обличает ханжество. В Словаре Михельсона в связи с этой пословицей приведена цитата из романа Мельникова-Печерского «В лесах»: «Меж староверами такие есть, что снаружи-то "блажен муж", а внутри вскуе шаташася». В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» отмечены выражения: «Спереди блажен муж, а сзади – вскую шаташася!»; «На словах – блажен муж, а на деле – вскую шаташася!»; «По бороде блажен муж, а по уму вскую шаташася»; «По образу блажен муж, а по делам вскую шаташася».

Эта пословица встречается и в горьковской повести «Трое» (1900). Перфишка (кстати, напоенный фольклором – шутками и прибаутками человек) говорит Илье: «Сын у неё /Петрухиной жены/ – жёлтый, длинный и в очках. Листократ! Зовут его Савва, говорит гнусаво, при матери – блажен муж, а без неё – вскую шаташася языцы...» (Горький, Трое).

В пословице из-за иронии происходит снижение высокого смысла псалма. Ещё ярче это снижение в жалобах Стратонова, которому стало *скучновато* бывать на собраниях у Прейса:

И – между нами: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», это так! Но дальше я не согласен. Или вы стоите на пути грешных, в целях преградить им путь, или – вы идёте в ногу с ними (22: 365). Библейская цитата в речи Стратонова меняет смысл на противоположный. Стояние на пути грешных для псалмопевца означало пагубное согласие на грех (см. Аверинцев), для Стратонова оно оборачивается противодействием греху, т. е. достоинством. Соседство цитаты с устойчивыми выражениями – *преградить путь, идти в ногу* – подчеркивает её фольклоризацию.

Переименование священных текстов, надделение их противоположным смыслом бывает свойственно сатанистам. Получается, что Горький (вольно или невольно) ставит диагноз всем персонажам вкупе.

В первом стихе первого псалма – *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе* (Пс. 1; 1) – говорится о благочестивом, праведном человеке; о поведении такого человека. Беседуя с Климом, Стратонов вроде бы соглашается с псалмопевцем, но придаёт его словам парадоксальный смысл.

«Клим спросил: / – Вы, кажется, перестали бывать у Прейса? / – Нет, иногда захожу, – неохотно ответил Стратонов. — Но, знаете, скучновато. И – между нами: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», это так! Но дальше я не согласен. Или вы стоите на пути грешных, в целях преградить им путь, или – вы идёте в ногу с ними. Вот – Прейс – умница, – продолжал он, наморщив нос, – умница и очень знающий человек, но стадо, пасомое им, – это всё разговорщики, пустой народ» (22: 365). Здесь библейская цитата меняет знак на противоположный: стояние на пути грешных оказывается для Стратонова формой активной борьбы со злом. Это выражение может быть совершенно по-разному понято на фоне общезыковых оборотов. Ср.: *Встать на путь (чей)* ‘стать чьим-л. последователем’ (Мокиенко–Никитина 2007) и *Стоять на пути* кого, чьим, у кого. *Неодобр.* ‘Мешать, препятствовать’ (Федоров 2008, 459).

Беседа персонажей происходит в поезде. «Вагон сильно трянуло. Стратонов плеснул кофе из термоса на колени себе, на светло-серые брюки, вспыхнул и чётко выругался математическими словами» (22, 366). *Математические слова* – вероятно, эвфемизм *матерных*. Налицо не просто снижение образа. Соединение в речи Стратонова библейской цитаты с матерной руганью выдаёт в этом человеке законченного циника.

Ярким примером фольклоризации этого библеизма в русской картине мира можно считать известный пушкинский экспромт, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Пушкин. Лицеистов, уличённых в приготовлении гоголь-моголя, пересадили на самый дальний конец обеденного стола, за которым они сидели в соответствии со своим поведением. Через некоторое время их стали постепенно подвигать опять вверх. При этом Пушкин сказал:

Блажен муж, иже

Сидит к каше ближе
(Пуцин 1989, 47).

Можно утверждать, что восходящие к первому псалму выражения – органическая часть языка персонажей повести. Текст этого псалма им хорошо знаком, в их речи библейская цитата звучит в разных ситуациях и обретает неожиданные смыслы. В то же время преобразования этих выражений высвечивают авторскую оценку и персонажей, и событий, происходящих в повести.

Мачей Рак, Ягеллонский университет, Краков, Польша
maciej.rak@uj.edu.pl

Фразеология и словесный фольклор (на материале польского языка)

Цель данной главы – показать зависимость, которая возникает между фразеологией польского языка и фольклором, в частности речь идёт, в первую очередь, о мотивационных отношениях. Этому вопросу много внимания посвятил Юлиан Кшижановский (Krzyżanowski 1975; 1980 a, b, c). Во вступлении я хотел бы уточнить, что в моём понимании фразеология является широким понятием и включает в себя также сравнения и пословицы. Об этом свидетельствует прежде всего то, что во многих случаях фразеологизмы (как единицы языка) образуются от пословиц (минимальных текстов) и наоборот. Это относится к традиционно сокращённому фразеологизму и сравнению. Вследствие этого очень часто их нельзя формально разграничить. Фразеологию именно в таком понимании я сравниваю со словесным фольклором, к которому отношу басни, легенды, предания, загадки, песни. Материалом для статьи послужила фразеология, выписанная из *Nowej księgi przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* под ред. Ю. Кшижановского (NKPP), а также из различных диалектологических работ (напр. *HodPP*).

Взаимосвязь между фразеологией и фольклором опирается на два принципа: во-первых, текст словесного фольклора сокращается до фразеологизма; во-вторых, в фольклорных текстах используются фразеологические единицы, таким образом, фразеология становится фольклорным материалом. Помимо двух этих принципов сходство может иметь и другое происхождение – фразеология и словесный фольклор, независимо друг от друга, мотивируются опытом и наблюдениями за окружающим миром.

1. Фразеология, которая возникла на основе словесного фольклора

1.1. Басни

Незаменимым фундаментальным трудом об этой разновидности словесного фольклора является *Polska bajka ludowa* (Польская народная

басня), систематизированная Ю. Кшижановским (PBL), а также собрание очерков этого же автора, изданное под общим названием *W krainie bajki (В мире басни)* (Krzyżanowski 1980с). Басня в понимании Кшижановского имеет, по крайней мере, четыре значения. В первом значении – это краткий аллегорический рассказ о животных (рус. *басня*). Во втором значении *басня* определяется как рассказ о необычных, фантастических приключениях людей (рус. *сказка*). В третьем значении басня – это устный рассказ для детей, либо передаваемое из уст в уста сельскими жителями (рус. *народная сказка*), а в четвертом значении – это рассказ о выдуманных явлениях, не подтвержденных опытом (SFP, 26–27). В этой статье категорию басни я ограничиваю только баснями о животных и народными сказками. Отдельно разбираю легенды, предания, анекдоты и забавные истории.

Подробное рассмотрение фразеологии, восходящей к басням, мы можем найти в работах Ю. Кшижановского: *Przysłowie i bajka w folklorze polskim* (Krzyżanowski 1980a) и *Mądrej głowie dość dwie słowie* (Krzyżanowski 1975).

На их основании можно отметить, что собрание польских фразеологизмов, берущих своё начало в баснях Эзопа и других авторов, а также в народных сказках, включает примерно пятьдесят единиц.

Басни Эзопа (польскую обработку басен Эзопа осуществила Янина Абрамовская (Abramowska 1991)), которые в Польше читались на латыни, а с 1522 г. также в переводе Берната из Люблина (В-Е), дали жизнь, по крайней мере, 20 фразеологизмам, напр.: *Bezpieczniejsza mysz leśna niż dworska* (NKPP II, 558; MG II, 172); *Chciały żaby króla, dostały bociana* (NKPP III, 931; MG III, 229); *Dąb się powalił, a trzcina została* (NKPP I, 416; MG I, 186); *I drobna mysz może się przydać niekiedy lwu potężnemu* (NKPP II, 558; В-Е, 207–208); *I kruk, by milczał, więcej by jadł* (NKPP II, 215; В-Е, 150–151); *Każdy zając ma swoją żabę, co przed nim skacze* (NKPP III: 817–818; В-Е, 170–171; MG III, 212); *Kura znosząca złote jajka* (NKPP I, 818–819; MG I, 299–300); *Lata, a nie zasuszył* (В-Е, 378; MG II, 84–87); *Liszka, utraciwszy ogon, drugim tak zaleca* (NKPP II, 308; В-Е, 109–110; MG II, 96); *Nadyma się żaba, chcąc się wołowi porównać* (NKPP III, 931; В-Е, 227–228); *Orzech, osioł i niewiasta* (NKPP II, 739–740; В-Е, 262–263; MG II, 224–227); *Pić na niedźwiedzią skórę* (NKPP III, 213–214; В-Е, 134; MG II, 197); *Płacze jak bóbr* (KPP, 408; В-Е, 328–329; MG I, 92); *Przebierać jak w ulęgalkach* (NKPP II, 1011; В-Е, 253; MG III, 25–27); *Spogląda jak lis na winogrona (kielbasę)* (NKPP II, 309; В-Е, 177); *To są powrozy, rzekł kot na kielbasę w kominie* (NKPP II, 59; MG II, 39); *Wychować sobie żmiję na własnej piersi* (NKPP III, 947; В-Е, 199; MG III, 230); *Znalazł kogut (kur) perłę* (NKPP II, 99; В-Е, 191); *Źle myszurowi zięciem być lwowi* (NKPP II, 562; В-Е, 255–256).

Стоит вспомнить, что некоторые из перечисленных басен вошли также в польский фольклор. Следовательно, они могут классифицироваться как народные сказки (ср. PBL).

Вероятнее всего, что к басням Ивана Крылова (о польской обработке басен Ивана Крылова писала Анна Легежинская – Legeżyńska 1980)) восходят два фразеологизма: *Niedźwiedzia przysługa* (НКРР II, 601) (рус. *Медвежья услуга*) и *Pomógł jak mucha wołowi* (КРР, 420) ('помог как муха лошадям') (рус. *мы пахали!*). Первый пример отсылает нас к тексту басни *Пустынник и медведь*, а второй к басне *Муха и дорожные*. На влияние русской литературы может указывать дата появления фразеологизма *медвежья услуга*. По информации НКРР, первый раз он письменно упоминается в 1883 г. в творчестве писателей Царства Польского, которые изучали в школе русский язык. Можно утверждать, что басни Крылова использовались как дидактический материал, книги для чтения на русском языке.

Второй фразеологизм также, скорее всего, восходит к творчеству Крылова, хотя с ним дело обстоит сложнее. Как читаем в МГ (II, 340–341), до Польши дошли два перевода текста из России И. А. Крылова и из Франции Ж. де Лафонтена. Басня *Карета и муха* Лафонтена была, однако, менее известна, чем пользующаяся большой популярностью в России басня *Муха и дорожные*.

Народных сказок стали источниками, по меньшей мере, 23 фразеологизмов. в данной работе я привожу только 5 примеров. С остальными можно ознакомиться в работе Кшижановского 1980 г. (Krzyżanowski 1980a, 116–117), напр.: *Abom ja bocian, żebym świat czyści* (НКРР I, 120; МГ I, 87–88); *Czarownica z Łysej Góry* (НКРР II, 356); *Czy cię boginki odmieniły?* (НКРР I, 129; МГ I, 88–90); *Muchy to pszczoły diabła* (НКРР II, 549); *Trząść się jak Piotrowa mać* (НКРР II, 936; МГ II, 302–305).

1.2. Средневековые и ренесансные анекдоты и забавные истории

В данную группу входит около 100 единиц, которые восходят к проповедям, параболам, моралите, народным историям, а именно: *Gesta Romanorum*, *Истории Александра*, *Жития Варлаама и Иосафата*, *Маркольта*, *Уленишигеля* и *Фортуната*.

Для сравнения 5 примеров: *Byś swetu psu i nogę uciął, przecie on za tobą pójdzie* (НКРР II, 886, из *Gesta Romanorum*, ср. МГ II, 264–265); *Synatonem w pieści pali* (НКРР I, 347, из *Фортуната*, ср. МГ I, 149–152); *Marchołtowe drzewo* (НКРР II, 386, из *Маркольта*, ср. МГ II, 120–125); *Najwięcej doktorów na świecie* (НКРР I, 463, НКРР II, 286, из *Уленишигеля*, ср. МГ I, 199–200); *Uchodząc przed wilkiem, trafił na niedźwiedzia* (НКРР III, 697; ср. МГ II, 91–92).

Мотивационные отношения (связи) в таких выражениях часто очень запутаны. Последний из приведённых выше примеров, возможно, восходит к народной легенде о драконе, которая, как оказалось, является фрагментом *Жития Варлаама и Иосафата* – византийского парафраза *Жизни Будды* начала X в., пересказанного по-гречески Иоанном из Монастыря святого Саввы в Палестине. В XI в. был создан латинский

перевод, а в 1688 г. Себастьян Пискорский (Sebastian Piskorski) перевёл его на польский язык. Как видно, путь средневекового агиографического текста до фразеологизма проходит через народную культуру, в которой мотивы из *Жития Варлаама и Иосафата* распространили проповедники.

1.3. Исторические и местные предания и легенды

Следующая группа фразеологизмов ведёт своё происхождение от легенд, преданий и повестей об исторических личностях, таких, например, как:

– русский князь Олег, по прозвищу Вещий: ср. *Kobylemu łbu nigdy nie dowierzaj* (НКРР II, 90; МГ II, 22–24);

– магнат Кароль Радзивилл: ср. *Głupi jak Radziwiłł, dumny jak Sapieha* (НКРР III, 16); *Kiedy łgać, to jak Radziwiłł* (НКРР III, 16); *Radziwiłł rad żywił* (НКРР III, 16); *Zginął jak Radziwiłł* (НКРР III, 16; МГ III, 41–44);

– ректор Краковской академии Мартин Вадовита: ср. *Dziękuję ci, aksamicie, kłaniają się Wadowicie* (НКРР III, 610; МГ III, 148–151);

или личностях легендарных, например, колдун и чернокнижник Ян Твардовский: ср. *Czmychnął jak Twardowski* (НКРР III, 551); *I diabeł nie chciał Twardowskiego* (НКРР III, 551); *Jedzie jak Twardowski na kogucie* (НКРР III, 551); *Od złej żonki Twardowski dziurką od klucza ucieka* (НКРР III, 551); *Pani Twardowska* (НКРР III, 551; МГ III, 142–144).

Ещё одну подгруппу составляют местные предания, которые неизвестны за пределами Польши, напр.: *Na Babiej Górze siedzi diabeł w dziurze* (НКРР I, 45; МГ I, 60–61); *Żeby cię czarci porwali na mucharskich wrotach* (НКРР II, 550; МГ II, 169–170).

1.4. Песни

О взаимовлиянии песни и фразеологии ещё сто лет тому назад писал Ян Станислав Быстро́нь в статье *Przysłowia utworzone z fragmentów pieśni ludowych* (Bystroń 1921). Этой теме он посвятил и один из разделов своей книги *Przysłowia polskie* (Bystroń 1933). В обеих работах он проанализировал связи между польскими песнями разных этнических групп и двадцатью пословицами, собранными Самуэлем Адальбергом (КРР). На материале, представленном 21 пословицей из разных местностей района Татр, эта проблема была также описана мною в статье *Pieśniowość gwarowej frazeologii Podtatrza* (Rak 2008).

Чтобы не повторять примеры, охарактеризованные Яном Станиславом Быстро́нем, я обратился к НКРР. Из этого сборника взято 8 пословиц. Не все единицы, очевидно, принадлежат к одному и тому же типу. Сравнить: *Bądźcie weseli jako w niebie anieli* (НКРР III, 641); *Gdzieżeś to bywał czarny baranie* (НКРР I, 59); *Kaśka za piec, Maciek za niq, wywrócili ocet z baniq* (НКРР II, 43; Rak 2016, 124); *Krowy nie wydoi, ogona się boi* (НКРР II, 209; Rak 2016, 151); *Maryśko, pomagájze fryśko* (НКРР II, 394; Rak 2016, 136); *Prosili nas na wesele na ten barani gnat, z jednej strony opalony, z*

drugiej strony kucharz zjadł (NKPP III, 639); *W sobotę zmówiny, w niedzielę wesele, w poniedziałek chrzciny* (NKPP III, 637; Rak 2016, 259); *Wesele jedzie, kapusta w kłodzie, mięso na kołku, pasternak w kołku* (NKPP III, 640).

Интерес представляет и разбойничий фольклор Подгалья. К нему восходят, по крайней мере, 6 фразеологизмов. Это: *Byłby z niego zbójnik, gdyby sobie wyrąbał do Liptowa ścieżkę* (HodPP, 23; Rak 2016, 205); *Dobrzy chłopcy byli, ale przeminęli* (HodPP: 47); *I my przeminieśmy po malutkiej chwili* (HodPP, 68; Rak 2016, 200); *Kto zbójnikiem będzie, samym szczytem pójdzie* (HodPP, 61; Rak 2016, 210); *Popijaj, popijaj, Nowy Targ omijaj, Nowy Targ ominiesz, nie bój się nie zginiesz* (HodPP, 147; Rak 2011, 140); *Ty Janiczku, tyś zbój, spadnie listek, to się bój* (HodPP, 173; Rak 2016, 348).

1.5. Загадки

Польские народные загадки являлись предметом анализа в работе Яна Мирослава Касьяна (Kasjan 1983). Определённые, очень краткие комментарии о фразеологии загадок сделал Ю. Кшижановский в своей небольшой (объёмом в 2 страницы) статье *Przysłowie i zagadka* (Krzyżanowski 1980), в которой он привёл примеры трёх пословиц: *Święta Urszula perły rozsła* (NKPP III, 600), *Święty Roch posiał groch, księżyc wiedział, nie powiedział, słońko wstało, pozbierało, dziś na obiad groch* (NKPP III, 57), а также *Jeszcze się nie urodzi, а już po świecie chodzi* (NKPP III, 61). В двух первых примерах речь идёт о загадках, ответом на которые будет слово *rosa*. Следующая единица представляет собой загадку, в которой отгадкой является слово *дым*.

Из NKPP можно подобрать и добавить дополнительные пословицы такого же рода, напр.: *Dlaczego rak chodzi wspak? – bo i jego ojciec chodził tak* (NKPP III, 18) и *Na co dzwon dzwoni? Żeby głośny był* (NKPP I, 551). Собственно, мы имеем тут дело с фразеологизмом в виде загадки вместе с отгадкой.

2. Фразеология как материал словесного фольклора

В текстах песен довольно часто используются и сравнения, напр.: *{ktosi} ugryzie (uje) jak pies* (Kolberg 44, 363); *{ktosi} ugryzie (uje) jak żmija* (Kolberg 44, 363); *wysoki (smukły) jak sosna* (Kolberg 44, 381); *{ktoś} jest jak sarna (sarenka)* (Zejszner 1845, 141); *{ktoś} zmoknie jak mys* (Kolberg 45, 236); *{ktoś} idzie jak pscola do ula (miodu)* (Kaś, Lewandowska 2007, 15); *dziwcyzna / dziwka jak wrzecziono* (Rak 2016, 59); *dziwcyzna / dziwka jako dyjamyncik* (Rak 2016, 82); *zły jak pies* (Rak 2016, 84); *biały jak gęś* (Rak 2016, 115); *wolny jak ptak / ptaszek* (Rak 2016, 200); *dziwcyzna / dziwka jak złoto* (Rak 2016, 291).

Реже в составе песни встречаются пословицы, ср. *Konia cieszy owies, krowę koniczyna, starego pieniążki, młodego dziewczyna* (NKPP II, 123; HodPP, 93). Появляется в двух вариантах песни: *Ciesy konia owies / Krowe kónicyna / Starego majontek / Młodego dziwcyzna* (Kaś, Lewandowska 2007,

38) и *Kónia ciesy owies, / pijaka gorzalka, / bogaca piniondze, / smaciarza piscalka* (Sobieski 1955, 153).

3. Общие наблюдения и характеристики как мотивационная основа для фразеологических средств и фольклорных текстов

Как известно, рак после приготовления изменяет свой цвет и становится красным. Это наблюдение стало мотивационной основой и для фразеологии: *czzerwony jak rak; Raczek – niezły to znaczek* (НКРР III, 19), и для народных загадок: 1) *Za żywota brzydkie, po śmierci ładne, może chorobą być* (Gustawicz 1893, 236); 2) *Co po śmierci ładniejsze? Rak* (Gustawicz 1893, 251); 3) *Co po śmierci się najładniejsze wydaje? Rak* (Siarkowski, 1877, 133).

Наблюдения за раком, который в случае угрозы энергично бьёт брюшком, в результате чего пятится назад, мотивировало:

а) употребление лексемы *rak* в переносном значении, ср.: *Raki* – вид стихотворения, которое, при прочтении «с конца» будет иметь другое значение, чаще всего, обидное;

б) фразеологизмы: *Kiedy rak nie może naprzód, to się w tył cofa* (НКРР III, 18); *Napominała raka jego matka, aby przed się laźł, a nie wspak* (НКРР III, 18); *(wy)cofać się rakiem* – тихонько, не привлекая лишнего внимания отказаться от участия в каком-либо мероприятии;

в) загадку: *Dlaczego rak chodzi wspak? – bo i jego ojciec chodził tak* (НКРР III, 18);

г) народные предания, согласно которым Господь Бог наказал Рака тем, что он должен всегда пятиться (Gustawicz 1881, 59; Hradecka 1903, 67; MG III, 45–46; SychSGK IV, 315; Gura 1997, 399);

д) практические советы народной медицины, согласно которым разные части рака и субстанции, полученные из него, «отодвигают» болезнь.

Взаимоотношения кота и собаки сводятся обычно к тому, что большее животное нападает на меньшее. Кот, в свою очередь, охотится на мышей. Отсюда и появление фразеологизмов: *[ktoś] lubi [kogoś] jak pies kota (w ciasnej dziurze), [ktoś] bawi się [z kimś] jak kot z myszką*, а также народных преданий. Одно из них гласит, что Собака получила от Господа Бога грамоту и отдала её на хранение Коту. Однако документ съели мыши. С тех пор кошки охотятся на мышей, а собаки нападают на кошек (PBL, 71).

Подведение итогов

Каким же способом фольклорные тексты мотивируют средства фразеологии? Ю. Кржижановский (Krzyżanowski 1980a, 108–110) по отношению к басне указывает на две возможности: фразеологизм может быть аннотацией басни или цитатой из неё – например, «мораль басни». В первом случае такую роль играют названия, которые получают шанс функционировать как отдельные пословицы.

Если же говорить о песнях, загадках, легендах и преданиях, то шанс на самостоятельное функционирование в качестве поговорки получают те фрагменты, которые рифмуются (и благодаря этому, легче запоминаются), часто повторяющиеся части (рефрены) или характеризующиеся комизмом. Важную роль играет также тематика. Двусмысленные, вульгарные фрагменты либо, что видно из примера о разбойниках (см. Rak 2015, 95–120), выражающие нужную идею – достоинства, отваги и мужества – имеют больше шансов войти в разряд фразеологизмов.

Елена Ивановна Роголёва, ПсковГУ, г. Псков
cambala2010@list.ru

Русский фольклор в учебном фразеологическом словаре для детей

При создании учебных фразеологических словарей привлечение фольклорного материала особенно важно для адресата-ребенка, ведь с самого начала жизни ребёнок знакомится с малыми жанрами фольклора: колыбельными песнями, пестушками, загадками, сказками (Баркова, Волкова 2016). В соответствии с авторской установкой на поддержание у адресата положительной мотивации к изучению фразеологии использование фольклорного материала во фразеологическом словаре облегчает восприятие ребёнком словарного текста.

Согласно нашей фразеографической концепции учебного словаря для детей (Роголёва 2014), комплексно репрезентирующего фразеологизм и представляющего собой интерактивный гипертекст, фразеологический материал включается в каждую из параметрических зон словарной статьи: как традиционных для лексикографии, так и новых, введенных с учетом новых задач учебной репрезентации фразеологизма.

В историко-этимологическом комментарии в виде текста-исследования, представленного рубрикой «Справочная фразеологическая служба», фольклорные фразеологизмы описываются посредством интерпретационных (этимологизирующих) и текстоорганизующих приёмов репрезентации процесса фразеологизации адресату словаря. Так, фразеологизмы-парадоксы (*без году неделя, дела как сажка бела, когда рак на горе свистнет* и др.), восходящие к народным потешкам, стишкам-перевёртышам и другим жанрам парадоксально-игровой поэзии, могут этимологизироваться посредством приёмов «псевдодоказательства от противного», «семантической градации», «контрастного переосмысления», «восстановления реальной картины мира», «обыгрывание семантического оператора», «плюс повтор», «минус повтор», приёма «исключённого третьего» и др.

При этимологическом декодировании фразеологических антитез, построенных по диатетической модели (ни «х» ни «у»), используется приём «утверждения среднего признака путём отрицания противоположных признаков».

Так, при этимологическом развёртывании фразеологизма-диатезы *ни жив ни мёртв* в сказочный этимологический дискурс, наиболее адекватно интерпретирующий механизм образования данной ФЕ для адресата-ребёнка, данный приём реализуется следующим образом:

*<...> За новой фразеологической историей мы отправляемся в сказку. Эх, немного опоздали! Бой между Иваном-царевичем на Сером волке и Змеем Горынычем только что закончился. Узнаем его результаты: Серый волк – **жив**. Змей Горыныч – **мёртв**, а Иван-царевич – очень сильно испуган. Совсем потерял способность думать и вообще что-либо делать ☺. Зато у нас с тобой появилась возможность узнать фразеологизм, с помощью которого можно сказать об очень испуганном человеке. Надеемся, что это поможет Ивану-царевичу быстро восстановиться!*

*В состав этого фразеологизма входят два противоположных по смыслу слова (антонима): **жив** и **мёртв**. Заглянем в толковый словарь. **Живой** – это такой, который живёт, обладает жизнью. **Мёртвый** – это такой, который умер, лишился жизни. То есть **живой** и **мёртвый** – это две крайние противоположности такого качества, как физическое состояние человека. Тут всё понятно и определённно. (Таким образом, показаны противоположные признаки).*

*Перед нами другая задача. С помощью этих слов нам с тобой нужно передать состояние человека, который очень сильно испуган. Когда, глядя на него, не понимаешь: **жив?** **мёртв?** Нет, пожалуй, что-то среднее. (Прагматическая установка на осуществление операции отрицания противоположных признаков и поиск среднего).*

*Попробуем немного ослабить сочетание резко противоположных слов **жив** и **мёртв**. Для этого поставим перед каждым из них отрицательную частицу **НИ**. С её помощью в русском языке можно передать состояние неопределённости. Вот и получилось что-то средней – как раз то, что нужно: **НИ жив НИ мёртв** <...>. (Утверждение среднего признака путём отрицания противоположных признаков).*

Поддерживающая антитезу метафора, основанная на переносе значений по сходству ощущений, раскрывается с использованием этимологического приёма «восстановления сравнения»:

<...> А вот и Иван-царевич пришёл в норму:

*– Спасибо вам! Теперь я знаю, что, когда хотят сказать об очень испуганном человеке, употребляют фразеологизм **ни жив ни мёртв**. На самом деле, я так сильно испугался, что был как будто между жизнью и смертью, так, как если бы я, и, правда, был ни жив ни мёртв. Отсюда и образ фразеологизма <...>.*

В рубрике под названием «Фразеологический наблюдательный пункт», представляющей собой специально сконструированные иллюстрации для распознавания фразеологизма в тексте, используются сюжеты из русских народных сказок (*ни за какие коврижки, бить баклуши, после дождичка в четверг*).

Приведём фрагмент из словарной статьи «После дождичка в четверг».

<...> Герои русских народных сказок активно пользуются услугами сотовой телефонной связи. Найди в их разговорах фразеологизм, которому посвящена эта словарная статья, выдели его маркером. Выдели также те слова и выражения, с которыми этот фразеологизм совпадает по значению – так ты лучше запомнишь сегодняшний материал.

– Аллё, мышка! Это бабка с дедкой. Курочка Ряба снесла яичко. Да не простое, а золотое. Били мы с бабкой, били, так и не разбили. Не поможешь? Хвостиком не махнёшь?

– Нет проблем, коллеги. Как-нибудь загляну. Махну, не глядя.

– А когда сможешь?

– Ну, сначала в Голливуд надо съездить – буду с Микки в боевике сниматься, потом на мышиный чемпионат мира – за наших футболистов поболеть, потом в Париж к подруге заскочу, потом...

– Понятно, после дождичка в четверг. Пригласим Мурку, у неё тоже хвост есть.

– Здравствуй, дедка! Это репка. Я уже выросла большая-пребольшая. Пора меня вытаскивать! Когда начнёте?

– Неизвестно когда, репка. Мышка в Голливуде, потом ещё на футбол поедет и к подруге куда-то...

– Ну, ясно – после дождичка в четверг. Не повезло мне. Ладно, позвоню скаутам в летний лагерь. Может, они захотят силушкой помериться.

– Лягушка-поскакушка, привет! Это зайчик-побегайчик. Когда в теремок будешь заселяться?

– Да неизвестно. Мышка в Голливуде, на съёмках боевика. А ключи у неё.

– Ладно, скажу лисичке-сестричке, пусть готовится к новоселью после дождичка в четверг.<...> (Рогалёва 2007, 169).

Для активизации фразеологизма и введения его в практику речевого общения в рубрике «Речевая лаборатория», включающей тексты-задания с учебными речевыми ситуациями, в некоторых словарных статьях ребёнку предлагается «принять» роль царя, волшебника, героя из русских народных сказок (*подложить свинью, смотреть со своей колокольни, тупун тебе на язык*). Все задания рубрики привязаны именно к той роли, которую выполняет ребёнок, и к той речевой ситуации, в которую он попадает.

Приведём фрагмент из словарной статьи «Подложить свинью».

<...>Ты – сказочник (сказочница) и знаешь все сказки на свете. Поэтому тебе известно, что сказочный герой, который подкладывает кому-то свинью, рано или поздно будет наказан. А тот, кому подложили свинью, – не должен падать духом. Нужно просто понять, что для тебя это испытание на прочность и попытаться найти выход из сложившейся ситуации. Поговори со сказочными героями, вставляя вместо точек фразеологизм **подложить свинью** в нужной форме, и помоги им поверить в собственные силы.

Сказочник: Ну и что ты, Иван-царевич, сидишь на пенёчке и горюешь? Ведь тебе нужно Василису Прекрасную спасти!

Иван-царевич: Да я не знаю, что делать. В магазине волшебных вещей мне Вместо волшебного клубочка, который должен дорогу показывать, подсунули простой моток ниток.

Сказочник: А что, без клубочка совсем никак? Тебе в какую сторону идти-то?

Иван-царевич: На север.

Сказочник: Ну, во-первых, в словарной статье «Семи пядей во лбу» подробно рассказано, как ориентироваться по местным признакам. Во-вторых, видишь в небе созвездие Малой Медведицы или Малого ковша? Его ручка заканчивается звездой под названием Полярная. Она всегда указывает точное направление на север. (Рисунок).

Иван царевич: Видно не зря мне Вон сколько я узнал нового для себя! Спасибо!

Сказочник: А на прощание возьми ещё и компас.

Сказочник: А ты что, Настенька, плачешь?

Настенька: Мне дедушка Морозко подарил скатерть-самобранку, а мачеха со своей дочкой заменили её на обычную. Через 5 минут ко мне гости из всех сказок приедут, чтобы отметить моё возвращение. Чем я их угощать-то буду?

Сказочник: Да, ничего не скажешь, хорошую они тебе Но не расстраивайся, наш словарь тебе поможет. Ты быстро приготовишь оригинальные и вкусные блюда. Загляни в статьи «Отрезанный ломоть», «Заморить червячка», «Коломенская верста», «Семи пядей во лбу».

Настенька: Вот спасибо-то за совет. И действительно, скатерть-самобранка – это хорошо, но у человека ещё и руки есть!

И что же удалось приготовить Настеньке? Нарисуй угощения вот на этом сказочном столе. (Рисунок).

Иван-дурак: Здравствуй, сказочник! Не поможешь советом, что мне с этой гребёнкой делать? Баба Яга мне как всегда Сказала, что если бросишь её назад, то дремучий лес вырастет. Вот уже три часа бросаю. А я на Новый год детишкам ёлку обещаю.

Сказочник: Знаю-знаю. Оказалась самая обыкновенная расчёска. Ты бы за это время, пока кидал, знаешь, сколько ёлочек мог посадить?

Иван-дурак: И то дело. Спасибо за дельное предложение.<...> (Рогалёва–Никитина 2012, 56-57).

Иллюстративный контекст второго уровня, где фразеологизм, предъявляемый на фоне творческого задания, не связанного с развитием речи, должен быть опознан и /или употреблён вне учебной речевой ситуации, представлен в материалах «Фразеологической перемены», состоящей из различных рубрик (одной из них завершается словарная статья). В рубрике «Детский фольклор» адресат-ребёнок знакомится с русскими народными загадками, потешками, докучными сказками, страшилками, перевёртышами, нелепицами, мирилками, частушками. Причём все они связаны с фразеологизмом, которому посвящена словарная статья.

Приведём фрагмент из словарной статьи «Чёрная кошка пробежала»: <...>*Ты поссорился с другом и не знаешь, как с ним помириться? Рубрика «Детский фольклор» предлагает тебе самый простой, но самый надёжный способ – «мирилки». Но прежде сцепитесь с другом мизинцами правой руки. А теперь произносите:*

*Ты мирись, мирись, мирись,
Чёрной кошке скажем «Брысь!»
Таёт ссора как снежок,
Ты прости меня, дружок!*

*Ты меня прости за это,
И за то меня прости.
Черной кошке – две котлеты
И счастливого пути!*

*Не дерись, не дерись,
Ну-ка быстро помирись!
Чёрной кошки след простыл.
Я тебя давно простил* (Рогалёва–Никитина 2014, 188-189).

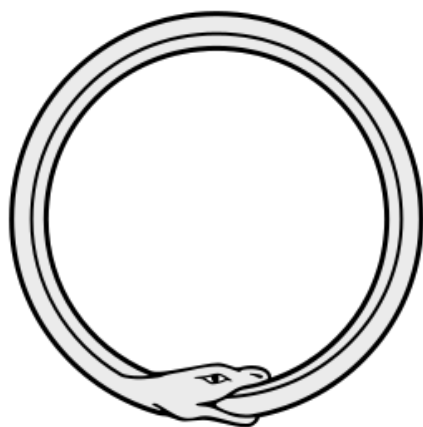
Таковы возможности включения фольклорного материала в учебный фразеологический словарь для детей. Их реализация позволяет не только познакомить ребёнка – адресата словаря с историей происхождения фразеологизма и особенностями его функционирования, но и представить жанры детского фольклора, предложить доступные детям формы работы с фольклорным текстом, показать возможности его современной интерпретации и трансформации.

Символ змеи в фольклоре и его отражение в фольклоре и фразеологии (в аспекте преподавания в чешской начальной школе)

Цель этого раздела – проследить изменения и современное восприятие символики и образа змеи как в фольклорных текстах, так и во фразеологии в аспекте преподавания родного языка в начальной школе. В первой части мы уделяем внимание символике змеи и изменениям её образа у разных народов – прежде всего их воплощение в таких различных семантических модификациях в традиционной чешской фольклорной прозе, которые тесно связаны с изменениями языкового и культурного образа этого пресмыкающегося в чешской среде. Содержание второй части статьи посвящено пониманию образа змеи в чешской фразеологии и его использованию в преподавании родного языка в чешской начальной школе, которое, в соответствии с современным пониманием методики обучения чешскому языку, включает фразеологию в обязательную учебную программу.

По мнению Л. Штястной (Štastná 2017), специально исследовавшей изменения стереотипа змеи на основе фольклорного материала, очень часто используются традиционные стереотипы, связанные с определёнными видами животных. Особенно они квалифицируют человека, свойства его характера. Изменения в восприятии конкретного предмета отражаются и в фольклорных текстах, причём эти изменения тесно связаны с изменением его звукового и культурного образа.

Соглашаясь с автором, заметим, что в мире символика змеи проявляется в различных формах. Напр., у народностей майя и ацтеков это была змея с перьями, у некоторых аборигенов – змея в виде радуги, в то время как в Индии она имела вид женщины от головы до пояса, а ниже –

змеи (нагини). В Египте змеи были богинями, а Уроборос представлял змею, пожирающую свой хвост, что символизировало цикл жизни (см. рис. 1¹⁴).

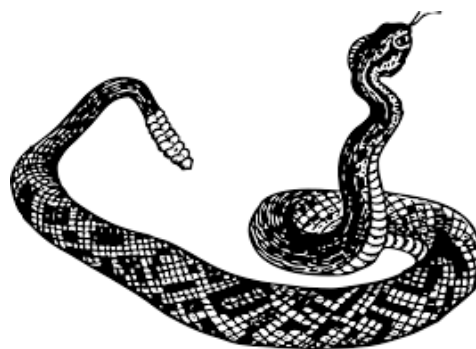
В то время как на Востоке (напр., в Китае) змея была знаком Зодиака, символом мудрости, приспособляемости и привлекательности личности, в северной мифологии змея изображалась в виде кольца вокруг земли и представляла собой постоянную угрозу. В античности змея

¹⁴ Рис. 1: Образ змеи как цикл жизни.

считалась, с одной стороны, отвратительным сказочным существом, с другой – атрибутом бога Асклепия как символом медицины (змея, обвившаяся вокруг палки). Связь такого представления с первородным грехом можно найти и в Ветхом Завете: этот грех был тесно связан с Евой. Мотив же растаптывания змеи (Иисусом Христом, Марией Богородицей) как знак победы над первородным и наследственным грехом отражён и в искусстве.

Образ змеи в чешском языке как западнославянском коренится в этимологии слова *had*, восходящего к общесл. **gad* ‘пресмыкающееся’, прасл. **gadъ*, которое, по мнению Й. Рейзека (Rejzek 2015), является, видимо, табуизированным наименованием с исходным значением «некто отвратительное», и обусловлено его представлением как безногого пресмыкающегося с длинным продолговатым телом. Таковы, напр., и уж, и змея (SSĚ). Одновременно слово *had* употребляется в чешском языке (как и в других славянских) и в переносном значении, а именно – в качестве бранной характеристики предателя: напр.: *Ty hade (jedovatý, zrádný)! Ty jsi (ale) (učiněný) had!* Известно, однако, и его употребление с положительной окраской – как шуточный «комплимент» красивой молодой, стройной и высокой женщине: *To je ale hadice!*

Змея обычно характеризуется как пресмыкающееся, живущее в открытой природе и скрывающееся в норах. Она имеет длинное, стройное и гладкое тело, холодное и скользкое, гибкое, быстрое и резкое в движениях, не имеет ног, шипит, ползает, скручивается и свивается в кольцо, а также меняет свою кожу. Она ядовита и может укусить, и поэтому опасна для человека. В чешском языке змея¹⁵ вызывает коннотации с хитростью, коварством и похотливостью.

В традиционном чешском фольклоре змея, по Й. Луфферу (Luffer 2014), К. Дворжаку (Dvořák 1978, 2001), В. Тилли (Tilly 1929–1937) и К. Эрбена (Erben 2011), чаще всего представлена в четырёх семантических планах.

Прежде всего, змей и змея выступают в роли хозяина или домового, приносящего счастье и охраняющего дом. Убивший змею повергнет дом в несчастье: кто-либо из обитателей дома (чаще всего хозяин) умрёт. Такой змей (или змея) пьёт молоко либо прямо из вымени коровы, либо вместе с ребёнком из одного блюда, причём такое блюдо считается добрым предзнаменованием – подарком свыше.

¹⁵ Рис. 2: Образ змеи в чешском языке.

Во-вторых, змея в чешском фольклоре изображается с золотой короной или золотым крестиком на голове, которые обладают волшебными свойствами. Такие змеи чаще всего живут в домах либо в прилегающих к дому строениях. Такой змеиный король или королева с кольцом на хвосте может добыть своему спасителю в качестве вознаграждения волшебное кольцо своего отца. Но если человек овладеет змеиной короной хитростью, то это ему хоть и принесёт богатство, но в конце концов змей его настигнет и умертвит. Поэтому лучше такую корону выбросить, чтобы спасти себе жизнь. Змей в короне часто появляется и у воды – в этом случае речь идёт о змеином короле, который ходит купаться к колодцу и при этом свою корону снимает.

Змей, однако, может быть и благодарным сказочным существом или служить стражем сокровища и охранять доступ к нему (аналогичным образом как, напр., петух с короной-гребешком или чёрная собака), если, например, на сундуке с деньгами лежит змея.

В-третьих, змея представляет опасность для человека, когда она может залезть в его желудок через открытый рот. Пострадавшего в этом случае надо подвесить за ноги и выманить змею из его тела тёплым молоком. С этим связано народное поверье о ядовитой принцессе, у которой в животе были змеи, выползавшие ночью из её рта и пытавшиеся убить её возлюбленного.

Наконец, по чешским фольклорным представлениям, змея охотится как на домашних животных, так и на людей и их детей (например, змея-веретеница способна преследовать и жалить человека). Она умеет гипнотизировать свою жертву, затягивает её в воду либо может свиться в кольцо и ужалить человека в самое сердце. После смерти змеи в её гнезде, по поверью, находят кости людей и самых разных животных. Змея способна отравить своим ядом и фруктовые деревья.

Части змеиного тела имеют лечебные или волшебные свойства, особенно её кожа, сало, мясо и яд. Змеиный язык и пища из змеиного мяса имеют волшебные свойства, как это известно из сказки К.Я. Эрбена «Златовласка» (Zlatovláska) (Erben 2011).

В качестве защиты от укуса змеи рекомендуется приложить змеиное мясо к ране. С помощью змеиного яда можно вылечить и тяжёлую болезнь. Змеиный яд, сало или отвар имеют лечебные свойства. Змея может исцелить и от слепоты: напр., слепой король помог змею, который отблагодарил его тем, что сделал его зрячим.

В прозаических жанрах фольклора можно найти и другие характеристики, связанные со змеей, напр., сбрасывание и смену кожи. Например, жениха-змея представляет белый змей, в которого перевоплощается заколдованный мужчина. Как только такой змей женится на принцессе, он ночью превращается в её мужа. Невеста, однако, прячет его змеиную кожу, что хотя и уничтожает колдовство, но приводит к тому, что муж её забывает.

Типичным и очень частым в фольклоре является и свист змея (*hadí sněm*). Такой змей ядовит лишь днём, а ночью яд испускает и умирает после захода солнца, при этом любит спать у человека на груди. Иногда старый змей может превратиться и в дракона.

В современных чешских легендах змей и змея чаще всего выступают в двух ипостасях, а именно – либо как домашнее животное (кошка, собака), либо как кто-то, грозящий опасностью.

В первом случае речь идёт о критическом отношении к содержанию дома потенциально опасного животного, когда оно представляет угрозу жизни хозяина. Напр., когда змей примеривается к своему хозяину, потому что хочет его съесть либо по канализационным трубам проползает к соседям и съедает его любимое домашнее животное.

Во втором случае речь идёт о проникновении опасного мира природы в человеческую цивилизацию, когда змей обретает образ дикого животного как демонической, хаотичной стихии. Напр., экзотические ядовитые змеи чаще всего появляются в бананах, которые поедает человек, либо змея может ужалить ребёнка во время циркового представления и серьёзно его ранить. Экологи сейчас стремятся защитить нашу природу, выбрасывая змей из вертолёт, всё чаще появляются и новые легенды – например, о змее в животе.

Можно, следовательно, констатировать, что образ змеи в фольклорных текстах меняется – как в традиционном, так и в современном прозаическом фольклоре.

В последнем змей представляет собой стража дома, причём его смерть может принести несчастье этому дому и всей живущей в нём семье. Такой змей носит либо золотую корону или крестик на голове, либо золотое колечко на хвосте. Он может сторожить клад, любит молоко, свистит и опасен для человека, ибо может попасть ему во внутренности, ужалить его и даже съесть. Особенно опасна для человека веретеница, хотя части её тела могут иметь лечебное или волшебное воздействие.

С точки зрения фольклорной прозы змея (особенно привлечённая молоком) опасна для людей, потому что может попасть в их тело либо ужалить – да к тому же и в, на первый взгляд, безопасные места. Особо опасны для человека экзотические змеи. Но зачастую змеи заводятся людьми и в качестве их домашних любимцев. Но и в этом случае они опасны, ибо могут отравить не только самого хозяина, но и нанести вред его близким, и их домашним животным. В современных суевериях змеи часто появляются, выползая из канализационных труб.

Чтобы выявить, каким способом образ змеи отражается в чешской фразеологии, мы провели в начале этого года зондирование фразеологической компетенции учеников и их учителей в чешской начальной школе. При этом мы исходили из того, что в чешских школах в программу обязательного школьного образования в рамках современной концепции обучения чешскому языку как родному включена и

фразеология с её комментбариями и практическими занятиями. Путём анкетирования 3750 учеников 5-го класса начальных школ и их 150 преподавателей 1-й степени основной школы в разных регионах Чешской республики мы попытались установить, знают ли анкетлируемые сейчас символику змеи в избранных нами фраземах, которые им встречаются в процессе обучения.

Объектом описания стали чешские фразеологизмы, которые являются зеркалом национальных и общеевропейских реалий и демонстрируют не только чешскую, но и славянскую языковую картину мира в рамках дидактической компетенции Я. А. Коменского, создавшего актуальный фрагмент «Orbis pictus».

В нашем исследовании мы исходили из общего научного немецко-русско-словацкого проекта «Bible and Christianity in Phraseology» (Грайфсвальд – Петербург – Ружомберок, 2010-2012 гг.) и проводили анкетирование по тому же принципу. Зондирование фразеологической компетенции наших респондентов мы провели дихотомически, используя методику, разработанную главным инициатором проекта Д. Балаковой (Балакова – Ковачова – Мокиенко 2013, 68-74).

В указанной группе информантов мы сначала исследовали их фразеологическую компетенцию с точки зрения активного и пассивного знания ФЕ вместе с оценкой их правильной семантической интерпретации.

Анкета содержала 7 ФЕ (ср. Stěpanova 2007): 1. *být jako had* – рус. *коварный как змея кто* ‘о чрезвычайно коварном, хитром, злом человеке’ (Stěpanova 2007, 192), 2. *hřát si (zahřívát si), chovat hada (zmiji) na prsou (za ňadry)* – рус. *отогреть / отогреть (пригреть / пригреть, согреть / согреть) змею на (своей) груди (за пазухой)* ‘проявлять внимание, заботу, любовь и т.п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью’ (Stěpanova 2007, 192), 3. *přetrhnout/roztrhnout koho jako hada (slanečka, herynka) odpovídající* рус. *изувечить (изуродовать, разделить) кого как Бог черепаху* ‘о чьей-л. жестокой, беспощадной расправе с кем-л., тяжёлых телесных повреждениях кому-л., часто как выражение угрозы’ (Stěpanova 2007, 17) или рус. *откручивать / открутить (оторвать, отвернуть) голову кому* ‘убивать, лишать жизни кого-л. (угроза жестокой расправы)’ (Stěpanova 2007, 90), *vyпустить кишки из кого* ‘зарезать, убить кого-л. (часто как угроза)’ (Stěpanova 2007, 192), *unichtojat / unichtojit* как класс кого, что ‘о полном, безжалостном уничтожении кого- или чего-л.’ (Stěpanova 2007, 192), 4. *kroutit se jako had/úhoř* – рус. *вертеться как берёста на огне* ‘изворачиваться, юлить, хитрить’ (Stěpanova 2007, 13), *izvivat se (vit se, petlat)* змеї ‘извиваясь, пролегать, протекать о дороге, тропинке, реке и т.п.’ (Stěpanova 2007, 192), 5. *jako když ho uštkne had* – рус. *словно блоха укусила кого* (кто-л. неожиданно проявил беспокойство)’ (Stěpanova 2007, 15), 6. *zrádný had; hadí (ještěřčí) plemeno* – рус. *змея подколотная* ‘о злом, коварном, подлом, опасном человеке’ (Stěpanova

2007, 192), 7. *had pokušitel* – рус. *змей-искуситель* ‘о коварном, опасном человеке, который соблазняет чем-л. недозволенным, запрещённым’ (Stěpanova 2007, 192).

Затем мы оценили некоторые частичные и специфические результаты зондирования респондентов в чешском начальном образовании с точки зрения актуальности и предпочтения употребительности ФЕ со словом *had* в современном чешском языке с целью определить набор самых частотных ФЕ, которые могли бы стать составной частью фразеологической компетенции и фразеологического минимума будущих педагогов 1-го этапа средней школы.

Сначала мы проверили компетенцию оценивания соответствующей ФЕ с точки зрения её употребления на основе собственного речевого опыта. Респонденты избирали одну из пяти возможностей на трёх уровнях: 1А – знаю, употребляю, умею объяснить значение (и привести его); 1Б – знаю, употребляю, не умею объяснить; 2А – знаю, не употребляю, умею объяснить (и снова – привести значение); 2Б – знаю, не употребляю, не умею объяснить; 3 – не знаю.

Результаты нашего исследования показали (см. таблицу № I), что половина учеников (50%) и более половины респондентов-преподавателей (62%) употребляет тематически ограниченные ФЕ активно (уровень 1А и 1Б), в то время как пассивное знание (уровень 2А и 2Б) продемонстрировало 39% учеников и 37% преподавателей. Лишь 11% учеников и только 1 % преподавателей охарактеризовало предложенные ФЕ как неизвестные (уровень 3).

Таблица № I – **Фразеологическая компетенция респондентов**

	1 АБ (активное знание)	2 АБ (пассивное знание)	3 (незнание)
Ученики	50%	39%	11%
Преподаватели	62%	37%	1%

Полученные данные свидетельствуют о сравнительно хорошем знании учениками и их преподавателями обсуждаемого набора ФЕ, в котором, однако, их активное употребление превышает пассивное знание и незнание. Сопоставление с исследованными статистически обработанными данными в чешской начальной школе подтвердило, что активное знание ФЕ учителей на 12% выше, чем у школьников, что нами и предполагалось. С точки зрения пассивного употребления ФЕ БП результаты между респондентами были почти сходными (39% и 37%). Третий же уровень обнаруживает такое количество и процентное соотношение неизвестных респондентам ФЕ, которые у учеников составляют 11% и у преподавателей 1% из всего обсуждаемого набора 7 ФЕ.

Следующим критерием была оценка фразеологического набора ФЕ на оси «центр (ядро) – постцентр – периферия» с целью определить актуальность отдельных ФЕ. При определении пограничных (процентных) величин этих трёх областей разного употребления ФЕ мы исходили из соотношения ответов 1 АБ и 2 АБ. Первый ряд соответствует единицам центра фразеологического употребления респондентами в процентном диапазоне 100-76%, другой же отражает диапазон 75-51% и относит ФЕ к постцентру. Последний диапазон с соотношением 50-0% образуют фраземы, находящиеся на периферии или на полном пределе фразеологического узуса респондентов (ср. Балакова – Ковачова – Мокиенко 2013, 106-116).

Интересные результаты были установлены в рамках наиболее часто употребляемых ФЕ в ряду «центр (ядро)» в чешской начальной школе (см. таблицу № II, в которой приводятся ФЕ и соответствующие процентные показатели), ибо для первых четырёх ФЕ было достигнуто полное сходство (абсолютная величина различия равнялась нулю). Это значит, что среди опрошенных респондентов не было ни одного учителя и даже школьника, которые бы эти первые четыре ФЕ не знали. К центру ФЕ у учителей принадлежит ещё ФЕ № 5 – *jako když ho uštkne had*, которая относится к постцентру у учеников, вместе с ФЕ № 6 – *zrádný had; hadí (ještěrcí) plemeno* у преподавателей. На периферии у школьников находятся две ФЕ (№ 6 – *zrádný had; hadí (ještěrcí) plemeno* и № 7 – *had pokušitel*), у преподавателей только одна (№ 7 – *had pokušitel*).

Таблица № II – Фразеологическое употребление

ФЕ	Ученик и	Преподавате ли
1. <i>být jako had</i>	100%	100%
2. <i>hřát si (zahřívát si), chovat hada (zmiji) na prsou (za řadry)</i>	100%	100%
3. <i>přetrhnout/roztrhnout koho jako hada (slanečka, herynka)</i>	100%	100%
4. <i>kroutit se jako had/úhoř</i>	100%	100%
5. <i>jako když ho uštkne had</i>	60%	90%
6. <i>zrádný had; hadí (ještěrcí) plemeno</i>	35%	60%
7. <i>had pokušitel</i>	25%	50%

Достигнутые величины респондентов (учеников и преподавателей 1-го этапа средних школ в Чехии) являются убедительным доказательством преобладающего положения центра над двумя следующими типами, что свидетельствует и о том, что наши респонденты знают обсуждаемый набор из 7 ФЕ и их значения и активно употребляют их в общении. Поскольку многие из ФЕ нашего набора почти совпадают по своей употребительности

в начальной школе, то они могли бы стать основной частью фразеологического минимума для студентов учительского профиля на 1-ом этапе средних школ в Чешской Республике. Поэтому на основе нашего исследования и его частных результатов мы рекомендуем включить выше приведённые ФЕ в систему чешского вузовского образования будущих педагогов, ибо мы убеждены в том, что это приведёт к развитию их фразеологической компетенции в родном языке.

В отличие от традиционного и современного фольклора, в котором в чешской языковой среде проявляются сходные характеристики образа змеи, представляющей для человека, с одной стороны, опасность (демоническая или экзотическая змея), а с другой – связь с мифами, вытекающими из незнания естественных наук (питьё молока), этот образ имеет и более широкие проекции. Так, некоторые его характеристики связаны с содержанием змей в качестве домашнего животного, с их различными видами (экзотические змеи в современном фольклоре) и утратой веры в её магические способности. В чешской фразеологии и фразеологической компетенции опрошенных нами респондентов образ змеи особенно проявляется в таких сравнениях: *být jako had* ‘вести себя ядовито, желчно’, *(být) slizký jako had* ‘вести себя отвратительно и притворно мягко, возбуждая впечатление неискренности, коварства’, *(být) lstivý/úlisný jako had* ‘вести себя притворно ласково и лицемерно, пытаюсь получить что-л. обманом’, *(být) kluzký jako had* ‘быть хитрым, коварным’, *(být) mrštný jako had* ‘быть ловким, вёртким, двигаться с увёртками’, *kroutit se jako had* ‘выкручиваться, уклоняться от признаний, ответов, заданий и под.’. Очень часто слово *had* входит и в состав таких фразем, как *hřát si na prsou hada* ‘проявлять к кому-л. дружеские чувства, дружить с кем-л., кто отплатит неблагодарностью и коварством’, *roztrhnout/přetrhnout (koho) jako hada* ‘сурово, безжалостно наказать или уничтожить кого-л., расправиться с кем-л.’. 24-го же марта это слово употребляется и как метеорологическая поговорка: *Na svatého Jiří vylézají (z děr) hadi a štíři*.

В заключение на основе нашего исследования можно констатировать, что образ змеи в современной чешской языковой среде изменяется не только в традиционном фольклоре и современной фольклорной прозе, но и в чешской фразеологии, в которой – в отличие от фольклорных текстов – этот образ обогащается и другими семантическими оттенками.

Источники рисунков: Šťastná, L.: Proměny stereotypu hada na základě dokladů ve folkloru (PPT). 2017. [электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.google.cz/search?q=Prom%C4%9Bny+stereotypu+hada+na+z%C3%A1klad%C4%9B+doklad%C5%AF+ve+folkloru&rlz=1C1GGRV_enCZ748CZ748&oq=Prom%C4%9Bny+stereotypu+hada+na+z%C3%A1klad%C4%9B+doklad%C5%AF+ve+folkloru&aqs=chrome..69i57.414j0j8&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Александр Викторович Савченко, Государственный университет Чжэнчжи,
г. Тайбей, Тайвань
savchenko75@mail.ru

Михаил Сергеевич Хмелевский, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия
chmelevskij@mail.ru

Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии (растительный мир)¹⁶

В сознании человека растительный мир с древних времен имеет свои сакральные значения, которые зачастую варьируются в зависимости от культуры, традиций и климатических условий тех или иных народов. По причине разных ассоциативных наполнений и образности можно говорить о трудности или порой абсолютной непереводимости данной лексики ввиду наличия концептуального значения в одной культуре и его полного отсутствия в другой. В настоящей работе на наиболее иллюстративных примерах рассмотрим данный аспект в лингвокультурологическом ключе в украинском языке на фоне близкородственного русского языка. Причем, в область настоящего исследования мы включаем именно ту лексику, которая является общей для украинского и русского языков, но имеющая совершенно различное внутреннее концептуально-символическое наполнение.

Одним из таких ярких примеров является лексема *калина*, общая для обоих языков. Как берёза, которая является одним из символов России, так и калина может быть названа одним из самых узнаваемых этнонациональных символов Украины. Ввиду разности внутреннего образного наполнения двух символов как берёза не вызывает в сознании украинца тех ассоциаций, которые она вызывает у русского, так и образ калины в русском менталитете не имеет аналогов с украинской ассоциативной наполненностью. Образ калины в украинской культуре многозначен и складывается из целого ряда компонентов. Во-первых, издавна калину клали на могилу казаков, т.к. её красные ягоды символизируют кровь, геройство и жизнь, отданную в борьбе за родную землю. Так, в частности, у запорожцев она неразрывно связывалась с родиной, т.е. Украиной. До сих пор жива традиция сажать куст калины на кладбищах в знак бессмертия и вечной памяти об умерших, а также как символ дерева, связывающего мир мёртвых с миром живых: *«Тоді неси мою душу туди, де мій милий Червоною калиною постав на могилі»* (Т.Г. Шевченко).

¹⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект "Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине" (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

Куст калины с красными ягодами, как и сам красный (укр. *червоний*) цвет, в украинском сознании также ассоциируется с понятием красоты (по модели «красный – красивый»): *дівчина гарна та рум'яна як калина; ой, ти дівчино, червона калино*. Толчком для развития образа стало переносное значение прилагательного *калиновий* – «красный, цвета ягоды калины, калинового сока»: *Молодий чоловік притиснув до себе... дівчину і поцілував її калинові уста; в небо підніс калинові знамена*. Сочетание первого образа («связанный с Украиной») и второго («красивый») проявляется в метафорическом наименовании украинского языка – *калинова мова*. Красная калина в украинской культуре издревле, еще с тех времен, когда праславяне поклонялись деревьям, как богам, символизирует солнце, а значит, здоровье и плодородие, поэтому на крестины дарят ветки калины, *щоб дитина росла здоровою*. В начале лета калина начинает цвести белыми цветами, отсюда закрепился женский символ калины, который включает в себя чистоту, девственность, честь, а также любовь и молодость: *калину при собі носити* – ‘беречь девичью честь, девственность’, *калину згубити, стратити* – ‘потерять девственность, чистоту’, *калину зламати* – соответственно, ‘лишить чести’ (известен также обряд ломания калины и на русской свадьбе – см. Кузнецова 2007б). Сочетание белого цвета как образа женской чистоты и красного цвета ягод как символа женской красоты, страсти породило ассоциацию калины с любовью.

Особым компонентом мифоэпической украинской культуры стал *калиновий міст* как связующее между молодостью и зрелостью, времени до и после замужества: *ходити по калиновому мосту* – ‘познать счастья любви’. Традиционно украинские девушки ходили в лес за калиной, что отразилось во фразеологии: *ходити по калину, збирати калину* – ‘искать любви, возлюбленного’. У входа в сельскую хату часто вывешивали ветку калины, которая означала, что в доме живёт девушка на выданье, и, наоборот, выражение *калина ще не дозріла* говорится о молодой девушке, которой ещё рано выходить замуж. В украинской культуре калина как женский символ «умеет» слушать, видеть, думать, говорить, сострадать, поэтому в украинском песенном фольклоре часто можно встретить образ девушки, плачущей в ожидании своего возлюбленного в кустах калины, вот почему склонённая ветка калины и горечь её ягод ассоциируется с печалью, грустью, как, например, в одной из народных песен: «*Червоня калинонька на яр-воду схилилася... Там дівчина журилася*».

Вышесказанное подтверждает и такое довольно расхожее выражение, как *Без верби та калини немає України!* Сразу же оговоримся, что в украинском языке слово **верба** соответствует как русскому «*ива*», так и «*верба*». В сущности, как ива, так и верба относятся к одному роду растений, но в русской традиции виды, представляющие собой различные деревообразные растения, обычно называют ивами, а кустообразные – вербами. Верба издавна почиталась славянами и служила своеобразным

оберегом, а ветки вербы и по сей день остаются одним из основных символов весны и главного весеннего христианского праздника – Пасхи (укр. *Великдень*). Веточки вербы с едва распустившимися почками белого цвета (которые в ряде областей Украины ласково называют *котики*), освященные в церкви в течение Вербной недели, приносят в дом как оберег и символ рождения Христа. Традиционно на Украине члены семьи символически похлестывают друг друга и, в первую очередь, детей, приговаривая: «*Будь великий, як верба, а здоровий, як вода, а багатий, як земля!*» (см. также Кузнецова 1999).

Часто образ вербы перекликается с образом любимой девушки: *Дівчина — як верба: де посадиш, там прийметься*, а образ плакучей ивы (укр. *плакуча верба*) ассоциируется в народной культуре с печальной девушкой: «*І схилилася верба з верха до кореня, Схилилася Марися через стіл до матінки. На стіл головку клонить. Під стіл слізеньки ронить...*». Вербка – хоть и красивое, но неплодоносное растение, что послужило основой для шуточного образа во фразеологизме *грушки на вербі* – о небывальщине, выдумке, а про человека, рассказывающего небылицы, говорят: *У нього на вербі грушки ростуть*.

Образ вербы в украинском сознании также нередко связывается с водой (поскольку ива, *плакуча верба* растет у воды), что зафиксировано в таких народных выражениях, как *Де вода, там і верба; Вербка водою живе, вербка воду береже*. Рядом с ивой искали место и рыли колодцы: *Де срібліє вербиця, там здорова водиця*. Есть у этого образа и негативная семантика, как, например, в народном выражении: *До весняного Миколи не можна купатися, бо з чоловіка вербка виросте*, в котором отражается и тот факт, что иву сажали на могилах.

Таким образом, можно отметить, что данный образ полисемичный, способный в зависимости от ситуации и контекста вызывать различные ассоциации у носителя украинской культуры, многие из которых аналогичны образам, встречающимся в русской культуре, тем не менее, подчеркнём, что в сознании украинца, как берёза для русского, *вербка*, в первую очередь, – это этносимвол самой Украины.

Одним из почитавшихся славянами (равно как и другими народами) деревом ещё с языческих времен был **дуб**. Наравне с калиной, в сознании украинцев дуб отождествлялся с Перуном – одним из самых главных языческих богов и символизировал его. Традиционно дуб был и остаётся символом крепости, силы, долголетия, что отражается в частотном устойчивом сравнении с общеславянским по своему происхождению образом *міцний як дуб* (ср. рус. *крепкий/здоровый как дуб*). Испокон веков на Украине матери зашивали в рубашки своим сыновьям листья дуба, чтобы они были сильными, и сила их никогда не покидала, а на колыбель с ребенка вешали дубовые жёлуди, приговаривая: «*Щоб козак здоровим ріс*», «*щоб дитина здоровою росла*».

Образ дуба достаточно популярен в украинском народном творчестве, в том числе и в песенной традиции. Так, например, в известной на Украине песне видим такие строки: «*Чом дуб не зелений? Лист туча пробила. Козак невеселий – Лихая година*», где образ дуба перекликается с образом казака, а также связывается с мужеством, храбростью и героизмом. Отметим также и некоторые другие народные выражения, в которых встречается компонент «дуб». Из наиболее иллюстративных можно выделить фразеологизмы *плести (правити) сухого (смаленого) дуба*, который, как и в случае фразеологизма со словом «верба», имеет значение ‘говорить глупости, ерунду, бессмыслицу’. Высокое дерево также послужило основой для создания образности в таком фразеологизме, как *у (на) дуб (у три дуби)* – ‘про высоту чего-либо’, т.к. в древности измеряли высоту солнца, сравнивая с высотой деревьев или предметов, находившихся рядом.

Наряду с деревьями во многих древних культурах цветы также имели сакральное значение. Свою богатую символику они хранят и в славянской культуре, в частности в украинской (Кузнецова 2007). Для украинской культуры одним из традиционных и узнаваемых символов является *мак*. Не углубляясь в метафорические и культурологические функции и значения мака, отметим лишь то, что мак – один из главных элементов традиционного украинского венка, который издавна плетут девушки из разных цветов, каждый из которых имеет свою символику. Так, благодаря своему красному цвету мак символизирует любовь и саму Украину. Ярко алый цветок ассоциируется также с красотой, что видно в образе фразеологизма *як мак процвітає* – ‘жить, процветать (о человеке)’. Изображение мака часто встречается и на украинских *вышиванках* (национальная одежда, рубашки, украшенные ручной вышивкой). Красный, как кровь, мак в сознании носителя украинской культуры традиционно связывается и с памятью о погибших на войнах родственниках, в последнее время, как и в Европе, он стал символом победы во Второй мировой войне.

Благодаря своей образной наполненности мак часто встречается в украинских поговорках и фразеологизмах. Приведем лишь некоторые, наиболее частотные: *був з маком, та став з таким* – ‘остаться без ничего’. Мак в украинской картине мира, как видно из приведенного примера, вызывает ассоциации бедной пищи, поскольку его издавна использовали как продукт питания, чтобы пережить неурожайные голодные времена, следовательно, мак является также своеобразным напоминанием о голоде: *Сім літ Бог маку не родив, та й голоду не було; Споминай мак та їж так; Чорний мак, та смачний, а біла редька, та гірка*. Именно ассоциация с голодом породила в языке фразеологизмы с компонентом «мак», имеющие негативное значение, напр.: *бідний, як мак начетверо* – ‘очень бедный’; *не з маком* – ‘трудно, плохо’; *сісти маком* – ‘попасть в беду, оказаться в затруднительном положении, потерпеть неудачу’.

В разговорном украинском языке живёт и простонародное выражение: *не їж, дурню, бо то з маком*, которое часто адресуют молодому, неопытному человеку, где мак выступает как метафорическое олицетворение «дурмана», опьяняющего голову и мешающего адекватно думать. На такой ассоциации строятся образы и в таких фразеологизмах, как *наїстися маку* – ‘поглупеть, одуреть’; *спати (заснути) як після маку* – ‘очень крепко спать’ (Кузнецова 2007а), *(ще) мак росте (квітне) в голові* – о молодом, ветреном и неопытном человеке. Образ дурмящего растения послужил основой и для фразеологизмов, по-разному характеризующих речь человека: *Вискочити (висунутися) як козак (як голий) з маку* – ‘неожиданно и некстати сказать что-н.’, *вскочити у мак* – ‘нелепо, невпопад сказать или сделать что-л.’; *засипала як маком дрібненько* – ‘затараторить, заговорить очень быстро’.

Благодаря маленьким черным зернам мак ассоциируется с чем-либо мелким, что отражено в украинских фразеологизмах *стерти на мак, на мак розбити/порубати* – ‘избить, полностью разгромить неприятеля, изрубить на мелкие кусочки’. Этот образ чего-либо маленького, мелкого явился также основой для украинского фразеологизма *маком шити/писати и т.п.* – ‘очень мелко’, *як маком насіяв* – о мелко написанном тексте. С нейтральным или положительным значением можно привести и такой фразеологизм, как: *тихо (тиша), хоч мак (маком) сій* – ‘очень тихо, безветренно’. Мак растёт на Украине в большом количестве, часто даже как сорняк, отсюда в языке употребляется устойчивое сравнение *як [за гріш] маку* – ‘очень много чего-либо’.

Как и многие вышерассмотренные образы из растительного мира, бархатцы в русском сознании не вызывают такого множества ассоциаций, как у украинцев. Бархатцы (укр. *чорнобривці*) – цветок, который в украинской культуре также является национальным символом. Несмотря на то, что этот цветок растёт во многих уголках мира, украинцы считают свою страну родиной бархатцев и по-особенному любят и ценят их. Оранжевые бархатцы символизируют родины, родной край, отчий дом в широком смысле, а также минувшее детство и материнскую любовь, а для матери – это символ сыновней зрелости, силы, святости, чистоты, мужской красоты и добра. Про бархатцы слагают легенды, стихи, песни, их образ глубоко укоренился в украинском фольклоре. Так, например, популярная украинская песня на стихи М. Сингаевского: «*Чорнобривців насіяла мати У моїм світанковим краю Та й навчила веснянки співати Про надію квітучу свою...*» благодаря символу бархатцев в украинской культуре стала своеобразным реквиемом не только матери поэта, но и всем украинским матерям. А за пределами страны вид бархатцев у носителя украинской культуры вызывает сентиментальную ассоциацию с Украиной и малой родиной, отчим домом.

В продолжение темы растений как этнонациональных символов следует также упомянуть барвинок (укр. *барвінок*) – общая для русского и

украинского языков лексема, обозначающая род стелющихся полукустарников с синими цветками. В русской культуре барвинок не имеет такого образно-ассоциативного наполнения, как в украинской, а, следовательно, ни украинский песенный фольклор, столь популярный в современной русской традиции, ни художественные произведения украинской или русскоязычной литературы, созданной носителями украинской культуры (напр., Н.В. Гоголем), где фигурирует образ барвинка, не может быть до конца и со всей глубиной воспринят носителем русской культуры. Хотя данная лексема является общей для обоих языков, носителю русской культуры зачастую приходится обращаться к словарю для уточнения её значения. А для носителя украинской культуры это не просто наименование растения, которое на Украине растёт повсеместно вдоль дорог и рядом с украинскими хатами (*зелений, як барвінок* – о зеленом цвете чего-либо), но и один из этносимволов. Популярная в России украинская песня *«Несе Галя воду, коромисло гнеться, А за ней Іванко, як барвінок, в'ється»* ввиду отсутствия символического наполнения у данного растения в русском сознании не может быть воспринята аналогично, как в украинском, где барвинок наполнен сочетанием символов: это, прежде всего, вечная, не увядающая любовь, а также молодость и свежесть, как, например, в устойчивом сравнении *хлопець молодий як барвінок* – ‘очень молодой, юный’. Именно поэтому на Украине существует целая традиция собирать барвинок, девушки вплетают его в косы, невесте и жениху на свадьбе надевают венки из барвинка в знак долгой и верной любви. Здесь же приведем пример образа барвинка в ещё одной популярной в России украинской песне *«Ти казала в понеділок, пійдем разом по барвінок»*: у носителя русской культуры этот образ остаётся затемнённым и непонятным, тогда как в украинском сознании этот фраза *пійти разом по барвінок* отсылает к древней традиции – собирать барвинок вместе, т.е. проявлять взаимную симпатию, надеяться на любовь или обещать любить. Барвинок хоть и не примечательное, но неприхотливое и устойчивое к непогоде растение, которое начинает зеленеть ещё под снегом и цветёт с конца мая до поздней осени, поэтому, надевая венок из барвинка на молодых, верят, что любовь их будет крепка и вечна и приговаривают: *«Як цей барвінок ніколи не блідне, так най і життя твоє ніколи не блідне»*. Именно поэтому барвинок также символизирует жизненную силу и вечность.

Не до конца понятна его образность носителю русской культуры в другой популярной в России украинской песне *«Стелися, барвінку, буду поливати, Вернися, Іванку, – буду шанувати»* – образ девушки, которая обещает своему возлюбленному особую заботу (напомним, что барвинок – неприхотливое растение и не нуждается в уходе и поливе, вследствие чего данный образ заботы усиливается). Вообще, отметим, что в украинской культуре барвинок – это прежде всего свадебный символ и свадебный цветок, причём цветущий барвинок ассоциируется со счастливым браком,

а завядший, наоборот, – с неудачным замужеством. Барвинок также символизирует девичью молодость, а о девушке, потерявшей свою чистоту, говорят *вона свій барвінок потоптала*.

Ещё один расхожий и хорошо узнаваемый «цветочный» образ Украины – (красная, укр. червона) *рута*, известный также и в России благодаря одноименной популярной песне на украинском языке. Примечательно, что красная рута, которая растёт только в Карпатах, в украинской культуре получила скорее «мифологическое» значение, тогда как обычная и широко распространённая на Украине рута имеет желто-зеленоватый оттенок, что отражено в украинском устойчивом сравнении *зелений як рута*. Кроме всего прочего, зелёная рута в украинской народной культуре символизирует также и несчастную любовь или несчастливый брак: *«Зелена рутонька, жовтий цвіт. Не піду я за нелюба, піду в світ»*, а также долгую разлуку: *«Зелена рутонька, жовтий цвіт, — Чом тебе, Йване, так довго ніт?»*. Этот цветок связан с древним праздником *Ивана Купалы*: славяне считали, что в ночь на Ивана Купалы рута на некоторое время становится красной. Н.И. Костомаров также отмечает, что это символ девственности и строгости нравов. Так в украинской народной песне девушка, приговаривая: *«Посію я рутоньку, буду підливати»*, обещает хранить свою девичью чистоту, а вот символ *«Потеряти віночок з зеленої рути»* означает потерять девичью чистоту.

В заключение отметим, что, несмотря на близкое родство русского и украинского языков, схожесть менталитетов и восприятия действительности, мы часто находим существенные различия в мировоззренческой и ассоциативной интерпретации одних и тех же образов, символов и знаков. На наш взгляд, это объясняется как разницей культурно-исторического фона, так и географическо-природных условий, формирующих, по мнению Л. Гумилева, сознание нации. Так, на основании вышепредставленных примеров, их реализации в языке и ассоциативного наполнения мы можем увидеть различие в трактовке конкретных образов окружающего мира в русском и украинском сознании, что, с одной стороны, сближает, а с другой – придаёт своеобразие, национальную специфику, колорит, а именно это в конечном итоге и отличает (но отнюдь не разъединяет!) русскую и украинскую нации.

Основным отличием, по нашим представлениям, является непосредственно сам способ восприятия фактов окружающего мира. Если носитель украинского менталитета воспринимает живую природу и образы, связанные с ней (как представлено выше), достаточно предметно и в основном с учётом глубоко укоренившихся в сознании украинцев фольклорных традиций и обычаев, то для русского сознания важен так называемый «культурный слой» (порой, даже не столько фольклор, сколько, в первую очередь, художественная литература, а также популярное песенное творчество, живопись, современный кинематограф и

т.п.), через призму которого в русском сознании наполняется тот или иной предмет окружающего мира (в том числе – растительного).

Так, если, например, для украинца *вишня* – это цветущее весной дерево, вызывающее ассоциации с родным краем, то в восприятии носителя русского менталитета данный образ будет обязательно связываться с культурным фоном (т.е. срабатывает эффект «упоминательной клавиатуры» (по выражению О. Мандельштама), например, «Вишневый сад» А.П. Чехова. Если в украинском представлении берёза будет ассоциироваться лишь с берёзовыми рощами, то в русском сознании в формировании образа берёзы будет дополнительно участвовать и культурный фон, например, «*Белая берёза под моим окном*» или «*Отговорила роща золотая / Берёзовым весёлым языком*». Если в украинском сознании яблоня и груша – это цветущие и плодоносные деревья, то для носителя русского сознания они обязательно будут связаны с тем образом, который был создан в русской культуре, например, ассоциироваться с песней «Расцвели яблони и груши» и т.п.

Предметный или фольклорный способ восприятия носителем украинского менталитета отличается от способа восприятия окружающей действительности носителем русского менталитета, в ассоциативный ряд которого, как правило, будет включаться образ из литературного, изобразительного, песенного, кинематографического и других видов русской культуры.

Анализ сходств и, что, по нашему убеждению, более актуально, – отличий в представлениях, образах, символике и ассоциациях, нашедших отражение в украинском языке, народном творчестве, а также в украинской картине мира, позволяет глубже проникнуть в «ментальность» народа, помогает понять его логику мышления, душу, культуру и характер.

Дарья Витальевна Андрианова, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург¹⁷
yakonukdar@yandex.ru

Устойчивые обороты со словами *сети, силки, тенёта* в диахроническом аспекте

В русском языке, а особенно в русских говорах, существует большое разнообразие наименований для разного рода приспособлений для ловли рыбы, птицы, зверя (*мережи, неводы, аханы, шатры, перевесы, кляпцы, пастники, западочки, пружки, мултуки, самоловы, западенки, верши,*

¹⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-01062).

пругла, пугы, узы, бредни, волокуши, плутцы и мн. др.). В этом ряду можно выделить три слова: *сети, силки, тенета*, которые очень близки в своем прямом исходном значении и в современном языке имеют практически тождественное переносное значение и используются в составе синонимичных устойчивых оборотов. В то же время, по нашему мнению, история развития и формирования переносного значения каждого из этих слов имеет свои особенности, а оттенки стилистической окраски, особенности употребления, нюансы семантики и фразеологического значения оборотов с этими словами определяются теми языковыми и не только языковыми факторами, которые оказали воздействие на эти слова и обороты с ними на разных этапах их развития.

Анализируя употребления слова *сети* в текстах художественной литературы XVIII-XXI вв., можно отметить, что под *сетями* обычно понимаются 'рыболовные сети', редко встречается упоминание о сетях для ловли птиц, а сети для ловли крупных зверей – это чаще всего экзотика жарких стран.

В России сети для охоты на крупных зверей назывались *тенётами*, они развешивались по сучкам и кольям, охватывая место полукругом, а загонщики шли цепью и гнали зверя в тенета. (Даль 1882, 408). «Преследуемый загонщиками или гончими собаками зверь бросается в сеть с разбега, запутывается в ней головой и лапами и, очутившись как бы в мешке, делается беззащитным» (Брокгауз и Ефрон 1890—1907, 869). Кроме того, тенета могли служить не только для поимки зверя, но также как заграждение, чтобы зверь не мог проникнуть в такие места, где травля неудобна (Брокгауз и Ефрон 1890—1907, 869).

В свою очередь *силок* представляет собой приспособление в виде петли, которое устанавливается на звериных тропах для ловли птиц и мелких зверей. Другими словами, силок – это удавка (Даль 1882, 189).

Прямое значение выражений *ловить/поймать/попасть в сети/силки/тенета* и др. переосмысливается, образуя метафорическое значение, которое можно обобщенно сформулировать как 'нечто, лишаящее свободы, ограничивающее волю'.

Анализируя тексты русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX в., нельзя не обратить внимание на то, что все три слова в этот период могут иметь ярко выраженную отрицательную коннотацию, связанную с отсылкой к библейскому тексту, в котором *силки, сети, тенета* соотносятся с образом дьявола, улавливающего с их помощью души людей: *И душа Нисона печалилась и трепетала. И князь тьмы, увидав душевное смятение юноши, распростер перед ним силки и сети и изловил его* (С. Ан-Ский, *Меж двух миров*¹⁸). – *Имею честь донести вашей нечистой силе, что, стараясь распространять более и*

¹⁸ Здесь и далее примеры из текстов художественной литературы цитируются по Национальному корпусу русского языка.

более владычество ваше между родом человеческим, для удобнейшего **запутания** означенного рода **в наши тенета**, подведомых мне журналистов разделил я на всей земле на классы и виды и каждому из них предписал особенное направление (О. И. Сенковский, Большой выход у Сатаны). В этом значении **силки**, **тенета** и **сети** используются как синонимы и понимаются как **библеизмы**, то есть восходят к Библии и активно употребляются в языке русских классиков, в современной литературе (Балакова – Вальтер – Мокиенко 2015, 17).

Интересно, что значительное количество употреблений слов **сеть**, **силки**, **тенета** в рассматриваемом переносном значении, начиная с самых ранних примеров, контекстуально связывается с образом женщины, которая с помощью интриг и различных ухищрений заманивает мужчину, пользуясь его слабостью, в сети брака или греховного увлечения: *Мне нравилась Неонилла, дочь Истукариева; я молод, неопытен и не успел избежать сетей, расставленных для моего обольщения. Я ... принужден был на ней жениться, когда она доказала свою беременность* (В. Т. Нарезный. Бурсак). – *Не хочу, чтоб о вашей дочери сплетни распускали... хотя сама же она силки расставила!* – *Как так – силки? Говори толком.* – *Очень просто: первая поцеловала, первая завлекла. Прежде, сами знаете, я внимания на неё не обращал...* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги). *Рауль запутался в нежных тенетах Анны, как зверь в охотничьей сети* (А. П. Ладинский, Анна Ярославна – королева Франции).

Можно предположить, что в оборотах *расставить сети/силки/тенета* и *попасть в сети/силки/тенета* контаминируются два образа: с одной стороны, здесь очевидна охотничья метафора, а с другой стороны, нельзя не отметить и отсылку к известной фразе из Екклезиаста: *«горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце её – силки, руки её – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею»* (Екклезиаст, 6). Женщина в подобных случаях выступает как своеобразное орудие дьявола, улавливающего душу слабого человека с её помощью. Примеры употребления, в которых любовные сети для соблазнения невинной девицы раскидывает мужчина, встречаются значительно реже, и в большинстве таких случаев используется слово **тенета**. Можно предположить, что в устойчивых оборотах, которыми обозначают разные интриги сердечного свойства, слово **тенета** используется, скорее, по аналогии с синонимичными конструкциями *поймать, заманить в сети* или *в силки*. Необходимо также отметить, что если в литературе духовного содержания подобного рода обороты имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, то в текстах художественной литературы они чаще всего имеют ироническую окраску.

Отдельную большую группу составляют сравнительные конструкции со словами **сети**, **силки**, **тенета**, причем в текстах художественной литературы XIX в. такие обороты обычно имеют романтический

оттенок. *Чувствительное сердце его затрепетало, как невинная горлица, увязшая в расставленные сети* (А. И. Клушин. Несчастный М-в). *Не девушку он видел, а мечту, и сердце его забилося, словно птица в силке* (А. Е. Зарин, Кровавый пир). *Связанный Гречка молчал – только мрачно глядел исподлобья, поводя вокруг злобными глазами, да тихо покачивался со стороны в сторону, как медведь, пойманный в тенета* (В. В. Крестовский, Петербургские трущобы). Особенно часто в сравнительной конструкции, где сердце взволнованного, испуганного или влюбленного человека сопоставляется с попавшей в ловушку птицей, используется слово *силки*. Как отмечают исследователи (Кожевникова 1986, 49), это сравнение иллюстрирует фольклорную поэтическую традицию, «распространенную не только в устном народном творчестве, но и в индивидуально-авторской поэзии, что свидетельствует о единстве формульного фонда фольклора и литературы» (Киндеркнехт 2015, 93). Яркий афористичный образ пойманной в силки птицы встречается в нескольких стихотворениях И. А. Крылова: «*Что́ пользы по свету таскаться? Иль с другом хочешь ты расстаться? Бессовестный! когда меня тебе не жаль, Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны, И всё, чем странствия опасны!*», «*Не из клетки ль на свободу Выпорхнул в счастливый час, И, еще силка страшась, Робко так поешь природу?*», «*Попался! Не провели бы так меня: За это я ручаюсь смело*». *Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок. И дело!*» (Крылов, 8). Возьмём на себя смелость предположить, что именно благодаря меткому перу И. А. Крылова само слово *силки* и устойчивые обороты с ним активно используются и развиваются в современном русском языке.

Самое распространенное значение оборотов *поймать/ловить в сети, силки, тенета, ставить/расставлять сети, силки, тенета* – ‘плести интриги с целью тем или иным способом подчинить себе кого-либо, получить возможность манипулировать им’. Такие обороты имеют выраженную отрицательную окраску. *Хотя сам Меншиков не поддавался прямо влиянию ни своей жены, ни тех жещин, ласками которых он пользовался, но тем не менее и в его суровое правление жещины усердно плели «придворное кружево», и если не могли опутать его сетью, то все же порой расставляли силки, в которые он попадался* (Е. П. Карнович, Придворное кружево). *Но Фетюкович поймал и их в свои тенета: как ни вилял позванный опять Трифон Борисович, а все-таки должен был сознаться, что его колода карт была подменена паном Врублевским своею, а что пан Муссялович, мечта банк, передернул карту* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). *Князю московскому не избежать сетей, какими я его опутал и еще опутаю, если только на меня положится твой родитель и ты, князь, меня не выдашь...* (Н. А. Клятва при гробе Господнем).

Однако со второй половины XIX в. такие обороты всё чаще используются для характеристики ‘некоего неудачного стечения

обстоятельств, цепи неблагоприятных событий, общего порядка вещей или системы общественного устройства, которые поставили человека в сложную ситуацию'. *Ответа не было: всё было смутно и неопределённо, всё было запутано в сеть бесконечных недоумений и недоразумений* (Н. Н. Златовратский. Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг.). *Тогда он был бодрый, свободный человек, перед которым раскрывались бесконечные возможности, – теперь он чувствовал себя со всех сторон пойманным в тенетах* глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни (Л. Н. Толстой, Воскресение). *Режим нашёл подход и к молодым, заманив их в силки бездуховности и вседозволенности* (М. Игорев, Три аршина и земной шар).

Таким образом, место конкретного персонифицированного недоброжелателя занимает нечто абстрактное, что ограничивает свободу воли человека, ставит его в какие-то тесные рамки, зашоривает его видение ситуации подобно тому, как сетями-тенетами ограждали места травли. Именно в этом значении чаще всего используются обороты со словом *тенета*: *тенета глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни, общественного мирозерцания, старомодной либеральной дипломатии, мертвые тенета догм, тщеславия, регламентации и правил, буржуазного быта, одиночества* и др.

Устойчивые обороты со словом *тенета* также часто используются для характеристики туманных речей, многословия, завуалированного обмана. Ещё одно значение, характерное именно для оборота *оплести, опутывать тенетами*, – это денежные затруднения, долги: *тенета мировой биржи, тенета биржевых операций, долговые тенета*. Да, видимо мне на роду написано – век *вязнуть в словесных тенетах* (П. Сиркес, Труба исхода). *Парадокс литературы заключается в том, что чем больше мы стараемся приблизиться к жизни, тем глубже **вязнем в тенетах** письма* (Б. Хазанов, Далекое зрелище лесов). *Стоднев богатыл с каждым днём и становился непреодолимой силой, а мужики всё больше запутывались в его тенетах* (Ф.В. Гладков, Повесть о детстве).

Характерно, что слово *тенета* в приведённых значениях чаще всего употребляется в составе устойчивых оборотов с глаголами *запутать/запутаться в тенетах, плести тенета, распутать тенета*. Дело в том, что ещё одно значение слова *тенето, тенеты, тенета* – это 'паутина'. Это значение распространено в русских диалектах и закреплено в пословицах: *правда что у мизгиря в тенетах: имель пробьётся, а муха увязнет* (БСРП 2010, 712); *закон что тенета: имель пролетит, а муха останется* (БСРП 2010, 359); *летела муха-горюха – попала к мизгирию (пауку) в тенета* (БСРП 2010, 571). В то же время ряд русских пословиц отражает именно охотничью метафору: *не попал волк в западню, увязнет в тенетах* (БСРП 2010, 140); *старого волка в тенета не загонишь* (БСРП 2010, 142); *либо зайца поймать, либо в тенета попасть* (БСРП 2010, 366); *где заяц ни бегал, а в тенета попал* (БСРП 2010, 366); *авось что*

заяц: в тенято попадѣт, авось что заяц в тенетах вязнет (БСРП 2010, 14); *и на вольную птицу есть укорота – силки да тенѣта* (БСРП 2010, 371).

Обобщая наблюдения над значением слова *тенета* и устойчивыми оборотами, в состав которых оно входит, нужно отметить, что прямые значения слова *тенета* ‘ловчая сеть’ и ‘паутина’ современному носителю не всегда известны и понятны. Поэтому обороты *ставить тенета, поймать в тенета, плести тенета, запутывать/опутывать тенетами* и под. могут быть отнесены к числу немотивированных фразеологических оборотов. По всей видимости, устойчивые обороты со словом *тенета* сохранились и развиваются в современном русском языке благодаря, во-первых, наложению друг на друга двух метафорических значений, обусловленных двумя значениями компонента *тенета*, а во-вторых, благодаря своей продуктивности в русских диалектных поговорах.

Подводя итог рассуждениям об оборотах *поймать/попасть/ловить в силки, ставить силки* и других, можно предположить, что своеобразной «путевкой» в современный русский язык для устойчивых оборотов со словом *силки* стали отчасти библейские коннотации, а главным образом – народная поэтическая традиция и литературная традиция XIX в., благодаря которым сравнительные обороты со словом *силки* получили характер устойчивых.

Что касается фразеологических оборотов со словом *сеть*, которые фиксируются во всех фразеологических словарях, то здесь в качестве основных факторов, определивших развитие этих оборотов, можно назвать библейские коннотации, которые могут маркировать эти фразеологизмы и в современном русском языке, а также отметить многозначность слова *сеть*, бурное развитие других переносных значений (*сеть железных дорог, сеть магазинов, сеть переулков, а также Всемирная сеть, Всемирная паутина* и др.). Комплекс этих факторов обусловил современные стилистические, семантические особенности, особенности сочетаемости и употребления устойчивых оборотов со словом *сеть*.

Агнешка Гаш, Силезский университет, Катовице, Польша
agnieszka.gasz@us.edu.pl

Русские и польские устойчивые сравнения, характеризующие человека по манере есть

Сравнение признается самым древним видом интеллектуальной деятельности человека, предшествующим счету, возникшим вместе с языком. Когнитивные науки, в частности психология, логика и философия,

определяют сравнение как познавательную операцию, лежащую в основе суждений о сходстве или различии объектов. Посредством сравнения выявляются качественные и количественные характеристики предметов, явлений и процессов, ср. Н.И. Кондаков (1975). Конструкция сравнения является одной из синтаксических универсалий, свойственных как близкородственным, так и неблизкородственным языкам, ср. Н.Б. Мечковская (2001). В основе языкового сравнения выступают компоненты логического сравнения, но в сравнительных конструкциях довольно часто присутствуют показатели образности (ср. *X выше Y-а, X высокий как дуб*).

Устойчивые сравнения (иначе: фразеологические сравнения, компаративные фразеологизмы, далее – УС), наряду с фразеологическими сращениями, единствами, сочетаниями и выражениями, представляют собой особый класс фразеологических оборотов. Словарные (узуальные) УС, в отличие от индивидуально-авторских, принадлежат к лексико-фразеологическим фондам языка, которые (как и обычные фразеологизмы) извлекаются из памяти в готовом виде, т.е. как целостные по значению и устойчивые в составе и структуре языковые единицы (Шанский 1969, 90).

УС выделяются в отдельную группу фразеологических оборотов в силу своих формальных и семантических признаков. Итак, УС имеют двучленную структуру: левую и правую части, соединенные сравнительным союзом, что отражает формула *X как Y*. Левая (исходная) часть УС определяет его грамматико-синтаксическую и семантико-тематическую принадлежность. В свою очередь, весь образ (картинность) УС концентрируется в правой (эталонной) части. (Ср. А.О. Долгова 2007). УС обладают притом стилистической окрашенностью (экспрессивностью и эмоциональностью). Таким образом, сравнение занимает важное место в познавательной деятельности человека. «Оно, – как пишет В.М. Мокиенко (2016, 37), – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство её оценки. Сравнение экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации».

В связи с тем, что в семантике УС сохраняются представления об окружающем мире, заложенные в определенной культуре, УС рассматриваются как элементы языковой картины мира. Поскольку язык интерпретирует действительность, в нем отражается субъективное видение мира, обоснованное физическим и культурным опытом людей (антропоцентризм). Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Её проводят на основе анализа концептуальных метафор, а также стереотипов и коннотаций, обнаружение которых возможно в ходе анализа единиц языка (лексем и фразеологизмов), а также единиц текста (поговорок), относящихся к исследуемому фрагменту действительности (Bartmiński 2006, 230). УС, входящие в общую фразеологическую систему языка,

сохраняют свою собственную и функциональную специфику, наделяющую их особой ролью в палитре общей языковой картины мира.

УС изучались многими лингвистами на материале разных языков в различных аспектах. Ср.: В.М. Огольцев (1978), Е.К. Николаева (1989), А.О. Долгова (2007), W. Wysoczański (2005), B. Rodziewicz (2007) и мн. др. В настоящей статье ставится задача рассмотреть русские и польские УС, характеризующие человека по манере есть. Материал для сопоставительного анализа был отобран из русских и польских словарей устойчивых сравнений (ср. источники материала). Поскольку в польской лексикографии был издан только один словарь сравнений М. Банько, материал польского языка пополнялся выражениями, почерпнутыми из словарей других типов, а также из Национального корпуса польского языка.

Лингвистической характеристике подвергаются УС, содержащие в структуре исходной части базовые (нейтральные) глаголы питания (*есть*//*jeść*), их экспрессивные синонимы (*жрать*//*żreć*), а также гипонимы, в семантической структуре которых (кроме общего компонента [*есть*]//[*jeść*]) можно выделить дополнительные признаки (дифференцирующие признаки). Ср.: *глотать* [*есть*] [*проталкивая пищу*], *жевать* [*есть*] [*медленно*] [*разминая во рту*] [*тщательно*], *хрустеть* [*есть*] [*громко*] [*разгрызая или разжевывая с хрустом*] [*о твердой пище*], *чавкать* [*есть*] [*громко*]//[*chrupać*] [*jeść*] [*głośno*] [*gryząc*] [*twardy pokarm*], *тыкать* [*jeść*] [*przesuwając pokarm*], *жуй* [*jeść*] [*powoli*] [*rozcierając zębami*] [*dokładnie*].

Питание свойственно живым организмам, поэтому в структуре рассматриваемых УС левую и правую позиции при глаголах принятия пищи не могут заполнять названия артефактов и абстрактных понятий. Ср. неприемлемые контексты: **(робот, правда) ест как свинья*, **Юра ест как (компьютер, добро)*. Левый контекст УС с глаголами питания заполняют названия, в значении которых выступает компонент [*человеческий*], т.е. названия лиц (как собственные, так и нарицательные). Ср.: *(этот человек, этот мальчик, Петя) ест как свинья*, но **(эта собака, Лайка) ест как свинья*.

Весь образ УС, относящихся к рассматриваемой тематической группе, концентрируется в правой части, где в основном выступают названия животных, вызывающие определенные культурные ассоциации. Здесь мы имеем дело с так наз. зооморфным культурным кодом. В составе УС, характеризующих человека по манере есть, справа к глаголу питания присоединяются названия, содержащие в своем значении сему [*животный*], что можно наглядно представить в виде соответствующих схем: [*ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ*] ЕСТЬ (ЖРАТЬ, ЖЕВАТЬ, ХРУСТЕТЬ...) КАК [*ЖИВОТНОЕ*]//[*LUDZKI*] JEŚĆ (*CHRUPAĆ, PRZEŻUWAĆ, ŻREĆ...*) JAK [*ZWIERZĘCY*].

Таким образом, между левой и правой частями УС устанавливаются отношения сходства. В данном случае аналогии, которые обнаруживаются между человеком и некоторыми видами животных, касаются прежде всего

способа приема пищи, а также её вида и количества. Характеристика человека, заключенная в обсуждаемых языковых выражениях, основана на зоометафоре. Этот широко распространенный когнитивный механизм выступает в двух разновидностях. Во-первых, образу животного могут приписываться антропоморфные свойства, во-вторых – образ животного может проецироваться на человека, которому приписываются зооморфные характеристики.

УС, характеризующие человека по манере принимать пищу, относятся ко второму типу. В основе зоометафор лежит стереотипный образ, отражающий наиболее существенный для данного животного признак, легко осмысливаемый в сознании говорящих. Зоометафора является притом специфическим средством выражения оценки. Наблюдения над поведением людей и животных, закрепленные в языке, одновременно выражают также наше положительное или отрицательное отношение к ним. Причиной того, что в пределах великой цепи бытия человек занимает более высокую позицию, чем животные, является доминирующий в языковой картине мира антропоцентризм и связанный с ним субъективизм, ср. Т. Krzeszowski (1999). Об этом свидетельствует существующая во многих языках оппозиция лексем, среди которых одни употребляются по отношению к человеку, другие же – по отношению к животным (Kempf 1985, 125 – 126). Ср.: польск. *jeść – żreć, umierać – zdychać, głowa – łeb*//рус. *есть – жрать, умирать –дохнуть, лицо – морда* и т.п.

Стоит отметить, что слово *есть* в значении ‘принимать пищу’ в общеславянском языке имело форму *esti* и использовалось по отношению к животным. В свою очередь, глагол *жрать* первоначально был стилистически нейтральным словом со значением ‘есть’, ср. Н.М Шанский, Т.А. Боброва (2004). Анимальная лексика, употребляемая по отношению к своим денотатам, не имеет отрицательной окраски. Животным от природы присущи определённые черты внешнего вида и соответствующий способ поведения. Употребление анимальной лексики по отношению к человеку приводит к тому, что данные названия чаще всего становятся пейоративными или шутивными (в зависимости от контекста).

На основе общих семантических признаков в материале сопоставляемых языков можно выделить несколько групп УС, характеризующих человека по манере есть. Первую группу составляют УС, определяющие человека, который ест некультурно. Данные выражения рождает аналогию между человеком и животными в отношении способа принимать пищу. В кругу европейской культуры прием пищи регламентируется соответствующими правилами поведения за столом. Некультурный способ принятия пищи человеком сравнивается с инстинктивным поведением животного. Следовательно, в рассматриваемых УС проявляется оппозиция натура vs. культура.

Итак, о человеке, который ест, не соблюдая этикета (неопрятно, жадно, алчно, торопливо), мы говорим, что он *ест как зверь* (*звереныш*), *как свинья*, *как собака*, *как голодный пёс*//*je jak prosię, jak świnia*. Как показывают приведённые примеры, в русском материале выступают УС, содержащие в своей структуре компоненты *зверь* и *зверёныш*, обозначающие соответственно дикое, обычно хищное животное и его детёныша. В случае УС с компонентом *зверёныш* устанавливается сходство между детёнышем дикого животного и ребёнком, который ещё не овладел правилами культурного поведения за столом.

Кроме общих названий животных, в составе рассматриваемых УС появляются названия конкретных видов животных (как домашних, так и диких). В русских УС отмечаются компоненты *собака*, *голодный пёс* (самец собаки). Собака считается символом некрофагии (питания трупами), воплощением отрицательных черт (прожорливости, алчности, сервильности), ср. W. Kopaliński (2006). В случае компонента *пёс* признак алчности по отношению к еде усиливается посредством определения *голодный*.

В материале обоих языков выступают УС с компонентами *свинья*//*świnia*, *prosię* (поросёнок, детёныш свиньи). Свинья воспринимается прежде всего как символ нечистоплотности и обжорства, ср. W. Kopaliński (2006). К самым существенным чертам, которые ассоциируются с внешним видом и характерным поведением этого животного, можно отнести всеядность, прожорливость, хрюканье, стремление валяться в грязи. Приведённые черты составляют стереотип свиньи. В процессе метафорического переноса некоторые из этих признаков могут выделяться и распространяться на человека с соответствующей оценкой. УС, указывающие на проявление звериных инстинктов по отношению к пище, служат выражению отрицательной характеристики человека.

Бескультурное поведение за столом проявляется также в манере есть, не пережёвывая пищу, что отражают УС *глотать как волк* (*собака*), *глотать как кот селёдок*//*łykać jak indyk kluski*. Между глаголами *есть*//*jeść* и *глотать*//*łykać* устанавливается отношение следствия, поскольку если кто-то ест что-то, он должен это глотать. Глотанию предшествует этап механической обработки (размельчения) пищи. Оценку алчного поглощения пищи без разбора в составе УС с глаголами *глотать*//*łykać* дают названия диких (*волк*) и домашних животных (*собака*, *кот*//*indyk*). Волк – хищное животное, воспринимающееся как символ жадности и прожорливости, ср. J. Cooper (1998). Как видно из примеров, в составе УС могут также выступать названия объектов питания. Кошки являются плотоядными животными, обычно потребляющими только мясную пищу. Из-за этого они считаются символом хищности. В польском языке выступает УС *łakomy jak kot na rybu*, обозначающее жадного к еде человека, в структуре которого не содержится однако глагол *łykać*

‘глотать’. В свою очередь, индейка (*indyk*) питается растительной и животной пищей, а также насекомыми. Одомашненная индейка – это один из основных видов сельскохозяйственной птицы. Можно предполагать, что хозяева доводили индеек до тучности, кормив клёецками (*kluski*), которые они быстро заглатывали. В связи с этим индейка считается символом благополучия и сытности (особенно в американской культуре). В современном польском языке УС *łykać jak indyk kluski* намного реже выражает характеристику человека, едящего быстро и без разбора. В анализируемом материале данное УС чаще всего употребляется в переносных значениях в рамках абстрактного (ментального) домена: *Идеи – это пицца*. Ср. *Łukają takie bzdety, jak indyki kluski*.

С бескультурным поведением связано также чавканье за едой. Экспрессивную оценку манеры есть шумно содержит УС *чавкать как свинья*. Русскому глаголу *чавкать* ‘есть, издавая при жевании характерные причмокивающие звуки (о человеке и животном)’ в польском языке соответствует глагол *mlaskać*. Но данная лексема не выступает как компонент УС (ср. неприемлемый контекст: **mlaskać jak świnia*). Для польского языка характерно УС *chrumkać jak świna*. Глагол *chrumkać* соответствует русскому *хрюкать* ‘издавать характерные отрывистые звуки’, сопровождающие акт приёма пищи.

Экспрессивные глаголы *жрать//żreć* сочетаются не только с рассматриваемыми выше названиями *свинья//świnia*, *волк*, *собака*, но и с другими анимальными компонентами, ср.: *жрать как кабан*, *как корова*, *как голодный волк*, *как акула*, *пожирать как саранча//żreć jak świnia, jak pies, jak wilk*. В составе данных УС появляются названия домашних животных, таких как *кабан* (самец домашней свиньи), *корова//pies*. Среди названий, обозначающих диких животных, в русских УС выступает компонент *волк* (в сочетании с интенсификатором), а также компоненты *акула* (крупная хищная морская рыба с большой пастью) и *саранча* (стадное насекомое, перелетающее огромными массами, вредитель сельского хозяйства, воплощение алчности и жадности). В польских УС с глаголом *żreć jak* сочетается компонент *wilk* ‘волк’, обозначающий хищное животное. Польский словарь сравнений не приводит УС с компонентом *szarańcza*, но в текстах встречаются примеры его употребления. Ср. *Nogi bolały nas, byłyśmy głodne, przed nami szła fala ludzi, którzy wyjadali wszystko jak szarańcza*.

Таким образом, когда человек жрёт, то он ест что-то неопрятно, не соблюдая этикета (с жадностью) наподобие животных (как правило, хищников), часто также в большом количестве. В связи с этим некоторые УС, характеризующие человека, едящего неразборчиво, неопрятно (некультурно), могут также примыкать ко второй группе УС, употребляемых по отношению к человеку, едящему много. О человеке, который поглощает пищу в большом количестве, мы говорим, что он *ест как бегемот*, *как крокодил*, *как удав*, *жрёт как лошадь//je jak stok, jak*

wilk, jak wół. В русском материале выступают главным образом названия диких животных. Бегемот – это травоядное животное больших размеров с огромной пастью, которое в день может съесть до 70 кг корма. Крокодил – хищник с большими челюстями и острыми зубами. Интересно отметить, что жевать крокодилы не могут (крупную добычу расчленяют при помощи мощных челюстей и физической силы, после чего глотают по частям). Неудивительно, что в культуре как крокодил, так и бегемот являются символом прожорливости, ср. W. Koraliński (2006). Удав – неядовитая хищная змея, питающаяся, главным образом, мелкими животными, удушая их своим обвитым вокруг них телом, а затем глотая без разбора.

С названием домашнего животного в функции объекта сравнения имеем дело в составе УС *жрать как лошадь*. Это больших размеров животное является символом усердия вплоть до отсутствия чувства меры в работе, ср. (Колесов–Колесова–Харитонов 2014). Кажется, что в данном случае метафорический перенос основан главным образом на размере животного. Однако данная зоометафора тесно также связана с выполнением лошадью тяжёлой физической работы, для чего нужно большое количество пищи. В польских УС анализируемой группы, кроме компонента *wilk*, появляются ещё названия *smok* (мифологический персонаж, чудовище, пожирающее людей и животных, в виде крылатого огнедышащего змея с когтями льва, крыльями, похожими на крылья летучей мыши, раздвоенным языком и хвостом) и *wół* (кастрированный бык, мясное и рабочее животное). УС *żreć jak koń* не фиксируется в польском словаре сравнений, но можно найти примеры его употребления в текстах: *W tamtym okresie wyznawalem zasadę: „żryj jak koń i zachowuj się jak świnia. Objijaj się i zdobywaj szmal w łatwy sposób”*.

Кроме глаголов физиологического действия *есть//jeść* и их экспрессивных синонимов *жрать//żreć* в структуре собранных УС могут также выступать глаголы физиологического состояния. Значение ‘много’, ‘до пресыщения’ передают УС *наесться (насосаться) как пиявка, насосаться (наесться) как клоп//ssać jak pijawka, objeść się (obeżreć się) jak bąk*. В приведённых УС в функции объекта сравнения выступают зоонимы, обозначающие кровососущих червей (*пиявка//pijawka*) и насекомых (*клоп//bąk* ‘слепень бычий’). Для этих небольших размеров существ характерно, что когда они насытятся, их тело приобретает более округлую форму. Можно заключить, что именно этот признак лёг в основу сравнения с сытым человеком, у которого наблюдается вздутие живота после еды. В польском языке значение ‘много’ выражают УС с названиями домашних животных *świnia* и *pies*, т.е. *objeść się (obeżreć się) jak świnia, objeść się jak pies ścierwa*. Первый пример указывает на большой объём принимаемой пищи, а второй одновременно уточняет её вид – *ścierwo* ‘падаль’. В ресурсах Национального корпуса польского языка встречаются также УС с компонентом *wieprz* ‘кабан’, напр. *Najadł się jak wieprz, opił bimbrem jak pop i spał ze trzy tygodnie, aż przyszli po niego*.

В группу УС со значением ‘есть много’ входит также выражение *переваривать как страус*, употребляемое по отношению к человеку с грубым, неприветливым желудком, переваривающим большое количество любой пищи. Глаголы *переваривать* и *есть* находятся в отношении следствия, так как действие *есть* влечёт за собой действие *переваривать* (ср. если кто-то ест что-то, он должен это переваривать). В правой части после глагола питания появляется название всеядного дикого (экзотического) животного – страуса. В польском языке употребляется УС *ktoś ma żołądek jak struś*, в структуре которого не выступает однако глагол физиологического действия *trawić* ‘переваривать’, напр. *Posilić mógł się jedynie nie znający strachu Krzysztof, który prócz tego, że był mistrzem Polski w skokach do wody, ma żołądek jak struś i mógłby pełnić rolę gastronomicznego kaskadera*.

В рамках третьей группы УС, характеризующих человека, принимающего пищу в небольшом количестве, выступают названия животных малых размеров, чаще всего птиц. О человеке, едящем мало, мы говорим, что он *ест как птичка, как птенчик, как куренок, как цыпленок, как воробышек, как котенок//je jak ptaszek, jak kurczę (kurczak), jak wróbelek*. Общими для русского и польского языков являются УС с родовым компонентом-диминовом: *птичка, птенчик//ptaszek*, а также с видовыми названиями: *курёнок, цыплёнок//kurczę, kurczak, воробышек//wróbelek*. В русском языке функционирует также УС *есть как куры клюют* с названием взрослых особей домашней курицы. В свою очередь, польское УС *jeść jak kanarek* содержит название взрослой особи канарейки (мелкой певчей птицы, распространённой в качестве комнатной птицы). В польском языке значение ‘очень мало’ выражают ещё УС *pożywił się ktoś jak pies mucha, wyżarł się jak suka buraków*. В качестве объектов сравнения здесь выступают названия самца и самки домашней собаки (ср. *pies, suka* ‘сука’), присоединяющие одновременно названия объектов питания (ср. *mucha* ‘муха’, *burak* ‘свекла’). Таким образом, данные УС указывают не только на недостаточное количество принимаемой пищи, но и на её неподходящий вид (собака питается преимущественно мясом).

В четвертую группу, характеризующую человека по манере есть, входит УС *есть как козёл капусту*, выражающее значение ‘есть с аппетитом’ (т.е. получать удовольствие от принимаемой пищи). В функции объекта сравнения выступает компонент *козёл*, обозначающий самца козы – символа прожорливости). Козы быстро поглощают большое количество корма (травы, листьев), а в промежутках между едой пережёвывают жвачку. В польском материале не нашлось УС этого типа.

УС пятой группы характеризуют человека, едящего с хрустом твердую пищу, в их значении выделяется общий семантический компонент [громко]. В данном значении реализуются УС *хрустеть как заяц//chrupać jak królik*. Заяц и *królik* (кролик) – это небольшие зверьки из отряда

грызунов с сильными крепкими зубами (резцами), охотно поедающие овощные и бахчевые культуры. УС *chrupać jak królik* не фиксируется в словаре сравнений польского языка. Тем не менее оно довольно часто встречается в разговорной речи, а также в текстах, напр.: *Zjedli po połówce jabłka, chrupiąc jak króliki i śmiejąc się z tego chrupania.*

В отличие от большинства УС первой группы, описывающих некультурное, жадное поглощение пищи человеком, с которым часто также тесно связан признак [быстро], шестую группу представляют УС, определяющие человека, который ест в медленном темпе (нередко равнодушно и апатично), напр. *жевать как вол//żuć jak krowa*. Обратим внимание, что зубы коров приспособлены для пережевывания растительного корма, а их нижняя челюсть приспособлена совершать характерные круговые движения. В среднем коровы треть своего времени пасутся, треть – пережевывают жвачку и треть – отдыхают. Несмотря на то, что УС *żuć (przeżuwać) jak krowa* в польском словаре сравнений не приводится, отмечаются примеры его употребления в разговорной речи и в текстах художественной литературы, напр.: *Czasami Władek urozmaicał swoją kolację przejrzałą cebulą, połówką jabłka lub przekwaszonym ogórkiem. Jadł powoli, tak jak żuje krowa.* В структуре данных УС вытупают названия домашних жвачных животных (в русском языке это название самца, а в польском самки).

Подведём итоги. Рассмотренный материал УС, характеризующих человека по манере есть, показывает, что их образная основа в большинстве случаев опирается на зооморфный код культуры. Как в русском, так и в польском языке сравнения с миром животных в отношении приема пищи можно признать важным механизмом выражения оценки этого акта. Как показывает проведённый выше анализ, представления о данном фрагменте внеязыковой действительности сходны. В русском материале отмечаются УС с названиями диких экзотических животных, которые в свою очередь не встречаются в польском материале. В составе польских УС, определяющих человека по манере есть, в основном выступают названия животных, характерных для района Центральной Европы, а также название мифологического животного (которое отсутствует в русском материале). Выделенные коннотативные значения базовых глаголов питания *есть//jeść*: [некультурно], [много], [мало], [с аппетитом], [громко], [медленно] в обоих языках, как правило, реализуют УС, содержащие в своей структуре одинаковые анимальные компоненты. Однако наблюдаются также некоторые формальные различия, отражающие разные способы видения мира, закрепленные в структуре обоих языков. Ср.: название самки – названия самца, напр. *жевать как вол//żuć jak krowa*, название взрослой особи – название детеныша, напр. *есть как свинья//jeść jak prosię*, близкие виды животных, напр. *хрустеть как заяц//chrupać jak królik*.

С употреблением наименований людей и артефатов в функции объекта сравнения в структуре УС обсуждаемой тематической группы встречаемся крайне редко. Семантическую схему: [ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ] ЕСТЬ (ЖРАТЬ) КАК [ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ] реализуют УС *есть (жрать) как прорва и жрать лошадиное мясо как турки*. Первое УС применяется по отношению к очень прожорливому, ненасытному человеку. В структуре второго функцию образа-эталона выполняет этноним, вызывающий определённые культурные ассоциации. Подобных примеров не нашлось в польском материале. Для польского языка, в свою очередь, характерно УС *najedzony jak beka*, отображающее семантическую схему: [LUDZKI] NAJEŚĆ SIĘ JAK [PRZEDMIOTOWY]. В его структуре выступает название округлого предмета (больших размеров) в сочетании с формой страдательного причастия *najedzony*, образованного от глагола физиологического состояния *najeść się*. В русском материале не встретилось примеров УС с компонентом-артефактом в функции объекта сравнения *наесться*.

Выполненное исследование показывает очевидное сходство в концептуализации акта приёма пищи в обоих языках при некоторых формальных различиях, касающихся закреплённой сочетаемости глаголов питания с названиями животных в функции объекта сравнения в контексте УС. Сделанные выше наблюдения над природой УС с глаголами питания дают основания для дальнейших, более детальных исследований. Проведение подробного сопоставительного лингвистического анализа на почве нескольких славянских и неславянских языков может принести полезные результаты.

Олег Иванович Федосов (Университет им. Л.Этвеша, Будапешт, Венгрия)
fedoszov@gmail.com

Венгерские сравнительные обороты *kevés (vagy), mint X* в чешско-русской конфронтации

В чешской фразеографической традиции чётко выделяются фраземы и идиомы в форме сравнительных оборотов типа *je to jako z apatyky* (= málo). Им посвящен отдельный (первый) том четырёхтомного *Словаря чешской фразеологии и идиоматики* под общей ред. Ф.Чермака, содержащего в общем более 40 000 фразеологических единиц, из которых 2400 ФЕ – это сравнительные обороты. Венгерская фразеология также выделяет этот тип ФЕ, но во фразеографии он отдельно не разработан. Среди венгерских ФЕ – сравнительных оборотов – заметно выделяется большая группа (более двухсот) со специфической конструкцией *kevés (vagy), mint X* (букв. 'мало / мал, как ...'), главная особенность которых состоит в том, что эти фраземы-пропозиции стоят на границе фразеологии и фольклора, т.к. они возникают, воспринимаются носителями языка и

воспроизводятся как тексты, как некие мини-анекдоты. Анализ этих специфических конструкций венгерской фразеологии дан в конфронтации с ФЕ – устойчивыми сравнениями современного чешского и русского языка.

0. Специалистам хорошо известно разделение вербального фольклора на „классические” („архаические”) жанры и формы, с одной стороны, и на фольклорные новообразования, в частности, на малые формы современного городского фольклора. Среди них, помимо городского анекдота, выделяются городская несказочная проза, песенный фольклор, современная обрядовая практика, фольклор городских субкультур и др. В одной из работ фольклориста С. Ю. Неклюдова говорится: «<...> тексты городского фольклора структурно, содержательно и функционально связаны с массовой культурой, активно используют её семантику, топику, стилистику. Однако массовая культура имеет и ряд кардинальных отличий от традиционного фольклора. Она идеологически „полицентрична”, обладает повышенной способностью к тематической и эстетической интернационализации своей продукции (тогда как традиционный фольклор локален и регионален), наконец, свою продукцию она воспроизводит „серийно”, в виде немыслимых для устного творчества идентичных копий» (Неклюдов 2005). Именно отмеченную здесь „серийность” как нельзя лучше иллюстрируют венгерские сравнительные обороты из нашего материала.

Этому не противоречит – как ни парадоксально на первый взгляд – следующее утверждение В.М. Мокиенко: «Сравнения точны уже потому, что каждый образ, как правило, неповторим, индивидуален, обособлен. Это и рождает ту особую семантическую дифференцированность каждого устойчивого сравнения, которую Б. А. Ларин в свое время характеризовал как „добавочность смысла” фразеологизмов» (Мокиенко 2016, 37). И „серийность”, и „неповторимость образа” могут проявляться одновременно.

Другим важным аспектом нашей темы является метафоризация. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделяют метафорические коллокации, т.е. устойчивые сочетания типа *зерно истины* и *червь сомнения*, в которых один из компонентов употреблен в прямом значении, а второй – как метафора, модифицирующая значение первого. Авторы пишут: «Не все коллокации одинаковы с точки зрения степени идиоматичности. Так, формы типа *пьян как сапожник*, вообще говоря, структурно соответствуют обычным коллокациям: *пьян* – база, как *сапожник* – коллокатор. Однако интуитивно фразеологизм *пьян как сапожник* занимает промежуточное положение между собственно коллокациями и идиомами. Возможно, это связано с ясно ощущаемым образом, стоящим за этим выражением» (Баранов – Добровольский 2014, 135).

Переход фразеологизмов-сравнений во фразеологизмы-метафоры исследуется и в работе М.Л. Ковшовой: «В основе фразеологической сравнительной конструкции *X как (словно, точно, подобно* и т. п.) *Y* лежит универсальная мыслительная схема, включающая три элемента операции сравнения: субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения, т. е. то, что является общим свойством у субъекта и объекта и служит предметом сравнения между ними <...> Метафора – конечная остановка в развитии сравнения. Сравнение, менее ответственное за логику уподобления, чем метафора, при этом активно работает и осуществляет функцию типизатора – создает образы определенного типа человека, действий, ситуации и т. п.» (Ковшова 2016, 57-58).

Обозначенные в цитированных работах вопросы и тезисы теперь проанализируем на нашем материале.

1.0 В венгерской фразеологической неологии заметно выделяется большая группа таких вербальных продуктов, которые достойны внимания именно по той причине, что стоят они как бы на границе фразеологии и фольклора, т.к. возникают, воспринимаются носителями языка и воспроизводятся в городском фольклоре как тексты, как мини-анекдоты., при этом – „серийным способом”. Это ничуть не портит их образности, неповторимости каждого (или почти каждого) оборота, метафоричности. Венгерская фразеология вообще выделяет тип сравнительных фразеологизмов (*szóláshasonlatok*, Forgács 2007, 74), но фразеография не уделяет ему отдельного внимания (Bárdosi 2003). Типичные формы устойчивых сравнений (далее УС) в венгерском таковы: *be van rúgva, mint az ágyú* (букв. пьян как пушка), *mint tehénen a gatyá* (букв. как на корове штаны, т.е. ~ как корове седло), или даже форма рифмованной присказки *Itt vagyok, ragyogok, mint a fekete szurok!* (букв. Вот я здесь, и я сияю как черный деготь!).

Серия сравнительных оборотов (сегодня их более двухсот) со специфической конструкцией *kevés (vagy), mint X* (букв. '(ты) мал, как... / чего-л. мало как...') представляет собой фраземы-пропозиции (законченные синтаксические конструкции в форме сложноподчиненного предложения), и появилась она сравнительно недавно – в начале 1990-х годов. Составители современных венгерских фразеологических словарей в начале 2000-х ещё сомневались в необходимости включать их в словарный состав. В словаре Вилмоша Бардоши (Bárdosi 2003) приведено „всего” 29 УС этого типа, другой словарь (Forgács 2003) их вообще не фиксирует.

1.1 Мыслительная СХЕМА сравнительной конструкции *kevés (vagy), mint X* (букв.: 'мало / (ты) мал // **(тебя) так мало, как X-а в Y-не'** ~ ты так ничтожен, как...') такова:

СУБЪЕКТ сравнения = АДРЕСАТ / ЧЕЛОВЕК, к которому обращена реплика: ТЫ; ПРИЗНАК сравнения: малое / ничтожное количество чего-либо (X) в чём-то или в ком-то (Y); ОБЪЕКТ сравнения: малое / ничтожное количество, а скорее полное отсутствие чего-либо (X) в объекте сравнения

(Y), как правило по причине абсурдной невозможности наличия / присутствия. В данных УС обычны анекдотический признак (парадокс, абсурдность) и игра слов. Приведем несколько примеров в оригинале: *Kevés (vagy), mint a csigahányás; Kevés (vagy), mint a döglött hintaló az epsomi derbin; Kevés (vagy), mint a hajnali gerlefig; Kevés (vagy), mint a Hattyúk tavában az iszap; Kevés (vagy), mint a legális kokainföld; Kevés (vagy), mint a lepkefig; Kevés (vagy), mint a lókolbászban a patkódobogás; Kevés (vagy), mint a parlamentben az okos; Kevés (vagy), mint a pókmáj; Kevés (vagy), mint a sivatagban a porszívó.* Опустив буквальный перевод этих и прочих УС, приведём сразу анализ только основных групп и типов ОБЪЕКТА сравнения. Это:

- 1) названия торговых марок известных товаров (*вафля Балатон – штормовые волны, т.е целое УС звучит примерно так: Тебя так мало, как штормовых волн в вафле Балатон*);
- 2) названия продуктов питания (*как стука копыт в лошадиной колбасе*);
- 3) политика / политики и имена конкретных политических и/или общественных деятелей (*как умных в парламенте*);
- 4) эротика / секс и несовместимые с ними объекты или представления (*как монашек в порнофильме*);
- 5) люди и/или конкретные личности, с которыми несовместимы понятия „доброй воли” (*как доброй воли в – теще, старшине, Гитлере и т.п.*);
- 6) звёзды ТВ – и их несовместимость с интеллектом (*как цитат из Гёте у ХУ*);
- 7) артефакты / технические изделия, непригодные в какой-либо ситуации (*как пылесос в пустыне*);
- 8) продукты физиологической жизнедеятельности людей, животных, насекомых (*как белкиной мочи для тушения лесного пожара*);
- 9) продукты игры слов (*навоз = лошадиный лимон > как витамина С в лошадином лимоне*).

1.2 УС в русском языке и городской фольклор (*темно как у негра в жопе VS. аки / как тать в ночи*)

В словаре „Василия Буя” А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский приводят пример обыгрывания известного УС в фольклоре, называя это „неуспешной эвфемистической заменой”:

Поручик Ржевский просит денщика посоветовать, какую бы загадку загадать на балу. Денщик говорит: – Вы их спросите: „*Темно, как у негра где?*” Все будут знать ответ, но постесняются сказать. Вот поручик на балу и говорит: Господа, какую я загадку знаю! Отгадайте: *темно, как в жопе у кого?* (городской фольклор).

При этом пример из А. и Б. Стругацких классифицирован как „нестандартная эвфемистическая замена”: *темно как у негра в ухе* (Буй 1995, 139).

Многие традиционные, „классические” УС русского языка (*аки/как тать в ночи; беречь/хранить как зеницу ока; покраснеть как маков цвет;*

вольный как птица; сражаться как лев; как Мамай прошел; носиться как дурак с тисаной торбой / курица с яйцом; играть, как кот с мышкой и т.д.), очевидно, не представляют собой интереса как основы для переделок и обыгрывания в городском фольклоре, т.к. сфера их употребления ограничена скорее рамками литературного языка. Другие же УС широко используются в разговорной среде: *как умная Маша; молчать как партизан; жрать как не в себя; дрожать как цуцик; как грязи; как кильки в бочке; как пыльным мешком прибитый; как с катушек сорваться; лыбиться как майская роза.* Характерные примеры фиксирует и словарь В.М. Мокиенко *Новая русская фразеология* (Ополе, 2003 – здесь цифры рядом с примером указывают на страницу издания): *нужен как безногому сапог 7; стучать как Стаханов 109; молчать как рыба об лёд 99; вкалывать как папа Карло / как сто китайцев 71/43; как бесплатное приложение 85; бояться как СПИДА 107; напиться как сука 115; палить в белый свет как в копеечку 101; вумный как вутка 17; глухо как в танке 118; пролететь как фанера над Парижем 130.* Но и этот словарь, естественно, не мог зафиксировать всех „новинок” типа УС, например, известное сегодня: *как матросов в Кронштадте.*

1.3 Отмеченная выше серийность продуктов нового городского фольклора хорошо прослеживается на развитии таких схем или моделей, как устойчивые сравнения с семантикой ‘совсем не нужен’, описанные в работе И.В. Кузнецовой (2016). Синонимический ряд формируется с учётом известных, традиционных структурно-семантических моделей типа (*нужен, нужно*) *как пятое колесо в карете / в телеге; нужен кому как пятая нога* и т.д. Продуктивные процессы образования УС в русском языке аналогичны тем, которые мы проследили и на венгерском материале. Например, в таких УС как: *нужен (нужно) как папе римскому значок ГТО; нужен (нужно что) кому как водолазу парашют; нужно как пионерке триппер* присутствует элемент абсурдной невозможности наличия / присутствия чего-либо у кого-либо. Как и в венгерском, возникают открытые ряды УС, построенные по одной тематической схеме. Если у венгерских УС указанного нами типа популярен ряд названий еды (срав.: *Kevés (vagy), mint téliszalámiban a hóesés* – как снегопад в „зимнем” салями; *Kevés (vagy), mint Pilóta kekszen a katapult* – как катапульти в печенье Пилот; *Kevés (vagy), mint Turista sajtban a hátizsák* – как рюкзак в сыре Турист; *Kevés (vagy), mint Mese sajtban a boszorkány* – как ведьма в сыре Сказка; *Kevés (vagy), mint Camping sajtban a sátor* – как палатка в сыре Кэмпинг и т.п.), то в русских УС с семантикой ‘совсем не нужен’ „популярна” тема „одежда для животного”: *нужен (нужно, необходим) кому кто, что как рыбе зонтик / как бульдогу лифчик / как корове бюстгальтер / как слону купальник / как собаке подштанники / как волку жилет / как медведю жилетка с карманами / как ежу футболка / как раку фрак / как зайцу джинсы / как зебре тельняшка / как щучке брючки.*

1.4 Чешские устойчивые сравнения из городского фольклора не обнаруживают таких развитых серий, какие мы наблюдали в венгерском типе *Kevés (vagy), mint X* или в русских УС. Однако и здесь есть тенденция к возникновению УС схожих тематических схем. Таковы, например, этнические стереотипы в чешской фразеологии:

S vámi je řeč, jako s Maďarem (букв.: С вами говорить, что с венгром = с вами не договориться); *kleje jako Maďar* (букв.: ругаться как венгр = грубо говорить); *Seš drsná jak čechské hajzlpapír* (букв.: ты грубая как чеченская туалетная бумага); *Čumíš na to jak Rom na lopatu* (букв.: ты пялишься на это как цыган на лопату); *Čumíš na to jak Němci na orloj* (букв.: ты пялишься на это как немцы на пражские куранты); *Jedeš jak vietnamské šicí stroj* (букв.: ты работаешь как вьетнамская швейная машинка).

2.0 В.М. Мокиенко подчёркивает специфичность УС в общей фразеологической системе: «<...> специфика таких категориальных свойств УС, как раздельнооформленность, устойчивость и экспрессивность просвечивается сквозь ярко выраженную и эксплицитно маркированную союзом **как образность**. И хотя образность не является, по-нашему определению ФЕ, категориальным свойством УС, она играет едва ли не доминирующую роль для этой категории фразеологии» (Мокиенко 2016, 41). При сопоставлении с другими языками эта специфичность становится особенно наглядной, помогая тем самым лучше понять происходящие в языке процессы. Как видим, тип языковой системы может накладывать ощутимый отпечаток на разные виды ФЕ, влияя на их специфику.

Наталия Евгеньевна Боева, СПбГУ, Россия
n9452818@yandex.ru

Размер как признак устойчивого сравнения при характеристике внешности человека

Специфическое национальное видение мира во многом отражается в семантике сравнений, используемых носителями определённого языка и культуры, в отборе характеризующих с их помощью признаков. В статье анализируются сравнительные конструкции, характеризующие признак «большой», который вербализуется в первую очередь прилагательным *большой*, выступающим в анализируемых примерах в качестве основания сравнения.

Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания, является устойчивое сравнение (Маслова 2010, 144). Вслед за Л. А. Лебедевой мы считаем, что устойчивое сравнение не

только понятие, фигура речи или стилистический приём, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделённая значением и особой формой его выражения. Указание на величину, размер предмета окружающего мира является распространённым способом его характеристики, одним из весьма важных – наряду с формой и цветом – визуально воспринимаемых признаков, к которым прибегают носители языка для выделения предмета из ряда других и выражения своего отношения к нему. «Объекты и предметы, наполняющие пространство, мы воспринимаем одновременно с их внешними свойствами, и в первую очередь – с их размерами – количественными физическими параметрами» (Рябцева 2000, 108). Подобные характеристики участвуют в языковом представлении видения мира носителями языка – нашими современниками, а средством концептуализации внешнего мира является концепт. Концепты культуры можно разделить, по мнению А. Я. Гуревича, на две группы: «космические», философские категории, которые он называет универсальными категориями культуры (*время, пространство, причина, изменение, движение*), и социальные категории – так называемые культурные категории (*свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность*). Маслова выделяет ещё одну группу – категории национальной культуры (для русской культуры это – *воля, доля, интеллигентность, соборность* и т.д.) (Маслова 2010, 51).

Концепты «Размер» и «Величина», являясь, безусловно, универсальными категориями культуры, занимают важное положение в коллективном языковом сознании, поэтому их исследование является весьма актуальной проблемой.

Современный языковой материал – мы имеем в виду преимущественно художественные и публицистические тексты – показывает большую частотность квалификации предметов с точки зрения их размера. При этом нельзя не заметить как разнообразия характеризующих предметов и явлений (субъектов сравнения), так и весьма представительного списка эталонов, используемых для характеристики размера.

В данном случае мы остановим внимание на сравнениях, характеризующих признак «*большой*», который вербализуется в первую очередь прилагательными *большой* и *огромный*, выступающими в анализируемых примерах в качестве основания сравнения. Второй используемый нами ограничительный критерий – это характеристика в сравнениях только частей тела человека.

Обращение к характеристике человека не случайно. В последнее время в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии всё больше внимания уделяется полному изучению человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета. Ю. Н. Караулов, вводя в широкий научный обиход понятие языковой личности, указывает, что у человека как языковой личности вырабатываются в процессе его развития собственные взгляды на культурные ценности, на предметы и явления

окружающего мира, которые он по-разному выражает «на каждом уровне языковой личности» (Караулов 1989, 3-11).

В материал, составляющий семантическую группу «Внешность человека», мы включили компаративные конструкции, характеризующие отдельные части тела человека: *глаза, голова, ноги, руки, рот, уши, нос, зубы, брови, язык, губа, подбородок*.

Наиболее многочисленный разряд составляют сравнения, характеризующие *глаза*. Описание глаз, их формы и выражения важно для носителей любого языка. В русской языковой картине мира обнаруживается значительное количество пословиц и поговорок, где главным компонентом являются *глаза, глаз, око, очи*: *беречь как зеницу ока; с глаз долой – из сердца вон; глаза б мои не глядели! Глаза боятся, а руки делают; глаза – зеркало души; в чужом глазу соломинку видит, а в своем и бревна не замечает; видит око, да зуб неймёт* и др. Описание глаз тесным образом связано с эталоном красоты, «*большие глаза*», согласно представлениям русских, это всегда красиво. По признаку «размер» глаза сравнивают с *вишнями, лукошками, ночью, озерами, океаном, плошками, линзами*. Для выражения красоты внешней и внутренней часто используется архаичное «очи». Нужно отметить, что «*глаза*», являясь стилистически нейтральным словом, могут быть маленькими и большими, «*очи*» же всегда выделяются именно красотой и размером. См. примеры: *Я вижу почти детское, удивительно моложавое, несмотря на её 40 лет, личико, большие, как океан, синие глаза и удивленно приподнятые брови*.

Язык точно подмечает необычную способность глаз – их зрачки постоянно находятся в движении, размер их меняется в зависимости от испытываемых эмоций. Большие зрачки связаны с болезнью и отрицательными эмоциями, точно так же, как слишком большие глаза (*глазища*) не являются эталоном красоты, как, впрочем, и один глаз. Один глаз в наших примерах сравнивается с яйцом и земным шаром.

Второй группой по численности являются сравнительные конструкции с компонентом *голова*. В современном языке фразеологизмы и пословицы со словом *голова* обозначают прежде всего интеллектуальные способности человека, его качества, физические состояния и т.д. Голова ассоциируется с мудростью, умом, управлением и контролем, является олицетворением разума и ментальной деятельности человека. Голове как части человеческого тела во всех мировых культурах придаётся особое социально-культурное значение, что, несомненно, отражается на частоте употребления как лексемы *голова* и её синонимов, так и устойчивых выражений с подобными компонентами. Приведём несколько примеров: *глупая голова, голова еловая; сколько голов-столько умов; Дурная голова ногам покою не даёт; Выше головы не прыгнешь; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле* и др.

По мнению В.А. Масловой, «большинство фразеологизмов с компонентом “голова” имеет позитивную коннотацию, что объясняется

наличием в менталитете русских архетипа «голова – это солнце и божество» (Маслова 2010, 132). Но при использовании прилагательного *большой* или *огромный* в качестве основания сравнения коннотация сравнительной конструкции меняется с позитивной на негативную. Большую голову чаще всего сравнивают с *самоваром, котлом, тучей, башней танка, пыльной тыквой*. Ассоциация головы с котлом весьма устойчива – сравните метафорический перенос *голова – котелок*, давно принятый общественной языковой практикой. «Большой словарь русских народных сравнений» определяет народное выражение *голова (у кого) как пивной котёл* как ‘О чьей-то большой и круглой голове (обычно тупого и грубого человека)’ (Мокиенко–Никитина 2008, 299). Ср. также изречения: *Без ума голова – пивной котёл; Голова с пивной котёл, а ума ни ложки* и т.д. Интересно, что наши современники придают этому сравнению и иное значение: *голова гудит, болит – например, с похмелья, ср.: Голова, как пивной котёл, завтра на работу, чего выпить?* Интересно, что сравнение может распространяться и на некоторые предметы, надеваемые на голову – например, шлем: *Впечатление карикатуры подчёркивалось ещё тем, что на голове у этих русских были безобразные английские шлемы – большие, как котёл и твёрдые, как дерево*. Здесь нет прямого указания на размер головы, однако, как нам представляется, описание шлема позволяет передать, хотя и опосредованно, сравнение головы с котлом. Автор использует прилагательное *безобразные*, тем самым усиливая экспрессию и придавая карикатурность создаваемому образу.

«Антиэталон» красоты и привлекательности являются в русской языковой картине мира большие уши и большой рот. Большие, оттопыривающиеся уши чаще всего сравниваются с лопухами, например: *Несмотря на худобу, уши у Костика огромные, как два лопуха*. Наряду со словарными оборотами, мы находим и такие авторские сравнения:

**Она была как старуха с отдельными какими-то ужасными чертами, вроде этой челюсти или дряблых ушей, больших, как полуснятые носки)...*

**– Страшен ты, сосед, ох как страшен...*

– Если бы не уши, как у слона в зоопарке, было б терпимо... Женихом был бы тогда...

** Сам-то от горшка два вершка, – втихомолку шептались мыс подругами, – уши, как у Чебурашки...*

Нестандартный размер и форму ноги (ног) в русской языковой картине сравнивают чаще всего с ногами слона или с бревном. Ср.: – *Ноги большие, как у слона, – с осуждением сказала девочка. – Совсем не похож на слона, – возразила Нора. – Я же говорю, не сам, а ноги, – настаивала девочка*. Однако в наших примерах отмечены и контексты, где субъектом сравнения является огромная нога, а эталоном выступает *бревно*; при этом во всех примерах отмечена неодобренная коннотация, что

соответствует устоявшейся традиции. Ср.: **Вася оглянулся и увидел, что справа, в самом углу, топчется огромная, как бревно, волосатая, с костяными наростами на ступне, определённо живая нога. *Что-то делали в отдалении с моей ногой, огромной, как бревно, бесчувственной.*

Интересно, что ноги слона также характеризуются с помощью сравнения как бревна: **Стоит слон, будто серая гора высится: ноги как бревна, уши как два паруса, длинные клыки кривые и крепкие...*

Некоторые сравнения привлекли наше особое внимание своей нестандартностью, яркостью и необычностью. Так, отражением реалий современной жизни является сравнение, которое использует в своих «Письмах с Чукотки» Валерий Писигин. Описывая одного из своих героев, автор пишет: *«Я видел фотографию Глазырина: здоровенный сибирский дядька с длиннющей густой бородой, над которой нависает огромный, как у Жерара Депардье, нос». В «Большом словаре русских народных сравнений» зафиксировано и оригинальное сравнение с чемоданом глаз человека. В нашем материале мы также находим компаративные конструкции, где эталоном является чемодан, например: * Он раскрыл для улыбки свой огромный, как чемодан, утыканный гнилыми зубами рот и шумно приветствовал... Нестандартным показалось нам следующее сравнение: *за спиной ворота раздвигаются, разносятся мгновенно вширь и высоту, уже чудовищно огромные... как жрущая глотка, как звёздное небо; это единичный случай, когда эталоном является часть тела.*

Таким образом, хотя мы привели далеко не все разряды сравнений, объединённых в отдельные группы по принципу общего характеризованного субъекта, можно сказать, что эталонами в сравнениях, характеризующих признак «большой размер», вербализуемых прилагательными *большой* и *огромный*, являются артефакты. Они составляют 80% представленных в нашем материале эталонов. Например: *подбородок как котёл, ладонь, как лопата, как блин; кулак как чайник, кувалда, гиря; живот как раздувшийся пузырь, котёл, бочка; череп как башня танка, грудь как кузнечные мехи, рука как баклуша, рот как чемодан.*

Вторую по многочисленности группу составляют сравнения, где эталоном *большого* служат слова, имеющие природные реалии, естественные природные образования. Сравните: *живот как гора, глаза как озёра, как океан, голова как туча.*

Третью группу составляют сравнения с эталонами-зооморфизмами. Среди весьма разнообразных эталонов – *глаза как у коровы, филина, лягушки; глазища как у мухи; ноги как у слона, лопатки как у коня, рот как у лягушки* и проч. – чаще других встречаются такие эталоны, как *лошадь* и её «детали» (*копыто, хвост, лошадиные глаза*) и, конечно же, *слон*.

Согласно нашим наблюдениям, из всех характеризованных с помощью сравнений больших частей тела человека лишь глаза могут иметь положительные коннотации. Все остальные большие «детали», отступающие от привычной нормы, воспринимаются преимущественно в

негативном ключе. Собранный нами материал составляет 450 сравнительных конструкций, анализ материала позволяет говорить о том, что чаще всего характеризуются *глаза (глаз, глазища, зрачки)*, они составляют 35 % всего собранного материала, 11 % составляют компаративные конструкции со словом *голова* и по 7% соответственно *нога, рука, рот, кулак* (глаза (16), глаз(3), очи, глазища, зрачки, голова (8), рот (5), нога (4), кулак (4), рука (4), живот (3), уши (2), ладонь (2), плечи, нос, нижняя губа, колени, ногти, передние зубы, лопатки, сердце, палец, кисть, грудь, спина, брови).

Таким образом, мы видим, что указание на ВЕЛИЧИНУ предмета – распространенный способ его характеристики, один из весьма важных, наряду с формой и цветом, визуально воспринимаемых признаков, к которым прибегают носители языка, чтобы выделить его из ряда других и выразить своё отношения к нему.

Томас Брунс, Трирский ун-т, Трир, Германия
brunst@uni-trier.de

Чёрный Петр не добрался до России. „Der schwarze Peter“ в немецкой, славянской и западноевропейской фразеологии

Предварительные замечания

Многие поколения немецких детей и взрослых знают «Чёрного Петра» как безобидную игру в карты, культурный фон которой не вызывает вопросов. Лица и другие фигуры, изображенные на картах, обычно представляются в наивном, адаптированном для детей виде и не дают никаких разъяснений о возможных исторических и культурных отношениях. Причём сама игра в карты является культурной деятельностью и может отражать культурные нормы и специфику.

Если освещать исторический контекст, то интересующая нас карточная игра, точнее её название, представляет собой весьма интересный пример переплетения фольклора с фразеологией.

В данной работе на примере одной конкретной ФЕ освещается тесная связь между онимическими, апеллятивными, фольклорными и фразеологическими единицами немецкой культуры и задаётся вопрос о культурной специфичности таких языковых и внеязыковых явлений и о возможностях их переноса на другую культуру и другой язык.

Кратко об историческом фоне

Многие ФЕ немецкого языка восходят к западноевропейскому средневековью и связаны как с внешними признаками, так и с профессиями

или происхождением людей. ФЕ, связанные с Чёрным Петром, намного моложе. Они датируются концом XVIII-го – началом XIX-го веков.

В основе ФЕ лежит историческое лицо лесоруба и углежога Йоганна Петра Петри или Петра Петри старшего (Johann Peter Petri или Peter Petri der Ältere), изба которого в 1792-ом г. была сожжена французскими войсками, и который вследствие этого события стал разбойником. Вместе с некоторыми сообщниками он много лет бесчинствовал в горах Средней Германии Хунсрюк и Оденвальд, расположенных слева и справа от реки Рейн. В 1811-ом г. он был арестован и осуждён на пожизненное заключение. Говорят, что именно в тюрьме он выдумал новую игру в карты, которая потом получила название *Schwarzer Peter* (Чёрный Петр) по имени и, быть может, также в честь этого известного разбойника. Правила игры очень простые, поэтому она стала весьма популярной среди детей и одной из самых распространённых детских игр в карты.

Кстати, другим известным и за границами немецкой культуры и истории преступником тех лет был так называемый *Шиндерханнес*, собственно Йоханнес Бюклер (нем. *Schinderhannes* – Johannes Bückler, 1778-1803), последователь, а потом и сообщник Петра Петри старшего. Названные исторические персонажи вплоть до сегодняшнего дня живы прежде всего в узко ограниченном, региональном фольклоре и за его пределами интересуют только специалистов, таких как историки, этнографы, фольклористы – и редко фразеологов.

Имя Петер / Петр / Питер

Имя *Петр* и его национальные формы (в том числе *Petrus*, *Peter*, *Pierre*, *Pedro*, *Pietro*, *Pieter* или *Piet*, *Petr*, *Petar*, *Petre*, *Pär*, *Peer* и многие другие) восходят к греческой версии *πέτρος* ‘камень’, отмеченной уже в Библии. В течение многих веков, в принципе вплоть до сегодняшнего дня, это имя пользовалось большой популярностью в самых различных культурных средах.

Общеизвестно, что в русском языке существует не только русская форма *Петр*, но и заимствованная из нидерландского языка форма *Питер* (кто это не знает лучше жителей Санкт-Петербурга?), наглядно демонстрирующая близость царя Петра Великого Нидерландам, стране, которая в биографии монарха играла огромную роль.

Немецкий этимолог Kluge (2002, 381, 618, 1010) ссылается на тот факт, что в немецком языке мужское имя *Peter* (*Петер*) может носить и апеллятивный характер, обозначающее, в общем, бестолочь или неловкого человека. Различные сложные слова, например, *Lügenpeter* (лгун), *Heulpeter*¹⁹ (плакса) или *Ziegenpeter* (название умственно простого,

¹⁹ Название мужчины или мальчика *Heulpeter* имеет свои женские панданы в обозначениях *Heulsuse* и *Heulliese*, компоненты *Suse* и *Liese* являются женскими именами.

наивного, но никак не плохого человека; по мотивам одного из главных персонажей детских романов о девочке Хайди, написанных швейцарской писательницей Йоханной Спири), свидетельствуют об этих значениях. К тому же существуют названия типа *Hackepeter* (название специального мясного блюда, подобного фаршу из свиного мяса), *Wackelpeter* (название особого рода желе) и *Ziegenpeter* (название болезни *свинка*). Апеллятивный элемент *Петер* тут традиционно выражает коннотацию несчастного человека, бедняжки. Итак, в случае *Hackepeter* имеется в виду мясо, которое разрубается; болезнь *Ziegenpeter* превращает человека в бедняжку, и *Wackelpeter* вынужден бесконечно колебаться в миске.

К значению чёрного цвета

В рамках символики цветов каждому цвету приписываются определённые качества и значения, которые, однако, варьируются в зависимости от окружающей культуры. Цвета могут оказывать влияние на подсознание человека и на его самочувствие и эмоции. В европейских языках чёрный цвет означает тесно связанные друг с другом печаль и смерть, а ещё темноту, угрозу, первобытные страхи человека, что мы видим в многочисленных поговорках и коллокациях. Чёрный кот или чёрный ворон традиционно считаются предвестниками несчастья, а чёрный день – несчастный день.

По данным историографии, Петр Петри старший был черноволосым человеком, так что его прозвище вытекает просто из одного примечательного признака – оно связано с его внешностью. К тому же чёрный цвет здесь можно символически отнести к характеру, нравственности или душе обозначаемого лица. Преступнику обычно приписывается «чёрная душа», причём цвет вызывает такие ассоциации, как темноту, ночь, пропасть, злость, страх и смерть. В сжатой форме всё это изображается в чёрном образе олицетворенной смерти, т.е. скелета с косой. Надо сказать, что на самом деле разбойники и подобные преступники нередко зверски убивали людей.

Менее драматический характер носит немецкая ФЕ *schwarzes Schaf* ‘паршивая овца’, буквально ‘чёрная овца’. Такая овца отличается от всех других овец, и это отличие не только негативно оценивается, но и переносится с внешнего вида на внутренние, нравственные ценности, на взгляды и поведение индивида.

Значит, чёрный цвет является, в первую очередь, признаком внешнего вида, с преимущественно отрицательным оттенком. Что касается Черного Петра, то уместно сказать, что в массовом сознании вряд ли запечатлен цвет его волос, но «чёрный характер» этого пресловутого разбойника – безусловно.

Интересно, что Чёрный Петр на игральных картах часто изображается в виде трубочиста с вымазанным сажей лицом и традиционно одетым в чёрную одежду. Однако во многих культурах, в том числе и в

немецкой, трубочист считается символом счастья – как и свинья и четырёхлистный клевер. В данном контексте трубочист служит ироническим разворотом или насмешкой, поскольку именно тому игроку, который последним держит эту карту в своих руках, не везёт, и он проигрывает игру. Кому не везёт, тому предстоит неудача. Немцы говорят, что он «имеет смолу» (нем. *Pech haben, ein Pechvogel sein* ‘быть неудачником, невезучим человеком’). Смола является чёрной, клейкой жидкостью, которую в давние времена охотники использовали, чтобы ловить птиц: птицы ничего не подозревая, садились на просмоленные ветви и таким образом легко ловились.

ФЕ немецкого языка

Название карточной игры, в свою очередь, стало основой ФЕ, точнее, фразеологического поля, поскольку на базе опорного элемента *Schwarzer Peter* появился целый ряд близких ФЕ:

(1) *den Schwarzen Peter ziehen*

(2) *jm. den Schwarzen Peter zuschieben / zuspiesen*

(3) *den Schwarzen Peter an jn. weiterreichen*

Все эти ФЕ имеют значение ‘сваливать с себя на кого-л. ответственность / вину за что-л.’, ‘переводить на кого-л. стрелки’. Фразеологизируются типичные действия в течение игры – вытащить карту у другого игрока или передать ему карту, так как тут уже обозначается не игральная карта, а либо абстрактное явление (напр., вина или ответственность), либо совсем конкретное явление (напр., работа или задача).

Поле можно расширить менее употребительными единицами, напр.:

(4) *mit dem Schwarzen Peter sitzen bleiben;*

(5) *jn. mit dem Schwarzen Peter sitzen lassen.*

Вариативность и расширение поля возможны благодаря тому факту, что поле состоит из устойчивого ядра – словосочетания *Schwarzer Peter* – и переменной периферии – различных глаголов с разнообразной валентностью.

Таким образом, внутри поля варьируются актанты и фокус высказывания. В единицах (1) и (4) фокус находится на том лице, которое активно или пассивно играет роль козла отпущения, в то время как в единицах (2), (3) и (5) фокус направлен на то лицо, которое активно присматривает за тем, чтобы другой человек был вынужден принять на себя ответственность, вину или определённую работу.

Если рассматривать Чёрного Петра как особый вид имени собственного определённой карты в игре, то фразеологизация сопровождается деонимизацией, поскольку собственное имя Чёрного Петра превращается в апеллятивное название, обозначающее случающееся с человеком неприятное событие. В результате обнаруживается онимическая цепочка, в начале которой исторически отмеченное лицо

вышеназванного разбойника Петра Чёрного. Его имя и прозвище потом были перенесены на название карточной игры (*Schwarzer Peter spielen* – играть в *Schwarzer Peter*) и тем самым стали апеллятивом. В узком смысле названием обозначается именно карта с изображением Чёрного Петра в виде трубочиста, кота, разбойника и т.п.; ср. *вытащить Чёрного Петра* (вытащить карту), *передать кому-л. Чёрного Петра* (передать кому-л. карту) и т.д.

В апеллятивном употреблении немецкий *Чёрный Петр* обозначает проигравшего, обманутого человека, а также козла отпущения, который должен поплатиться за ошибки и грехи чужих людей.

ФЕ в других языках

В то время как сама карточная игра пользуется популярностью не только в немецкой, но и в других культурах, ФЕ, очевидно, остались особенностью почти исключительно средневропейской языковой среды, с Германией в её центре.

В чешском языке отмечено название *Černý Petr* как в прямом значении, в качестве названия карточной игры (*karetní hra*) – ср., напр., *hrát černého Petra* ‘играть в Чёрного Петра’, *vytáhnout černého Petra* ‘вытащить (карту) Чёрного Петра’, так и в переносном, фразеологическом значении: *vytáhnout černého Petra* ‘вытащить Чёрного Петра, служить козлом отпущения’ (ср. интернетовскую страницу журнала «*Naše řeč*» Чешской Академии наук: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7158>:

Petr, -a m nové ve fraz. spoj. vytáhnout si černého Petra být ohrožen neúspěchem, prohrou; držet černého Petra mít nepříznivé postavení hrozící prohrou; podsouvat někomu černého Petra snažit se ho dostat do nepříznivé situace, ve kt. prohraje n. bude viníkem, ve kt. bude nucen něco nepopulárního udělat ap.; komu zůstane černý P.? kdo prohraje, kdo bude vinen?)

Польское название *Czarny Piotruś* фактически не употребляется в оборотах, подобных немецкому, и встречается исключительно в прямом употреблении обозначения карточной игры (*gra karciana*).

В словенском языке принято употреблять название *Črni Peter* для самой игры, но возможно и переносное обозначение неприятностей или проблем, ср., напр., страницу словарного сайта *Glosbe* <https://de.glosbe.com/de/sl/Schwarzer?page=2&tmmode=MUST>:

Dann gibt es all diejenigen, die Angst davor haben, sich überhaupt am Spiel zu beteiligen, weil sie dieses Spiel als **Schwarzer Peter** betrachten, mit der Gefahr, dass derjenige, der am Ende die **schwarze** Karte auf der Hand hat, die Zeche bezahlen muss.

Nato so tu tisti, ki jih je strah sploh stopiti v igro, ker jo vidijo kot igro **Črni Peter**, v kateri je tisti, ki mu na koncu ostane **črna** karta, v nevarnosti, da mu bo izstavljen račun.

В датском языке отмечены обороты со словом *sorteper* ‘Чёрный Петр’, но всё же чаще употребляются альтернативные формулировки. В шведском языке оборот *sitta med Svarte Pet(t)er* ‘остаться (сидеть) с Чёрным Петром’ встречается также редко.

Интересно, что в Нидерландах *Zwarte Piet* имеет совсем другое значение в том смысле, что он обозначает чёрного спутника – Святого Николая, который приносит подарки через дымоходы домов и в обмен уводит невоспитанных детей.

Во французском языке возможно употребление разговорного слова *le mistigri* ‘кот, котёнок’ во ФЕ *refiler / repasser le mistigri à qn* ‘передать кому-л. Чёрного Петра’, но, по всей вероятности, мы тут имеем дело с чисто словарной формой, в то время как языковой узус предпочитает другие обороты. В итальянском и в испанском языках такой поговорки не существует.

Если сравнивать официальные тексты в различных языках, напр., тексты Еврокомиссии в Брюсселе, то оказывается, что немецкие ФЕ употребляются намного чаще, чем их прямые эквиваленты, зафиксированные в словарях других языков. Обобщая предлагаемый краткий обзор, можно сказать, что общее количество ФЕ с компонентом *Чёрный Петр* в других языках, как славянских, так и германских и романских, очень ограничено по сравнению с немецким языком.

Заключение

Предполагается, что ФЕ с опорным элементом «Schwarzer Peter» действительно распространилась из Германии в разные страны света, но, очевидно, не вышла за пределы соседствующих культурных пространств. Это поразительно в том смысле, что и имя Петр, и символическое значение черного цвета существуют в немецкой культуре фактически так же, как и во всех других культурах Европы. Сама игра в карты известна во многих странах нашего континента, но в то же время в большинстве из них отсутствует перенос значения в сферу фразеологии. Так, в русском языке нет никакого доказательства существования такой ФЕ. Разумеется, что в русском языке, как и в других языках, отмечен понятийный комплекс «сваливать с себя на другого человека какую-л. ответственность или неприятную обязанность», но его языковое оформление прибегает к иному, отчасти также образному материалу.

Фразеологическое поле вокруг Чёрного Петра в конечном счёте отражает относительно незначительное историческое событие лишь региональной значимости. Это событие и действующие в связи с ним лица потом вошли в фольклорно-культурное наследие немецкого народа. С течением времени исторический персонаж Чёрный Петр померк в массовом сознании, а осталась придуманная им карточная игра. Последняя распространилась во многие страны Европы, сохраняя своё название в переведённой форме. Название игры, точнее самой важной карты в игре,

стало позднее в немецком языке главным элементом нескольких, тесно связанных друг с другом ФЕ. Эти единицы до сегодняшнего дня очень активно действуют почти исключительно внутри немецкого культурного пространства и только в очень ограниченном масштабе вышли за его границы в соседние страны.

Глава III.

ПОСЛОВИЦЫ, КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, АФОРИЗМЫ И ФОЛЬКЛОР

Ольга Борисовна Абакумова, ОГУ имени Тургенева, Орёл, Россия
abakumova-ob@mail.ru

Пословица как фразеологизм в бытовом диалоге (на материале имитации разговора в фольклорном тексте)

Пословица понимается нами как языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, используемое в речи/тексте как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии. Мы опираемся в большей степени на лингвистический подход в определении этого сложного явления. Лингвисты определяют пословицу как фразеологизм, имеющий структуру предложения, обладающий семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию или объяснение положения дел с точки зрения правил наивной логики, которые опираются на разделяемое всеми носителями языка общее культурное знание, определяющее практическое поведение человека в проблемных ситуациях (Баранов–Добровольский 2010).

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры), но ведущим, по мнению К. Григаса (Grigas), является ядерный образ, связанный с метафорой.

А. Крикманн (Krikmann 1984) убежден, что пословицы – это формулы и обобщающие импликации, что аксиологический и деонтический компоненты обязательно должны найти отражение в репрезентации содержания пословицы, поскольку практический разум легко справляется с переходом от «есть» к «должен» или к «хорошо/плохо», что невозможно описать в рамках логики. Эстонский паремиолог высказывает пожелание, чтобы метаязык, сводящий эти модальности, был создан в рамках

лингвистической прагматики, теории искусственного интеллекта, теории текста или какой-либо психологической теории.

Предложенная автором статьи модель КДМ (ова 2012) включает лингвопрагматический аспект, который позволяет описать пословицу как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии, объяснить переход модальностей и возможное изменение оценки, а также когнитивный аспект, как наложение фреймов и разворачивание пословичного сценария с учетом культурных стереотипов. Действие модели показано на материале использования пословицы в фольклорном тексте сказки «Про Федота-стрельца» Л. Филатова.

В данном случае речь пойдёт о бытовом диалоге, точнее его имитации в авторской сказке, которая пародирует фольклорный текст.

Существует много метафор для описания структуры разговора. Одни исследователи сравнивают разговор с танцем, где партнеры координируют свои движения в паре плавно и гармонично. Другие уподобляют разговор уличному движению транспорта на перекрестках, где действуют определённые правила, имеющие целью предотвратить транспортную катастрофу. Дж. Юл, однако, утверждает, что наиболее часто используемый аналитический подход базируется не на сравнении разговора с танцем (поскольку нет музыки) и не на метафоре уличного движения (нет транспортных сигналов), а строится по аналогии с операциями на экономическом рынке (Yule 1996, 71), оба коммуниканта осуществляют мониторинг действий друг друга (Goldkuhl 2003). О.А. Леонтович определяет разговорный анализ как качественный метод, предусматривающий скрупулезный анализ беседы как интеракции в естественных условиях общения. Беседа (conversation) рассматривается как серия коммуникативных действий, организованных в соответствии с предустановленными моделями. Смысл рождается в интеракции, а не является результатом механической передачи информации (Леонтович 2010, 118-119). Анализ разговора тесно связан с теорией речевых актов (см. работы Дж. Остина, Дж. Сёрля), типологией Ю. Хабермаса и дискурс-анализом, разновидностью которого он является.

Понятие коммуникативного действия, как его определяет Ю. Хабермас (см. Habermas 1987), связано с интеракцией субъектов, способных к речи и действию, которые устанавливают интересубъективные отношения вербальным или невербальным способом. Участники коммуникации хотят достичь взаимопонимания в рамках конкретной ситуации, чтобы координировать действия путем взаимного согласия. Участники ситуации ищут консенсус, который является целью дискурса, рефлексивной формы коммуникативного действия, которая возникает, если у коммуникантов имеются разные точки зрения на ситуацию. Никто из них не имеет монополии на правильную интерпретацию ситуации, оба участника разумны и способны идти на компромисс для достижения консенсуса, хотя бы мнимого. Консенсус достигается в условиях реализации значимых

претензий на правду (истину), правоту (правильность) и правдивость (искренность), то есть в соответствии с соотношением высказывания с «жизненным миром», который является комбинацией трех миров: объективного, социального и субъективного. Ю. Хабермас дифференцирует собственно коммуникативное действие и коммуникативно-стратегическое, нацеленное на успех, когда слушающий используется без учёта его интересов. Это последнее может быть, в свою очередь, индивидуально-инструментальным, социально-стратегическим или драматургическим.

Неотъемлемой частью беседы является интерпретация. Говорение представляет собой явное действие, интерпретация – скрытое действие. Коммуниканты должны интерпретировать не только то, что говорится, но и что сообщается другими способами, намеренно и ненамеренно.

В качестве примера рассмотрим диалог между персонажами сказки С. Филатова, царём и его подчиненным, генералом. Коммуникативная ситуация описана от имени Скомороха потешника:

Ушёл Федот в заморский поход. Узнал про то генерал — последний ум потерял. Бежит наш хитрец к царю во дворец — доложить, что стрелцу конец. Уж и дырку для ордена просверлил, толстомордина!..

Царь ждёт от подчинённого отчёта о состоянии дел. Он уже третий раз пытается избавиться от Федота, чтобы в его отсутствие посвататься к его жене.

Царь

Хороша ль, плоха ли весть, –
Докладай мне всё как есть!
*Лучше горькая, но правда,
Чем приятная, но лезть!*

Только если энта весть
Снова будет — не Бог весть,
Ты за эдакую *правду*
Лет на десять можешь сесть!

Анализируя английские фразеологизмы с точки зрения их использования в художественном тексте, А. Насиционе предлагает следующие основные понятия: базовая форма (base form), ядерное употребление (core use) и *инстанциальное употребление* (instantial use), под которым понимается конкретное стилистическое использование фразеологизма в дискурсе, которое приводит к изменениям его формы и значения под влиянием контекста (Nascione 2001). Инстанциальное употребление – безграничный ресурс для творческой деятельности говорящего или пишущего. Исследователь выявляет основные модели инстанциального использования ФЕ в тексте, основанные на таких его свойствах, как когезия и когерентность: развернутая метафора, каламбур, расщепление, аллюзия. В данном случае мы имеем развернутую метафору, связанную с репрезентацией концепта «Правда» в русской культуре.

Коммуникативная составляющая показывает, что говорящий выбирает коммуниктивно-стратегическое действие в его индивидуально-инструментальном или даже социально-стратегическом варианте, то есть использует слушающего без учета его интересов. Дейктическим центром является говорящий. Беседа имеет иерархическую структуру: в ней выделяется позиция ведущего и ведомого, что связано с разным социальным статусом говорящих и разными психологическими типами, что также проявляется в коммуникативном поведении. Царь хочет услышать правду (прагматический пик высказывания), но именно такую, которая его устроила бы (фокус интереса говорящего), иначе подчиненному грозит тюрьма. Базовая форма пословицы *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* модифицируется, несколько изменяется синтаксическая структура пословицы, которая сопровождается лексическими заменами компонентов (синонимическими заменами), но смысл пословицы при этом не меняется, она сохраняет свое тождество.

Констативная составляющая представлена пропозицией *быть лучше*

Логическая структура: лучше что? какое? чего? какого?

Семантический класс глагола (*быть, являться каким / лучше, чем что/кто?*) – не-локативное состояние качества. В нашей классификации *квалитатив предпочтения, превосходства*.

Образный фрейм (внутренняя форма базовой пословицы) связан с оппозицией вкусовых ощущений (горького и сладкого), в которой предпочтение отдаётся горькому как более полезному.

Окказиональный фрейм описывает референтную ситуацию, в которой говорящий сначала совершает выбор в пользу горькой истины, поскольку хочет знать правду, но потом делает шаг назад, отказывается от своих слов и заставляет собеседника подстраиваться под себя, всё-таки предпочитая сладкое.

Обобщенный фрейм передаёт обобщающее значение пословицы, зафиксированное словарем, и строится по 4-й логико-семиотической модели Г.Л. Пермякова: «Если две вещи связаны между собой, то если одна обладает каким-то свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй» (Пермяков 1979).

Репрезентативная составляющая показывает отношение говорящего и его оценку ситуации, моделируемой пословицей, посредством компаративного термина оценки. Форма пословицы, реализуемая в контексте, содержит сложную оценочную структуру. Говорящий как субъект оценки сначала хочет узнать правду, которую предпочитает и оценивает положительно, а потом боится, что она ему не понравится и предпочитает её не знать, поэтому заставляет слушающего сначала говорить правду, а потом лгать. Оценка передаётся термином компаративной оценки *лучше*, который потом резко меняет свой вектор направленных ассоциаций, и предпочтение отдаётся лжи, или полуправде.

Модальность аксиологическая, иллокутивная сила – эксплицитный ассертив. В институциональном использовании пословицы наблюдается семантико-структурная модификация базовой формы, внутренние синтаксические изменения структуры, сопровождающиеся синонимическими заменами компонентов (см. Мелерович–Мокиенко 2005), которая не меняют смысла пословицы, но отражает коммуникативную стратегию говорящего.

Регулятивная составляющая указывает на действия, которые должен совершить слушающий, опираясь на деонтические нормы, принятые в данной культуре (русской). Лингвистический контекст содержит глагол в императиве (*Докладай мне всё как есть*). Пословица как косвенный речевой акт имплицитно содержит совет, рекомендацию, основанную сначала на этической норме (Следует быть честным), а потом вдруг совершается переход на утилитарную норму (Следует быть осторожным): *Только если эта весть снова будет не Бог весть, то за такую правду лет на десять можешь сесть*. См. классификацию деонтических норм в работе (Карасик 2004). Подчинённый соответствующим образом инферирует эту рекомендацию.

Данный диалог с использованием пословицы чётко демонстрирует один из параметров культуры, о которых пишет Г. Хофстеде (Hofstede 2008), это параметр дистанции власти. Дистанция власти – это особенности сложившейся в стране социальной иерархии, степень неравенства между людьми, лежащая в основе общества. Дистанция власти определяется степенью употребления власти, которую позволяют использовать по отношению к себе не обладающие властью члены сообществ, и степенью неравенства, которую они принимают и ожидают от власти имущих. Речь идёт о неравенстве снизу, а не сверху. Предполагается, что уровень неравенства в обществе детерминирован в равной степени как лидерами, так и ведомыми.

В художественном дискурсе, к которому принадлежит и данная авторская пародия на фольклорный текст, пословица выполняет текстообразующую функцию, используется для характеристики персонажей, комментирования событий, а самое главное – для передачи основного послания автора читателям и входит в семантическую макроструктуру текста.

Инна Геннадьевна Гомонова, Елена Владимировна Ничипорчик,
ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь
inna-gomonova@mail.ru
evnich@gmail.com

Русская пословица / поговорка в представлении носителей языка
(на материале Национального корпуса русского языка)

Отнесение пословиц и поговорок к фактам народно-поэтического творчества традиционно, но небезоговорочно. Можно выделить как минимум три позиции (две из них касаются теории фольклора вообще), которые требуют пояснений. Известный фольклорист С. Б. Адоньева, например, ставит под сомнение корректность применения по отношению ко всем продуктам «фольклорной деятельности» термина «творчество», так как творчество предполагает создание чего-то нового, фольклорное же произведение, напротив, ориентировано «на старое, на канон, на поддержание традиции» (Адоньева 2004, 3). Паремии, как известно, и есть такие единицы, которые отражают устоявшееся в коллективе мнение.

Трудности возникают и при определении понятия «народ» в случае обращения к тезису «фольклорные произведения – это результат творчества народа». Этот тезис выявляет в сознании носителей языка устойчивую связь понятия «народ» прежде всего с понятием «простонародье». Эта не удивительно, так как многие фольклорные произведения созданы еще в доиндустриальную эпоху, так называемую «архаичную фазу» фольклора (Неклюдов). Однако появление расхожих выражений не прекращается и ныне. Социальную среду, порождающую современный фольклор, дефинировать вообще сложно. Это уже далеко не простонародье в том смысле, которое вкладывалось в слово «народ» ранее. Определять нынешний «простой народ» как непривилегированные слои общества (см. значение слова «простонародье» в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой) справедливо лишь отчасти, неправомерно, на наш взгляд, и так называемый постфольклор считать принадлежностью только современного урбанистического населения (Неклюдов).

Не следует игнорировать и тот факт, что коллективное авторство «произведений» народного творчества не означает «внеличностного» их создания. Анонимность происхождения, в частности, пословиц и поговорок (да и любых других жанров устного народного творчества) осмысливается как категория диалектическая: автором выражения, закрепившегося на устах, может быть неизвестный человек, а может быть и известное лицо, имя которого стирается в памяти носителей языка. Профессор С. Ю. Неклюдов считает, что забывание автора произведения и есть тот рубеж, за которым начинается собственно фольклор (Неклюдов). Это означает, что народными произведения являются не по факту «творения» их народом, а по факту вхождения в устус, закрепления на устах.

Если перевести фокус научного интереса в плоскость пословиц и поговорок, то возникает вопрос о том, правомерно ли называть пословицы и поговорки «народно-поэтическими произведениями». Пословица традиционно квалифицируется как устойчивое выражение, имеющее замкнутую синтаксическую структуру и обретающее в связи с этим статус мини-текста в культуре, следовательно, по отношению к пословице

употребление сочетания «народно-поэтическое произведение» оправданно, хотя, возможно, только в том случае, если в пословичном выражении есть элементы поэтичности (метафорика, ритмизация, рифмизация и иные приемы эстетизации выражения). Относительно замкнутости / незамкнутости синтаксической структуры поговорки, наличия / отсутствия иносказательности у поговорки мнения ученых, как известно, разделились. Существует и такая точка зрения, в соответствии с которой поговорка отождествляется с фразеологизмом. Следовательно, определение поговорки как народно-поэтического произведения небесспорно.

Таким образом, точность в оперировании понятиями подвигает ученого к тому, чтобы решение вопроса о квалификации языкового выражения как малого жанра фольклора, как произведения народно-поэтического творчества ставить в зависимость от того, свойственны ли языковому выражению черты эстетизации или нет, представляет ли языковое выражение завершённую мысль или нет, то есть является ли оно текстом культуры, или это не текст, а характеризующееся оригинальностью языковое обозначение понятия.

Как видим, проблема размежевания пословиц и поговорок является отнюдь не частным, а, напротив, краеугольным вопросом. В этой связи определение того, в каком статусе живут устойчивые выражения, аккумулированные народной памятью, в реальных дискурсивных практиках, какие характеристики при этом получают, каково отношение носителей языка к содержанию этих выражений, представляет немалый исследовательский интерес.

В настоящее время осуществить такого рода исследование позволяют репрезентативные электронные корпуса текстов. Национальный корпус русского языка (НКРЯ), богатейший электронный ресурс, включающий более 600 миллионов словоупотреблений, содержит большое число контекстов с компонентом *пословица / поговорка*. Только в Основном корпусе фиксируется 4225 и 2729 вхождений соответственно, в том числе с атрибутами, характеризующими паремии по принадлежности к культуре того или иного этноса (*английская, немецкая, французская, турецкая, китайская* и др. *пословица / поговорка*).

Стремлением сделать поле для наблюдений «обозримым» обусловлено обращение в данном исследовании к контекстам НКРЯ, содержащим паремиологический материал, маркированный словесным комплексом *русская пословица / русская поговорка*. Выбор именно такого материала обусловлен также интересом к тому, что для русскоязычных пользователей паремий является безусловно национально маркированным.

Количество фиксаций сочетаний *русская пословица* в Основном корпусе НКРЯ (с учетом расстояния между словоформами в 2 единицы) – 459, *русская поговорка* – 169. Отметим в то же время, что в Газетном корпусе НКРЯ, содержащем только публицистические тексты XXI века,

наблюдается иное соотношение вхождений данных словесных комплексов: 142 и 114 соответственно.

Наблюдения показывают, что в текстах НКРЯ отсутствует дифференциация устойчивых выражений, маркированных словесным комплексом *русская пословица / поговорка*. В то же время наиболее регулярно обозначение *русская пословица / поговорка* используется по отношению к проverbsиальным единицам со структурой предложения, реже по отношению к непредикативным устойчивым сочетаниям слов. Сравн.: *Есть в конце концов русская пословица: «Кто рано встает, тому бог дает», – говорит Антон Васильевич. Сам он, к слову, живет соответствующе: встает обычно в 6-7 утра, а в Москве из-за временной разницы с родной Иркутской областью и того раньше* [коллективный. Неделя. Герои // «Огонек», 2014]; *Не объясняется ли столь удивительная реакция на вполне естественное внимание прессы известной русской поговоркой: знает кошка, чьё мясо съела? Возможно, обвиняемые на самом деле согласны с предъявленным обвинением и хотели бы потихоньку спустить дело на тормозах* [Яна Амелина. «Клевой девчонке» грозят большие неприятности (1998) // «Экспресс-Хроника», 1998.10.19]; *Разумеется, тому, кто получает несколько сот тысяч в год доходу, можно очень весело провести время везде, а особенно в Париже – в этом средоточии всех земных наслаждений ... всех ложных проповедников свободы и равенства, которые стараются возмущать легковверный народ для того только, чтоб, по русской пословице, в мутной воде рыбу ловить* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850)]; – *В следующий мой приезд, а он не за горами, – продолжал греметь поэт и вдруг вспомнил, что здесь могут странно трактовать русские пословицы и поговорки. – Не за горами, – стал разьяснять он, – по-русски значит: не долго ждать. Дело в том, что Россия долинная страна и горы всегда далеко...* [Фазиль Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998].

Обращает на себя внимание то, что словесный комплекс *русская пословица* используется в текстах корпуса по отношению к выражениям, которые можно с уверенностью квалифицировать как фразеологизмы. Так, пословицей названы такие выражения, как *ложка дегтя в бочке меду; у страха глаза велики; по Сеньке и шапка; руки коротки, уши вянут* и др.: *И Фабелы, хоть и не зная русской пословицы «мал да удал», поставили на Зимина* [Геннадий Горелик. Рождение дела // «Знание – сила», 2003]; *Одним словом, это то самое правило, которое так метко выражено и старинною русскою пословицей «по Сеньке и шапка»* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863-1864)].

В свою очередь словесный комплекс *русская поговорка* используется для введения в текст выражений, по отношению к которым можно с уверенностью сказать, что это пословица: – *Но ты сам говоришь, что долго скрывать недочета будет нельзя... И, кроме того, знаешь русскую поговорку: «Как веревку ни вить, а всё концу быть»* [Н. Э. Гейнце.

Самозванец (1898)]; *Давайте смотреть правде в глаза: для ребёнка «семья напрокат» за рубежом – это, разумеется, возможность увидеть изнутри особенности жизни в другой стране. Но не в первую очередь. Здесь скорее вспоминается русская поговорка «со своим уставом в чужой монастырь не ходят»* [Анна Варшавская. Каждый слышит, чем он дышит (2002) // «Домовой», 2002.04.04].

Обозначение *русская поговорка* в текстах НКРЯ используется и по отношению к типичным фраземам, например, *бред сивой кобылы; ни богу свечка, ни черту кочерга; из грязи в князи; в огороде бузина, а в Киеве дядька* и др.: *Справедливо, что крайние партии во Франции часто вступают в минутные союзы; справедливо и то, что подобные союзы наичаще заключаются ввиду партии, которую г. Марков называет «партией просвещённого и сознательного либерализма» и которую правильнее было бы характеризовать русской поговоркой: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга* [Н. К. Михайловский. Десница и шуйца Льва Толстого (1878)].

Кроме того, словесные комплексы *русская пословица* и *русская поговорка* используются по отношению к выражениям, обладающим переносным смыслом и не имеющим такового. Сравн.: *Ваши подчинённые тоже люди и, как все люди, порой делают ошибки. Русская пословица гласит: «Не ошибается тот, кто ничего не делает»* [П. Слободской. Вечный вопрос: спор начальников и подчиненных // Coach, 2008]; *А всё-таки нельзя не сказать русской поговорки: в гостях хорошо, а дома лучше. В пятнадцать месяцев нахождения моего в плену я вовсе забыл о ранах, но одно и то же время сформировало во мне такую рану, которую залечит одна только смерть* [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838-1844)] – *И теперь, при первом взгляде на себя в зеркало, прежде всего у неё явилась злобная мысль о том, какие мучения будет испытывать он эти полтора часа, которые она обыкновенно жертвует ему на свиданья, при близости к такой красавице, как она, и при горьком сознании, что к таким свиданиям всецело применима русская пословица: «Близок локоть, да не укусишь»* [Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913)]; *La critique est aisée, – l'art est difficile («Критика легка – искусство тяжело»)* – *вспоминалась не раз французская пословица, и я молчал, придерживаясь к тому же русской поговорки: «Две собаки дерутся, третья не лезь»* [А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 4 (1947-1953)].

Таким образом, можно прийти к заключению, что контексты употребления словесного комплекса *русская пословица / поговорка* отражают недифференцированное отношение носителей языка к тому, что обозначается этими словесными комплексами. При этом ни один из принятых в науке критериев разграничения устойчивых выражений не является востребованным. Общим, по сути прототипическим, признаком выражений, названных в текстах НКРЯ *пословицами* и *поговорками*,

является то, что эти выражения распознаются как относящиеся к разряду прецедентных, устойчивых, неоднословных средств обозначения и оценивания референтных ситуаций.

При обращении к устойчивым выражениям, обозначенным словесным комплексом *русская пословица / поговорка*, носители языка нередко прибегают к дополнительной характеристике данных единиц, квалифицируя их:

– по времени возникновения: *старинная, старая, древняя, древнейшая, давнишняя, стародавняя*: *В сорока верстах от Петербурга, на мызе Дудергофе, оправдалась старинная русская поговорка – «что русскому здорово, то для немца – смерть»*: неумеренно опоенный петровскими кубками «большого орла» Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский, супруг Анны, скоропостижно скончался [Р. Л. Антропов. Герцогиня и «конюх» (1903)]; *«На миру и смерть красна»*, – *говорит старая русская пословица*; *и жизнь эта была вся на миру; правда, на своём, на маленьком, но она была открыта и лилась свободно, деятельно* [И. Е. Репин. Далекое близкое (1912-1917)]; *Есть люди, совершенно подобные тому козлу, о котором сложилась древняя русская поговорка: ни шерсти, ни молока* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Литературные мелочи (1864)];

– по степени распространённости / активности употребления: *известная, знаменитая, привычная, общая*: *В первый день войны, услышав поразившее меня сообщение, я смалодушничал, и у меня вырвались слова известной русской поговорки: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»* Это было ошибочным, политически незрелым выступлением [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)]; *В знаменитой русской поговорке «не согрешишь – не покаешься»* есть весёлый намек на желательность греха. Получается, что человек, согрешивший и покаявшийся, в чём-то выше человека, который и не грешил, и не каялся [Фазиль Искандер. На даче // «Знамя», 1999];

– по происхождению (дополнительная характеристика к атрибуту *русская*): *коренная, исконная, родная, здешняя*: *У настоящего русака между скупостью и мотовством нет середины, и он живет по русским коренным пословицам: «Последняя копейка – ребром» и «Что в печи, всё на стол мечи»* [Ф. В. Булгарин. Русская ресторация (1843)]; *Сосунов, таким образом, в две навигации сделался крупным капиталистом, Мишке тоже перепало тысяч пятьдесят, да и Савелий не остался в накладе. Все трое оправдали исконную русскую поговорку, что стоит казенного козла за хвост подержать и т.д.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб (1891)].

Данная характеристика устойчивых выражений содержится также в плеонастических по своей сути сочетаниях *русская народная (простонародная) пословица / поговорка*: *Конечно, до парламентских выборов еще далеко, но, как говорит русская народная пословица, готовь*

сани летом, а телегу – зимой [Иван Мельников. Главное – честный диалог с избирателями... (2003) // «Завтра», 2003.02.11]; *Он искусно вплетает в свою речь русскую народную поговорку «Кто рано встает, тому Бог дает!» – и этим совсем хорош и окончательно располагает нас к себе* [Андрей Колесников. Кожаная песня (1997) // «Столица», 1997.05.27]; *Точно так же английскую поговорку «Бесполезно проливать слезы над пролитым молоком» никто не мешает заменить русской простонародной поговоркой: «Что с возу упало, то пропало!»* [К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)]. Принадлежность к русской лингвокультуре используемых носителями языка выражений подчеркивается с помощью посессивов *наша / ваша / твоя*, распространяющих словесный комплекс *русская поговорка / поговорка*: – *А я вас попрошу, доктор Ланда, как говорит наша русская поговорка, не наводите нам тень на плетень!* [Аркадий Львов. Двор (1981)]; *Наша русская поговорка говорит: «где бес не сможет, туда бабу пошлет», а тут работали заодно иезуит – умный как бес, и баба, уму которой мог позавидовать любой мужчина* [П. П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. Книга третья (1871)]; – *Закон, по вашей же русской поговорке, паутина: муха завязнет, а шмель проскочит* [В. П. Авенариус. Гоголь-студент (1898)].

Нужно признать, что отнесение устойчивых выражений к разряду русских пословиц и поговорок отражает достаточно последовательное отношение к тому, что характеризуются общеизвестностью, прецедентностью в рамках этнического сообщества, как к безусловно национальному достоянию, национальной лингвокультуре. В то же время часть устойчивых выражений, маркированных в корпусе словесным комплексом *русская поговорка / поговорка*, имеют интернациональный (общеευропейский) характер, как, например, в следующих контекстах: *Самая экологическая из русских поговорок утверждает, что нет худа без добра* [С. Цветков. Дамба, разделившая ученых // «Знание — сила», 1987]; – *Я помню, папа, ты учил меня русским поговоркам, и ты мне сказал тоже: всяк своему счастью кузнец...* [П. Н. Краснов. Ложь (1938-1939)]; *Если перевести ориентиры внешней политики Югославии этого времени на простой язык, они описывались старой русской поговоркой «Ласковый телёнок двух маток сосёт»* [Егор Гайдар. Гибель империи (2006)].

Кроме того, словесные комплексы *русская поговорка / поговорка*, по данным НКРЯ, активно сопровождаются оценочными (прежде всего положительно оценочными) адъективами: *мудрая, умная, справедливая, хорошая / очень хорошая, прекрасная, ёмкая, великая, резная, меткая, глубокомысленная, чудная, удивительная, дивная, замечательная* и др.: *Кроме равнодушия к делу литературы, этому не может быть другой причины: по словам мудрой русской поговорки – что у кого болит, тот о том и говорит* [В. Г. Белинский. Русская литература в 1842 году (1843)]; *Довольно психологии, в своём деле никто не судья. Это одна из немногих*

умных русских пословиц [Н. В. Станкевич. Письма В. П. Боткину (1839)]; *Шутили мы, потому что знали великую русскую пословицу «Человек предполагает, а Бог располагает», а проще – «Не говори «гон», пока не перескочишь»* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000)]; *«Не по хорошу мил, – по милу хорош!» – говорит глубокомысленная русская пословица. Можно признать за факт, что истинные красавицы и красавцы меньше всего увлекали; от них веет большей частью холодом* [Д. В. Григорович. Не по хорошу мил, – по милу хорош (1889)]; *Кто на войне не был, Богу не маливался. Знаете? Прекрасная русская поговорка. Там, голубчик, поневоле научишься молиться* [А. И. Куприн. Штабс-капитан Рыбников (1905)]; *Чехов хотел уступить и уступил. Он почувствовал невыносимость безнадежности, невозможность творчества из ничего. Колотиться головой о камни, вечно колотиться головой о камни это так ужасно, что лучше уже вернуться к идеализму. Оправдалась дивная русская поговорка: от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Чехов примкнул к сонму русских писателей и стал воспевать идею* [Л. И. Шестов. Творчество из ничего (1905)].

Отрицательная оценка выражается в анализируемых контекстах в единичных случаях и относится как к форме устойчивого выражения: *Я просто сказал, что, не умея хорошенько грамоте, по русской неизящной поговорке, «с суконным рылом в калачный ряд не лезут»* [П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)], так и к её содержанию: *Обескураживающая разница наших с Высоцким жизненных статусов била в глаза. Всё чаще вспоминалась мне горестная русская поговорка: «Сытый голодного не разумеет». А перипетии собственной судьбы родили другой житейский афоризм: «Неравенство нарушает дружбу»* [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)].

Некоторые контексты содержат разноаспектную (при этом контрастную) характеристику паремии: *Словно мы хоть на минуту представляли себе ту шумиху, которую они сами же вокруг нас поднимут!.. Как говорит мудрая русская пословица, пренебрежительная и брезгливая: не трогай дерьма – воняет* [Любовь Кабо. Правдёнка (1997)]; *Есть давняя теория: «кто хочет, тот добьется», однако этой теории возражает странная, но мудрая русская поговорка: «кто много хочет, тот мало получит»* [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009].

Самыми востребованными у носителей языка, по данным НКРЯ, являются следующие атрибуты словесного комплекса *русская пословица / поговорка: мудрая, старинная, старая, известная*.

Активное обращение к устойчивым выражениям, квалифицируемым в текстах корпуса как *русская пословица / поговорка*, обусловлено желанием воспользоваться готовыми, экспрессивными, с точки зрения носителей языка имеющими безусловно национально маркированный характер средствами обозначения и оценивания референтных ситуаций. В качестве

типичных «сигналов» данной функции паремий выступают метаоператоры, роль которых прежде всего состоит в том, чтобы «сигнализировать о значении пословицы как общепринятой норме, системе ценностей, апеллировать к опыту поколений», реже – «модифицировать норму, утверждать альтернативные ценности...» (Даниленко, 2005: 50).

Словесный комплекс *русская пословица / поговорка* наиболее активно используется в составе следующих лексико-синтаксических метаоператоров:

– *по русской пословице / поговорке* (более типичен для контекстов с компонентом *поговорка*): *Нет, как хотите, а с норманнскою системой, по русской поговорке, куда ни кинь, все выходит клин, то есть совершенный разлад с несомненными историческими фактами* [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876)]; *Прошлое стало прошедшим. По русской пословице: прошлое прошло, да быльём поросло. Но бывают в нашем прошлом вещи неизжитые, они когда-то были совершены или пережиты, но не изжиты* [митрополит Антоний (Блум). Воспитание сердца (1985-1995)];

– *есть русская пословица / поговорка*: *Старые приемы отвергнуты, а новых пока еще не выдумали... Старые и бывалые. Есть замечательная русская поговорка: спроси не старого, спроси бывалого. Думаю, что философам, так много спорившим об априорном и апостериорном знании, не мешало бы прислушаться иной раз к голосу народной мудрости* [Л. И. Шестов. На весах Иова (1929)]; *А есть, знаете, у нас такая русская пословица: «У семи нянек дитя без глаза».* – *Пословица, я вижу, довольно меткая, – проговорила не без колкости французженка* [В. П. Авенариус. Отроческие годы Пушкина (1886)];

– *(как) говорит / гласит русская пословица / поговорка* (более типичен для контекстов с компонентом *пословица*): *Русская пословица говорит: «Свято место пусто не бывает».* Место, которое занимал в России Андрей Сахаров, пустует уже пятнадцать лет [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]; *Даже русская поговорка гласит: «Если Бог хочет наказать, он отнимает разум»* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000)]; *Да, крутил, да, петли, да, на бомбардировщике, но не над Красной площадью, а сперва за несколько дней до парада показал их Ильюшину над Центральным аэродромом, ибо, как гласит русская пословица, «не зная броду, не суйся в воду»* [Феликс Чуев. Ильюшин (1998)];

– *согласно русской пословице* (представлен в контекстах с компонентом *пословица*): *Но неприязнь или даже ненависть к Гумилеву, которая возникла у него, чрезвычайно чувствительного к оценкам своих стихов, при чтении этого отзыва могла перенестись и на Ахматову, согласно русской пословице «Муж да жена – одна сатана»* [Михаил Кралин. «Двух голосов переключка» (Иван Бунин и Анна Ахматова) (2002) // «Наш современник», 2002.06.15].

Контексты, включающие словесный комплекс *русская пословица / поговорка*, как правило, передают положительное отношение пользователя паремии к её содержанию, то есть солидарность с отраженным в содержании паремии мнением, согласие с тем, что мыслится как некоторая жизненная закономерность (употребляются структуры *правильно говорится, недаром говорится* и т. п.): Правильно говорится в русской пословице, что один с сошкой, а семеро с ложкой. Если мы напрямую заключаем контракты, то мы отвечаем за сроки, за качество, за обслуживание, а «Рособоронэкспорт» – только за свои комиссионные. Он нам не очень-то и нужен [Стратегии объединения (2001) // «Воздушно-космическая оборона», 2001.07.15]; Но недаром гласит русская пословица, что, мол, голь на выдумки хитра [Г. Г. Белых, А. И. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].

В анализируемых контекстах выражается побуждение придерживаться высказанного в пословице / поговорке мнения, следовать принципам, изложенным в устойчивом выражении (в частности, пользователи паремии призывают её *помнить, знать, применять, соблюдать* и т. п.): «Нужно только», сказал он: «соблюдать русскую пословицу – береженого и Бог бережет», а в этом отношении мы очень отстали в нашей обороне на Дальнем Востоке и не отпускаем нужных средств на укрепление Владивостока, которое находится в самом плохом положении только по той причине, что мы не отпускаем нужных кредитов» [В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 1-4 (1933)]; «Не хвалитесь, идучи на рать» – эту русскую пословицу почаще бы напоминать нашим игрокам [коллективный. Новости спорта // «Русский репортер», 2012]; Здесь, однако, не надо забывать старую русскую пословицу: погонишься за двумя зайцами – не поймает ни одного [Георгий Гачев. Господин Восхищение (Повесть об отце) // Библиотека «Огонек», 1989].

Итак, наблюдения над контекстами НКРЯ, включающими словесный комплекс *русская пословица / поговорка*, показывают, что устойчивые выражения, аккумулированные народной памятью, востребованы в текстах разных авторов, стилей, жанров, времени создания. Круг таких единиц широк, а их разнообразие обусловлено уникальностью структуры языкового сознания каждого, кто является создателем текста и осуществляет выбор языковых единиц для решения тех или иных коммуникативных задач.

Устойчивые выражения, по отношению к которым используется словесный комплекс *русская пословица и поговорка*, носителями языка не дифференцируются (по сути отождествляются) и распознаются как прецедентные, устойчивые и неоднословные средства обозначения и оценивания референтных ситуаций. Такое представление носителей языка о пословицах и поговорках может послужить дополнительным стимулом к выработке в лингвистической науке единых подходов к дифференциации данных

устойчивых выражений, а возможно, к более четкому определению объектов таких областей научного знания, как фразеология и паремиология.

Драгана Дракулич-Прийма, Библиотека Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
dpdragana@rambler.ru

К вопросу об истоках сербской паремиологии: словарь пословиц Йована Мушкатировича

Первый словарь сербских пословиц «Причте илити по простому пословице темже сентенце илити речения», опубликованный Йованом Мушкатировичем (Јован Мушкатировић) в Будиме в 1787 году (2-ое издание – в 1807 г.), является ценнейшим источником сербской народной мудрости, который, однако, до сих пор остается малоизученным и почти неизвестным.

Й. Мушкатирович (1743-1809) был известным юристом, первым адвокатом сербского происхождения в Австро-Венгрии, сенатором парламента в Пеште. Мушкатирович активно участвовал в культурной и политической жизни австро-венгерской столицы, боролся за права сербского народа. Он близко дружил с известными литераторами – Лукианом Мушицким, Досифеем Обрадовичем, интересовался историей и литературой (его имя часто встречается среди подписчиков на различные сербские издания того времени) и сам занимался литературной деятельностью. Наряду с упомянутым выше сборником пословиц Й. Мушкатирович опубликовал еще одну значимую работу – «Краткое размышление о празднице» (Вена, 1786 г.), являющуюся важным источником лингвокультурологической информации о сербском народе.

Отметим, что Й. Мушкатирович является первым собирателем сербских пословиц, опубликовавшим свой паремиологический труд. До него пословицы привлекали внимание Захарие Орфелина, Гавриила Венцловича, Досифея Обрадовича и некоторых других авторов, однако до Й. Мушкатировича пословицы «в нашем сербском языке ещё никто не собрал и тем более не опубликовал» (Мушкатирович 1807, 3).

Словарь Й. Мушкатировича *Причте*, написанный старославянской графикой, имеет традиционную структуру. Богатый паремиологический материал по алфавиту разделен на две неравные по объему части: на большую, объединяющую «притчи или пословицы», и на значительно меньшую, в которую вошли крылатые выражения и афоризмы – «сентенции или речения». Следует, правда, сказать, что автор не до конца последователен в критериях отбора материала и отнесения его к той или другой части. Так, к примеру, в первую часть словаря, наряду с собственно пословицами. Й. Мушкатирович включил и фразеологию «в узком

смысле» (здесь и далее примеры приводятся в современной сербской графике): *плач крокодилов* (с. 98), *неверни Тома* (с. 85), *отегнути папке* (с. 126), *умесити коме колаче* (с. 221) и др. В этой части сборника широко представлены и устойчивые сравнения: *зао као рис* (с. 47), *плашљив као зец* (с. 98), *лети кано муња* (с. 73), *нем као риба* (с. 87), *обезобразио се кано пас* (с. 94), *обилази кано лисица грожђе* (с. 94), *облизује се кано шаров* (с. 95), *подмеће као кукавица јаје* (с. 100), *плива као цртало* (с. 98), *печи се као петао* (с. 98), *помрчина као тесто* (с. 100), *фришак и здрав као риба* (с. 124), *шири се као пава* (с. 128) и др. Как видим, данные фразеологические единицы (некоторые – с минимальными изменениями по структуре или по компонентному составу) активно употребляются в современном сербском языке.

Основную часть первого раздела составляют собственно пословицы, большинство которых также входит в активный паремиологический фонд сербского языка. Например: *баба баби гребла лан, да јој заман прође дан* (с. 18), *видела жаба где се коњи кују, па и она дигла ногу* (с. 27), *глад и курјака из шуме истера* (с. 34), *док једном не смркне, другом не може сванути* (с. 40), *дође дело на видело* (с. 42), *није свашта злато што се блиста* (с. 89), *по оцу син а по матери кћи позна се* (с. 99), *с главе риба смрди* (с. 112), *у жене је дуга коса а кратка памет* (с. 120), *у какво коло дођеш, онако и играј* (с. 120), *умиљато јагње и две овце сиса* (с. 121), *у туђем оку види сламу, а у своје гредe не види* (с. 123) и многие другие.

Некоторые пословицы, имеющие сербскую национальную специфику, снабжены авторскими комментариями, в которых содержится важная историческая, географическая и культурологическая информация, в них также описываются сербские обычаи или оцениваются черты характера сербского народа. Напр.:

Доћи ће Видов дан, видећемо ко је вера а ко је невера. Несрећна пословица од од баталије илити сраженија Косовског (с. 40).

Добио баиш као цар на Сенти. Ова је баталија била 1697 од које је пословица произашла (с. 41).

Сваки братац себи за ужитак, а Крајини ипак. Потиска пословица при разоренији Крајине, у лето 1751 произашла. А у Јевангелију овако вели: *Всјакое царсво бо своја си разделено разоритсја* (с. 108).

Банат и Бачка кад роде, целу Мажарску заране, али кад Банат и Бачка загладну, целе Мажарске кошеве испразне. Зашто? Чрез пост: јербо један восточнога закона човек више леба изе, нежели друга три (с. 18).

Ако ти твој Јевангелију не верујеш, да како ће му и други веровати. Ова је пословица изашла од Бошњака Турчина, који дишпутујући се илити надпирајући се са християнским свјаштеником, представљен изговорио је. Али у животу у различни случајеви употребити се може (с. 17).

Ако се не освети, не посвети. Србин да није простосрдечан, и чрез оно, када би се не дао ласно преварити, никада нарав своју, и ову пословицу не би извјетовати могао (с. 16).

К некоторым пословицам автор приводит более широкий контекст употребления, развернутый сюжет какого-либо события, повлиявшего на возникновение идиоматического высказывания или поучительную историю. Так, к примеру, известный фразеологизм *зао као рис* (в современном языке этот фразеологизм чаще используется с прилагательным *љут – љут као рис*) автор сопроводил следующим комментарием: «Сву злост риса укротила је благодарност. У лето 1806. у Бечком зверинцу. У њих је био један љути рис који је месом рањен. Њему обаче када га очи боле, живе живоиње на понуде давате су, да би тако пијући врућу крв њихову излечио се. Назначенога лета овом болеснику на кравај донесу, или као породили побојници једно касапско младо женско куче, но ово јадно псетанце кад је он лежао, устручавао се најпре крвопији својом приступити, после приђе му, стане се умиљавати, и очи му лизати, које је он с благодарностју примити видио се, ово исто повторјало је пашче. Излечен Рис својему лекару онакову благодарност показивао је: да од њему определене и давате ране, нигда ни окусио није, докле се куче по благоизволенију није наситило – Колико поље за скотске душе» (с. 47-48).

Ко многим пословицам, представленим в словаре, Й. Мушкатирович подобрал пословичные параллели (эквиваленты, аналоги) на других языках, чаще всего на латинском, реже – на венгерском, немецком и турецком. Напр.:

Конац дело краси. *Finis coronat opus* (С.67);

Ми о псу, а пас на врата. *Lupus in fabula* (с. 82);

Нужда је велики изобретатељ. *Necessitas set magna invetrix* (с. 94).

Доброг је вина и киселица добра. Токајска и Угарска. *A' jo bornak meg a' sepreje – is jo* (с. 42).

Док се не намучи, донде се не научи. *Tremde baufer gieben gutte Rinder* (С. 42).

Выбор этих языков продиктован, как представляется, геополитическими и культурно-историческими обстоятельствами, в которых пребывал сербский народ в ту пору. К этим очевидным условиям (часть сербских земель находилась в составе Османской империи, часть – в Австро-Венгерской) автор приводит и причины личного характера. Сборник «Притче» Й. Мушкатирович посвятил своему старшему сыну и в предисловии проинформировал читателей, что мечтает, чтобы наряду с двумя языками, которыми сын владел с рождения – родным сербским и немецким, он также выучил латинский и венгерский.

Некоторые словарные статьи автор сопровождает комментарием в свободной форме: «а турки так говорят», «латины так произносят», «у словаков пословица звучит следующим образом», «у Горация это будет так», «у нас об этом так говорят» и т.п. Напр.:

Занат је у невољи рана. Турци говоре: занати су човеку крила. Велики Пен, Пример Министер Англијски (Англија се сербски зове Коситернача, како год н Венеција Млетки) у провинцији американској его

имени посвјашченој Пенсилванији закон учинио: да сваки био он кому драго, занат научити мора. Франклин славни Посланик Републике Американске био је типограф. Имејај уши слишати да слишит: Занат је у богатству мука у сиромаштву рана (с. 52).

У попа би ваљало да су и говеда мудра, а оно му и деца луда. Ову пословицу изговарају Латини овако: *Heroum filii poxae.* Јунакови су сини лупежи; дакле ову српску пословицу не ваља само за поповске синове узети, него за све отмене људе (с. 122).

Да је до судије, кано од судије. Словаци ову пословицу овако изговарају: *По правди бивамо мудрији.* Овај предмет ученом свету повод је дао, Историју Авдеритов описати, који кад су сраженија изгубили, онда су се саветовали где су фалили, а не преће да не фале (с. 36).

По зло не ваља јелчије слати. Ово наши и овако изговарају: Како се зове курјак? Нашто се одговара: Кој би га враг знао, кад и сам доће (с. 100).

Што видиш не видио, што чујеш не чуо. Ово Хорације овако изговара: *Fingero qui non visa protest, commissa tacere, hic niger est, hunc tu semper Romane cavetto* (С. 132).

Автор нередко демонстрирует своју широкују ерудицију и снабжаєт пословицы своеобразной паспортизацией: не только приводит аналог пословицы или афоризма на иностранном языке, но и указывает имя автора, употребившего данную пословицу или афоризм, название произведения, где такое выражение ему встретилось (в некоторых случаях указывает даже страницу произведения). Напр.:

Какав је год лиштја род, такј и људи. Омирова. Код Г. Досифеја у Писмам стр. 374. (с. 60).

Сербелин как уме украсти да уме сакрити, никад боље. Но ово је печални карактер на име Србско. Читај Г. Стојковића Физику у третој части где вели ко је пустаја? Србин и доле. *Nis illae Lacrimae.* Читај Историју Лакадемијанову, пак видићеш да је херсузлук добродетель био – Колико људи, толико ћуди. (с. 110)

Трое празник разорава: жертва, берба и рат. О овом предмету находи се закон С.Ц. Константина. Види у књизи васиљијској кој сам ја цели исписаоу књижици о Празници (с. 119).

Некоторые комментарии или разъяснения имеют частный характер и позволяют читателю составить представление о личности автора, его уважительном и трепетном отношении к своим предкам и потомкам. Напр.:

У стиду поштење, а у страху јуначество сиреч губи се. Ово ме је мој премили отац учио (с. 122).

Ако не можемо бити лепији, богатији и мудрији као што желимо, добрији можемо бити. – Ово је родитеља мога дражајшег Лазара Мушкатиновича свјетиј мени совјет био, а сада буди вама јуносте сербска (с. 15).

Словарь Й. Мушкатиновича «Притче», как уже было сказано, является ценным источником не только сербской паремиологии, но и паремиологии других европейских языков. Некоторые «заимствованные» пословицы снабжены пометами, указывающими на их принадлежность к различным лингвокультурам («российская», «словацкая» и т.п.).

Пословицы с пометой «российская» являются наиболее многочисленными (25 пословиц), что объясняется языковой и культурной близостью русского и сербского народов: *Ад сотворен и Адам водружен* (С.15), *Артмати от муки не избавят* (С.18), *Ах пью и квас! А где вижу пиво, не пройду мимо* (с. 18), *Без грамматики, за математику не принимаются* (с. 19), *Берут завидки на чужие пожитки* (с. 19), *Били Фому за Еремину вину* (с. 19), *Благо плывучи, помни бурю* (с. 20), *Ближняя родня, на одном солнце плаче сушили* (с. 20), *Богатый в пиру, убогий в миру* (с. 20), *Богатому ребята, а убогому милые телята* (с. 21), *Богатство гниет, в нищета живёт* (с. 21), *Богу слава, а попу каравай сала* (с. 21), *Бог вест, что в коме ест, вестимо тому, что несёт которому* (с. 21), *Бойся Вышнего и не говори лишнего* (с. 22), *Болезнь человека не красит* (с. 23), *Брюхо как и злодей, старого добра не помнит* (с. 24), *Бывала ли у тебя беда, умирали ли у тебя жена* (с. 25), *Был что смола, а не был что вода* (с. 25), *Ваши слова во Евангелии писать, а наши во азбуку не годятся* (с. 26), *Видом орёл, а умом тетерев* (с. 28), *Виноватого Бог простит, в праведна царь жалует* (с. 29), *Виноватых прощают, а правых жалуют* (с. 29), *Во многом глаголании нет спасения* (с. 29), *Временем фортуна обогатит, а другим и во все погубит* (с. 30), *До духу (дуова) ход в кожуху, а по душе в том кажусе* (с. 42), *Жена мужу пластырь, а он ей пастырь* (с. 47), *Женушка душка, любит мягкую подушку* (с. 47).

Вторыми по численности являются пословицы с пометой «словацка». Таких пословиц 3: *Выше бита, него сита* (с. 29), *Да е до судие, кано от судие* (с. 36), *Когда бы все пани были, кто бы свиной чувал* (с. 62). Также автор выделил одну венгерскую пословицу – *Ласно је сироту уцвелити, али је мучно оденути* (с. 76) и одну английскую – *Ко новаца има има једног ђавола, а ко нема има два* (с. 70).

В ряде случаев Й. Мушкатинович отдельно выделяет пословицы с пометой «сербска», «србијанска» и даже приводит более точную территориальную отнесенность – «бачка» (сербская область в Воеводине). Напр.:

Добар сир, него штета што је у пасјој кожи. Србијанска: ова се пословица говори за човека, који лепу науку, а зле нарави има (с. 38).

Ко рукама меда меша, прсте лиже. Ово је Сербска. (с. 65).

Куга је у Срему, није него у нашем трему. Бачка. (с. 74).

Некоторые пометы указывают на сферу профессиональной деятельности, в которой пословица возникла или употребляется («медицинская», «торговая» и т.п.). Напр.:

Чест есан леп ужитак. Трговачка (с. 128.)

Уд који највише греши најпре умре. Membrum quod plurimum peccat, citissime moritur. Лекарска (с. 220).

Вторая часть словаря, по всей видимости, была задумана как сборник афоризмов или крылатых выражений, хотя автор нигде не информирует читателя о причинах и принципах такого разделения собранного материала. К некоторым сентенциям, представленным во второй части словаря, приводится имя автора. Напр.:

Не онај који мало има, него који више жели сирома. Е.Сенека (с. 156).

Большинство из них связаны с текстом Библии, но лишь к единицам предлагаются комментарии, указывающие на это. Напр.:

Лењив је раскошљивом раван. Соломон (с. 153).

Сердца царева в руках Божјих сунт, и аки реки, куда хоитет обретаат. Соломонова (с. 164).

К другим прямым цитатам из Священного Писания или выражениям, возникшим на основе библейских сюжетов, не предлагается никакой комментарий, указывающий на их связь с Книгой книг. Напр.:

Вера без дел мертва јест (С.143).

Дајуишча рука не оскудејет (с. 144).

Где будет сокровиште ваше, ту будет и сердце ваше (с. 144)

Ко другом јаму копа, сам ће у њу ласно пасти (с. 150) и другие.

Непоследовательность подхода автора к такому разделению подтверждает и, скажем, включенность библейского высказывания *Дајте цару царево, а Богу Божје* (с. 36) не во вторую, а в первую часть словаря.

С другой стороны, во вторую часть словаря – «Сентенции или речения» – автором включены и многие собственно пословицы, такие как:

Друга тајно саветуј, а јавно хвали (с. 147)

Трудна је наука али је полезна (с. 166)

Кад лав спава, не ваља га будити (с.150).

В ряде случаев автор включил одну и ту же пословицу и в первую, и во вторую часть своего словаря. К таким единицам относятся, к примеру:

Обећање јест лудом радост (с. 94 и с. 158)

Хитар буди што чути, али тих говорити (с. 125 и с. 168) и др.

Отсутствие некой последовательности в классификации материала, никак не умаляющей достоинств данного словаря, можно объяснить сложностями терминологического разграничения «образных» и «безобразных» пословиц, да и самого определения термина «пословица» в тот период развития науки о языке. Интересно, что этот термин, введенный в сербский язык Д. Обраовичем, не использовали ни Г.С. Венцлович, ни В.С. Караджич – для обозначения пословиц они употребляли объяснения типа «как говорят», «как в старину говорили», «как старики (бабки) говорят» и т.п. К тому же Г.С. Венцлович использовал термин *притче* для обозначения загадок.

Словарь Й. Мушкатиновича, как показывает проанализированный материал, является важным источником знаний о сербском народе, его истории, обычаях и национальном характере. Именно на этот словарь в большой степени опирался сербский лексикограф В.С. Караджич, опубликовавший в 1849 году свой сборник сербских пословиц. В основу широкоизвестного словаря В.С. Караджича, сохранившего структурное оформление словаря Й. Мушкатиновича и его принцип формулировки соопутствующих комментариев, лёг основной корпус «Притче» – первого словаря сербских пословиц.

Урве Юловна Ая, Нарвский колледж Тартуского университета, Эстония
urve.aja@ut.ee

Особенности семантики русских пословиц и поговорок с наименованиями внутреннего убранства дома (на фоне эстонского языка)

Образный свод пословиц и поговорок включает, помимо прочего, наименования внутреннего убранства дома, указывающие на бытовые реалии определенного социального сословия. Так, в компонентном составе пословиц, наряду с наименованиями предметов крестьянского быта, встречаются и названия предметов усадебного интерьера. Рассматривая же образы, использованные в поговорках, можно отметить более широкий спектр наименований, что указывает на появление новых фразеологических единиц в связи с изменениями в социально-бытовой сфере.

Из наименований внутреннего убранства дома наиболее часто в пословицах употребляется компонент *стол*. У В.И. Даля значение этого слова определяется не только как «домашняя утварь», но и как «обед, ужин, трапеза» (Даль 1982, 327), что подтверждают и пословицы: *Велик стол, а поесть нечего* (Богданов 1741, 70; Аникин 1988, 43), *Всё на стол мечи, что есть в печи* (Спирин 1985, 130), *Красно гумно стогами, а стол пирогами* (Аникин 1988, 143).

В пословицах передается как уважительное отношение к обеденному столу в целом, так и отдельно к хлебу, который является не только продуктом питания бедняков, но и принадлежностью богатого стола (Костомаров 2011, 127): *Стол – у Богородицы престол* (Прокошева 1988, 34), *Хлеб на стол – и стол престол, а хлеба ни куска – так и стол доска* (Зимин 2012, 149). Современная трансформация пословицы оценивает богатство стола количеством и качеством закуски, предлагаемой к спиртному: *По закуске и стол – престол* (Мокиенко–Никитина–Николаева 2010, 360).

В эстонском языке слово *laud* означает как предмет мебели – стол, так и древесный материал – доску. В пословицах, где этот компонент используется для обозначения обеденного стола, доминирует мысль о том, что только своим трудом можно прокормить семью: *Ega leelost leiba saa ega laul lauda kata* (Hussar – Krikmann и др. 1983, 122) (букв. «Из напева хлеба не сделаешь, песней стола не накроешь»), *Ilm ei kata kellegi lauda, kui sina ise ei kata* (Hussar – Krikmann и др. 1980, 388) (букв. «Мир никому стола не накроет, коли ты сам не накроешь»). Взаимосвязь между трудолюбием и едой как его результатом передаётся сложноподчинёнными предложениями с симметричной формой и характерными формульными компонентами: *Kelle tare risune, selle laud raasune* (Hussar – Krikmann и др. 1985, 269) (букв. «У кого изба сорная, у того на столе крошки») – ср. русск. *Труд человека кормит, а лень портит* (Даль 1984б, 15; Иллюстров 1915, 315; Разумов 1957, 50; Аникин 1988, 303).

Русские пословицы призывают следовать определенным правилам поведения за столом: *Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьёт диавол* (Даль 1984а, 26), *Не бей стола: стол – Божья ладонь* (Подвысоцкий 1885, 8) и выражают положительное отношение к людям, которые за чужим столом ведут себя скромно и не едят лишнего: *От чужого стола не стыдно не евши встать* (Снегирёв 1848, 318), *Совестливый и из-за сытого стола голодным встаёт* (Снегирёв 1848, 378). Однако в более поздних сборниках пословиц встречается противоположное суждение с ироническим оттенком: *Голодным из-за стола встать не велика стать* (Спирин 1985, 136).

Как в русской, так и в эстонской лингвокультурах даётся отрицательная оценка неуместному поведению человека за столом. Здесь мы видим полное совпадение в лексическом составе и образной структуре пословиц: *Посади свинью за стол, [а]она и ноги на стол* (Соболев 1956, 70; Рыбникова 1961, 79; Аникин 1988, 262; Пермяков 1988, 156) – эст. *Pane siga laua taha, kohe ajab ka jalad lauale* (Hussar – Krikmann и др. 1985, 69). В русском языке лексические варианты воплощают образы дурака и необразованного мужика: *Посади дурака за стол, а он и ноги на стол* (Снегирёв 1848, 332; Даль 1984б, 154; Даль 1981а, 501), *Мужика посади за стол, а он и ноги на стол* (Снегирёв 1848, 233).

Правила поведения отражаются также в русских обрядовых паремиях, передающих свадебные традиции выкупа за невесту: *Деньги на стол, так и невеста за стол* (Подвысоцкий 1885, 52; Мокиенко–Никитина–Николаева 2010, 264), или ритуальном плаче невесты, выражающем «тоску от разлуки с родителями и страх перед новым образом жизни» (Костомаров 2011, 275): *Не навоешься за столом, так наревёшься за столбом* (Даль 1981б, 389), *Не плакала за столом – наплачешься за столбом* (Снегирёв 1848, 281). Для эстонского языка этнокультурно маркированными являются пословицы, указывающие на

разницу между социальными классами: *Rikka lauda ära mine mitte sööma, pärast saad pilgatud* (Hussar – Krikmann и др. 1983, 825) (букв. «Не садись есть за стол богатого – потом будешь осмеян»).

Большая часть русских поговорок с компонентом *стол* связана со старинными свадебными традициями. Так, для описания стола используются прилагательные *большой, веселый, княжеский, княжовский, красный, первый, второй, гарный, приезжий, отъезжий, разъезжий*, также свадебные столы могут быть *похмельными* (приём гостей у жениха на второй день после свадьбы) и *чаевыми* (приём гостей у невесты на второй день после свадьбы); если же кушанье приготовлено молодой женой после свадьбы, то этот стол называется *стряпкиным* (Мокиенко – Никитина 2007, 643-644). Для определения богатого едой стола в эстонском языке используется поговорка *laud nagu äke* (Õim – Õim 2011) (букв. «стол как борона»). Необходимо отметить, что в эстонском языке используется и наименование детали стола – *ножка* – при характеристике глупого человека: *loll nagu lauajalg* (Õim – Õim 2011) (букв. «дурак как ножка стола»).

Из наименований мест для сидения или мягкой мебели в русских паремиях встречаются *лавка, стул и кресло*, в эстонских – *(рши)pink* (скамья/лавка), *tool* (стул) и *sohva* (софа).

Приглашение садиться передаётся шутливой формой *Садись на стул, чтобы чёрт не сдул* (Прокошева 1988, 302). В эстонском языке данное значение встречается в двуязычных немецко-эстонских фразеологизмах, которыми высмеивали так называемых доморощенных немцев. Название *kadakasaks* (доморощенный немец) употребляли в XVIII-XIX вв. в Эстонии по отношению к крестьянам или городским жителям эстонского происхождения, пытающимся своим поведением, разговорами, использованием немецкого языка подражать людям из более высокого сословия (ТЕА).

Двуязычные высказывания являются по своей синтаксической структуре полными предложениями, в которых используется слово или словосочетание на немецком и эстонском языке: *Bitte sitsen sie sohva peale, ршипингид он ресус* (Õim – Õim 2011) (букв. «Садитесь, пожалуйста, на софу, деревянные скамьи в стирке»), *Sitsen sii siidisohva peale, Sohvi toob kohvi ka* (Õim – Õim 2011) (букв. «Садитесь на шёлковую софу, Софья ещё и кофе принесёт»). Следует отметить, что, хотя само имя *София* было освоено эстонским языком уже в XIX веке, известны случаи его иронического использования как иноязычного, чужого имени, например: *Kohva-kahva, vana sohva – Sohville* (Õim – Õim 2011) (букв. «Шур-шур, старая софа для Софии»). В русском языке компонент *софа* встречается в современном жаргонном выражении *не заткнёшь софой (тахтой)*, которым передаётся неодобрительная оценка болтуна (Мокиенко – Никитина 2007, 635).

Рассматривая русские пословицы с компонентом *лавка* (*лавочка*), видим, что кроме значения ‘скамья’, как, например, в пословице *На чужой лавке мягче сидится* (Даль 1982, 613; Даль 1984б, 237; Даль 2006, 235), слово используется также в значении ‘отделение в рядах, помещение для продажи товаров’ (Даль 2006, 234-235), напр.: *Покупатель дома похвалит, а купец в лавке* (Даль 1984б, 31; Разумов 1957, 170). Наряду с этим в пословицах отмечается возможность физического наказания ребёнка как форма воспитания: *Не учили, когда (покуда) поперёк лавки укладывался (ложился), а во всю вытянулся – [так] не научишь* (Даль 1984а, 280, 300; Даль 1981а, 263, 323; Разумов 1957, 42; Жуков 1966, 305; Аникин 1988, 230). Здесь соответствие можем найти в диалекте сету: *Sis pessä’ last, ko riste om pingi pääl; ko piuta om pingi pääl, sis inär pesku-ui’* (Hussar – Krikmann и др. 1983, 637) (букв. «Бей ребёнка, пока он поперёк скамьи ложится; когда он вдоль скамьи вытянется, то больше не бей») – имеется 4 аутентичных варианта записи. Необходимо отметить, что в эстонском языке более распространённой (имеющей свыше 200 аутентичных вариантов текста) является пословица, семантически сходная, но полностью отличающаяся по образной структуре: *Vääna vitsa, kui vits väändib* (Hussar – Krikmann и др. 1985, 763-768) (букв. «Гни прут, пока прут гнётся»).

Поговорки с данным компонентом среди рассмотренного русского материала не встретились, однако в эстонском языке он используется для создания самых разных образов: *peni istepink* (букв. «скамья/лавка для пса») в значении ‘глупый, полоумный человек’, *isaisa pink* (букв. «скамья/лавка деда») в значении ‘бутовый камень’, *külapinke peesitama* (букв. «греть деревенские лавки») в значении ‘ходить в гости’ или ‘ходить в корчму’ (Õim – Õim 2011).

Желание человека получить большее, но остаться в результате ни с чем, передаётся пословицей *Хотел сесть на два стула, а сел между двух* (Спирин 1985, 163). Анализируя эстонский эквивалент, видим различие только в употреблении глагольно-временных форм: *Mine kahe tooli peale istuma, istud kahe tooli vahele* (Hussar – Krikmann и др. 1980, 564) (букв. «Будешь садиться на два стула – сядешь между двумя стульями»). Если приведённая пословица в русском языке служит базой для образования фразеологизма *сидеть между двух стульев* в значении ‘занимать неопределённую позицию, склоняться одновременно к двум противоположным мнениям’ (Мокиенко – Никитина 2007, 649), то для эстонского языка это нехарактерно.

Из наименований предметов интерьера в пословицах и поговорках встречаются также *кровать* – эст. *voodi* и *постель* – эст. *säng*, при этом зачастую в составе пословицы они выступают в качестве лексических вариантов.

В русских пословицах образно говорится о том, что больному не нужны материальные богатства: *Больному и золотая кровать не поможет*

(Снегирёв 1848, 19; Даль 1984а, 310; Аникин 1988, 25). В эстонской лингвокультуре семантически схожей является пословица *Olgu kuhi kulda vai mägi hõbedat, kui tervist ei ole, ei massa kõik midagi* (Hussar – Krikmann – Sarv 1984, 158) (букв. «Будь куча золота или гора серебра, а если нет здоровья, то все это ничего не стоит»). Мотив болезни, прикованности к постели, смерти существует и в поговорках: *приковывать / приковать к постели* – ‘становиться причиной тяжёлой болезни кого-либо’, *лежать на Божьей [мёртвой] постели* – ‘быть при смерти’, *недолгая постель* – ‘быстрая смерть’ (Мокиенко – Никитина 2007, 526).

Близкими по смыслу, но различными по образной структуре оказываются пословицы, отражающие изменение отношений между мужчиной и женщиной: *С немилым спать – тесна кровать* (Спирин 1985, 108) – ср. эст. *Enne tahub rõie, pärast ei tahu enam õie* (Hussar – Krikmann и др. 1983, 753) (букв. «Сначала помещается за пазухой, потом не помещается и во дворе»).

Пословица *Много захочешь – пораньше [раньше] с постели вскочишь* (Снегирёв 1848, 225; Иллюстратов 1915, 313; Разумов 1957, 123; Танчук 1986, 87) призывает человека трудиться, действовать, именно такую семантику имеет эстонская пословица *Vara üles [tööle], hilja voodi, nõnda rikkus tuppa toodi* (Hussar – Krikmann и др. 1985, 650) (букв. «Рано вставать [на работу], поздно в кровать – так принесли в дом богатство» – в оригинале присутствует рифма). Анализируя приведённые примеры, видим различие как на уровне построения предложения, так и на уровне смысловых оттенков. Различие, возникающее в смысловых оттенках на уровне обобщённости и конкретности, наблюдается и в других случаях, например: *Знал бы, где упасть, тут и постельку бы постлал* (Снегирёв 1848, 145) – ср. эст.: *Kui inimene teaks, kus maha kukub, küll siis õled alla raneks* (Hussar – Krikmann и др. 1980, 422) (букв. «Если бы человек знал, где упадет, (то) подстелил бы соломы»).

Поговорки с названными компонентами описывают крестьянский быт, например, *каменная кровать* в значении ‘второй этаж амбара, где помещаются камни-жернова’ (Мокиенко – Никитина 2007, 330), а также передают эмотивно-оценочную характеристику человека. Так, шутливо-ироническое выражение *Идёт мимо кровати спать на полати* характеризует бестолкового человека (там же), а поговорка *Левой ногой с постели ступил* относится к человеку сердитому, раздражённому (Мокиенко – Никитина 2007, 442). В эстонском эквиваленте в последнем случае употребляется лексический вариант *voodi* (кровать): *astus vasaku jalaga voodist välja* (Õim – Õim 2011) (букв. «левой ногой с кровати ступил»). Другие примеры использования этого наименования видим в поговорках, служащих для описания лысого мужчины, для которого *voodi oli lühike olnud* – (там же) (букв. «кровать была слишком короткой»), а нервный или недовольный выглядит *nagu jännes titevoodis* (там же) (букв. «как заяц в колыбели»). В современном русском языке встречается также

жаргонизм *большая кровать* в значении ‘город’ (Мокиенко – Никитина 2007, 330).

Компонент *шкаф* в пословицах не встречается. В эстонском языке компонент используется в поговорках для характеристики изнеженного, простодушного человека: *nagu klaaskapis hoitud* (Õim – Õim 2011) (букв. «как будто держали в стеклянном шкафу»), а также крупного человека: *lai nagu ortani kariuks* (там же) (букв. «широкий как дверь шкафа бурмистра»). Случаи использования компонента в русских поговорках ограничиваются крылатым выражением *многоуважаемый шкаф* – ‘бесполезные, пустые речи вместо действий’ и жаргонным выражением о представителе так называемых «новых русских»: *бритый шкаф на пальцах* (Мокиенко – Никитина 2007, 753).

Таким образом, наименования предметов мебели встречаются в пословицах и поговорках обеих лингвокультур как в прямом, так и в переносном значении. Поговорки, вошедшие в употребление сравнительно недавно, являются, чаще всего, жаргонными выражениями. Среди рассмотренных русских и эстонских пословиц и поговорок имеются как полные эквиваленты, так и частично совпадающие и безэквивалентные единицы.

Николаева Елена Каировна, РГГМУ, Санкт-Петербург, Россия
elena_kairovna@mail.ru

Советские пословицы о колхозной жизни²⁰

Вовлечение крестьян в сельскохозяйственные кооперативы, артели началось ещё до октября 1917 года. В начале организации кооперативов одной из основных задач было преодоление неграмотности крестьян с целью обучения их новым формам ведения агрономических работ. Пословицы как доступный, известный и понятный жанр поучения, представляющие собой ритмически организованные, легко запоминающиеся фразы, лучше, чем что бы то ни было подходили для этой задачи (причем, как исконные, так и созданные заново по моделям исконных): *Меньше посеял – больше наваял, Завели мы многополье – стало жить раздолье*. Народные пословицы использовались в названиях многих агитационных брошюр и книг о кооперации: «У коровы молоко на языке. Как кормить скот, чтобы был доход» (см. подробнее: Дианова 2015).

Эта тенденция была подхвачена и развита в годы советской власти. Народная мудрость, заключенная в пословицах, их назидательное содержание было взято на вооружение пропагандистами колхозной идеи.

²⁰ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062)

Однако речь шла уже не только о развитии сельского хозяйства, но и, прежде всего, о пропаганде нового социалистического строя, нового мировоззрения. Исконные народные пословицы, используя их пропагандистский потенциал, начали приспособлять под нужды советской власти. Член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Адрианова-Перетц в 1950-е годы писала по этому поводу: «Воспринимая пословицы прошлого, советский народ иногда уточняет их смысл применительно к новой исторической обстановке, например: “В пашне огрехи, а на кафтане прорехи” – “В поле огрехи – в колхозном амбаре прорехи”. Старым изречениям противопоставляются новые, отражающие иной быт, иное мировоззрение. [...] Создавая пословицы, обобщающие опыт своей жизни, советский народ использует форму хорошо знакомых и широко употребляющихся традиционных пословиц и поговорок» (Адрианова-Перетц 1957, 17-18).

Этот пласт паремий привлекал внимание многих исследователей, как фольклористов, так и лингвистов еще с середины прошлого века, так как подобные новообразования широко включались в советские сборники пословиц наряду с исконными (см.: Мельник 1966; Жигулев 1959, 1965 и т.п.). И уже тогда среди паремиологов начались споры о том, можно ли относить эти единицы к пословицам. Так, известный фольклорист В.П. Аникин утверждал еще в середине шестидесятых годов, что изречения «на злобу дня», у которых «только один смысл, как у всякого простого суждения», ни в коем случае не могут быть отнесены к жанру пословиц (Аникин 1964, 94). Современные исследователи фразеологии и паремиологии называют подобные «псевдоафористические высказывания, структурно напоминающие пословицы, но более или менее явно обнаруживающие искусственность своего происхождения» «псевдопословицами» (Семененко–Шипицина 2005, 20), «лжепословицами», «мнимыми пословицами» (Хлебда 1994, 82). Но при этом польский исследователь оговаривается, что «Если же "хомо советикус" существует, то советские пословицы вполне оправданно можно признать аутентичным, неподдельным выражением души советского человека и его именно отношения к миру; деление на "собственно пословицы" и "лжепословицы" не имело бы тогда оснований» (Там же, 82). Н. Скрадоль рассматривает то, что она называет пословицами «сталинского времени» «как особого рода дискурсивные коды, формулы того, что можно определить как идеологически выверенное остроумие и идеологически правильный языковой комизм» (Скрадоль 2015).

Формально искусственно созданные пословицы трудноотличимы от исконно народных, так как они построены по тем же формальным признакам: двучленность, антитетичность, гиперболичность, параллелизм, звуковые повторы и т.д. (см. Хлебда 1994, 78), но тем не менее они имеют ряд особенностей, которые отличают их от собственно народных паремий:

1. Отсутствие иносказания, образного плана, подтекста. Практически не используется метафора: *В Советскую Армию пошел – родную семью нашел; В Кремле побывать – ума понабрать.*

2. Ориентация на лозунговые парадигмы (особенно советских (сталинских) пословиц): *Нас с пути никто не собьёт: нас партия ведёт; Жить – значит Родине служить.*

3. Отсутствие ослабленной референции, т.е. советскую пословицу нельзя использовать для передачи каких-либо других жизненных ситуаций; время, место действия, личность в них «не зачеркиваются, а увековечиваются» (Семененко–Шипицина 2005, 23), по выражению В. Хлебды, это «прописи разового применения» для конкретной ситуации, конкретного времени: *Не видать фашисту Сталинграда, как Москвы и Ленинграда; Если б не Советская власть, к нам бы трактору не попасть; Учение Ленина и Сталина всем миром прославлено.*

4. Исконные народные пословицы часто противоречат друг другу, т.е. семантически выражают противоположные взгляды на одну и ту же ситуацию, проблему. Советские пословицы выражают и пропагандируют только одну точку зрения на мир. Как отмечает С. Червяковский, «пронизанные духом коммунистической партийности советские пословицы художественно выражают самое передовое в истории человечества мировоззрение – советскую идеологию» (Червяковский 1955, 32): *Вся советская страна делу Ленина и Сталина верна.*

5. В советских пословицах практически отсутствует вариантность.

6. Советские пословицы чаще, чем народные, рифмуются.

7. Отличается и тематическая классификация советских пословиц. По наблюдениям В. Хлебды, эти пословицы группируются в такие тематические гнезда, «ведущие слова которых не встречались в дореволюционных сборниках русских паремий ни как заглавия гнезд, ни как компоненты самих пословиц (напр.: Агроном, Бригада, Бюрократ, Колхоз, Коммунист, Норма, Партия, Пионер, План, Революция, Секретарь, Советы, Спекулянт, Спорт, Танк, Трактор, Ударник, Фашизм, Хулиганство, Шпион, Электричество и т.п.)» (Хлебда 1994, 79).

Одной из первых попыток классификации новых пословиц стало небольшое собрание «Пословицы и поговорки: Сборник советских пословиц и поговорок» (составители Н.М. Галочкин и С.А. Червяковский). Этот сборник содержит **только** искусственно созданные пословицы. До этого советские пословицы публиковались либо в кратких агитационных подборках, газетах, календарях или включались в общие сборники пословиц и поговорок наряду с исконными народными.

По мнению составителей, среди советских пословиц трудно отобрать пословицы чисто бытового характера, т.к. «в советской стране общественная жизнь человека и его быт неотделимы» и большинство пословиц отражает общественно-политическую жизнь нашей страны. В

связи с этим составители распределили материал сборника по следующим тематическим рубрикам (Червяковский 1955, 37):

1. Коммунистическая партия, Родина, новая жизнь народа («Где власть народа, там довольство и свобода»)
2. Труд как основа жизни советского человека («Труд – дело чести, будь на первом месте!»)
3. Колхозный строй («В колхозную пору пошла жизнь в гору»)
4. Оборона Родины и мирная политика Советского правительства («Свет победит тьму, а мир – войну»)

Выделенные составителями тематические гнезда пословиц четко обозначают основные направления идеологической работы партии и правительства. Одним из таких направлений являлось создание колхозов, воспитание крестьянина в духе коллективизма, искоренение в нем пережитков индивидуализма, убеждение его в преимуществах нового строя, обучение новым методам ведения сельского хозяйства. На это и был направлен пропагандистский потенциал пословиц.

В группе «Колхозный строй» чётко выделяются несколько подгрупп:

1. Преимущество колхоза перед индивидуальным хозяйством

Один жил – в заплатах ходил,

В колхоз пришёл – кафтан нашёл.

Не шли в колхоз – маялись, пошли – не покались.

Где раньше был мох, теперь сена стог.

При работе коллективной каждый грош вернётся гривной.

Хорошая нива только у коллектива.

2. Необходимость согласия и дисциплины

Тот колхоз богат, в котором лад.

Коль в колхозе лад, охота, – там спора работа.

Лад и согласие – первое в колхозе счастье.

Свой колхоз или чужой, а один устав – трудовой.

Артель дружбой крепка.

3. Форма управления

Бригадир в колхозе командир.

Бригадир в поле, что капитан в море.

Тот бригадир хорош, у кого густа рожь.

Бригадиру грош цена, коль любитель до вина.

4. Необходимость учёта и контроля

Колхоз без учёта, что дом без дверей.

Где хорошо налажен учёт, ни одна капля из закровов не утечёт.

Где правильный учёт, там зерно не течёт.

5. Трудодни как форма учёта рабочего времени

У кого много трудодней, у того и в избе светлей.

*Богата хата не углами, трудоднями.
Не хвались трудоднём – хвались, сколько жита в нём.
На печи заседать – трудодней не видать.
Губит лень – спасает трудодень.
За лень не получишь трудодень.
Трудодни не подведут – скажут, кто ударник, а кто плут.
Лодыря видней при подсчёте трудодней.*

6. Новая техника (новые методы ведения хозяйства)

*Где пашет сошка, там хлеба крошка
«Отдохни, сошка, – сказал дед Тимошка. – Теперь не твой час –
есть трактор у нас».
Раньше рожь руками жали, теперь комбайны зашагали.
Трактор в поле, что танк в бою.
Трактор в колхозе – хлеб в обозе.*

7. Пропаганда науки и новых технологий

*Где нет знаний, там нет и смелости.
Без агронаук – колхозник как без рук.
Кто науку уважает, тот бывает с урожаем.
Кто с агротехникой дружит, об урожае не тужит.
Слушай агронома – будет хлеба вдосталь дома.
Где в колхозах парники, там доходы велики.*

8. Правила землепашества

*В срок не вспашешь, не заборонишь – того гляди хлеб проворонишь.
Посеешь в срок – урожай высок.
Чем больше на полях навоза, тем больше прибыли в колхозе.
Сугробы снега на полях – урожай зерна в закромах.
Больше землю удобряй – будет выше урожай.*

9. Трудолюбие советского крестьянина

*Трудись с упорством боевым, чтоб колхоз стал передовым.
Хочешь жить счастливо – паши не лениво.
Не пеняй на суховей, а работать умей.
Человек красен делами, а колхозное гумно – скирдами.
В колхозе язык не в зачёт, кто работает – тому почёт.
Лодырю в колхозе, что волку на морозе.*

Если воспользоваться категориями лингвокультуроведения, то культурные установки советского колхозника следующие: люби и уважай коллектив, трудись на благо социалистической Родины, зарабатывая трудодни, отдавай предпочтение новым достижениям, радуйся новой счастливой жизни.

Какую картину русской жизни представляют эти пословицы? Можно ли доверять этой картине мира? Нет, она отражает не доминанты жизни человека «колхозных полей», а доминанты идеологической доктрины того времени. Отсюда такой «беспросветный» оптимизм, отсутствие пословиц, отражающих быт, болезни, нищету и другие житейские проблемы обычного человека. Однако советские искусственно созданные пословицы являются частью общего паремиологического пространства национального языка (а следовательно, частью национальной языковой картины мира) и занимают в нём свою определённую нишу, изучение которой помогает лучше понять человека советской эпохи. Поэтому, несмотря на искусственность их происхождения и указанные выше отличия, следует признать за ними статус пословиц (а не псевдопословиц) и включать их в полные словари русских пословиц. Чтобы помочь исследователям паремиологии избежать трудностей при проведении, например, лексико-семантического анализа, целесообразно отмечать в словарной статье искусственность происхождения подобных пословиц, как это делают, например, авторы «Большого словаря русских народных сравнений»: **Трудодни что огни: светят и греют. Посл. Патет.** О привлекательности колхозных трудовней. Жигулев 1958, 328; Graf 1963, 139. < Искусственная пропагандисткая пословица, созданная в советское время. Ср. выражение *светит, да не греет* (Мокиенко – Никитина 2008, 456).

В заключение хотелось бы заметить, что подобные пословицы не стоит относить к историческому прошлому, как пишет В. Хлебда, «ментальность "советских людей" советские пословицы [...] формировали десятилетиями, и последствия этого процесса до сегодняшнего дня не искоренены» (Хлебда 1994, 82). Доказательством этого могут служить лозунги, с которыми партия «Единая Россия» предложила выйти на первомайскую демонстрацию в 2017 году:

*Не страшны нам санкции, пока в единстве нация!
Путин за народ! Россию к успеху он смело ведёт!
Честному – хвала, коррупционеру – тюрьма!
Народ за достойный МРОТ!*

Евгений Евгеньевич Иванов, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь
ivanov-msu@mail.ru

Народно-поэтическое (фольклорное) понимание афоризмов как один из аспектов их эмпирической квалификации

Определение понятия афоризма можно дифференцировать на теоретическое и эмпирическое. В статье рассмотрены основные особенности народно-поэтического (фольклорного) понимания афоризма.

Определены грамматические признаки архаичного происхождения фольклорных афоризмов, наиболее существенные качества афоризма как фольклорной единицы, соотношение понятий афоризма и пословицы, историческая динамика функций пословичных афоризмов, функциональные критерии вневременного характера социокультурной актуальности, а также сохранения производства пословиц в современную эпоху.

Афоризм как вербальное средство выражения общих суждений и отражения действительности посредством обобщения частных явлений и связей между ними издавна известен и продуктивно используется в различных сферах речевой коммуникации. Афоризмы встречаются в философском, дидактическом, религиозном и др. дискурсах древних лингвокультур (Египта, Китая, Греции и др.). С давних времен афоризмы распространены в языке фольклора и художественной литературы, в конфессиональных, философских, научных, юридических и публицистических текстах, в устной публичной и в обиходной речи. Вместе с тем общепринятое определение понятия *афоризм* до сих пор не сформировалось.

Если объединить основные дефиниции понятия ‘афоризм’ (имеющиеся в фундаментальных энциклопедических изданиях на разных европейских языках, ср. “Большая Российская энциклопедия”, “Беларуская энцыклапедыя”, “Большая Советская энциклопедия”, “Encyclopaedia Britannica”, “Brockhaus Enzyklopädie”, “Grand Larousse encyclopedique”, “Meyers Enzyklopädisches Lexikon” и др.), его можно определить как изречение (принадлежащее известному автору или анонимное), в котором сжато, емко, обобщенно и, как правило, в стилистически изоцированной, высокохудожественной, часто аллегорической форме выражена некая законченная мысль директивного (поучительного) или декларативного (констатирующего) характера, преимущественно социально значимой тематики, глубокого и вместе с тем остроумного или даже парадоксального содержания.

В самом же общем смысле (исходя из признаков, указанных во всех или в большинстве существующих определений) **афоризм** можно квалифицировать (безотносительно степени верифицированности каждого из имеющихся общих признаков) как краткое изречение в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль, как правило, значимого (имеющего социальную или духовную ценность) содержания. Такое **общее понимание афоризма**, безусловно, имеет эмпирический характер, однако позволяет, на наш взгляд, не только определить его границы как высказывания определенного типа (речевого жанра), но и дифференцировать афоризм в кругу смежных с ним речевых и языковых явлений, а также создать необходимое методологическое основание для его рассмотрения как объекта филологии и лингвистики.

Ни в отдельных дефинициях, ни в реконструкции на их основе общего понимания афоризма, тем не менее, не отражаются различия в его эмпирической квалификации как продукта и средства речемыслительной деятельности в разных дискурсах и коммуникативных сферах, отраслях знаний и социокультурных практиках и др. как в синхронии, так и в диахронии. Данные различия не только репрезентируют дифференциацию афоризма на определенные функциональные классы (афоризмы научные, философские, литературные, публицистические, юридические и т. д.), но и детерминируют направления понимания и изучения афоризма в терминах разных научных дисциплин (теории познания, философии, литературоведения, риторики и др.).

В современной европейской афористике можно выделить ряд **общих аспектов эмпирической квалификации** (эмпирического понимания) **афоризма** (Иванов 2016, 47-59), которые сформировались в разное время, возникли и развивались под влиянием различных национальных (или интернациональных) культурных и социальных традиций, литературных процессов и направлений, парадигм научного знания и лингвокультур: (1) научно-философский; (2) философско-литературный; (3) конфессионально-литературный; (4) литературно-художественный; (5) литературно-публицистический; (6) литературно-юридический; (7) народно-поэтический (фольклорный); (8) народно-литературный; (9) поэтико-риторический; (10) языковой.

Народно-поэтическое (фольклорное) понимание афоризмов было эксплицировано во второй половине XX века в связи с распространением понятия афоризма на пословицы (Гаспаров 1987), с одной стороны, под влиянием развития его широкого понимания как общего для всех кратких изречений обобщенного содержания, а с другой – благодаря очевидной близости признаков афоризмов и пословиц литературного происхождения, а также пословиц с прямым общим значением (т. н. пословичных изречений), составляющих заметную часть паремиологических фондов многих европейских языков. С середины XX века пословицы стали широко обозначаться как *народные афоризмы*, или просто как *афоризмы*.

Народно-поэтическое понимание афоризмов не ограничивает их только пословицами. К афористическим жанрам фольклора относятся также **народные приметы, народные суеверия (в форме изречений), хозяйственные (деловые) изречения, устойчивые суждения здравого смысла** и т. д., однако именно **пословицы** составляют ядро фольклорного понимания афоризма в силу как наиболее древнего происхождения, так и неизменного сохранения своего характера как типа высказывания на всём протяжении своей истории до сегодняшнего дня.

Происхождение пословиц восходит к самым ранним этапам социогенеза, глоттогенеза и культурогенеза. Э.Б. Тэйлор в своей знаменитой книге „Primitive Culture“ (1871) отмечает, что в языке жителей Фиджи, которые еще в середине XIX столетия находились на той стадии

развития, которую археологи называли бы поздним каменным веком (VI–V тыс. до н. э.), были зафиксированы пословицы (Тэйлор 1989, 156). Наличие пословиц было отмечено и в языках иных примитивных культур, существующих в наше время (Бенвенист 1974, 157-158). Еще одним убедительным доказательством архаичного происхождения пословичных афоризмов являются сохранившиеся в них модели двусоставных именных предложений, которые, по словам Э. Бенвениста, являются наиболее древними в глоттогенезе и уже исчезли во многих современных языках (в частности, в германских (Бенвенист 1974, 176), например, англ. *Like father, like son, The sooner the better*; нем. *Ehestand Wehestand, Mitgefangen Mitgehungen*; рус. *Деньги забота, мешок тягота, Сердце вещун*; бел. *Госць нявольнік, Маладосць дурносць* и т. п. Такие предложения никогда не употребляются при описании конкретных событий, а выражают абсолютные истины и больше подходят изречениям и пословицам, которыми обычно и ограничиваются, так как “именное утвердительное предложение, внутренне законченное, ставит высказывание вне какой бы то ни было временной или модальной локализации или субъективной связи с говорящим” (Бенвенист 1974, 176).

Наиболее существенными качествами афоризмов в народно-поэтическом понимании являются обобщённое выражение в них действительности (сведение множества конкретных ситуаций к одной типичной, или типовой, ситуации), краткость и выразительность их языковой формы (позволяющая достаточно легко запоминать и воспроизводить в речи готовые фразы), законченность содержания (обеспечивающая их полисемантическую и полифункциональную в речи), его эпистемологическая актуальность (обуславливающая непреходящий авторитет пословиц как отражения коллективного опыта) и др.

Согласно известному мнению Э.Б. Тэйлора, высказанному во второй половине XIX века, “пословицы и поговорки у передовых народов мира исчисляются десятками тысяч..., но, хотя область существования пословиц и поговорок простирается до самых высших уровней цивилизации, это едва ли можно сказать относительно их развития, ...период, когда они создавались, по-видимому, пришел уже к концу” (Тэйлор 1989, 159). С этим трудно согласиться, поскольку пословицы являются частью каждого языка (по крайней мере, не было отмечено таких языков мира, в которых отсутствовали бы устойчивые изречения обобщенного содержания), однако как социокультурный феномен они занимают разное место и играют разную роль как в различные исторические эпохи, так и у различных народов. Так, в первобытное время доминировала познавательная (декларативная) функция, в средневековом социуме дидактическая (директивная) функция. Обе они девальвировались в Новое время, однако не исчезли и сегодня, изменив свое место в иерархии функций пословицы по степени продуктивности. На первый план в наше время вышла функция универсализации (обобщения) отражаемой действительности, которая

является одной из основных языковых функций пословицы, но никогда ранее не имела первостепенной значимости в социокультурном плане (Иванов 2004).

Сегодняшнее существование пословиц характеризуется, с одной стороны, созданием и употреблением новых пословиц, которые отражают современные реалии и отношение к жизни (например, *мерфизмы*), а с другой – сохранением и актуализацией в речи традиционных пословиц преимущественно путем их перефразирования, в том числе и пародийного (*антипословицы*). Современные пословицы создаются и функционируют не только в традиционно устной форме, но и в письменной благодаря практически повсеместной распространенности и доступности электронных средств письменной массовой коммуникации (прежде всего Интернет). В этой связи бывает трудно установить однозначную границу между фольклорным (пословичным, народно-поэтическим) и нефольклорным (народно-литературным) творчеством в области создания и употребления новых афоризмов.

Отождествление афоризма и пословицы как понятий (и как терминов) не является однозначным и общепринятым. Согласно противоположному мнению, афоризмы и пословицы противопоставляются на основании целого ряда таких факультативных признаков, как происхождение (соответственно, литературное vs. фольклорное), авторство (наличие vs. отсутствие), сфера функционирования (литературный язык vs. разговорная речь), форма существования (письменная vs. устная речь), мотивированность (безобразность vs. образность) и т. д. Однако тот факт, что именно понятие афоризма как типа высказывания всё более и более утверждается в роли общего для всех свободных и устойчивых изречений на основании общих для всех них признаков (см. выше), позволяет говорить об эмпирическом включении понятия пословицы в понятие афоризма в народно-поэтическом понимании последнего.

Анжелика Викторовна Королькова, СмолГУ, Смоленск, РФ
manukhov@mail.ru

Функции пословиц и поговорок в русской афористике

В афоризмах пословицы и поговорки используются в нескольких аспектах:

1. Со стилистическим заданием, когда афоризмы имитируют строй народно-поэтической речи или когда необходимо привлечь внимание адресата формой афоризма, соотносящейся с формой паремий.
2. Для создания особой экспрессии, при этом эмоциональный эффект усиливается за счет переосмысления пословиц и поговорок.

3. Для актуализации коммуникативно-значимых элементов, точнее ключевых слов в составе афоризмов.

Афоризмы мы рассматриваем как краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов (ключевых слов); паспортизированность; воспроизводимость.

Для осмысления проблемы функционирования пословиц и поговорок в афоризмах необходимо решить вопрос о соотношении афоризмов, пословиц и поговорок. Несомненно, афоризмы имеют некоторые общие черты с пословицами, поговорками, крылатыми выражениями, каламбурами, эпиграммами и пр. Афоризмы, как и пословицы и поговорки, вторгаются во все области человеческого бытия, поэтому не удивительно, что в истории лексикографии довольно часто в сборники афоризмов включались пословицы и поговорки. Так, на рубеже XIX-XX вв. в словарях Максимова С.В. «Крылатые слова» (1890) (Максимов 1989) и Михельсона М.И. «Ходячие и меткие слова» (1892) (Михельсон 1994) содержатся не только крылатые выражения в современном понимании этого термина, в них толкуются заимствованные слова, приводится ряд изречений известных писателей и политических деятелей, а также пословицы и поговорки.

В середине XX века и на рубеже XX-XXI вв. в «Энциклопедии афоризмов» Э. Борохова (Борохов 1999) находим такие пословицы:

Позор длиннее жизни (арабская пословица)

Поклониться – голова не отвалится (русская пословица)

Следя за чужими манерами, исправляй свои (японская пословица)

Слишком много поваров портят суп (английская пословица) и пр.

В книге «Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах» также представлено множество пословиц. Например:

Где правда – там и счастье.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Счастью не верь, а беды не пугайся.

Худой мир лучше доброй ссоры.

Во многочисленных словарях под редакцией В.М. Мокиенко пословицы и поговорки включаются в словник наряду с фразеологическими единицами, а часто и с афоризмами и даже антиафоризмами.

Подобных примеров сборников можно привести множество. Мы полагаем, что пословицы и поговорки сближаются с афоризмами с точки зрения их фразеологической природы, с точки зрения отражения менталитета народа, своеобразной нравственно-практической философии. Пословицы и поговорки русского народа описывают практически все случаи и факты человеческой жизни, учат правильной линии поведения. Они представляют собой выводы, к которым пришёл народ на основании богатого опыта.

Однако при внешнем сходстве пословицы и поговорки имеют достаточно много отличий от афоризмов.

Пословицы и поговорки тесно связаны с речевой ситуацией, являются некоторыми языковыми штампами, которые говорящий использует в той или иной подходящей ситуации. Пословицы и поговорки обычно являются только частью суждения, и их используют не столько как подтверждение своих собственных мыслей коллективным народным опытом, сколько в качестве некоторой аналогии.

Например: Как Бог на сердце положит.

Голова хвоста не ждёт.

Укорный кусок в горло нейдёт.

Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат.

Где выросла сосна, там они и красна.

Афоризмы не могут являться языковыми штампами уже потому, что многие из них малоизвестны широкому кругу носителей языка. Хотя бесспорно то, что афоризмы часто используют в подходящей ситуации, чтобы подкрепить мудрым изречением известного, выдающегося человека свои собственные мысли. В афоризме представлена не часть суждения, а все суждение полностью. Кроме того, афоризм по структуре представляет собой, чаще всего, несколько предложений или сложное предложение или простое осложненное предложение.

Удивительная штука жизнь! Она вечна и неистребима... Она сильнее павших, сильнее умерших, сильнее войны (С.А. Баруздин)

Только труд может сделать человека счастливым, приводя его душу в ясность, гармонию и довольство самим собою (В.Г. Белинский)

Существенным различием пословиц, поговорок и афоризмов является отношение к такому важнейшему фразеологическому признаку, как воспроизводимость. Большая часть пословиц русского языка широко известна его носителям. Пословицы и поговорки воспроизводятся полностью (часто в форме разнообразных вариантов), отличаются высокой частотой употребления. Практически все носители языка хотя бы несколько раз в жизни употребляют такие пословицы и поговорки как:

Любишь кататься – люби и саночки возить.

Без труда – не вытащишь рыбку из пруда.

Повторенье – мать ученья.

Ученье – свет, а неученье – тьма и пр.

Афоризмы также воспроизводимы, но воспроизводимы узким кругом носителей языка, так как афоризмы не являются широко известными. Афоризмы часто используют люди, выступающие публично, они стремятся найти малоизвестное, оригинальное и убедительное изречение для подтверждения своих слов и для украшения речи. Так, например, известный телеведущий Владимир Познер практически всегда заканчивает передачу «Времена» каким-либо изречением или на основе изречения строит своё суждение.

В последнее время интерес к афористике постоянно возрастает, поэтому наблюдается тенденция к более активному употреблению афоризмов в речи. Причина этого явления, помимо всего прочего, в том, что средства массовой информации с удовольствием воспроизводят шуточные, иронические афоризмы, которые быстро становятся достоянием широкого круга носителей языка. Так, на радиостанции «Русское радио» используется интересный прием для того, чтобы люди до конца прослушивали блок рекламных объявлений. В конце блока рекламы популярный ведущий Николай Фоменко произносит шуточный афоризм. Эти афоризмы очень быстро становятся широко известными, массово воспроизводимыми «крылатыми выражениями», впрочем, они и быстро забываются, чего не происходит с пословицами и поговорками. Для повышения интереса к этим афоризмам придумываются игры с денежными призами.

Пословицы и поговорки отражают множество жизненных ситуаций. Одна и та же пословица или поговорка может быть употребима в разнообразных случаях. В этом проявляется многозначность пословиц и поговорок. Так, например, поговорка «За вами примечай» зафиксирована в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа». Глагол в этой пословице многозначен. Многозначность его позволяет А.С. Грибоедову в комедии «Горе от ума» вложить эту поговорку в уста Фамусова в действии I явлении 2 при разговоре с Лизой в тот момент, когда Лиза заводит бой часов, чтобы привлечь внимание влюбленной Софьи.

Фамусов: *Вот то-то невзначай, за вами примечай;*

Так верно с умыслом.

В данном случае поговорка употреблена для шуточного начала разговора барины, заигрывающего со служанкой. В любом другом случае эта поговорка может быть употреблена как напоминание о том, что кто-либо кому-либо не доверяет и поэтому следит за его поступками. Возможен, например, такой контекст: «За вами примечать нужно, как бы чего не стащили».

Афоризмы не могут употребляться многозначно (за редким исключением). В этом также заключается существенное различие пословиц, поговорок и афоризмов.

О переносном значении компонентов афоризмов писал Г.Л. Пермяков в работе «Основы структурной паремиологии», он указывал, что «и у пословицы, и у афоризма могут быть частично прямые, а частично переносные компоненты. Однако афоризм допускает при этом прямое толкование текста, а пословица не допускает. С другой стороны, пословица требует обязательной метафоричности общего смысла, а афоризм не требует» (Пермяков 1988, 46-47).

Ещё одним фактом, свидетельствующим о принципиальных различиях между афоризмами, пословицами и поговорками, является вопрос об их происхождении. Афоризм всегда создаётся конкретным человеком.

Зная автора афоризма, можно определить историческую эпоху, способствовавшую его появлению, а также составить некоторое впечатление о мировоззрении автора. Совершенно естественно, что афоризм, созданный несколько столетий назад, остаётся неизменным. У пословиц и поговорок их коллективным создателем, как принято считать, является народ. Именно поэтому пословицы и поговорки столетиями хранятся в народной памяти и активно употребляются в речи. В пословицах и поговорках активно происходят процессы устаревания и обновления, как их лексического состава, так и востребованной тематики. В афоризмах невозможны подобные процессы.

Весьма существенным различием пословиц, поговорок и афоризмов является бытование первых только в прозаической форме. В пословицах наблюдается стремление к ритму, часто две части пословицы рифмуются, однако это не поэтические строфы. Афоризмы же могут быть как прозаическими, так и поэтическими. Поэтические афоризмы более экспрессивны, более эмоциональны, отличаются бóльшим индивидуализмом.

По нашим наблюдениям, в афоризмах пословицы и поговорки сознательно используются авторами в нескольких аспектах:

1. Со стилистическим заданием, когда афоризмы имитируют строй народно-поэтической речи или когда необходимо привлечь внимание адресата формой афоризма, соотносящейся с формой паремий. Фольклорная форма актуализирует восприятие текста.

В России революция – дрогнула мати сыра земля, замутился белый свет (Артём Весёлый)

Пути-дороженьки расейские, ни конца вам нет, ни краю... Ходить не исходить, радоваться, не нарадоваться. Заворожили вы... (Артём Весёлый)

Зачастую этот приём осознанно или нет используют авторы так называемых «народных» афоризмов. В настоящее время бытует распространенное мнение, что афоризмы должны быть непременно комическими, ироническими и разговорными. Эта тенденция сформирована средствами массовой информации. В лингвистической теории афоризмов такие признаки не являются обязательными для изречений. В разнообразных словарях есть афоризмы шутливого и шутливо-иронического характера, но их немного.

Природе комического в афористике посвящена работа Т.И. Дамм «Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвистический аспект)» (Дамм 2003), в которой подробно исследуются комические афоризмы в СМИ.

В современных электронных средствах массовой информации, в Интернете афоризмы и афористика пользуются огромной популярностью. Многие авторы афоризмов создают специальные сайты, на которых публикуют подборки своих обособленных афоризмов. Афоризмы,

представленные на этих сайтах, гораздо более стилистически разноплановы, чем афоризмы, напечатанные в различных афористических книгах. Эти афоризмы ироничны и комичны. Ирония и шутливость создаётся за счёт привлечения разговорно-бытовой и даже просторечной лексики.

Заметим, что ирония и юмор афористики роднят её с народной фразеологией. «Фразеологические единицы в речи не только содержат экспрессивно-оценочную характеристику лиц, предметов, процессов, но и являются средством эмоционального воздействия на слушателя, собеседника. Поэтому в народной фразеологии часто отражается насмешливое, ироническое отношение к обозначаемому, нарочитая гиперболизация отдельных признаков создаёт комический эффект» (Ивашко 2005, 80).

Приведём примеры ироничных «народных» афоризмов:

Если бы ты выбирал между женой и супермоделью, то какую бы ты выбрал супермодель?

Сколько водки не бери, все равно второй раз бегать.

Кто первым встал, того и тапки.

Когда кончается водка, закуска становится просто едой.

Где наша не пропадала?! Наша пропадала везде.

Душа просит шампанского и ананасов, а тело – водки и огурца.

2. Со стилистическим заданием для создания особой экспрессии. Эмоциональный эффект создается здесь благодаря использованию стилистически маркированных, оценочных, образных средств, в том числе и пословиц, и поговорок. Эмоциональный эффект усиливается за счет переосмысления пословиц и поговорок. При усилении эмоционально-оценочного потенциала создается даже некоторая интертекстуальность.

Идиоты не переводятся – они совершенствуются (А.В. Вампилов).

3. Для актуализации коммуникативно-значимых элементов, точнее, ключевых слов в составе афоризмов;

Только ведь *золото*-то человеку, как мухе патока. Сколь ни гинут, а пуще лезут (П.П. Бажов).

Суров и горек тяжкий хлеб изгнанья (В.К. Кюхельбекер).

Против меня глупцы! – так что ж?

Да за меня их тупость (П.А. Вяземский).

В целом нужно отметить, что пословицы и поговорки в семантическом, структурном плане отличаются от афоризмов. Афоризмы вполне могут использовать пословицы и поговорки, включать их в себя как прямо, так и косвенно, используя или основную мысль, или паремиологическую форму.

Глава IV

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ И ФОЛЬКЛОР

Мария Львовна Ковшова, Ин-т языкознания РАН, Москва, Россия
kovshova_maria@list.ru

Традиционные смыслы и сквозные образы в паремиях и идиомах (на материале русских единиц с костюмными компонентами)²¹

Предметом лингвокультурологического исследования является ранний культурно-смысловой «слой» в семантике знаков фольклора и фразеологии, образный и структурный язык которых неслучайно обнаруживает много сходного. В ходе исследования референции паремий и идиом к предметной области традиционной культуры – её архетипам, мифологемам, символам, стереотипам, кодам и т.п. – выявляются особые компоненты семантики паремий и идиом, понимаемые как смыслы традиционной культуры, или традиционные смыслы. Анализ проводится на русском материале с костюмными компонентами в пространстве костюмного кода культуры.

Язык зарождается в культуре, растёт и развивается в обществе, в культурной среде; семантика языковых единиц не может не быть связана с многомерной семантикой культуры, в которую язык включен и с которой он взаимодействует. Фразеология во многом соединена с традиционной культурой – её символами, стереотипами, мифологемами, прескрипциями, запечатленными в образе жизни народа, в фольклоре, обрядах, ритуалах, обычаях. Концепция исторической поэтики (Веселовский 1989), формалистический метод (Пропп 2001), функционально-структуральная концепция (Богатырев 2006; Сорокина 2006), концепция традиционных формул и эстетики канона (Мальцев 1981), концепция устойчивых структурно-семантических и образных моделей во фразеологии (Мокиенко 1980), концепция паремиологического дискурса (Пермяков, 1975; Фаттахова–Кулькова 2013), культурно-семиологическая концепция в паремиологии (Левин 1978; Топоров 1994; Николаева 2013), лингвокультурологический метод во фразеологии (Телия 2004), – эти и другие научные разработки являются теоретической основой исследования фразеологии и фольклора. Лингвокультурологический ракурс, взятый в

²¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

настоящей статье, отвечает синкретичному характеру традиционной культуры, семантическая сущность которой разными способами объективируется в фольклоре и в языке, в том числе в таких словесных знаках, как паремии и идиомы. Паремии и идиомы имеют особые смысловые связи, указывающие на их генетическую близость и существенные для понимания русской традиционной культуры и русской ментальности, в целом.

Лингвокультурологический подход позволяет обнаружить в семантике паремий и идиом некую образно-смысловую «матрицу», относящуюся к становлению этнокультурной формации; по нашей гипотезе, смыслы, сформированные в традиционной культуре, хранятся в семантике паремий и идиом и транслируются в речи. При анализе паремий как данности фольклора и идиом как данности языка непросто «снять» их более ранний смысловой «слой»: в ходе развития паремий и идиом в их семантике образовались различные напластования, обусловленные культурно-временной, жанровой и знаковой спецификой; паремии и идиомы не сводятся к одному семантическому «знаменателю». Тем не менее, семантика паремий и идиом включает в себе особый компонент – традиционные смыслы, из которых исходит и с которыми соотносится актуальное значение словесных знаков, их семантические и формальные инновации. Лингвокультурологический анализ дает возможность выявить то, что «спрятано» в самой глубине семантики паремий и идиом, обнаружить некий «культурный нексус» (Степанов – Проскурин 1993, 102-103), на котором основана семантика данных знаков. Первооснова этнокультуры – это традиционные смыслы, которые не дают ей распасться; они обеспечивают преемственность и целостность народного мировидения и мировоззрения, сохраняют категориальный признак народной культуры – *традиционность*. Под **традиционными смыслами** в лингвокультурологическом исследовании понимается некая сумма содержательных признаков, которые в семантике словесных знаков составляют более ранний культурно-смысловой «слой», связывающий семантику словесных знаков с семантикой традиционной культуры. Традиционные смыслы входят тонким «слоем» в семантику паремий и идиом, привнося в значение знака суть того ценностно-смыслового содержания, которое создано в народной культуре и утверждено традицией. Лингвокультурологический анализ обнаруживает традиционные смыслы с помощью метода глубокой интроспекции в ходе референции словесных знаков к предметной области культуры – её архетипам, мифологемам, символам, стереотипам, кодам, в том числе кодам, в том числе кодам.

Костюмный код занимает значимое место в становлении и развитии этнокультурной формации, в жизни общества и каждого отдельного человека. Одежда и костюм (окультуренный выбор одежды) относятся к тем универсальным реалиям, которые преодолевают своё прямое назначение и получают осмысление в различных духовных областях –

истории, религии, философии, искусстве, фольклоре, художественной литературе, естественном языке (Ковшова 2015). Костюмный предмет изначально является социальным феноменом и потому никогда не бывает «чистой вещью»: он всегда «одновременно и вещь, и знак» (Богатырев 2006, 44). Языковые знаки с костюмными образами подчеркнута антропоцентричны; описание мира антропоморфно; в поговорках и идиомах костюмные компоненты обычно находятся в структурной позиции «выдвижения», именной или предикативной, и фокусируют собой смысловой центр. В пословицах и поговорках кодирование семантики традиционной культуры, её смыслов носит характер нравоучения; в идиомах – закрепляется в оценочном компоненте значения языковых знаков, в загадках – наиболее тонко входит в основание самого механизма иносказания. Так, в образной семантике пословицы *Чужая шуба не одёжа, чужой муж не надёжа* (Мокиенко – Никитина – Николаева 2010, 1004) эксплицируется характерный для традиционной культуры смысл *своего* как подлинной ценности и *чужого* как ценности мнимой. В загадке *Шуба новá, на подоле дыра* (Загадки народов России 1999, 16, № 138) образ нарушения целостности предмета противоречит стереотипным представлениям о том, какой должна быть новая одежда. Данный образ используется для загадывания природного объекта, нарушение целостности которого настолько значимо, что служит его отличительным признаком среди других объектов и явлений. Традиционный смысл целостности как неотъемлемого признака всего нового является той первоосновой, из которой произрастает значение данной загадки про лёд и прорубь. В образной семантике идиомы *не каблук оторвался* ‘о разрушении семьи, брака’ содержится особый компонент – традиционный смысл целостности как нормы всего существующего, и уже на этот смысл «наслаивается» представление о ценностной иерархии – значимости целостности семьи в сравнении со значимостью целостности одежды.

Рассмотрим подробнее то, как те или иные традиционные смыслы, сформированные в народной культуре, извлеченные из опыта в самых разных ситуациях и необходимые для хранения традиций, кодируются в образной семантике поговорок и идиом. Так, в загадках с костюмными компонентами кодируется традиционный смысл закономерности изменений всего существующего в мире; отсутствие изменений, однообразие входит в противоречие с традиционным смыслом, трактуется как нарушение нормы и фиксируется в образной семантике загадок для описания редких в природе денотатов, маркируемых по данному признаку. Например, в загадках о природных явлениях традиционный смысл естественности, закономерности кодируется в образе изменения (переодевания) одежды, выбора костюма, утраты одежды. В основе описания внешних признаков загаданного денотата лежит представление о цикличности изменений в природе, которая уподоблена цикличности переодевания; формула обновления объединяет мир природы и

«костюмный мир» человека. Ср.: *Кто в году четыре раза переодевается?* (земля) (Загадки народов России 1999, 12, № 64); *Матушкой-весной в платице цветном, матушкой-зимой в саване одном* (поле) (Загадки народов России 1999, 78, №148); *Матушкой весной в цветном платице, мачехой зимой в одном саване* (черёмуха) (Даль 1957, 955). В современной загадке мотив переодевания трансформируется в мотив выбора модной одежды, ср.: *Эта модница лесная часто свой наряд меняет: в шубке белой зимой, вся в серёжках весной, сарафан зелёный летом, в день осенний в плащ одета. Если ветер налетит – золотистый плащ шуришит* (берёза) (<http://riddle-middle.ru/zagadki/14>). Архаичная смысловая основа в загадках выявляется в ходе референции образов к предметной области традиционной культуры – мифологемам «мать», «мачеха», «зима», «весна» и архетипическим оппозициям «жизнь/смерть», «начало/конец». Цветовая символика, обусловленная онтологией природных явлений, в образах загадки выражает противопоставление цветного бесцветному; цветовые образы переосмысливаются в понятиях жизненного, активного, и безжизненного, спокойного. Смена одежды издревле означала смену фаз в жизненном цикле; в мифах разных народов «богатое платье облекает героев в их обновлении, а бедное – в загробной фазе» (Фрейденоберг 1997, 220). Ср.: *Не хилела, не болела, а саван надела* (земля под снегом) (Загадки народов России 1999, 12, № 70). Архетипическая оппозиция «жизнь/смерть» лежит также в основе мотивов одевания и раздевания; ср.: *Зимой раздевается, летом одевается* (лиственное дерево) (Загадки народов России 1999, 72, № 41). Образ отсутствия одежды, «обнажения» природных объектов в зимний период представлен в многочисленных вариантах; ср.: *Летом шубу надевает, а зимой её снимает* (лиственное дерево) (Загадки народов России 1999, 72, № 37); *Летом в шубе, а зимой голо* (лиственное дерево) (Загадки народов России 1999, 72, № 38); *В шубе – летом, а зимой – раздетым* (лиственное дерево) (Загадки народов России 1999, 72, № 39). В загадках по-разному обыгрывается данный мотив утраты одежды; ср.: *Платье потерялось, а пуговицы к зиме остались* (рябина) (Загадки народов России 1999, 78, № 164). В семантике отдельных загадок с помощью оценочной лексики могут появляться не свойственные данному виду паремий оценочность и эмотивность; ср.: *Его весной и летом все видели одетым. А осенью с бедняжки сорвали все рубашки* (лес) (<http://riddle-middle.ru/zagadki/53>).

В русской природе у очень редких видов деревьев цвет хвои остается неизменным во все времена года; внешнего обновления не происходит; данный признак является маркером загаданных денотатов – ели и сосны. В загадках о сосне и ели, кроме того, закодирован традиционный смысл закономерности изменений всего существующего; на своем образном языке загадка указывает на отступление от усмотренного в природе порядка. Ср.: *Зимой и летом одним цветом* (сосна, ель) (Загадки народов России 1999, 73, № 45); *Что летом и зимой в рубахе одной?* (ель, сосна)

(Загадки народов России, 1999: 73, №44); *Что за дерево: и зиму, и лето зелено?* (ель, сосна) (Загадки народов России 1999, 73, № 43). Однообразие во все времена года противоречит законам природы и сформированному под влиянием наблюдений над природой традиционному смыслу обновления. Данное противоречие удивляет; ср.: *Чудное дерево! И зимой, и летом зелено, высоко торчит, далеко глядит, весной цветёт, летом плод даёт, осенью не увядает, зимой не умирает* (ель, сосна) (Загадки народов России 1999, 73, №42). Данное противоречие концептуализируется в мотиве нарушения приказа, который «отдаёт» природа; все «слушаются» этого приказа, и только сосна и ель его «не исполняют». Ср.: *Все паны скинули кафтаны (жупаны), один пан не скинул кафтан* (ель, сосна) (Даль 1957, 955); *Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан* (сосна) (Даль 1957, 955).

Традиционный смысл необходимости обновления поворачивается разными гранями в «отзагадочных» пословицах, поговорках, идиомах – знаках, которые не только дескриптивны, но имплицитно императивны, назидательны, эмотивно-оценочны. Загадка зачастую развивается в сторону поговорок и идиом (Ковшова 2016); так, загадка о сосне и ели способна к расширению денотативной валентности, особенно в шуточных целях; ср.: «– Значит так, – говорит директор, – что это такое: *зимой и летом одним цветом?* <...> – это вы, товарищ директор» (Аркадий Хайт. Из сборников прошлых лет (1960-1990))²². Широкая денотативная валентность отвечает игровому характеру загадки и способствует её знаковой трансформации, главным образом, в газетной публицистике. Ср.: «Откуда цифры? Почему «*зимой и летом – одним цветом?*»? Придумывание же всяких исключений для пенсионеров/непенсионеров якобы для облегчения их участи на практике лишь породит соблазны для всевозможных махинаций, а в ответ – для ужесточения мер учета и контроля, что также будет сделано за наши же деньги» (Георгий БОВТ. Электричество – по карточкам // Комсомольская правда, 2013.08.27). Новый смысл бывшей загадки в публицистическом тексте обычно контекстно зависим, т.е. выводится из контекста; ср.: «Если этикетка содержит реальные сведения о качестве молока, у потребителя есть выбор, если же производитель печатает этикетки миллионными тиражами, а потом "бодяжит" в пакеты неизвестно что (*зимой и летом – одним цветом!*)» (Сергей Алексеев. Молоко в Москве: летом – 'живое', зимой – восстановленное! // Известия, 2006.12.13). Перечисленные признаки характерны для бытования уже не загадок – перед нами поговорки и пословицы; в тексте они зачастую сопровождаются метаречевыми заставками, кванторами всеобщности: *говорят, как говорится*. Ср.: «А ещё говорят, *зимой и летом одним цветом!*» (Наталья Тубольцева. Песня

²² Здесь и далее цитирование примеров из публицистических текстов даётся по НКРЯ.

рвется из груди, а бюст Славы – из платья // Комсомольская правда, 2013.02.27).

Пословицы и поговорки – логически законченные тексты традиционной культуры с нравоучительным, философским и бытовым содержанием; в отличие от них, идиома – «строевая» единица языка, которую зачастую можно заменить эквивалентным по значению словом, выражающим основное значение. Например: *зимой и летом одним цветом* – *однообразно; одинаково*. Став идиомой, выражение *зимой и летом одним цветом* утрачивает интеллектуально-игровую сложность загадки, у неё отсутствует назидательность пословицы и широкая денотативная валентность поговорки. Идиома *зимой и летом одним цветом* теряет характерные для паремий синтаксическую самостоятельность и предикативную цельность, перестает быть контекстно зависимой, но зато и семантика данного языкового знака сужается, становится более определённой. Идиома указывает прежде всего на внешний вид человека. Ср.: «Ходил *зимой и летом одним цветом*: одежонка сермяжных сукон» (Б. В. Шергин. Изящные мастера (1930-1960)); «<...> бабка – вечная дежурная по дворовой скамейке, *зимой и летом одним цветом*» (Дарья Симонова. Первый (2002)). Вершинным компонентом в семантической структуре идиом является оценочность; происходящее осмысливается в ценностных категориях; однообразие, прежде всего в одежде, противоречит традиционному смыслу культуры, формирующему установку на изменение и обновление.

В образе загадки *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие в мире природы только констатируется. В «публицистических» пословицах и поговорках выражение *зимой и летом одним цветом* имплицитно содержит нравоучение и предупреждение, апеллирующее к знаниям о законах природы. В идиоме *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие перенесено на мир человека; идиома, в силу знаковой специфики, не только характеризует, но и дает оценку внешнему виду человека, а также его образу жизни, характеру, привычкам. Тем самым. в образе идиомы «установка» природы на разнообразие, получившая свое отражение в загадках о природных объектах, переосмысливается в эстетических и идейно-духовных категориях, важных для описания мира человека, закрепляется в оценочном компоненте, выражая устойчиво негативное отношение ко всему однообразному. Ср., например: «Вот только захотят ли их дочки 11 лет быть в школе “*зимой и летом одним цветом*”?» (Елена ВАВИЛОВА. В Татарстане учеников переодели в советскую форму // Комсомольская правда, 2010.08.31).

Важным указанием на существование традиционных смыслов как смысловой первоосновы в семантике паремий и идиом является такое проявление их содержательного и формального сходства, как наличие в них сквозных образов (Ковшова 2016). Сквозные образы представляются

нам важными кодовыми словами, которыми традиционная культура маркирует свои смыслы и осуществляет их незаметное, исподволь, воздействие на сознание.

Так, поговорка *Афанасьи беспоясны (кто опояски при рубахе не носит)* (Даль 1957, 586) выражает идею нарушения норм, правил в одежде и содержит порицание по отношению к тем, кто не следует обычаям. Данное порицание формируется в результате референции поговорки к предметной области культуры, к истории костюма, его символической значимости в народной жизни. Пояс обеспечивает защиту тела от холода, поддерживает одежду, которая укрывает тело, опоясывание одежды завершает одевание; развязывание пояса ведет к раздеванию, обнажению тела. Согласно обычаям, находиться без пояса на народе считалось крайне неприличным. Распоясать человека насильно означало обесчестить его. Насильственное лишение пояса – разрушение защиты человека, преодоление границы между телесной сферой человека и окружающим миром, знак грубого физического воздействия (Лебедева 1989). Кроме того, на объективные характеристики пояса в традиционной культуре наслаиваются мифологические воззрения; с помощью мифологических «страшилок» поддерживается нормативность в костюмной сфере. В мифологических жанрах фольклора – волшебных сказках, мифологических рассказах, поверьях и т.п. – бытуют античеловеческие образы беспоясых существ. Так, согласно поверьям, одежду без пояса носят демоны, *косматые, волосатые и беспоясые* (Славянская мифология 2011, 280). Образ без пояса был одним из основных признаков inferнальности; по одежде без пояса можно опознать ведьм, вурдалаков и т.п.; ср.: *Все идут косматые, волосатые и беспоясые. <...> – «А куда вы пошли?» – «А пошли мы людей губить, костей ломать и сыру землю глотать»* (Русские заговоры и заклинания 1998, 274). В поговорке *Афанасьи беспоясны* образ человека в одежде без пояса, возможно, уже не воспринимается в суеверном ключе. Тем не менее, образ «беспоясного» (который содержит качественную характеристику, в отличие от «беспоясого») в данной поговорке используется для описания нарушения обычаев, норм, правил, т.е. семантика «беспоясного» переходит в этическую сферу; ср. также: *распоясаться* ‘о неприличном, грубом поведении’.

В идиомах с образами человека беспоясого и беспоясного семантика развивается в смежных сферах этики и эстетики; ср.: *Афанасий беспоясый* ‘неряшливый человек’; *Татарин беспоясный* ‘неопрятный, неаккуратный, небрежный человек’ (Алексеев – Белоусова – Литвинникова 2004, 58; 61). В последнем выражении прямо обозначен образ *чужого*, который не знает обычаев, не соблюдает нормативных требований. Важно подчеркнуть, что в образе подпоясанной одежды как знаке костюмной традиции культура кодирует более общий смысл – значимость следования традициям во всех сферах жизни.

В загадках со сходным образом, как правило, все подпоясаны, одобрение или неодобрение данному явлению как будто не выражается. Тем не менее стереотипные представления об устройстве костюма, о том, что верхняя одежда должна быть подпоясана, остаются исходными координатами в построении многочисленных загадок. Ср.: *Маленький Афанасий травкой подпоясан* (сноп) (Даль 1957, 962); *Тысяча братьев одним кушаком подпоясаны* (сноп) (Загадки народов России 1999, 53, №112); *Весь мир подпоясан, один староста распоясан* (снопы и овин) (Даль 1957, 600); *Маленький Ерофейка подпоясан коротенько, по полу скок-скок, под лавкой скок-скок и сел в уголок* (веник) (Загадки народов России 1999, 48, № 9); *Четыре брата одним кушаком подпоясаны, под одной крышей стоят* (стол) (Загадки народов России 1999, 61, № 17); *Сто один брат, все в один ряд, одним кушаком подпоясаны* (изгородь) (Русский фольклор 1986, 45); *Стоит толстуха – деревянное брюхо, железный пояс* (бочка) (Загадки народов России 1999, 38, № 2); *Сам я дубовый, а пояс мой – ивовый* (бочонок) (Загадки народов России 1999, 38, № 5); *Мужик стоит, шесть поясов на нём* (бочонок) (Загадки народов России 1999, 38, № 4); *Стоит попадьё тремя поясами подпоясана* (кадка) (Загадки народов России 1999, 39, № 20).

Тем самым традиционный смысл значимости сохранения принятых в своей культуре обычаев кодируется в мотиве подпоясанной одежды и сохраняется в образах паремий и идиом. Заметим также, что пояс – многомерный предмет в костюмном коде культуры; семантика паремий и идиом с компонентом *пояс* может быть добавлена символическим, эталонным, мифологическим прочтением. Однако важным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что любые прочтения образа пояса в паремиях и идиомах, любые коннотации «наслаиваются» на тот более тонкий «слой» в семантике паремий и идиом, о котором идет речь в данной статье, – на традиционные смыслы. В паремиях и идиомах закодирован глубинный, не всегда выходящий в семантический «фокус» смысл – значимость приверженности и следования традициям своей культуры. Данный смысл явлен в образном «решении» паремий и идиом – подпоясан или не подпоясан описываемый в них денотат.

Быть подпоясанным – отвечать требованиям культуры, и не только в костюмной сфере; быть беспоясым, беспоясным – вступать в противоречие с культурой. Быть подпоясанным правильно при любых семантических инновациях; быть беспоясым, беспоясным всегда неправильно. Ср.: *Беспоясному за пояс не положишь* (Мокиенко – Никитина – Николаева 2010, 710), *Бедному одеться – только подпоясаться* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 46), *Идёт мужик: дубинкой подпоясан, котомкой подпирается* (молва, слава)²³. Образ подпоясанного дубинкой в загадке онтологически абсурден, как бывает абсурдна, нелепа и несправед-

²³ http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90.

лива слава, молва – загаданный денотат. Интересно при этом, что русское сознание в окружающем мире всё видит подпоясанным, даже если для этого в качестве пояса используется абсурдная дубинка. Так или иначе, традиционный смысл кодируется в образах подпоясанных денотатов; по данным паремий и идиом с образом пояса соблюдение обычаев и хранение традиций есть смысловая «точка» русского мировоззрения. Несмотря на современную свободу в костюмной сфере, на открытость в современном обществе чужому и иному, в русских паремиях и идиомах правильный мир по-прежнему предстаёт *подпоясанным*. Пока жив всегда позитивный образ подпоясанной одежды и негативный образ беспоясного (беспоясого), жив и традиционный смысл значимости обычаев своей культуры; паремии и идиомы цепко держат его в своей глубинной семантике, не отпускают. Тем самым, для русской ментальности важной константой является верность своим традициям, консервативность, неприятие того, что нарушает традиции, и не только в костюмной сфере. Костюмные образы в паремиях и идиомах тонко, незаметно, но постоянно кодируют и воспроизводят в речи традиционный смысл верности традициям как константы этнической ментальности. Возникающие время от времени формальные и смысловые инновации в семантике паремий и идиом отталкиваются от того, что «весь мир подпоясан». Ср., например, *ломом подпоясанный* (жарг.): «1. Мужик-кремень, крутой, волевой и сильный человек; 2. Преступник, не принадлежащий ни к "черной", ни к "красной" масти в зоне. Он не "гнется" ни перед кем. Имеет свое мнение, живёт по своим принципам, которые для него святы. Его не "сломить" – он "ломом подпоясанный"!» (<https://otvet.mail.ru/question/52007906>). При восприятии этого образа и его интерпретации в костюмном коде культуры также возникают коннотации с поясом как знаком мастерства в спортивной борьбе и т.п. Для русского сознания сильный человек может быть только подпоясанным (тем более, ломом); образ беспоясого, беспоясного не может быть использован для описания человека, контролирующего свои и чужие действия: распоясаться – потерять контроль над собой. Лингвокультурологический анализ сквозных образов, тем самым, выявляет самый тонкий, «ранний» слой в семантике единиц, имеющих самые разные значения, слой, объединяющий семантику паремий и идиом с семантикой традиционной культуры.

Слово в фольклоре и – добавим – в идиомах не столько сигнификативно, сколько онтично (онтологично) (Мальцев 1981, 19-23). Действительно, так ли важны те или иные определённые костюмные компоненты в семантике пословиц, поговорок, идиом, если широка вариативность этих компонентов, к тому же не ограниченная исключительно костюмной сферой? Ср., например, варианты в загадках: *Четыре сестрицы под одной шляпой живут* (стол) (Загадки народов России 1999, 61, №19); *Четыре сестрицы под одной фатицей* (фатой; стол) (Загадки народов России 1999, 61, №13); *Под одной шляпой четыре брата стоят* (стол) (Загадки народов

России 1999, 61, №12); *Четыре брата одним кушаком подпоясаны, под одной крышей стоят* (стол) (Загадки народов России 1999, 61, № 17). Ср. также: *Маленький мальчишка в сером зипунишке по дворам шныряет, крохи собирает, в поле ночует, коноплю ворует* (воробей) (Загадки народов России 1999, 82-83, № 18); *Маленький мальчишка в сером армячишке по дворам шныряет, крохи собирает, в поле ночует – коноплю ворует* (воробей) (Русский фольклор 1986, 45). Ср. варианты компонентов в пословицах: *Хоть шуба и сера, да воля своя* (Мокиенко – Никитина – Николаева 2010, 1004); *Свитка сера, да воля своя* (Даль 1957, 842). Также наблюдаются варианты компонентов в идиомах; ср., например: *под башмаком/под каблуком быть, находиться* ‘в полной зависимости’ (Мелерович, Мокиенко 2001, 63; БФСРЯ 2017, 533). Создается впечатление, что костюмные компоненты в паремиях и идиомах не так значимы, как модель и пропозиция, т.е. их семантический инвариант; ср.: *Хоть телешом, да в шапке* (Даль 1957, 568); *Хоть без штанов, да в позументах* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 1003). Более того, простое перечисление лексических компонентов в скобках в словарях и сборниках указывает на факт механического замещения (субституцию) тех или иных компонентов; ср., например: *Кафтан (сапог, лапоть) каши просит* (Даль 1957, 586).

И всё же нельзя не признать, что мир в пословицах, идиомах, загадках изображён с антропологических позиций, отражающих отношение человека к миру, к определённым предметам действительности, составляющим этот мир, отношение, сложившееся в деятельности и закреплённое в сознании человека. Можно ли говорить, несмотря на существующую вариативность, о культурной значимости определённых костюмных компонентов в семантике паремий и идиом, доказать когнитивную релевантность этой культурной значимости для современного сознания? Проведём лингвокультурологический анализ паремий и идиом в их референции к предметной области культуры и проверим, насколько важно, используется в них образ, например, кафтана или образ рубахи и есть ли культурно обусловленные ограничения на взаимозаменяемость этих компонентов. Обратимся к поговорке: *К кафтану совести не пришьёшь* (Даль 1957, 403; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 403). У данной поговорки есть вариант *К шубе совесть не пришьёшь* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 1004). При этом вариант со словом *рубаха*, самым активным в пословицах, ни в одном известном нам источнике не зафиксирован; ср.: ?**К рубахе совесть не пришьёшь*. Образы *рубаха* и *кафтан* обычно не заменяют друг друга, а противопоставляются в тексте пословиц: *Каков кафтан ни близок к телу, а рубашка ближе* (Мокиенко – Никитина – Николаева 2010, 403). Такое противопоставление возникает, прежде всего, на основании онтологии: сначала на тело надевалась рубаха, на рубаху – кафтан. Однако важно то, что нательную рубаху на Руси носили все; кафтан же был видом верхнего

платья, которое носили знатные, обеспеченные люди (Ефимова 1989). В народном сознании кафтан (как и шуба) являлись признаком богатства, достатка, а достаток и, тем более, богатство находятся в сложных взаимоотношениях с совестью, именно поэтому варианты *К кафтану совесть не пришьёшь*, *К шубе совесть не пришьёшь* не вызывают сомнений. В то же время сомнительным представляется вариант **К рубахе совесть не пришьёшь*. Его образованию препятствует существующее в сознании устойчивое стереотипное представление, что в одной рубахе (без кафтана, пиджака, свитера, плаща, пальто, шубы и т.п.) ходят бедные люди. «Человек в рубахе» социально ясен – он не может обмануть, обсчитать другого человека хотя бы потому, что и сам не имеет большого состояния. Кроме того, рубаха, носимая по костюмному порядку всеми, как бы «срастается» с «социальным телом» этноса и потому символизирует еще и нечто, постоянно присущее человеку; становится знаком его естественного состояния. Совесть – также присущее человеку свойство, его конституирующий признак. *Рубаха* и *совесть* – слова не из одной лексико-семантической группы, но в кодах культуры «рубаха» и «совесть» маркируют близкие между собой, мировоззренческие понятия. Тем самым культурный «багаж» определённого костюмного компонента в составе словесных знаков значим, а ограничение на варьирование компонентов носит культурный характер.

Выводы. Костюмные компоненты в паремиях и идиомах являются проводниками традиционных смыслов, которые сформированы в культуре и закреплены в её костюмном коде. Лингвокультурологический анализ позволяет выявить традиционные смыслы, составляющие в совокупности кодекс отношений и ценностей народной культуры; того, чем человек пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности. Кодирование традиционных смыслов в паремиях и идиомах не является случайным; возможно, благодаря данному кодированию паремии и идиомы, эти малые формулы словесности, оказались наиболее «живучими» из всех жанров фольклора, наиболее насыщенными культурной информацией и яркими из всех образных средств языка, наиболее сильными в диалоге с чужим влиянием на этнокультуру. И паремии, и идиомы нужны культуре для кодирования её смысловых «импульсов», которые в семантике паремий и идиом действуют тонко, почти неуловимо, способствуя этим незаметным присутствием сохранению целостности этнокультуры.

Ум в паремийных манифестациях прошлого и современности

Среди представлений о сформировавшемся в русской языковой картине мира образе человека, его достоинствах и недостатках, жизненных установках и правилах поведения важное место занимают стереотипные представления о ментальности, мыслительных стереотипах, а проще говоря – об уме. Важность отношений между ментальным и телесным, релевантность ментальных свойств по отношению к телесному поведению акцентируется как в этнопсихологии, так и в философии (см., например: Дэвид Роб, Джон Хейл). Анализируя строение человека в русской языковой картине мира, А.Д. Шмелев указывает на место «локализации интеллектуальной жизни и памяти человека» – *мозг, голову*, на важность противопоставления *ума (разума) сердцу* – как «главному органу любви» (2002, 34-35).

Апелляция к паремическим единицам (ПЕ) при раскрытии стереотипных представлений, сложившихся у носителей определенных языка и культуры, видится закономерной, во-первых, в силу многочисленности пословиц, во-вторых, – по причине детальности отражения в них актуальных для коллективного носителя языка моделей поведения человека, его ментальных состояний и т.д. В-третьих, ПЕ ценны разнообразием, а нередко и полярностью выражаемого отношения к определенным явлениям окружающего мира и их оценок. Объединение пословиц вокруг ключевого компонента позволяет увидеть направления ассоциативного осмысления определенных свойств и качеств человека.

Одним из наиболее важных культурно значимых концептов русской языковой картины мира является концепт «ум», имеющий отношение как к природным умственным способностям, так и к разумному, продуманному поведению, поступкам и вытекающим из них последствиям и состояниям.

Выражение отношения к чьим-либо умственным способностям осуществляется в ПЕ с использованием разных вербализаторов (ср.: *умник, умишко, умничать, умный, разум, толк, голова, котел* и др.), составляющих концептуальную парадигму (Савенкова 2002, 143), но в данном случае мы ограничились анализом группы ПЕ с компонентом *ум*.

За рядом имён в русском языке закреплены ассоциации, которые находятся вне границ значения лексической единицы, но приписываются ей языковым коллективом (Гудков 2004, 116). В составе ПЕ такие ассоциации обнаруживаются на уровне паремийного бинорма, представленного относительно устойчивой парой компонентов, переходящих из одной единицы в другую и реализующих разные типы семантических отношений.

Связь умственных способностей с достатком и богатством – один из наиболее весомых в паремике векторов осмысления ума. Ум, согласно паремиям, помогает не только обрести богатство, но и сохранить его: *Богатство ум дает (рождает), С богатством ум приходит, Ни коня удержати без узды, ни [велика] богатства без ума.*

Характер взаимосвязи между элементами пары *ум – богатство* варьируется, при этом выявляется относительная ценность того и другого. Ср. представленные в ПЕ идеи «Ум дороже (нужнее) богатства» (*Не оставляй сыну богатства, а вбивай сыну ум; Богатство – грязь, ум – золото*), «Уму недостаточно одного лишь богатства (Умному недостаточно быть богатым)» (*Не насытится око зрением, а ум богатством*), «Стремление к богатству сильнее силы разума» (*Богатство полюбится и ум расступится*), «Богатство без ума бессмысленно (Суть человека в его уме, а не в богатстве)» (*Богатый без ума – что скорлупа без ядра*).

Ассоциация богатства с деньгами порождает иные биномы: *ум – деньги, ум – рубль, ум – грош*, участвующие в реализации различающихся и даже противоположных идей. С одной стороны, «Деньги появляются у умного (благодаря уму)» (*Деньги ум родит*), их наличие есть свидетельство явных умственных способностей субъекта (*Рубль есть – ум есть, нет рубля – нет ума (а два рубля – два ума)*), так же, как отсутствие денег объясняется отсутствием ума: *Ума палата, да денег ни гроша; У кого денег мало, у того ума не бывало*. Ещё более откровенно эта идея звучит в ПЕ *Ума много, да денег нет – вот и дурак*.

С другой стороны, наличие денег возможно и при отсутствии ума: *Умом туп (глуп), а кошель туг*. Несколько нигилистическую идею «При наличии ума деньги излишни» выражает ПЕ *Ум да разум – и денег не надо*, но не наоборот, поскольку ироничное изречение *Для чего нам ум, были б деньги да спесь* осуждает кичащегося своим богатством, отрицая в нём наличие ума.

Можно считать компромиссной идею полезного сочетания ума и денег: *Хороша воля с умом, да с деньгами*. Косвенно на это указывается и в ПЕ, гласящей, что «деятельность, совершаемая бездумно, ведёт к убыткам (*Без ума торговать – только деньги терять*).

«Взвешивание» положенных на чаши весов материального достатка и ума продолжается через семантическую оппозицию *карман – ум, кошель – ум*, использующую метонимическую связь «деньги» – «вместилище»: *Карман встухнет, так и ум раздуется*.

Пословица *Судят не по уму, а по карману* вступает в некоторое противоречие с известной идеей о приоритете умственных способностей по отношению к другим достоинствам человека; ср. *По платью встречают, по уму провожают*.

Недостаток ума, недалёкость вообще чреватой крайней нуждой, нищетой, о чём говорят изречения с распространённым биномом *ум –*

сума, который встречается как в рифмованном и ритмически оформленном варианте, так и с меньшей степенью точности рифмы: *Без ума носить сума*; ирон. *От большого ума досталась сума*; *За скудость ума таскать/искать будет сума*; *Без ума суму таскать, а с умом деньги считать* и др. Этот бином находим и в ПЕ с акцентом на обречённости попыток действовать без применения ума: *Без ума торговать – суму нажить*; *Без ума суму кроить, только кожу травить*.

С другой стороны, крайняя бедность может стать и уделом умного, что, однако, констатируется как некая несообразность: *И с умом, да с пустой сумой, а и без ума, да туга сума. Есть ум, да пустосум; а нет ума, да туга сума*. В последней из пословиц бином представлен дважды: *ум – пустосум, ума – сума*.

Этот редкий по активности паремийный бином участвует в построении пословиц самой разной структуры и семантики. Ср.: *Сума да тюрьма дадут ума*; *От сумы да от тюрьмы не зарекайся*; *Без ума не в пользу и сума*. Образы дырявой сумы, пустой сумы выступают как символ бесполезности, эфемерности в таких ПЕ, как *Счастье без ума – [что] дырявая сума, [что] найдешь, то и потеряешь* (образ дырявой сумы вносит в пословицу элемент ‘утрата’, ‘исчезновение’ → ‘бесполезность’ и участвует в формировании негативно-оценочной семантики целого); *Голова без ума – пустая сума, а и ум без сердца – никуда*.

Таким образом, в паремиях превозносится ум, помогающий обрести и сохранить нажитое богатство и даже заменить его и попросту избежать нищеты. Деньги есть мерило успешности человека и показатель его умственных способностей.

Другой тип устойчивого паремийного бинома – сочетание семантически близких, синонимичных слов. Паремиологическое пространство располагает незначительным количеством подобных биномов – и в этом проявляется его специфика. Интересно в этом плане использование бинома *ум – разум*. Во-первых, это сочетание выступает во фразеологии в качестве единой номинации ментальной деятельности, умственных способностей (*учить уму-разуму*; *набираться ума-разума*; *Девка на ногу ступает, ума-разума пытается*; *Полно пить, пора ум-разум копить*; *За дело побить – уму-разуму учить*; *Ум-разум копится смолоду*).²⁴ Устойчивые репрезентативные пары (*отец-мать, дочери-матери, пивцо-винцо, злато-серебро* и т.д.) в фольклоре относятся к поэтической фразеологии и – шире – к фольклорной традиции (Хроленко

²⁴ Об этом свидетельствуют и такие контексты: «Рассудок – полезная способность *ума-разума* к осмыслению мира в чётких оценках суждения» (В.В. Колесов. *Философия русского слова*); «А так, сидя за компьютером, она *набиралась ума-разума* и даже иногда <...> слушала мастера Амати, особенно когда он сочинял книги по вопросам волшебства» (Л. Петрушевская. *Маленькая волшебница*); «Как раз из-за Нонки Эдуарду и Мише пришлось крепко поговорить с одним пареньком, пришлось вывести его на задний двор и *поучить уму-разуму*» (В. Аксенов. *Пора, мой друг, пора*).

1981, 58-96 и др.). В народной эстетике подобные сочетания (ср.: *беда-напасть, горница-светлица, хлеб-соль*), образуемые не только общеязыковыми синонимами, выражают важные фольклорные смыслы и нередко становятся символами (Никитина 1993, 77-78). Во-вторых, компонент *разум* выступает в ряде ПЕ в качестве субститута компонента *ум*: *Что голова, то ум (разум); Богатство ум (разум) рождает*. В-третьих, в качестве полноценных компонентов *ум* и *разум* «соседствуют» в рамках одной пословицы, формируя структуру ПЕ и вступая в разные виды отношений: *С одного конца хитро, с другого мудреней того, а в середине ум за разум заходит*.

«Ум хорош в сочетании с разумом», – гласит пословица (*Ум да разум – и денег не надо; Смешай Господь ум с разумом*), акцентируя, однако, приоритет разума как практической сметки, трезвости рассудка: *Ум без разума беда*. Разум выступает по отношению к уму как необходимая направляющая или сдерживающая сила: *Ум разумом стоит, без него свалится*.

Для русской паремии достаточно типична логическая структура, содержащая указание на достаточное количество чего-л., обесцениваемое наличием малого, но весьма ощутимого недостатка: *У него ума палата, да не покрыта; У него ума палата, от которой ключ утерян; Ума палата, да разума маловато*. Ср.: *Немногого нет – ума недостаёт*.

Активна в ПЕ антитеза, выявляющая ценность ума на фоне отнюдь не вечной, но часто и бесполезной красоты: *Красота до венца, а ум до конца; Красота приглядится, а ум пригодится; Красота увянет (завянет), а ум не обманет; Не краса красит человека, а ум; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо*.

Коллективный пословичный автор проигрывает излюбленные в данной этнокультуре темы на самом разнообразном предметном материале (Левин 1984, 329). Так, широко представлена в паремике идея «несоответствия имеющегося у человека ума впечатляющей внешности» – росту (*Большой (ослоп) вырос, а ума не вынес; С осину (оглоблю, черта, лешего) вырос, а ума не вынес; Данило с мотовило, а ума ни с шило; Молодец с воз, а ума с накопильник нет*), большому носу (*Нос с локоть, а ума с нготь (с перст, с локток)*); впечатляющей бороде (*Борода с лопату, а ума кот заплакал; Борода что ворота, а ума с прикалиток; Борода велика, а ума ни на лыко*), большой голове (*Голова с пивной котёл, а ума ни ложки*). *Седина* и *лысина* выступают в паремике как символ солидного возраста, контрастирующего с неожиданно малым умом: *И сед, да ума нет; и молод, да водит волость*. Ср. также: *Волосу многонько, а разуму маленько*.

Названная обобщенная идея несоответствия одного параметра другому, формирующего отрицательную оценку, представлена и в ПЕ о привлекательной внешности, контрастирующей со скудостью ума: *Рожей (с рожки) пригож, да умом не гож; Рожею хорош, а умом тетереv;*

Личиком беленок, да умом простенок; Красен, как майский день, а умом пень; Молодец, что орел, а ума что у тетерева (у тетеря); Осанка львиная, да ум куриный.

Логичным и ожидаемым является сопряжение компонентов *ум* и *голова*, связанных отношениями «содержащее – содержимое» и реализующих во многих версиях ПЕ идею бесполезности одного без другого (*Голова без ума пустая сума / шабала / шалуга/ шалыга/ малыга / кочка / фонарь без огня*), что позволяет косвенно реализовать семантику ‘глупый’.

Отсутствие ума как синоним глупости отразилось и в ПЕ с биномом *ум – дурак*: *На час ума не станет (не стало), а на век дураком прослывёшь (в дураки попал); Воровство да разум: на час ума не стало – до веку дураком прослыл; раз украл – по век вором ославился.*

Отрицательное влияние на умственные способности распития хмельных напитков представлено в ПЕ через биномы «хмель – ум», «вино – ум», «пьян(ый) – ум» (ср. *Вино уму не товарищ (не подмога); Хмель входит – ум выходит*).

Отразилась в паремиях и конкуренция *силы* и *ума* – с акцентом на примате ментального над физическим: *Сила хорошо, а ум лучше, а доброе сердце всё покрывает; И сила уму уступает; Сила уму могла; Где сила наверху, там ум подкачал.*

Опуская многие иные связи, обнаруживаемые компонентом *ум* в составе ПЕ, скажем лишь, что достаточно прочные ассоциации, аналогичные приведенным, характерны для 50% всех паремий с биномами, содержащими этот компонент.

Если говорить о современной паремийной картине, выявляемой с помощью Национального корпуса русского языка, то в количественном отношении материал, безусловно, отличается: во-первых, по разнообразию обнаруживаемых ПЕ с интересующим нас компонентом – отчасти это связано с характером цитируемых источников; во-вторых – по разнообразию представленных биномов.

Словарная картина выглядит так: в словарь С.С. Кузьмина и Н.Л. Шадрина (1989) и в словарь М.Ю. Котовой (2000) – на основании опроса, нацеленного на выявление употребительных ПЕ, – включены по 9 ПЕ с компонентом *ум*, а словарь пословиц и поговорок В.П. Жукова (2002) увеличивает список до 23 единиц.

По нашим данным, из многих паремий, оценивающих наличие/отсутствие ума как фактор, определяющий поведение и действия человека, его жизненный успех и проч., в наши дни лишь несколько выражений отличаются завидной употребительностью. Это, во-первых, ПЕ об обманчивости производимого внешнего впечатления и важности умственных способностей: *По платью (одежке) встречают, по уму провожают*. Интересно, что более употребительным, нежели целая паремия, являются отдельные её фрагменты; ср.:

И сколько Клава ни талдычила «по одежке встречают», «реснички хотя бы подкрась», бирюзовая кофта, <...> связанная ею, лежала в низу аккуратной стопки в Дунином шкафу ненадеванная (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003). «Идіота» *приняли «по одежке»*, не захотели пускать его точно так же, как лакей у Епанчиных (Борис Рогинский. Нечто об еже // «Звезда», 2003). Личностные же потребности могут удовлетворяться как за счет результатов хозяйствования, посредством вещных символов успеха («по одежке встречают»), так и, главным образом, реализацией себя в процессе хозяйственной и другой общественно значимой деятельности («... по уму провожают») (Валерий Андреев. Национальные модели экономики (2004) // «Наш современник», 2004.07.15).

Из всех ПЕ, в которых отражаются отношения *силы* и *ума*, современный носитель языка предпочитает выражение *Сила есть – ума не надо*. Ср.: *Сила есть, ума не надо...* Таков девиз узколобых качков (Андрей Измайлов. Трюкач). Однако все бессилие концепции «*сила есть, ума не надо*» наглядно показали и распад Советского Союза, и вторжение в Ирак (С. П. Капица. Парадоксы роста. Законы развития человечества).

Одной из смысловых доминант последних десятилетий стала относительно новая поговорка *Если ты такой умный, то почему [ты] такой бедный*, свидетельствующая об осязаемом изменении шкалы ценностей, об усилении важности достатка и его видимых проявлений. Ср.: Между тем народная музыка даёт универсальное мерило интеллектуальному уровню – с одной стороны, это «*если ты такой умный, то почему такой бедный*», а с другой – «*дурра не дура, но свои пять копеек имею*» (Дмитрий Бавильский, Игорь Манцов. У каждого ума свой телескоп // «Частный корреспондент», 2010).²⁵ Голливуд всё реже и реже удостоивается наград на европейских фестивалях. Тут, конечно, впору задаться сакраментальным вопросом: *если они такие глупые, то почему такие богатые?* Ничего удивительного, уверяю: все кино делается не для тех, кто в детстве хоть раз перелистал «Муму», а для тех, кто думает, что её написал Чехов (Итоги. 9.03.04).

Пословица *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*, говорящая о несдержанности, болтливости выпившего, нередко выдающего секреты, выступает преимущественно как совет прислушаться к прозвучавшему признанию, откровению – и не обязательно пьяного, а, возможно, любого невоздержанного на язык. Ср.: – Выпил – вот и расщедрился. Подставит он тебя, ещё увидишь. Не верь никогда пьяному Макару. – А как же поговорки: «*Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*»? – по инерции посопротивлялась Клава (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003). А спустя несколько лет над страной

25

зашумели ветры перемен. Мы встретили их с энтузиазмом, я и моя газета. Все тогда буквально опьянели от наступившей свободы. Но *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* – вот и у моей газетки язык развязался сверх всякого приличия. <...> Читать приходилось интервью с безумными политологами, криминальные репортажи и ежедневные отчеты о каких-то гламурных попойках (Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени*).

По-прежнему, хотя и в меньшей степени, чем другие ПЕ, востребована паремия *Один ум (Одна голова) хорошо, а два лучше*, свидетельствующая о недоверии опыту, знаниям одного человека и предпочтительности думающих двоих. В примерах чаще встречается вариант с компонентом *голова*: В деловых рассуждениях участвует еще и моя мудрая жена. <...> Мы действительно советуемся друг с другом, полагая, что *одна голова – хорошо, а три головы лучше* (Литературная газета. №30. 2001). Язык – дополнительный мозг, поэтому вампиры намного умнее людей. И оттого намного несчастней. Как говорил «наше всё» граф Дракула, «*один ум плохо, а два – хуже*». Сравнение с всадником и лошадыю очень точное:

магический червь переходит из одного человеческого тела в другое и практически бессмертен (Виктор Пелевин. *Бэтман Аполло*). Весьма частотны различные трансформы этой ПЕ: *Один ум хорошо, а два ужасно* (<http://ptj.spb.ru/prensa/kogda-odin-um-horoshho-a-dva-uzhasno/>; дата обращения: 07.05.17), *Один ум – хорошо, а пять лучше* (<http://nsportal.ru/detskiy-sad/scenarii-prazdnikov/2014/02/12/>; дата обращения: 07.05.17), *Один ум хорошо, а много – лучше!!!* [<http://www.passionforum.ru/posts/12574/>; дата обращения: 07.05.17) и др.

Представление о «крепости заднего ума» – о бесполезности запоздалых удачных мыслей и выводов, уже не имеющее гендерной привязки и этнической специфики, часто вербализуется в речи как фразеологизм, поскольку в бинOME «мужик (человек) – ум» утрачивается весомость первого компонента, а квантор всеобщности распространяет паремийную идею на всех людей, способных проявить ту же черту. Переход ПЕ в разряд фразеологизмов облегчается наличием в ПЕ спаянного сочетания – синтагматического бинOMA (кто-либо *крепок задним умом*; ср.: Соседние провода обгорели, оплавилась, слиплись. Проводку и монтажный блок пришлось заменить. <...> К слову сказать, *российский автомобилист задним умом крепок*: после этого случая «погорелец» оснастил машину дистанционным отключателем «массы»: нажми на кнопку — и всё обесточишь! (Валентин Григорьев. *Есть контакт! (2004) // «За рулем», 2004.03.15*). Сами впадаем в самообман. <...> Настоящее, подлинное, не узнавши его в лицо, упускаем – тоже сами, сами! <...> Нам выпало счастье, да скрылось из глаз. Так что остаётся – *задним умом* и с тоскующим сердцем *прикидывать*, как оно вышло бы, если бы да кабы

(С.Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них).

Весьма редка в современных текстах паремия *Чужую беду руками разведу, [а к своей ума не приложу]* – всё чаще в виде первой части классической ПЕ и, соответственно, с утратой семантического элемента ‘значимость собственных проблем и трудность их решения’: Что касается политических решений, разворота политического курса России под дулом бандитских автоматов – этого не будет больше никогда. От того, как сложится судьба этой банды, зависит будущая судьба России. <...> В народе подобная позиция обозначается так: *чужую беду руками разведу*. Куда как просто, сидя в безопасной теплой студии, умничать и хорохориться. От чьего имени столь безапелляционно вещает Леонтьев? (Не навреди! Заметки телезрителя (2002) // «Известия», 2002.10.25).

Почти не встречается в речи современников ПЕ о несоответствии длинных женских волос «короткому уму» – вопреки утверждению из следующего примера: Одно из частых высказываний применительно к императрицам, за которые люди попадали в застенки, была распространённая и доныне русская пословица: «*У бабы волом долог, а ум короток*» (Евгений Анисимов. «У нас-де ныне баба царствует...» // «Родина», 2009).

Итак, активный паремийный словарь современника ограничивается лишь несколькими единицами с компонентом *ум*. Стереотипные представления, столь разнообразно реализованные в пословицах прошлого, в современных ПЕ манифестируются ассоциациями ума с силой и её применением, бедностью и богатством, опьянением, красотой (внешним видом), женским началом. Иные связи непостоянны, представлены единичными примерами – количественный фактор является в данном случае одним из определяющих.

Сравнение современных контекстов с данными паремиологических источников позволило, таким образом, выявить постоянную и переменную величины в одном из фрагментов пословичной картины мира.

Йоланта Митурска-Бояновска, Щецинский университет, Польша
jmbnew.wp.pl

***Miodowy miesiąc /медовый месяц* в польском и русском языках**

Среди польских и русских фразеологизмов можно найти такие, которые заимствованы из других языков (напр. *opera mydlana/мыльная опера* (см. Miturska-Bojanowska, Ignatowicz-Skowrońska 2010, 33–38), *mięso armatnie/пушечное мясо* (Miturska-Bojanowska, Ignatowicz-Skowrońska 2010, 33-38), *szklany sufit/стеклянный потолок* (Ignatowicz-Skowrońska, J. Miturska-Bojanowska 2011, 56-60) *głosować nogami/голосовать ногами*

(Ignatowicz-Skowrońska, Miturska-Bojanowska 2012, 209-216 и др.). К этой группе относится крылатое выражение (по терминологии Л.П. Дядечко – эпитоним (Дядечко 2002) *miodowy miesiąc* /медовый месяц/. В обоих языках оно заимствовано либо непосредственно из французского, либо через посредство английского языка. Истоки выражения восходят к восточному (персидскому) словосочетанию *mah e asal*, которое распространилось во многих языках благодаря произведению *Задиг, или Судьба* (фр. *Zadig ou la Destinée*) французского писателя и философа Вольтера. В романе приводятся слова: „Задиг испытал, что первый месяц брака является медовым месяцем, а второй – полынным месяцем” (фр. „Le premier mois du mariage, comme il est décrit dans le livre du Zend, est la lune de miel, et... le second est la lune de l'absinthe”, гл. 3 – 1747 г.). Автор имеет в виду горечь разочарования, с которой сталкиваются молодожёны после первых дней желанной совместной жизни. До Вольтера выражение это употребил ещё в XVI в. Дж. Хейвуд (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008, т. 1, 605).оборот известен многим современным языкам, ср. фр. *la lune de miel*, исп. *luna de miel*, ит. *luna di miele*, англ. *honeymoon*, хорв. *medeni mjesec* и др.

Как утверждает А. Баньковски, выражение *miodowy miesiąc* в значении ‘первый месяц брачной жизни’ появилось в польском языке во 2-й половине XIX века (Bańkowski 2000, 191). В свою очередь, согласно исследованиям академика В.В. Виноградова, фразеологизм *медовый месяц* проник в русский литературный язык из французского или английского языков в начале XIX в. и носит отпечаток модного „европеизма”²⁶.

Выражение относится к древней традиции, когда на польских землях, на Руси и в других странах молодожёнам варили слабоалкогольную медовуху, которую они пили не только на свадьбе, но 30 дней после неё (Kopaliński 2011, 765). Никаких других, более крепких напитков им пить не разрешалось. Питный мёд вручался молодым в день свадьбы – это был бочонок весом около 5–10 кг. Отсюда и пошло это выражение (http://www.telenir.net/domovodstvo/yenciklopedija_svadby/p23.php. доступ: 31.07.2016). В разных странах, в том числе и в России с XIX века, в светском обществе появляется традиция проводить *медовый месяц* в свадебном путешествии. Выражение *miodowy miesiąc/медовый месяц* в значении ‘первый месяц супружеской жизни’ находит отражение в словарях (Даль 1881, т. 2, 319; Федоров 2008, 370; *Słownik frazeologiczny* 2005, 225; Lebda 2008, 400; *Wielki słownik języka polskiego* и пр.) и в литературе, ср.: „Zaraz po ślubie na miodowy miesiąc państwo młodzi wujechali na dwa tygodnie na Hawaje” (за НКJP: J.Abramow-Newerly, *Młyn w piekarni*, 2002); „Гость не вовремя хуже татарина, гость же в медовый месяц хуже чёрта рогатого” (за НКРЯ: А.Чехов, *Драма на охоте*, 1884)²⁷.

²⁶ http://wordhist.narod.ru/medovij_mesac.html (доступ: 1.08.2016).

²⁷ А.С. Пушкин в повести *Выстрел* (1830 г.) употребляет соответствующее английское выражение в речи графа, оставляя его без перевода: „Пять лет тому назад я женился. – Первый месяц, *the honeymoon* провёл я здесь, в этой деревне”

При этом языковедами неоднократно подчёркивается, что месяц – это условный срок, так как *медовый месяц* может длиться несколько дней или недель (ср. Skorupka 1985, t. 1, 444; Bąba, Dziamska, Liberek 1995, 289; Müldner-Nieckowski 2003, 396; *Wielki słownik frazeologiczny* 2005, 251; Koraliński 2011, 765; БФСРЯ 2006, 376).

В 50–60-х годах XIX в. выражение *медовый месяц* как отдельная фразеологическая единица в русском языке приобрело новое переносное значение: ‘первый блаженный период расцвета чего-нибудь, начальный период общественного увлечения чем-нибудь’. Ср. выражение А. Герцена: *медовый месяц русского прогресса* и в рассказе Н.Н. Златовратского *Старый грешник* (1912): „Ими только что был пережит *медовый месяц* русского либерализма”.

С течением времени в обоих языках расширяется круг контекстов, в которых появляется выражение *miodowy miesiąc/медовый месяц*. Оно приобрело необычайную популярность в текстах СМИ, описывающих внешнюю и внутреннюю политику страны, ср.:

(1) Nie trzeba było być wielkim znawcą politycznej materii, by przewidzieć, że „**miodowy miesiąc**” rządu premiera Marcinkiewicza szybko się skończy. Ledwie trzydzieści dni z okładem wystarczyło, by do ataku przystąpił, najpierw Andrzej Lepper ze swoją Samoobroną, potem Roman Giertych w imieniu LPR (за НКЖП: [„Gazeta Częstochowska” 8.12.2005]).

(2) „**Miodowy miesiąc** ery postzimnowojennej dobiegł końca” - pisze główny brytyjski dziennik ekonomiczny "Financial Times" w komentarzu redakcyjnym. I stwierdza, że państwa zachodnie, a zwłaszcza USA, nie doceniły wrażliwości rosyjskiej wobec "perspektywy izolacji" (за НКЖП: [„Gazeta Wyborcza” 7.12.1994]).

(3) Пока новая, демократическая Россия переживала свой «медовый месяц», пока, как казалось, все слои, все классы объединились в содружестве и ему не будет конца, князь Львов всем представлялся лучшим главой правительства (одновременно он занимал пост министра внутренних дел) [Г. Иоффе, *Русский либерал. Премьер-министр Временного правительства – Князь Львов*]²⁸.

(4) Возникает вопрос, как могло случиться, что в **медовый месяц советско-американской дружбы** Эйзенхауэр дал согласие на полеты У-2? (за НКРЯ: Олег Гриневский, *Тысяча и один день Никиты Сергеевича*, 1997).

Кроме политического дискурса, выражение применяется в текстах, относящихся к историческим событиям (6), спорту (7–8), общественной жизни (9–11), напр.:

(5) Позднее Котовский сам записал так: «**Медовый месяц февральской революции**» (за НКРЯ: [Р.Б. Гуль, *Котовский. Анархист-маршал*, 1975]).

(6) "W przerwie musiałem zawodnikiem uświadomić, że nie jesteśmy na plaży. Cracovia zagrała na 120 procent" - ocenił szkoleniowiec Wisły Dan Petrescu. Rumun musi sobie uświadomić, że skończył się **miodowy miesiąc**. Jeśli Legia nie zacznie tracić punktów (w piątek podejmuje Cracovię) i Wisła szybko jej nie przegoni, będzie miał z kibicami ciężkie życie (за НКЖП: [„Trybuna” 2006]).

[<http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/329/%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%92%D0%AB%D0%99> (доступ: 7.10.2016)].

²⁸ <http://www.nkj.ru/archive/articles/5266/> (доступ: 30.09.2016).

(7) «Манчестер Юнайтед» пребывал на лидирующих позициях в английской Премьер-лиге около месяца, после чего последовала серия поражений. Журналист Manchester Evening News Стюарт Мэтисон подчеркивает, что **медовый месяц Жозе Моуринью** окончен, теперь пришла пора суровой семейной жизни. **Медовый месяц Жозе Моуринью** в "Манчестер Юнайтед" закончился. Ставки букмекеров на скорую отставку португальца пока выглядят смешно, но определенные обсуждения текущей ситуации в клубе все же неизбежны (http://www.livesport.ru/football/2016/09/19/watford_manchester_united_press/ . доступ: 29.09.2016).

(8) Wizyta Benedykta XVI w Kolonii kończy **miodowy miesiąc nowego pontyfikatu**. Papież musi teraz wyraźniej pokazać, dokąd zmierza (за НКЯР: [„Polityka” nr 2518, 27.06.2005]).

(9) Это был еще **медовый месяц нашей совместной работы** (за НКЯР: [В.Н. Коковцов, *Из моего прошлого*, части 1-4, 1933]).

Иллюстративный материал показывает, что эпоним *miodowy miesiąc/медовый месяц* приобретает новое, шире первичного, значение ‘начальный этап какого-л. дела, когда люди его начинающие не успели столкнуться с первыми проблемами, трудностями’. Оба значения фиксируют словари русского языка, ср.:

1. ‘первое время, начальная, наиболее счастливая, пора супружеской жизни’
2. чего ‘расцвет, лучшая пора’ (*Фразеологический словарь русского языка* 1978, 246).

1. ‘первый месяц супружеской жизни; время сразу после свадьбы’
2. шутол. ‘о счастливом, приятном и безмятежном периоде в чьей-л. жизни; лучшем периоде, связанном со славой, счастьем, благополучием’ (Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 1 2008, 505).

экспресс. 1 ‘начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни’

2. чего. устар. ‘расцвет, лучшая пора’ (Федоров 2008, 370).

Приведённые словарные статьи нуждаются в дополнении. Во-первых, второе значение неоправданно считается А.И. Федоровым устаревшим. Многие примеры подтверждают, что оно в дальнейшем и в настоящее время актуально. Во-вторых, ряд новых контекстов показывает, что выражение сочетается не только с абстрактными понятиями (*медовый месяц чего*, примеры 12–17), но также с существительными, называющими лиц (*медовый месяц кого*, примеры 18–19), ср.:

(12) В **медовый месяц моего управления** Министерством Финансов и при несомненном благоволении ко мне Государя, — мне удалось сравнительно легко отбить эту первую атаку и предложить выработанный Правлением дороги план ускорения работ по приспособлению дороги к массовым перевозкам, который я считал возможным гарантировать точным исполнением, если только мне не будут мешать и дадут моим сотрудникам на месте необходимую свободу действий (за НКЯР: [В.Н. Коковцов, *Из моего прошлого*, части 1-4, 1933]).

(13) На самом же деле, Харитонов просто чуял, что **медовый месяц моего положения** прошёл, и выгоднее примыкать против меня (за НКЯР: [В.Н. Коковцов, *Из моего прошлого*, части 5-7, 1933]).

(14) Проскочил быстро **медовый месяц нашего «просвещения»**. Как-то трудно становилось, не хватало и сил и времени удосужиться еще на эти занятия,

торопясь с четвертого заседания на пятое (за НКРЯ: [Д.А. Фурманов, *Мятеж*, 1924]).

(15) «Медовый месяц президента Порошенко и избирателей еще не закончился» (заглавие статьи, – URL: <https://www.openrussia.org/post/view/604/>; доступ: 28.09.2016).

То же самое происходит с выражением *miodowy miesiąc* в польском языке – образуется новое, пока не фиксируемое словарями, значение: ‘начальная пора какого-либо совместного предприятия, дела, этап в жизни, деятельности кого-л, когда ещё ничто не вызывает забот’. Расширяется круг слов, с которыми оно сочетается, с одной стороны с абстрактными понятиями (*miodowy miesiąc czego*, примеры 20–22), с другой с лексемами, называющими лиц (*miodowy miesiąc kogo*, примеры 23–24), ср.:

(16) Zdaniem syndyk są to przekłamania, mające ukryć trudną sytuację zakładu. **Miodowy miesiąc Europejskiego Konsorcjum Kolejowego i pani syndyk** definitywnie dobiegł końca. W maju 2005 roku obie strony podpisały akt notarialny o sprzedaży zakładu, co zakończyło blisko 3-letni okres upadłości firmy (за НКЖР: [„Gazeta Poznańska”, 25.09.2006]).

(17) Wciąż trwa **miesiąc miodowy rządu**, a tak naprawdę miesiące, bo było ich już kilka. Jeszcze nie doszło do zmęczenia władzą – ocenił kwestię popularności partii politycznych w sieci w rozmowie z "Wprost" dr Wojciech Jabłoński, politolog z Uniwersytetu Warszawskiego (за НКЖР: [„Wprost”, 11.02.2016]).

(18) Wystraszył świat, wyciął połowę elity. "**Miodowy miesiąc**" Kima trwa już dwa lata [<http://www.tvn24.pl> (доступ: 29.12.2013)].

Кроме того в обоих языках выражение появляется в медицинских контекстах и имеет терминологический характер. *Miesiąc miodowy w cukrzycy*/„медовый месяц” в диабете²⁹ (25, 26), *miodowy miesiąc choroby Parkinsona*/„медовый месяц” в болезни Паркинсона (27, 28), *miodowy miesiąc ciąży*/„медовый месяц” беременности³⁰ (27, 28) обозначают лучший период в болезни и беременности, ср.:

(19) **Miesiąc miodowy w cukrzycy** typu 1 to okres przejściowy i nie oznacza wyleczenia. W cukrzycy typu 1 czasem bywa jak w małżeństwie. Po słowach: na całe życie następuje tzw. **miesiąc miodowy**. Miodowy, bo najprzyjemniejszy z całego dalszego życia diabetyka. Niestety, jak każdy **miesiąc miodowy** minie i będziemy musieli stanąć twarzą w twarz z cukrzycą (<http://cukrzycapolska.pl/kontrola/miesiac-miodowy-w-cukrzycy/> (доступ: 29.09.2016).

(20) «Медовый месяц» при диабете 1 типа. Как продлить его на долгие годы (заглавие статьи, – URL: <http://diabet-med.com/medovyj-mesyac-diabet-1-tipa/>, доступ: 1.08.2016).

(21) Wdrożenie odpowiedniego leczenia może z kolei wydłużyć życie chorych (w porównaniu do modelu naturalnego przebiegu choroby) nawet o 10 lat. Standardem postępowania terapeutycznego po rozpoznaniu choroby jest wdrożenie rehabilitacji pacjentów oraz leczenia farmakologicznego polegającego na podawaniu lewodопы. W wyniku reakcji enzymatycznej lewodopa jest przetwarzana na dopaminę. Lewodopa

²⁹ *Miesiąc miodowy w cukrzycy*/„медовый месяц” в диабете ‘период лёгкого течения сахарного диабета [ремиссии] после начала инсулинотерапии’.

³⁰ *Miodowy miesiąc ciąży*/„медовый месяц” беременности ‘второй триместр беременности, период, который отличается спокойствием и хорошим самочувствием будущей мамы’.

stosowana jest w postaci tabletek, a bardzo dobra reakcja na jej wdrożenie jest typowa dla choroby Parkinsona. Dlatego okres, w którym obserwuje się taką reakcję na doustne leki przeciwparkinsonowkie, jest określany jako „**miodowy miesiąc**” [http://www.sluzbazdrowia.com.pl/artukul.php?numer_wydania=4226&art=1 (доступ: 31.07.2016)].

(22) «Золотым стандартом» терапии болезни Паркинсона (БП) на протяжении многих десятилетий остаётся леводопа, наиболее эффективное противопаркинсоническое средство [...] В последние годы опубликованы работы в поддержку более раннего назначения леводопы, в настоящее время проводятся клинические исследования, результаты которых, вероятно, подтвердят целесообразность более ранних сроков начала терапии препаратами леводопы. У большинства пациентов, получающих препараты леводопы на ранних стадиях, отмечается «драматический эффект» терапии. Однако после периода так называемого «**медового месяца**» лечения БП, продолжительность которого, по новым данным, составляет всего лишь 2 года, у большинства пациентов появляется нестабильность контроля симптомов заболевания [<http://t-patient.ru/articles/6505/> (доступ: 29.09.2016)].

(23) II trymestr – „**miodowy miesiąc**” ciąży. Drugi trymestr to czas między czternastym a dwudziestym szóstym tygodniem ciąży. Jak ręką odjął mijają poranne nudności i wymioty, a także dręczące cię zgagi, nadmierna senność ustępuje miejsca wzmożonej energii do działania [<http://matki.nl/zanim-urodzisz/ii-trymestr-ciazy/ii-trymestr-miodowy-miesiac-ciazy/> (доступ: 17.06.2016)].

(24) Завершение первого триместра. При нормальном течении беременности к началу второго триместра – 13-14 неделям, прекращаются явления раннего токсикоза, исчезает тошнота и позывы к рвоте. Начинают функционировать почки плода, появляются дыхательные движения. У женщины исчезают проявления хронических заболеваний. Начинается «золотой период» или «**медовый месяц**» **беременности**, который продолжается вплоть до формирования плаценты [<http://puziko.online/nedeli/1-trimestr> (доступ: 29.09.2016)].

В медицинской терминологии функционирует и понятие *syndrom miesiaca miodowego/синдром медового месяца* ‘воспаление мочевого пузыря’ (31, 32):

(25) **Syndrom miesiaca miodowego** to pojawianie się infekcji układu moczowego z powodu zwiększonej aktywności seksualnej. Objawy najczęściej wynikają z zapalenia pęcherza moczowego lub cewki moczowej. Objawy choroby miesiaca miodowego to: parcie na mocz, ból podczas oddawania moczu, pieczenie w okolicach cewki moczowej. Leczenie **syndromu miesiaca miodowego** polega na przyjmowaniu leków przeciwbakteryjnych [<http://wylecz.to/pl/choroby/ginekologia/syndrom-miesiaca-miodowego-jakie-sa-objawy-i-przyczyny-choroby-miesiaca-miodowego.html> (доступ: 29.09.2016)].

(26) Секс и цистит: что мешает интимной жизни. Существует понятие «**синдром медового месяца**», которое непосредственно связано с сексом и циститом. Что это такое, как взаимосвязан цистит с половой жизнью? Цистит – это инфекционно-воспалительное заболевание мочевого пузыря [<http://sunny7.ua/zdorove/jenskoe-zdorove/seks-i-tsistit--chto-meshaet-intimnoy-jizni> (доступ: 29.09.2016)].

Психологи, описывая домашнее насилие, выделяют несколько его фаз, одной из которых является *faza miodowego miesiąca* (okres „miesiąca miodowego”)/„медовый месяц”, т.е. время раскаяния насильника, ср.:

(27) Psychologowie opisują zjawisko przemocy w świetle modelu faz cyklu przemocy. Model ten ma zastosowanie do wszystkich rodzajów przemocy i składa się z trzech faz (1. faza narastania napięcia, 2. Faza rozładowania napięcia i faza miodowego miesiąca: **Faza miodowego miesiąca**. Osoba, która zastosowała przemoc, w obawie przed karą, np. odejściem partnera, zmienia swoje zachowanie. Gotuje, sprząta, przeprasza, kupuje kwiaty, obiecuje poprawę. Ta faza ma różnorodny czas trwania, od kilku minut do kilku miesięcy. Czasem „miodowy miesiąc” łączy się z zaprzestaniem przemocy. Im dłużej przemoc jest w związku obecna, tym krótsze stają się fazy miodowego miesiąca [<http://psychoterapiawieliczka.pl/mechanizm-przemocy/> (доступ: 31.07.2016)].

(28) Исследования Уолкер о поведении домашних насильников выявили тенденцию к циклическому поведению у агрессоров: нарастание напряжения, взрыв насилия и фаза раскаяния или «медовый месяц» [...] **Фаза раскаяния или «медовый месяц»**. Начинается манипуляция чувствами женщины, агрессор просит прощения, плачет, обещает исправиться. В течение какого-то периода времени он с готовностью исполняет пожелания партнёрши. Она находится в состоянии экстаза, у неё власть, её мужчина готов на всё ради неё. Оба предпочитают не помнить о случившемся ранее. На самом деле, название «медовый месяц» не такое уж подходящее для этой фазы, эта «хорошая» фаза для женщины не так уж и хороша: мужчина решает, когда эта фаза начнётся, и когда она закончится, в этой фазе для женщины резко повышается риск изнасилования, это наиболее трудное для неё время, когда степень эмоциональной спутанности наиболее высока. Более подходящим названием было бы «фаза аффективной манипуляции», но так как большинство авторов употребляет традиционный термин, то в этой книге мы будем придерживаться этой номенклатуры (<http://womention.org/abused-women-handbook-fear/> доступ: 29.09.2016).

Структурные модификации выражения встречаются крайне редко. Нам удалось найти единичные примеры замены компонента *miesiąc* лексемой *czas* (время), а также расширяющий вариант *okres miodowego miesiąca*, ср.:

(29) Premier Tusk ocenia rząd po czterech latach: To nie był **MIODOWY czas** [о периоде правления коалиции партий PO-PSL, – URL: http://www.se.pl/wiadomosci/polska/premier-tusk-ocenia-rzad-po-4-latach-nie-byl-miodowy-czas-chce-rzadzic-lepiej_192501.html (доступ: 12.03.2016)].

(30) Во **czasy miodowe**, powoli kończą się. I szkoła już do nas swe zaproszenie śle (припев детской песни, <http://przedszkolowo.pl/strefa-nauczyciela/piosenki,pozegnanie-starszakow-bo-czasy-miodowe,1065> (доступ: 31.07.2016).

(31) Przebieg karier obu przywódców [Gomułka i Gierka – примечание Й.М.-Б.] był niezwykle podobny. Każdy z nich przeżył początkowy „**okres miodowego miesiąca**”, kiedy to wydawało się, że honorowo uratował naród od losu gorszego niż śmierć (od sowieckiej inwazji). **Miesiąc miodowy Gomułki** trwał przez trzy lub cztery lata, **miesiąc miodowy Gierka** – przez mniej więcej dwa [N. Davies, *Serce Europy*, – URL: https://books.google.pl/books?id=8WjTBgAAQBAJ&pg=PT39&lpg=PT39&dq=miodowy+okres&source=bl&ots=4O39ojZrei&sig=_QAw0qruFcPvii_kwu40AHPcU5s&hl=pl

&sa=X&ved=0ahUKEwiI5NqS_5zOAhUKWCwKHT6DC4gQ6AEIVTAM#v=onepage&q=miodowy%20okres&f=false (доступ: 31.07.2016)].

Окказиональным синонимом эпонима *miodowy miesiąc* в значении ‘начало супружеской жизни’ можно считать словосочетание *miodowe noce i dni* в следующем контексте:

(32) *Zaczęłam płakać coraz głośniej i głośniej, z żalu, że cudowne trwanie we dwoje zostało tak znienacka przerwane. Te miodowe dni i noce, które porwały mnie mocą nieziemskiej miłości w krainę bajkowych przeżyć, były niczym sen o prawdziwym uczuciu, potrafiącym zmienić wszystko wokół nas i w nas samych za sprawą jednej, niepowtarzalnej metafizycznej chwili wzajemnego przyciągnięcia się i złączenia na zawsze* (L. Shukri, *Jestem żoną szejka*, 2016, 129).

Языковой материал подтверждает, что крылатое выражение *miodowy miesiąc/медовый месяц* в обоих языках подвергается семантическим (расширение значения) и формальным модификациям (расширение состава компонентов или их чередование). На базе первичного значения ‘начало супружеской жизни (первых несколько дней, недель, месяц), неоднократно проводимой в свадебном пути’ образуется новое значение ‘лучшая пора, первый блаженный период расцвета чего- или кого-л., начальный период общественного увлечения, хороших отношений между странами, партнерами, начальный этап какого-л. дела, когда люди его начинающие не успели столкнуться с первыми проблемами, трудностями и т.п.’, напр.: *miodowy miesiąc rządu, miodowy miesiąc prezydenta, miodowy miesiąc w stosunkach polsko-niemieckich, miodowy miesiąc w pracy, медовые месяцы власти, медовый месяц советско-американской дружбы, медовый месяц нового сотрудника, медовые месяцы юности* и т.д. В польском языке допускается инверсия эпонима, ср. *miesiąc miodowy Gierka, miesiąc miodowy Gomułki*. В обоих языках фраза применяется также в терминологии: *miesiąc miodowy cukrzycy/медовый месяц при диабете, miodowy miesiąc w chorobie Parkinsona/медовый месяц в болезни Паркинсона, miodowy miesiąc ciąży/медовый месяц беременности* и обозначает лучший период в болезни и беременности. В медицине функционирует также термин *syndrom miesiąca miodowego/синдром медового месяца*. В психологии термин *faza miodowego miesiąca/„медовый месяц”*, служащий для описания домашнего насилия, обозначает время раскаяния насильника. Изредка в польском языке встречаются примеры замены компонента *miesiąc* субстантивом *czas* и расширяющий вариант *okres miodowego miesiąca*. Следует при этом подчеркнуть, что словари польского языка, в отличие от словарей русского языка, не фиксируют второго значения крылатого выражения. В обоих языках словарями не приводятся примеры употребления фразеологизма в терминологических контекстах. Следует добавить, что в русском языке фразеологизм функционирует и в военном жаргоне, ср. 1. *жарг. курс. шутил.* ‘каникулы в

военном училище' (БСРЖ 2001, 3479, 2. жарг. арм. 'солдатский отпуск' (Армейский словарь).

Ван Аньди, РГПУ, Санкт-Петербург, Россия
wad0924@163.com

Образ человека в зеркале фразеологизмов и паремий, соотносимых с семантическим полем «водоёмы»

Фразеологическая и паремиологическая картины мира обладают рядом отличительных признаков, среди которых одним из важных является антропоцентризм. Следовательно, не случаен тот факт, что большое количество фразеологических единиц (далее – ФЕ) и паремий выступает описанием внешних характеристик человека, его качеств и черт характера, действий, отношений с окружающим миром. В данной статье особый интерес вызывают единицы, содержащие компонент, входящий в семантическое поле “водоёмы”. Это объясняется тем, что, во-первых, все представления о воде находят отражение в семантической структуре единиц «гидрофразеологии» и «гидропаремиологии», так что изучение приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития русского народа; во-вторых, в семантическом поле «водоёмы» представлены различные виды системных отношений, изучение которых позволит глубже понять закономерности образования и функционирования фразеологической и паремиологической лексики.

В лингвистике существует несколько подходов к определению семантического поля (далее – СП). Из всего множества трактовок СП для нас наиболее важным является традиционный подход, определенный в работе Л.А. Новикова, при которой СП рассматривается как «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и определяющих в языке определенную понятийную сферу» (Новиков 1998, 458). Как показывает анализ лексикографических источников, в русском языке в качестве компонентов-названий водных объектов в составе идиом наиболее часто используются слова “река”, “море”, “болото”, “озеро”.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выделить на основе семантического анализа фразеологизмы и паремии, соотносимые с семантическим полем “водоёмы” и реализующие образ человека, выявить особенность соотношения их образной основы, внутренней формы и актуального значения. Следует отметить, что большинство исследуемых фразеологизмов и паремий – идиомы, компоненты которых прямо соотносятся с семантическим полем “водоёмы”.

Основными источниками данной работы послужили «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И

Молоткова (1968), «Большой словарь русских пословиц» (2010), «Большой словарь русских поговорок» (2007) и «Большой словарь русских народных сравнений» (2008) под редакцией В.М. Мокиенко. В зависимости от того, какие свойства человека подвергаются оценке, могут быть выделены следующие подгруппы выражений: 1) внешний облик человека; 2) характер, моральные качества человека; 3) интеллект человека; 4) состояние человека; 5) поведение человека; 6) взаимоотношения человека с окружающими.

К первой группе принадлежит небольшое количество фразеологизмов и паремий, характеризующих человека по внешности. Например, *глаза у кого как море* – о чьих-л. синих (обычно темно-синих) больших глазах; *глаз (взгляд) у кого как омут* – о чьих-л. магнетически привлекающих, сулящих гибельную страсть глазах, взгляде. Здесь глаза человека ассоциируются с образами “море” и “омут”, которые характеризуются обширностью и большой глубиной.

В мифологии многих культур болото ассоциируется с плохим, гиблым, нечистым местом. В славянской мифологии в болотах обитает кикимора болотная – персонаж в облике женщины с распущенными волосами, который любит наряжаться в меха из мхов и вплетает в волосы лесные и болотные растения. Так вошло в русский язык выражение *кикимора болотная* в переносном значении ‘некрасивый, неопрятно одетый человек (обычно о женщине)’. У этой нечисти скверный и ворчливый характер, так что *кикимора болотная* ещё употребляется при описании нелюдимого и угрюмого человека.

Вторая группа объединяет фразеологизмы и паремии, определяющие человека по характеру и его моральным качествам. Единицы с негативной оценкой употребляются при описании отрицательных качеств. Так, например, неискренность и криводушность связаны с такими выражениями: *тихий омут; В тихом омуте (болоте, озере) черти водятся; В болоте не без чёрта; В тихой воде омуты глубоки; Тихая река берега подмывает; чувствительность, плаксивость – слезливое болото; высокомерие, самонадеянность – загордиться как пузырь на болоте; ироническая оценка сообразительности и предприимчивости некоторых воров и мошенников – В воре как (что) в море, а в дураке – как в пресном молоке* (Мокиенко 2008, 403). Как свидетельствуют приведённые примеры ФЕ и паремий, обозначающих отрицательные качества человека, в основном в их состав входят компоненты “болото”, “озеро” и “омут”. Внутренняя форма таких идиом построена на суждении о том, что “болото” и “озеро” за своим внешним спокойствием скрывают опасные глубины. Омут – глубокая яма на дне реки, озера. В таких местах, по народным поверьям, живут водяные и черти – духи воды, по ночам появляются блуждающие огоньки, которые считались явлением злого духа.

Семантически предыдущим противопоставлены фразеологизмы и паремии с указанием на человека, который обладает положительными моральными и/или умственными качествами. К примеру, *Где река глубока (глубже), там она меньше шумит* – об умном, скромном, молчаливом человеке, у которого богатый внутренний мир. Такие пословицы, как *Море не загрязнится, если свинья в нём выкупается, Река не опоганится, если собака из неё полакает* используются при описании того, что к хорошему человеку плохое не пристанет, и образуют ряд фразеологических моделей.

В русском языке концепт «умственные способности человека, интеллект» представлен небольшим количеством фразеологизмов и паремий с компонентами-названиями водоёмов. Например, *Красен обед пирогами, река берегами, а сходка головами; по морю дурак; Поехал за море телёнком, воротился бычком; море мудрости, бездна премудрость*. О крепких задним умом людях говорят: *Ум за морем не купишь, коли своего батька не припас (коли дома нет); Журавли за море летают, а всё одно – курлы; Ум за морем, а смерть за воротом*.

Третья группа включает ФЕ и паремии, указывающие на физические и психические состояния человека. Ряд идиом с компонентами-названиями водоёмов выражает значение «оказаться в сложном, безвыходном положении, состоянии отчаяния». Об этом свидетельствуют следующие примеры: *что (хоть) в воду; лучше в реку; завязнуть (провалиться, погрузиться) как в болоте; хоть в омут головой; хоть в омут бросься; попасть в омут*. Существуют похожие поговорки: *увязнуть в болоте чего-л.* («застрывать, не получать развития, оставаться без последствий»), *засосать (затянуть) в болото* («вынуждать поддаться вредному, опасному влиянию, перейти на сторону отсталого, реакционного»). Фразеологические значения большинства приведённых оборотов базируются на образе болота (омута), являющегося вязким и глубоким местом, из которого человеку часто невозможно выбраться. Внутренняя форма передаёт представление о чём-то плохом, что затягивает навсегда. На уровне значения ФЕ актуализируется сема дурного влияния, вреда, опасности, которые «засасывают» людей.

В данной группе также присутствуют ФЕ и паремии, раскрывающие эмоциональные и психические состояния человека. Следует заметить, что масштабность человеческого горя нередко сравнивает с безграничностью морского пространства – «несчастье, горе настолько велико, что нельзя преодолеть»: *Горе – как море, берегов не видно; Горе что море: не выпьешь до дна; Дальше в море – большие горя; Кто в море не бывал, тот и горя не видал* и т.д. Образ фразеологизма *бить (кипеть) ключом* (1. «бурлить, клокотать, волноваться (о жидкости)»; 2. «бурно, активно проявляться») вносит в его внутреннюю форму представление об активном проявлении какого-либо процесса. Данное свойство проявляется в сравнениях, описывающих духовное состояние человека: *кровь у кого-л. ключом кипит* (Фольк. «Об избытке жизненных сил, энергии, эмоции у

кого-л.»), *сердце у кого-л. кипит ключом* (Народн. «О чьих-л. неистовых порывах, эмоциональных всплесках, напряжённом ожидании, предчувствии»).

В русском языке представлено большое количество ФЕ и паремий, характеризующих физическую и интеллектуально-речевую деятельность человека. В данной группе присутствуют ФЕ и паремии со значением «неосуществимость, невозможность каких-либо действий». Проиллюстрируем мысль примерами: *Ковшом море не вычерпаешь; Щепкой море не перегородишь; Ложкой моря не исчерпать; Челном океана не переедешь*. Здесь компоненты-гидронимы “море” и “океан” осмысляются как безграничное необъятное водное пространство, которое нельзя покорить, действуя примитивными способами. Приведённые примеры отличаются фразеологическим разнообразием и проявляют продуктивность в плане образования окказиональных оборотов.

Обратимся к пословицам *По какой реке плыть, той и песни петь, Всяк кулик своё болото хвалит, В болоте живёт, по-лягушечьи орёт*. На уровне внутренней формы соотношения «река – человек», «болото – кулик», «болото – лягушка» актуализируют принадлежность кого-либо к чему-либо. В первой и второй пословицах речь идёт о присущем человеку обыкновению (свойству, качеству) расхваливать место, где он живёт, или дело, которым занимается. Пословица *В болоте живёт, по-лягушечьи орёт* обозначает, что поведение, манеры и привычки человека обуславливаются средой, в которой он живёт.

О действиях бестолкового человека свидетельствуют следующие народные поговорки: *За море по еловы шишки; На море овин горит, по небу медведь летит*. Река представляется как огромное количество, движущаяся масса чего-либо. В идиоматическом выражении *лить слёзы (плакать) как река, не река рекой льётся* компонент “река” употребляется в переносном значении, образно характеризуя поток слёз. Существуют синонимы с компонентами “ручей” и “ключ”: *плачет что ручей течёт, лить слёзы ручьём, ключом (ключами) течь (лить, бежать)*. Следует отметить, что в народном, мифопоэтическом сознании речь человека издавна сблизалась со звучащим водным потоком, что позволило закрепиться в языке метафорическим выражениям: одобр. *говорит как река льётся* ‘о чьей-л. непрерывной и мелодичной речи’, *журчат как ручеёк* ‘говорить, нащёптывать журчанием’.

Последняя группа объединяет ФЕ и паремии, характеризующие взаимоотношения человека с окружающим. В пословицах *Море не высохнет, народ не заблудится, Один в море не рыбак, а без артели не моряк, Дождь и прута не повернёт, а ручей – и полено унесёт* на уровне внутренней формы отражаются дух коллектива и важность коллективных сил. О дружбе между людьми говорят: *Река не бывает без притоков, человеку без друзей не быть; В море спасает спасательный круг, а в жизни спасает единственный друг*. О супружеских отношениях говорится

в следующих примерах: *Лучше по морю в лодке (без весла) плыть, чем со злою женою жить; разойтись как в море корабли* («О людях, полностью и бесповоротно прекративших контакты друг с другом (после ссоры, идейных несогласий, развода и т.п.)»).

Все фразеологизмы и паремии с компонентами-названиями *воды, водных потоков* и *водоёмов* имеют потенциальную способность к актуализации образа, что обусловлено наличием у всех ФЕ образной мотивировки значения (Богатырева 2015, 160). Названия водоёмов актуализируют разные участки своей содержательной структуры, участвуя в создании особой для каждой лингвокультуры паремиологической картины мира. При этом необходимо иметь в виду компоненты, опосредованно (ассоциативно-семантически) соотносимых с названиями водоёмов, например, *выбрасывать за борт; идти ко дну; как рак на мели; брать на бордаж; в русле чего, выводить на чистую воду* и т.д. Данные компоненты имеют не меньшую ценность и достойны дальнейшего исследования.

Людмила Львовна Фёдорова, РГГУ, Москва
lfvoux@yandex.ru

В огороде бузина, в Киеве дядька: логика и фразеология нелепого

В фольклоре разных народов существуют различные жанры, обыгрывающие НЕЛЕПОЕ: это небылицы, «небывальщина-невидальщина», восходящие к средневековому жанру импоссибилий, детские потешки и даже загадки. Их основная направленность игровая – создание эффекта неожиданного и комического на основе разного рода нелепостей. НЕЛЕПОЕ понимается достаточно широко – как глупость, как бессвязность, как невозможное. Т.е. нелепым может быть дурацкое поведение, ирреальное представление, искажающее естественную картину мира, или же алогичное, бессвязное рассуждение.

Нелепому поведению дурака посвящены многие пословицы, например, в польском языке: *Śmieje się jak głupi do sera* – букв. «Смеется, как дурак на сыр». Ср. *Дураку пальчик покажи – ему смешно; Idź z głupim po raki, on żaby łowić będzie* – букв. «Пойди с дураком за раками, он будет лягушек ловить»; *Co głupiemu po koronkach, skogo mówi, że to same dziury* – букв. «Что глупому с кружев, если он говорит, что это одни дырки». Ср. также рус.: *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт* и др.

Однако ещё больше про дурака рассказывают народные песни и стишки. Так, старинная польская песенка «Куцый Янек», известная с XVII в., основана на нагромождении бессвязных сюжетов, в части из которых действует дурачок Янек:

Kusy Janek, podkasanek, / poszedł w las z toporkiem,
Siekierką się opasywał, / podpierał się workiem.

Dalej bracia, dalej żywo, / Pijcie fajki, palcie piwo.
Miał chłop studnię za piecem, / brał wodę przetakiem
Łowił ryby drabiną, / strzelał wilki makiem.

*(Куцьий Янек спозаранок / за дрoвaми в лес пошёл. / Топором опоясался, /
подпирался он мешком. / Дальше, братцы, дальше живо, / Пей-ка трубку,
кури пиво! / У печи колодец ставил, / с ситом по воду ходил, / Рыбу
лестницей ловил, / а волков он маком бил.)* (здесь и далее перевод польских
текстов наш – ЛФ)

В языке подобные образы сохраняются в идиомах; фразеология этой песенки использована Т. Бой-Желеньским, переводившим на польский язык «Гаргантюа» Рабле. Польский Гаргантюа опоясывался секиркой, подпирался мешком, колодец ставил на печь, ловил рыбу перед неводом, стрелял по сернам маком, подковывал лягушек, искал дыры на целом – все эти обороты существуют в польском языке как эталоны нелепого, дурацкого поведения, перекликаются с пословицами (подробнее об этом см. Fedorova 2014).

Похожим образом описывает Ю. Тувим «глупого Габрыся»:

Był raz głupi Gabryś. A wiecie, co robił? / Kiedy konie żarły, on im owies
drobił.

Sitem wodę czerpał, ptaki uczył fruwać, / Poszedł do kowala: **kozy**
chciał **podkuwać**.

Czapką kwiat nakrywał, kiedy deszczyk rosił, / **Liczył dziury w płocie**,
drwa do lasu nosił. *(Жил-был глупый Габрысь. / Знаешь, что творил? /
Не овсом, а кашей он коней кормил, / Воду ситом черпал, птиц
летать учил, / Подковать козу к кузнецу ходил. / От дождя цветы
шапкой укрывал. / Не из лесу, в лес сам дрoва таскал, / И в заборе
дырки он всегда считал.)*

Аналогичные русские сюжеты – у С. Маршака: «Что ни делает дурак, все он делает не так», нечто подобное у К. Чуковского в «Путанице». Современный фольклор множит примеры дурацкого поведения в анекдотах, особенно с представителями разных наций, наделяя русского персонажа особой смекалкой; но это уже отдельная тема.

Другой вид нелепостей связан с «небывальщиной», с невозможным; это так называемый жанр «импоссибилия». Как пример в словарной статье приводят фрагмент из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина: «Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом телёнка на баню тащили, <...>, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, <...>, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, <...>, потом небо кольями подпирали <...>» (Сковородников – Дамм 2003, 207). Заметим, что здесь автор описывает поведение головотяпов (жителей города Глупова), в котором дурацкое переходит в невозможное.

Сюжеты невозможного содержит и упомянутая польская песенка про куцего Янка:

Stodoła się rozigrała, zająca gonila, / A izba to zobaczywszy, / oknem
wyskoczyła.

<...> Wisła się paliła, słomą ją gasili, / Opalone szczupaczyska do domu
zmykały

(*Рига разыгралась, за зайцем погналась, / Изба испугалась и в окно
убралась.*)

<...> *Как пылала Висла, сеном заливали, / Щуки обжигались, домой
убегали.*)

Подобные стихотворные тексты в средневековье были элементом карнавальная площадной культуры; это веселое и потешное вранье, складно сказанное, в его сюжетах действуют недотепы, чудаки, лентяи; в них встречается образ прекрасной «страны бездельников» с пряничными домиками, молочными реками и кисельными берегами (ее названия: Schlaraffenland (нем.), Luilekkerland (гол.), le pays de Cocagne (фр.)), разрабатываемый и в сказках (ср., например, «Сказку о небывалой стране» братьев Гримм).

Наконец, третий содержательный компонент НЕЛЕПОГО – это алогичные объяснения, бессмысленные объединения. Он уже наблюдается в приведенных примерах, где нелепые сюжеты нанизываются один на другой без видимой связи. Такой тип нелепости отражают и русские поговорки, напр.: *В огороде бузина, (а) в Киеве дядька; Один про Фому, другой про Ерему.* Первая воспроизводит алогичное сужение, вторая описывает ситуацию бессвязного диалога. Когда теряется понимание цепи событий, также может возникать соединение необъяснимого. Например, известная формула-примета *Дурак родился*, которая говорится в момент неожиданно наступившего молчания во время шумной беседы. Прежде говорилось *Тихий ангел пролетел*; в других языках вспоминали и полицейского, судью, бедного студента, у нас сейчас – мента. В любом варианте связь событий кажется непостижимой, хотя можно попытаться восстановить их метафизическую логику, а сама формула, вовремя произнесенная, вызывает разрядку и смех (подробнее об этом см. Федорова 2016).

На внешне необъяснимой связи явлений основывается жанр загадки. В тексте загадки могут быть представлены части целого, которые в буквальном смысле (в пространственном, временном отношении) оказываются несовместимыми. Но в загадке смыслы не буквальные; Аристотель отмечал, что загадка – это хорошо составленная метафора. Нарушение привычной связи производит впечатление несуразности, нелепицы, создает эффект «обманутого ожидания» (см. об этом Фролова 2016). Вот несколько примеров: *Рот на груди, зад на бедре.* – Мать кормит младенца (сунда, Индия); *У буйвола хвост наверху.* – Трамвай (китайская); *Один цветок всю комнату заполнил.* – Свет лампы (корейская); *Курица*

повернулась хвостом к небу. – Ананас (индонезийская); Проглотил людей слон, а они и в желудке разговаривают. – Дом и люди (родезийская); Сотни голов овец на одной привязи. – Виноград (армянская); Горше яда, слаще меда. – Орех, незрелый и зрелый (табасаранская); Много тысяч цветов и два листа. – Звезды, солнце и луна (уйгурская) (см. Журинский 2007).

Каковы механизмы создания небылиц? Их несколько. Самые простые – чисто механические перестановки, перевертыши, как во всем известной шутке: *«Ехала деревня / Мимо мужика. / Вдруг из подворотни / Лают ворота./ – Тпр! – сказала лошадь, / А мужик заржал. / Лошадь пошла в гости, / А мужик стоял...»*. Ещё пример из В.И. Даля:

Пошёл я на лыко гору драть; увидел, на утках озеро плавает. Я срубил три палки: еловую, березовую, рябиновую; бросил еловую – не добросил, бросил березовую – перебросил; бросил рябиновую – угодил; озеро вспорхнуло, полетело, а утки остались (Даль ПРН).

Так же и в припеве в «Куцем Янке»: *Пей-ка трубку, кури пиво!*

Здесь сохраняется синтаксическая структура фраз, но семантика нарушена заменами, что сначала озадачивает, а когда механизм игры разгадан, производит комический эффект.

Другой приём – столкновение семантически несовместимых понятий. Как правило, совмещается противоположное: горячее и холодное (*У печи колодец ставил*), живое и неживое (*Видел я, как две жареные курицы летели и все на них глядели* – дитмарская сказка), мокрое и сухое (*Как пылала Висла, сеном заливали*), твердое и мягкое (*Топором опоясался, подпирался он мешком*). Эти совмещения происходят в контекстах нецелесообразности действий (тушить горящее горючим, опоясываться негнушимся, опираться на пустое) или в сюжетах приписывания невозможных способностей (*Слепой первый зайца увидел, немой его криком спугнул, а безрукий его за шиворот притянул* – дитмарская сказка).

Можно выделить и приемы нарушения естественной картины мира: *Раз пошла иголка в море, да медведя заколола; Рига разыгралась, за зайцем погналась, Изба испугалась и в окно убралась* («Куцый Янек»). Такие картинки трудно представить, здесь все необычно: и субъекты, и их действия. Текст нарушает тождество субъекта самому себе. Восстановить нормальный ход событий можно было бы – заменив субъект действия на одушевленный, но такой не дан в тексте. И тогда пропадёт комический эффект нелепого.

И ещё один приём – построение умозаключений, имитирующих логическую связность: *В риге поросенка родила синица: Видно немцем будет – бурым уродился!* («Куцый Янек»). Из невозможной посылки выводится и невероятное предположение. В отличие от простых механизмов перевертыша здесь вывод непредсказуем, не просто нелеп, но и абсурден, как и в русской поговорке: *В огороде бузина, (а) в Киеве дядька*. Небылица, как правило, содержит ряд нелепостей; их объединение

может имитировать связный сюжет, но связь лишь поверхностная: *Как коза женилась и овечка замуж шла, / Хвост свернула курица, тёлочка яйцо снесла.* («Куцый Янек»). Общий смысл – все не так! и это весело! В этом суть карнавальной смеховой культуры, по М.М. Бахтину.

Ольга Александровна Мещерякова, ЕГУ им. И.А. Бунина, Елец
lameo56@yandex.ru

Семантика русских пословиц с антропонимом

Русская пословица (Даль 2002; Решетников 2005) изобилует именами собственными. Особое распространение получил оним, обозначающий человека, – антропоним.

В не-паремической картине мира антропоним «служит для выделения именуемого им объекта среди других в том же классе» (Подольская 1997, 288). Подобная функция позволяет говорить об индивидуализирующем компоненте значения (называемом также семой индивидуализации), сопряжённом с указанием на определённый референт (Ермолович 2007, 98).

В пословице, которую относят к «общемировоззренческому необрядовому фольклору» (Аникин 2004, 237), использование антропонима обусловлено когнитивным освоением мира действительности и обобщением всего того, что относится к общественной и частной жизни человека. Поэтому в пословице идентификационно-дифференцирующая функция антропонима заменяется на функцию обобщения. Её реализация становится основой для использования антропонима в качестве эстетического средства объективации концепта «человек» и его когнитивных признаков.

Грамматическая форма мужского / женского рода, проявляющаяся у каждого антропонима, реализует в первую очередь признак ‘пол человека’ и обуславливает различие даже между однокоренными онимами (*Устин – Устинья*). Поэтому каждое употребленное в пословице имя ориентирует или на мужчину, или на женщину. Объективация признака ‘пол человека’ помогает пословице номинировать различные житейские ситуации, связанные с отношениями мужчины – женщины, женщины – женщины, мужчины – мужчины. Например, в пословице *Жила себе Тоня, да вышла за Афоню* соединение мужского и женского имени указывает на свадьбу и замужество. В другой пословице два женских имени номинирует свадьбу, замужество для одной женщины и измену для другой: *Выдали замуж Аню, да не ведала Таня, что своего жениха потеряла.*

Среди паремий с антропонимическим компонентом можно выделить те пословицы, смысловое содержание которой состоит в характеристике людей.

Одно мужское имя указывает на обобщённые свойства личности мужчины, соответственно одно женское имя – на свойства личности женщины. Причём сами эти свойства носят не универсальный, а сугубо гендерный характер.

Так, в пословицах с антропонимом в гендерном аспекте дифференцируется признак *красивый/красивая/ некрасивый / некрасивая*.

В пословицах с женским именем внешняя красота связывается с цветом глаз, стройностью, красивой походкой, красивым цветом волос / красивыми лентами в волосах, красивой кожей: *Марья-Марина, очи голубины; Наша Ирина что балерина; Ходит Лиза что маркиза; У Лены и волосы льняные; Маша – краса, ленты алы в волосах; У Олены руки холены*. Отрицательно оценивается неряшливость внешнего вида женщины, её одежды: *Что за Ирка – платье в дырках; Что ни Машка, то замарашка; Машка – замарашка, вся в букашках*. Кроме того, в «женских» пословицах признак *красивый / некрасивый* ориентирован на статус незамужней / замужней женщины: *Не было краше нашей Наташи, пока замуж не выдали*. Пословиц с антропонимом, указывающим на положительную оценку внешности мужчины, мы не нашли, что говорит о коммуникативной неостребованности данной семантики. Пословицы, содержащие мужское имя и имеющие семантику отрицательной оценки внешнего вида мужчины, указывают на грязь во внешнем облике, «неумытость»: *У вашего Никиты морда немыта*. Актуализируется признак ‘лысеющий’: *Федя-Феденька, волосья реденьки*. Однако здесь нет оценки ни со знаком плюс, ни со знаком минус, но выражается сожаление (повтор имени в уменьшительно-ласкательной форме, уменьшительно-ласкательный суффикс прилагательного).

Общее в семантике пословиц с мужскими и женскими антропонимами о внешних характеристиках – это отрицательная оценка излишней полноты, но все равно они различны в выявлении объекта, который безобразит мужчину и женщину. У женщины – это живот: *Эка, Настюха, отрастила брюхо!* У мужчин – упитанное лицо: *У Кондрата морда квадрата*. Также высмеивается излишняя полнота во всём облике мужчины: *Стоит Мирон, не обойти ни с каких сторон; Идет Афанасий – восемь на семь*.

Паремии с одним мужским / женским именем дают оценку и другим качествам личности мужчины и женщины, при этом сами объекты оценки отличаются.

Например, для пословиц с мужским именем характерно оценивание физической силы / слабости (*Взялся Пуд за пуд, да не осилил; Пришёл Пуд, принёс соли пуд; Семёнов Сенька слабоват маленько; Устал Максим, больше нету сил*). Как видим, в подобных паремиях активно используются омонимы Пуд (имя) – пуд (мера веса).

Деньги играют большую роль в жизни мужчины, определяют уровень его состоятельности. Поэтому мужской антропоним используется

в пословицах, когда речь идёт, во-первых, об отношении мужчины к деньгам (*Что Терёха, то и мот; У Терёшки нет и трёшки*), во-вторых, об отношении окружающих к мужчинам с деньгами и без денег: *При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил* (или: *всем посыл*); *Добр Мартын, коли есть алтын*.

Мужское имя включается также в те пословицы, содержание которых связано с оценкой отношения мужчины к мужской работе: *Тим, иди молотить. – Брюхо болтит. Тим, иди кашу есть. – Где моя большая ложка?* Оценке подвергаются и такие черты характера, как буйство / смирность (*Никифор живет лихо. Наш Никифор – мужик тихий*) и некоторые другие (*Наш Антип чужой хлеб есть не привык*).

В пословицах с женским именем оценивается характер эмоционального, в том числе звукового поведения (*Взбесилась Лена – на губах пена. Наша Леночка поёт пеночкой; Не плачет Елена – ревет, как сирена*), отношение к людям *У злой Натальи все люди – каналы; Не подходите близко – идёт Лизка*, а также поведение в любовных отношениях *Эй, Манька, на жениха поглянь-ка; Где Елена, там измена*.

Ещё один семантический аспект паремий с одним антропонимом – воспроизведение характера хозяйственной, социальной, культурной деятельности, времяпрепровождения в зависимости от принадлежности человека к мужскому или женскому полу.

Для пословиц с женским именем свойственна оценка умений женщины в женской работе по дому и в поле, а также оценка того, насколько женщина заботится о детях: *У Федоры – грязной посуды горы; У растрёпы Машки в поле клевер да ромашки; У Алёны / Матрёны дети холёны*. Пословицы с мужским именем дают оценку работы пастуха, охотника: *Не пастух Пуд, коли в руках прут, а не кнут; Наш Федя возьмёт и медведя*. Отрицательно оценивается способность тратить время впустую: *У Юрки каждый день прогулки*. Особое внимание уделяется тем качествам мужчины, которые он проявляет как жених, ухажёр: *Наш Терёшка без гармошки девушек приваживает*.

Общим для паремий с мужским и женским именем является осуждение пьянства: *Испила Машка бражки, да и хватилась рубашки; Наш Степанушка простак, побежал с утра в кабак*.

Два-три разных антропонима, относящихся к мужскому роду, участвуют не только в характеристике мужчин, но и в их противопоставлении.

В народном сознании богатство является важной характеристикой мужчины. Пословицы с несколькими мужскими именами включают как семантику оценки мужской состоятельности, так и семантику противопоставления, но не богатого и бедного, а богатого и менее богатого. *Богат Михай – не сравнятся с ним ни Мокей, не Моусей*.

Пословицы с двумя мужскими антропонимами противопоставляют мужчин не только по их богатству, но и по свойствам характера и ума:

Хоть был хитрым Моисей, – обхитрил его Михей; Быть Семёну умёну, а Сеньке – в драной шапке ходить; Моисей-то грамотей, да наш Наум пограмотней будет. Противопоставляется отношение окружающих к разным мужчинам в зависимости от их отношения к людям: *И худой Ермил, да богомил; и хороший Влас да подальше от нас.*

Кроме того, оценивается ситуация мужской дружбы; мужского способа выяснения отношений: *Куда Титка, туда и Митка; Не бей Фому за Ерёмину вину; Митька с Микиткой не боятся Титку;* мужского способа времяпрепровождения: *Пошёл в поле Терентий, Ерёму встретил – нет их боле ни дома, ни в поле.*

В пословицах с двумя-тремя женскими именами оценивается нечто иное, чем в пословицах с несколькими мужскими именами. В них нет оценки богатства, ума женщины. Такие пословицы часто не оценивают, а описывают как ситуацию дружбы, так и соперничества: *Где Ирина, там и Марина – порознь не бывают; Выдали замуж Аню, да не ведала Таня, что своего жениха потеряла.*

Встречаются пословицы, в которых два антропонима, но они относятся к мужскому и женскому роду, поэтому репрезентируют ситуации, связанные с различными сторонами взаимоотношений мужчины и женщины. Часто в таких паремиях представлены различные ситуации ухаживания со всеми перипетиями: *Наш Терёшка – у Матрёшки, будет дома к вечеру; Шел Семён к Арине, завернул к Ирине, там и остался; Пошёл Арсений к Елене, да заблудился в снях.*

В паремиях с мужским и женским именем нередко разыгрываются пьесы семейной жизни, как счастливые: *Взял Максимка Симку и не нарадуется;* так и драматичные: *Вышла Пелагея за Адея, да не ладит он с нею.*

В некоторых пословицах вместо имени может использоваться номинация семейного статуса, что лишней раз указывает на общую для подобного апеллятива и онима гендерную семантику, например, вместо мужского имени – слово *муж*, при этом женское имя даётся вариативно: *Муж на Елену – с кнутом, а Лена на мужа – с поленом.* В данном примере изменение форм имени (полное – неполное) связано с ритмизацией пословицы и разграничения семантики в этих формах не наблюдается.

Проведённый анализ русских пословиц с антропонимом показал, что в паремии личное имя утрачивает в своей семантике индивидуализирующий компонент. Номинативная функция антропонима, сохраняясь, модифицируется. Мужские и женские имена служат средством объективации концепта «человек», в первую очередь такого его когнитивного признака, как ‘пол человека’.

Категория рода, свойственная антропониму, обуславливает гендерную семантику пословицы. В паремии осуществляется характеристика человека с гендерных позиций.

В пословицах с мужским именем антропоним запускает семантику положительной или отрицательной оценки человека по его времяпрепровождению, результатам хозяйственной деятельности как хозяина дома, а также по его поведению в качестве жениха или ухажёра. В пословицах с женским именем положительно или отрицательно оценивается умение женщины / девушки справляться со свойственной ей работой в поле и дома, внимание привлекают также особенности её поведения как невесты и характер выражения эмоций.

Общим семантическим компонентом для пословиц с женским и мужским антропонимом является отрицательная оценка пьянства; гендерные отличия в подобных ситуациях отступают на задний план.

Когнитивный признак 'внешняя красота' реализуется в пословицах как с женским, так и с мужским антропонимом, но содержание подобных паремий далеко не тождественно, оно зависит от гендерного основания.

Таким образом, употреблённый в русской пословице антропоним, объективируя концепт 'человек', необходим ещё для экспрессивного выражения гендерной семантики.

LITERATURA

- ABRAMOWSKA, J.: Polska bajka ezopowa. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu 1991. – 382 s.
- BAŃKO, M.: Inny słownik języka polskiego. T. 1. A–Ó. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2014. – 1213 s.
- BAŃKO, M.: Słownik porównań. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2004. – 226 s.
- BAŃKOWSKI, A.: Etymologiczny słownik języka polskiego. T. II. L–O. Warszawa: PWN, 2000. – 974 s.
- BÁRDOSI, V.: Magyar szólástár. Budapest: TINTA KÖNYVKIADÓ, 2003. – XIII p.
- BARTMIŃSKI, J.: Językowe podstawy obrazu świata. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2006. – 318 s.
- BĄBA, S. – DZIAMSKA, G. – LIBEREK, J.: Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: PWN, 1995. – 775 s.
- BECELA, J. – GRUSZCZŃSKI, W.: Polszczyzna na czatach // *Studia Medioznawcze*. – Nr. 3 (13). – 2003. Warszawa. – S. 75–92.
- BOTICA, S. i studenti: Suvremeni hrvatski grafiti. Od 1992. do 2009. Zagreb: Naklada Pavičić 2010. – 400 s.
- BOTICA, S.: Grafiti i njihova struktura // *Umjetnost riječi, časopis za znanost o književnosti*. – 2001, XLV, br. 1. – S. 79–88.
- BYSTRONŃ, J. S.: Przysłowia polskie. Kraków: Polska Akademia Umiejętności 1933. – 260 s.
- BYSTRONŃ, J. S.: Przysłowia utworzone z fragmentów pieśni ludowych // *Prace i Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne*. – T. 2, cz. 1–2, 1921. – S. 29–54.
- COOPER, J.: Zwierzęta symboliczne i mityczne. Przeł. A. Kozłowska-Ryś, L. Ryś. Poznań: Rebis 1998. – 339 s.
- CZESZEWSKI, M.: Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa: PWN, 2006. – 388 s.
- Dr. WORT (KRAUSE, J.): *Mich laust der Affe: Neues aus der Welt der Redewendungen*. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. – 222 S.
- DUDEN Bd. 11: *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992. – 864 S.
- DVOŘÁK, K.: Nejstarší české pohádky. Praha: Argo, 2001. – 216 s.
- DVOŘÁK, K.: *Soupis staročeských exempel*. Praha: Univerzita Karlova, 1978. – 177 s.
- FEDOROVA, L.L. Русский, французский и польский дурак: сопоставление концептов // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata słowiańskich sąsiadów*. Lublin, 2014. – S. 345–366.
- FICOWSKI, J.: *Cyganie na polskich drogach*. Warszawa: Wydawnictwo Nisza 2013. – 549 s.
- FINK, Ž.: *Frazeološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom* // *Zbornik Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku „Tekst i diskurs“*. – Ed. Marin Andrijašević i Lovorka Zergollern-Miletić. Zagreb: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku 1997. – S. 325–331.
- FINK, Ž.: *Što nam kaže srce? (od reklamnog slogana do frazeosheme)* // *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, серия «Филология. Социальные коммуникации»*. –Т. 25 (64), № 2 (1). Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского 2012. – С. 1–140.
- FLEISCHER, W.: *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1982. – 250 S.
- FORGÁCS, T., *Magyar szólások és közmondások szótára*. Budapest: TINTA, 2003. – 822 lap.
- FORGÁCS, T.: *Bevezetés a frazeológiába*. Budapest: TINTA, 2007. – 292 p.
- GOLDKUHL, G. *Conversational Analysis as a Theoretical Foundations for language Action Approaches* // *Proceedings of the 8th International Working Conference on the Language-*

- Action Perspective on Communication Modelling. Tilberg, Netherlands: Linköping University, 2003. – P. 51–69.
- GROCHOWSKI, P.: Wstęp. Słów kilka o ubocznych skutkach ptasiej grypy // Folklor w dobie Internetu. – Pod red. G. Gańczarczyk i P. Grochowskiego. Toruń 2009. – S. 7–11.
- GRZENIA, J.: Komunikacja językowa w Internecie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2006. – 214 s.
- GUSTAWICZ, B: Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody, cz. 1, Zwierzęta. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1881. – 85 s.
- HAARMANN, H.: Schwarz. Eine kleine Kulturgeschichte. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2005. –
- HABERMAS, J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. – Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. – 1080 p.
- HÄFTEN 1895: Häften, Adolf. Die deutsche Sprachinsel Gottschee. Geschichte und Mundart, Lebensverhältnisse, Sitten und Gebräuche, Sagen, Märchen und Lieder. Graz, 1895. Reprint: Hildesheim: Georg Olms, 1979. – 468 S. + 1 Landkarte.
- HOFSTEDE, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organisations Accross Nations. – 2d ed. California: Thousands Oaks, 2001/ 3d ed. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2008. – 530 p.
- HRADECKA, S.: Przyczyunki do wierzeń ludu z Wierzbanowy, pow. Wieliczka // Lud. – T. 9. – 1903. – S. 64–68.
- HUSSAR, A. – KRIKMANN, A. и др.: Hussar, A. – Krikmann, A. – Normann, E. – Pino, V. – Sarv, I. – Saukas, R. (koost). Eesti vanasõnad. I. 1-5000. (Toim. A. Krikmann, I. Sarv). Tallinn: Kirjastus „Eesti Raamat“, 1980. – 910 lk.
- HUSSAR, A. – KRIKMANN, A. и др.: Hussar, A. – Krikmann, A. – Normann, E. – Pino, V. – Sarv, I. – Saukas, R. (koost). Eesti vanasõnad. II. 5001-10000. (Toim. A. Krikmann, I. Sarv). Tallinn: Kirjastus „Eesti Raamat“, 1983. – 866 lk.
- HUSSAR, A. – KRIKMANN, A. и др.: Hussar, A. – Krikmann, A. – Normann, E. – Pino, V. – Sarv, I. – Saukas, R. (koost). Eesti vanasõnad. III. 10001-15140. (Toim. A. Krikmann, I. Sarv). – Tallinn: Kirjastus „Eesti Raamat“, 1985. – 911 lk.
- IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J. – MITURSKA-BOJANOWSKA, J.: Трансформации выражения „mięso armatnie/пушечное мясо” в польском и русском языках. // Фразеология и языковая динамика. Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–19.03.2010). Greifswald – Sankt-Petersburg: Изд-во ЛЕМА, 2011. – с. 56–60.
- IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J. – MITURSKA-BOJANOWSKA, J.: „Szklany sufit/стеклянный потолок” we współczesnej polszczyźnie i ruszczyźnie. // Słowo. Tekst. Czas XI, pod red. M.Hordy, W. Mokijenki, T. Szutkowskiego, H. Waltera, Szczecin– Greifswald: PPH ZAPOL, 2012. – s. 209–216.
- IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J. – MITURSKA-BOJANOWSKA, J.: Трансформации 2016, Выражение „голосовать ногами”/”głosować nogami” в современных русском и польском языках. // „Studia Rossica Posnaniensia”, nr XLI, 2016.
- Kad ti kuća gori, a ti se ogrij (priredio Stipe Botica). Zagreb: Naklada Pavičić 2007. – 381 s.
- KAJFOSZ, J.: Miejsce folkloru w konstruowaniu współczesnego świata // Kultura popularna. – 2012. – Nr 3(33). – S. 44 – 63.
- KAMIŃSKA, A.: Niecne memy dwanaście wykładów kulturze Internetu. Poznań: Galeria Miejska „Arsenał”, 2001. – 318 s.
- KĄŚ, J. – LEWANDOWSKA, B: Pieśni z Orawy. Kraków: Musica Iagellonica, 2007. – 105 s.
- KASJAN, J. M.: Polska zagadka ludowa. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. –145 s.
- KEBER, J.: Frazeologoški slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC ZAZU, 2003. – 124 S.

- KEBER, J.: Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC ZAZU, 2011. – 1158 S.
- KEMPF, Z.: Wyrazy „gorsze” dotyczące zwierząt // *Język Polski*. – 1985. – T. 65, nr 2-3. – S. 125 – 144.
- KLUGE, F.: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bearb. v. Elmar Seebold. 24., durchges. u. erw. Aufl. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2002. – 1023 S.
- KOLBERG, O: *Dzieła wszystkie*, t. 44 i 45: *Góry i Pogórze*. Wrocław – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968.
- KOPALIŃSKI, W.: *Słownik symboli*. Warszawa: Rytm, 2006. – 521 s.
- KOPALIŃSKI, W.: *Słownik mitów i tradycji kultury*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm Bellona S.A., 2011. – 1510 s.
- KÖSTER, R.: *Eigennamen im deutschen Wortschatz: Ein Lexikon*. – Berlin: De Gruyter, 2003. – 219 S.
- KRAWCZYK-WASILEWSKA, H.: *E-folklor jako zjawisko kultury digitalnej // Folklor w dobie Internetu*. Pod red. G. Gańczarczyk i P. Grochowskiego. Toruń 2009. – S. 15–22.
- KRIKMANN, A.: 1001 Frage zur logischen Struktur der Sprachwörter // *Semiotische Studien zum Sprichwörter: Simple Forms Reconsidered I. Special issue of Kodikas / Code - Ars Semeiotica // International Journal of Semiotics*. – № ¾. – 1984. – Vol.7. – P. 387–408.
- KRZESZOWSKI, T.: *Aksjologiczne aspekty semantyki językoznawczej*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. – 95 s.
- KRZYŻANOWSKI, J.: *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. – T. 1. A – J. Red. S. Świrko. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. – 881 s.; T. 2. K – P. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970. – 1165 s.; T. 3. R – Ż. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. – 996 s.
- KRZYŻANOWSKI, J.: *Przysłowie i bajka w folklorze polskim // J. Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne*, t. 3: *Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysłowioznawstwa*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1980a. – S. 102–120.
- KRZYŻANOWSKI, J.: *Przysłowie i zagadka // J. Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne*, t. 3: *Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysłowioznawstwa*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1980b. – S. 121–122.
- KRZYŻANOWSKI, J.: *W krainie bajki // J. Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne*, t. 2: *W kręgu pieśni. W krainie bajki*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1980c. – S. 133–395.
- KÜPPER, H.: *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. – Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1995. – 959 S.
- LEBDA, R.: *Wielki słownik frazeologiczny*, Kraków: Krakowskie Wydawnictwo Naukowe, 2008.
- LEGEŻYŃSKA, A.: *Kryłow po polsku. Teoretyczne problemy tłumaczenia bajki // Pamiętnik Literacki*. – LXXI z. 1. – 1980. – S. 123–151.
- LUFFER, J.: *Katalog českých démonologických pověstí*. Praha: Academia, 2014. – 240 s.
- MĘDAK, S.: *Praktyczny słownik łączliwości składniowej czasowników polskich*. Kraków: Universitas, 2005. – 773 s.
- MENAC, A. – FINK ARSOVSKI, Ž. – VENTURIN, R.: *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak, 2014. – 794 s.
- MIKIĆ, P. – ŠKARA, D.: *Kontrastivni rječnik poslovice*. Zagreb: August Cesarec – Školska knjiga, 1992. – 389 s.
- MIŁOSZEWSKA, A.: *Trzeci język // Kultura popularna*. – 2012. – Nr. 3 (33). – S. 64 – 69.
- MITURSKA-BOJANOWSKA, J. – IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J.: „Opera mydlana/мыльная опера” в современных польском и русском языках. // *Rossica Olomucensia*, num. 2, vol. XLIX, 2010. – s. 33–38.

- MÜLDNER-NIECKOWSKI, P.: Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Świat Książki, 2003. – 1088 s.
- MÜLLER, K.: Lexikon der Redensarten. 4000 deutsche Redensarten, ihre Bedeutung und Herkunft. Hrsg. v. K. Müller. – München: Bassermann, 2005. – 781 S.
- MÜLLER-FRAUREUTH, C.: Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen. – Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1965. – 142 S.
- NACISCIONE, A. Phraseological Units in Discourse: towards applied stylistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 278 p.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. См. KRZYŻANOWSKI, J.: Nowa księga.
- OLSCHANSKI, H.: Täuschende Wörter. Kleines Lexikon der Volksetymologien. Stuttgart: P. Reclam jun., 1999; 2005. – 253 S.
- PASCHKE, R.: Studentenhistorisches Lexikon. Gemeinschaft für deutsche Studentengeschichte. Köln: SH-Verlag, 1997. – 303 S.
- PODIUKOV, I.: The cultural semantics of water idioms in Russian dialects // Meanings and Values of Water in Russian Culture. Edited by Jane Costlow, Arja Rosenholm. Routledge, Taylor & Francis Group, England, Farnham, 2016. – Pp. 15–31.
- POSLOVICE, ZAGONETKE I GOVORNIČKI OBLICI (priredio Josip Kekez). Zagreb: Matica hrvatska, 1996. 377 s.
- PROBST, E.: Der Schwarze Peter. Ein Räuber im Hunsrück und Odenwald. Mainz: Verlag Ernst Probst, 2005 – (München: GRIN Verlag, 2010).
- RAK, M.: Kulturomy podhalańskie // „Biblioteka LingVariów”. – T. 19. Kraków: Księgarnia Akademicka 2015. – 430 s.
- RAK, M.: Pieśniowość gwarowej frazeologii Podtatrza // We wspólnocie narodów i kultur. W kręgu relacji polsko-rumuńskich. Ed. S. Iachimovschi. Suceava: Editor. – S. 280–288.
- RAK, M.: Materiały do etnografii Podhala // „Biblioteka LingVariów”. – T. 22. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. – 446 s.
- RAK, M.: Materiały etnograficzne z Podhala Ignacego Moczydłowskiego // „Biblioteka LingVariów”. – T. 11. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2011. – 321 s.
- REJZEK, J.: Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2015. – 824 s.
- RODZIEWICZ, B.: Frazemy komparatywne z komponentem zoonimicznym w języku polskim, rosyjskim i niemieckim. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2007. – 192 s.
- RÖHRICH, L.: Röhrich Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg-Basel-Wien: Herder, 1982. – 1255 S.
- RÖHRICH, L.: Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. Herder/Spektrum. Bd. 4800. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 2001⁵. – 1910 S.
- ROSYJSKO-POLSKI SŁOWNIK PAREMIOLOGICZNY. Red. J. Lukszyn. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. – 302 s.
- SCHEMANN, H.: Deutsche Idiomatik – die deutschen Redewendungen im Kontext. 2., akt. Aufl. mit vollständig überarbeiteter Einleitung. Berlin: De Gruyter, 2011. – 1037 S.
- SEDLIĆ, R.: Lijepa lijepu nosi. Rječnik poslovice. Poslovice na dvadeset različitih europskih jezika. Slavonski Brod: Europe House, 2001. – 379 s.
- SEILER, F.: Deutsche Sprichwörterkunde. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Oskar Beck. 1922. Nachdruck Bremen: Unikum Verlag, 2011. – 457 S.
- SIMPLE FORMS. An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature. Koch Walter A. (ed.) Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1994. – 425 p.
- SKORUPKA, S.: Słownik frazeologiczny języka polskiego. Tom pierwszy A-P. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. – 788 s.

- SKORUPSKA-RACZYŃSKA, E.: Nie trwam o jedzę, kiedy dobrze siedzę. O jedzeniu i żarciu w paremiologii polskiej dawnej i współczesnej // *Poznańskie Studia Polonistyczne*. – 2016. – nr 1. – S. 95 – 115.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky, 1–4. (Red. Fr.Čermák, J.Hronek, J.Machač). Praha: LEDA 2009 – SČFI /I, Přirovnání, 1983, 2009.
- STĚPANOVA, L.: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc: UPOL, 2007. – 878 c.
- STYPUŁA, R.: Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2003. – 999 s.
- Suvremeni hrvatski grafiti (priredio Stipe Botica). Zagreb: Naklada Pavičić 2000. – 230 s.
- ŚWIERCZYŃSKA, D.: Przysłowia są... na wszystko. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 548 s.
- TILLE, V.: Soudpis českých pohádek. Díl I, II/1, 2. – Praha: Česká akademie věd a umění, 1929 – 1937.
- UŽAREVIĆ, J.: Pozdravi cvijeće, zalij mamu (semantičke transformacije u grafitima) // *Stručak riječima ispunjen*. Zbornik radova posvećen Antici Menac o njezinu 90. rođendanu. Ed. Željka Fink Arsovski. Zagreb: FF press, 2012. – S. 133 – 140.
- WALTER, H.: Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Teil 1. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. – 334 S.
- WALTER, H.: Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Redaktion: J.-M. Becker. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. – 284 S.
- WALTER, H. – MOKIENKO, V.M.: (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011. – 460 S.
- WALTER, H. – MOKIENKO, V.M. – KUSAL, K. – KOMOROWSKA, E.: Russisch-Deutsch-Polnisches Wörterbuch aktiver Sprichwörter. Mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald: Szczecin: VOLUMINA, 2014. – 433 S.
- WIELKI SŁOWNIK FRAZEOLOGICZNY PWN Z PRZYSŁOWIAMI. Oprac. A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz. Warszawa: PWN. – 841 s.
- Wybór polskich pieśni ludowych, t. 2. Red. M. Sobieski. Kraków: Polskie Wydawnictwo Muzyczne 1955. – 187 s.
- WYSOCZAŃSKI, W.: Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. – 398 s.
- YULE, G.: *Pragmatics*. London: Oxford University Press, 1996. – 196 p.
- ZEJSZNER, L.: *Pieśni ludu Podhalan, czyli górali tatrowych polskich*. Warszawa: Redakcja Biblioteki Warszawskiej, 1845. – 171 s.
- АБАКУМОВА, О.Б.: *Пословицы в языке, сознании и коммуникации*. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. – 354 с.
- АГАПКИНА, Т.А. – ВИНОГРАДОВА, Л.Н.: *Благопожелание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 188–191.
- АГАПКИНА, Т.А. ВИНОГРАДОВА, Л.Н.: *Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал*. М.: Наука, 1994. – С. 168–208.
- АГАПКИНА, Т.А.: *Дуб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1999а. – Т. 2. – С. 141–146.
- АГАПКИНА, Т.А.: *Кизил // Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1999б. – Т. 2. – С. 492–494.

- АДОНЬЕВА, С.Б.: Прагматика фольклора. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Амфора, 2004. – 312 с.
- АЛЕКСЕЕНКО, М.А. – БЕЛОУСОВА, Т.П. – ЛИТВИННИКОВА, О.И.: Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М.: ИТИ Технологии, 2004. – 238 с.
- АЛЕЩЕНКО, Е.И.: Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). – Дисс. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2008. – 431 с.
- АЛЕЩЕНКО, Е.И.: Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). – Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2008. – 42 с.
- АНДРЕЕВ, В.К.: Реалии молодежных субкультур в текстах русского постфольклора // Вестник Новгородского ГУ. – 2010. – № 57. – С. 7–9.
- АНДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, В.П.: Пословицы и поговорки // Избранные пословицы и поговорки русского народа. Сост: Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова. М.: Гослитиздат, 1957. – С. 5–13.
- АНИКИН, В.П.: Русские пословицы и поговорки. Под ред. В.П. Аникина; Предисл. В.П. Аникина. Сост. Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин. Москва: Художественная литература, 1988. – 431 с.
- АНИКИН, В.П.: Русское устное народное творчество. Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. – 735 с.
- АНИКИН, В.П.: Теория фольклора: Курс лекций. М.: МГУ, 1996. – 408 с.
- АНИКИН, В.П.: Традиции жанра как критерий фольклора в современном творчестве (частушки и пословицы) // Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор IX. М.; Л., 1964. – С. 82–96.
- АНИЩЕНКО, О.: Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: Изд-во ЭЛПИС, 2007. – 368 с.
- АНТОНЯКОВА, Д.А.: Фразеологические единицы русского языка, связанные с обычаями и обрядами: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1995. – 144 с.
- АОС: Архангельский областной словарь. Вып. 10 / Н.А. Артамонова, О.Г. Гецова, И.Б. Качинская и др. М.: Наука, 1999. – 479 с.
- АШУКИН, Н.С. – АШУКИНА, М.Г.: Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Художественная литература, 1987. – 526 с.
- БАЛАКОВА, Д. – ВАЛЬТЕР, Х. – МОКИЕНКО, В.М.: Из библейской мудрости / *Z biblickej múdrosti / Biblische Weisheiten*. Грайфсвальд, 2015. – 344 с.
- БАЛАКОВА, Д. – КОВАЧОВА, В. – МОКИЕНКО, В.М.: Наследие Библии во фразеологии. Грайфсвальд: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. – 307 S.
- БАЛАНДИНА, Н.Ф.: Береза і калина в сучасній мовній свідомості (за матеріалами вільного асоціативного експерименту) // Мовознавство. Київ 2011. – № 5. – С. 50–59.
- БАРАНОВ, А.Н. – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О.: Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, 2014. – 312 с.
- БАРАНОВ, А.Н. – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О.: Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. – 312 с.
- БАРАНОВ, А.Н. – ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О.: Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и в говорах. Орел: Изд-во ОГУ, 2010. – С. 80–87.
- БАРКОВА, В.В. – ВОЛКОВА Н.Г.: Народный фольклор – средство развития личности ребёнка // Вопросы дошкольной педагогики. – №1. 2016. – С. 12–14.
- БЕЛОВИНСКИЙ, Л.В.: Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 910 с.
- БЕНВЕНИСТ, Э.: Именное предложение // БЕНВЕНИСТ, Э.: Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – С. 167–183.

- БЕРЕЗОВИЧ, Е.Л. – ВИНОГРАДОВА, Л.Н.: Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Индрик, 2012. – С. 520–527.
- БЕРКОВ В.П. – МОКИЕНКО В.М. – ШУЛЕЖКОВА С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2000. – 624 с.
- БЕРКОВ, В. П. – МОКИЕНКО, В. М. – ШУЛЕЖКОВА С. Г.: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2-х т. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
- БИРИХ, А.К. – МОКИЕНКО, В.М. – СТЕПАНОВА, Л.И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – Санкт-Петербург: Фолио–Пресс, 1998. – 704 с.
- БИРИХ, А.К. – МОКИЕНКО, В.М. – СТЕПАНОВА, Л.И.: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
- БЛОНОЖЕНКО, В.М. – ВИННИК, В.О. – ГНАТЮК, І.С. та ін.: Фразеологічний словник української мови. Книга 1 та 2. Київ, 1993. – 984 с.
- БЛОК, А.А.: О реалистах // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. Проза: 1903–1917 / Подгот. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. – С. 199–130.
- БМС 2005: см. БИРИХ, А.К. – МОКИЕНКО, В.М. – СТЕПАНОВА, Л.И
- БМШ: БЕРКОВ, В.П. – МОКИЕНКО, В.М. – ШУЛЕЖКОВА, С.Г.: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, 2000. – 624 с.
- БОГАТЫРЕВ, П.Г.: Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006. – 288 с.
- БОГАТЫРЕВА, Е.Н.: Семантическая структура и структурно-семантическая моделированность фразеологических единиц с компонентами-наименованиями воды и водоёмов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2015. – 222 с.
- БОГДАНОВ, А.И.: Собрание пословиц А.И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.–Л., 1961. – С. 65–118; 259–263.
- БОРОХОВ, Э.: Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М.: Изд-во АСТ, 1999. – 720 с.
- БРЕДИС, М.А.: Лингвокультурологическая парадигма денежных отношений в поговорках (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) // Паремнология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Ред. О.В. Ломакина. М.: Ленанд, 2015. – с. 191–213.
- БСРЖ: см. МОКИЕНКО – НИКИТИНА 2000.
- БУЙ, В.: Заветная русская идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995. – 309 с.
- БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. /Отв. ред. В.Н.Телия / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др. АСТ-ПРЕСС КНИГА. Москва, 2006. – 784 с.
- БЫКОВ, Д.Л.: Советская литература. Расширенный курс. М.: ПРОЗАИК, 2015. – 575 с.
- ВАЛЬТЕР, Х.: Как чёрная овца попала в русский словарь, а паршивая в немецкий? (О двух немецких «библейских» животных в немецкой фразеологии) // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Научн. ред. А.М. Мелерович. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 18–22.
- ВАЛЬТЕР, Х. – МОКИЕНКО, В.М. – НИКИТИНА, Т.Г.: Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 360 [8] с.

- ВАЛЬТЕР, Х. – МОКИЕНКО, В.М.: Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург: Нева, 2005. – 574 с.; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2010. – 576 с.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, А.Н.: Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. – 408 с.
- ГАЛОЧКИН, Н.М. – ЧЕРВЯКОВСКИЙ, С.А. Пословицы и поговорки: Сборник советских пословиц и поговорок. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1955. – 37 с.
- ГАСПАРОВ, М.Л.: Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 43.
- ГВОЗДАРЕВ, Ю.А.: Основы русского фразеобразования. Ростов-на-Дону: Ростовский ГУ, 1977. – 184 с.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К.С.: Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, Ермак, 2004. – 285 с.
- ГОРЬКИЙ М. Жизнь Клима Самгина (сорок лет) // Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения в двадцати пяти томах. Москва: Наука, т. 21—24, 1974—1975.
- ГОРЬКИЙ, М.: Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
- ГРИНЧЕНКО, Б.Д.: Словарь української мови. Тт. 1-4. Київ, 1908-1909.
- ГУДКОВ, Д.Б.: Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ): Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2004. – С.115–116.
- ГУРА, А.: Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. – 911 с.
- ГУРЕВИЧ, А.Я.: Культурология. М.: Знание, 1996. – 288 с.
- ГЮЛУМЯНЦ, К.: Фольклорные элементы во фразеологии современных славянских языков. Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 286 с.
- ДАВЫДОВА, О.А.: Долгая жизнь сказочной формулы // Русская речь, 1983. – N 4. – С. 106–108.
- ДАЛЬ, В.И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3, в 4 т. Санкт-Петербург: Изд. тов. М.О. Вольф, 1903-1909.
- ДАЛЬ, В.И.: Пословицы русского народа. М.: ГИХЛ, 1957. – 990 с.; М.: ННН, Эксмо, 2002. – 616 с.
- ДАЛЬ, В.И.: Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В двух томах. М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1 (а). – 382 с.; Т. 2 (б). – 399 с.
- ДАЛЬ, В.И.: Толковый словарь живого великорусского языка. СПб–М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – Т. 4. – 704 с.
- ДАЛЬ, В.И.: Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Русский язык, 1981. – Т. 1 (а) – 699 с.; Т. 2 (б) – 779 с.
- ДАЛЬ, В.И.: Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Русский язык, 1982. – Т. 4. – 683 с.
- ДАММ, Т.И.: Малоформатные речевые жанры современной российской газеты (лингвистический аспект). – Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Кемерово, 2003. – 31 с.
- ДАНИЛЕНКО, Л.П.: Интертекстуальные реляции паремий // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 47–51.
- ДОЛГОВА, А.О.: Грамматическая и лексико-семантическая структура устойчивых сравнений как класса фразеологических оборотов (на материале русского, английского и немецкого языков). – Автореф. дис. ... канд. филол. н. Минск, 2007. – 22 с.
- ДЯДЕЧКО, Л.П.: Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ "Київ. ун-т", 2002. – 291 с.
- ЕРМОЛОВИЧ, Д.И.: Ономастическая метафора в номинативно-референциальном аспекте (к вопросу о «полуантропонимах») // Вестник Московского государственного

- лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 521. – С. 97–106.
- ЕФИМОВА, Л.В.: Русский народный костюм. М.: Советская Россия, 1989. – 311 с.
- ЖИГУЛЕВ, А.М.: Где труд, там счастье. Пословицы и поговорки. М.: Профиздат, 1959. – 196 с.
- ЖИГУЛЕВ, А.М.: Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1965. – 360 с.
- ЖУКОВ, В.П.: Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 535 с.; 1991. – 534 с.; 1993. – 537 с.; 9-ое изд. М.: Русский язык, 2002. – 544 с.
- ЗАГАДКИ НАРОДОВ РОССИИ / Сост. Т. Климова. М.: РОСМЭН, 1999. – 93 с.
- ЗИМИН, В.И.: Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 736 с.; 2012. – 736 с.; 2015. – 736 с.
- ИВАНОВ, А.Е.: Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. – 414 с.
- ИВАНОВ, Е.Е.: Лингвистика афоризма. Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
- ИВАНОВА, Е.В.: Мир в английских и русских пословицах. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, Филологический факультет, 2006. – 278 с.
- ИВАШКО, Л.А.: Очерки русской диалектной фразеологии. Ленинград: ЛГУ, 1981. – 112 с.
- ИВАШКО, Л.А.: Юмор в народной фразеологии // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 80–82.
- ИЛЛЮСТРАТОВ, И.И.: Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Санкт-Петербург, 1915. – 480 с.
- ИВАНОЎ, Я.Я.: Да антагенезу афарызма як адзінкі мовы vs. маўлення (сацыялінгвістычны і сацыякультурны аспекты) // *Studia wschodniosłowiańskie*. – 2004. – Т. 4. – С. 181–199.
- КАРАСИК, В.И.: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 530 с.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н.: Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
- КАРГИН, А.С.–КОСТИНА А.В.: Научное осмысление интернет-фольклора: актуальные проблемы и опыт исследования // Интернет и фольклор. Сборник статей. Москва, 2009. – С. 5–20.
- КАРГИН, А.С. – НЕКЛЮДОВ, С.Ю.: Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Сборник докладов Первого Всероссийского конгресса фольклористов. Т.1. М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – С. 14–28.
- КИНДЕРКНЕХТ, А.С.: Образ птицы в поэтических формулах с компонентом «сердце» // Гуманитарные исследования. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2015. – № 3 (55). – С. 92–99.
- КОВАЛЬ, В.И.: Восточнославянская фразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель: Гомельск. ГУ, 1998. – 213 с.
- КОВШОВА, М.Л.: Концепт судьбы. Фольклор и фразеология // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 137–142.
- КОВШОВА, М.Л.: Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. – 368 с.
- КОВШОВА, М.Л.: К вопросу о связи загадок и поговорок // Когнитивные исследования языка. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. Сборник научных трудов. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 470–476.
- КОВШОВА, М.Л.: Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление. // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 50–58.

- КОЖЕВНИКОВА, Н. А.: Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. – 256 с.
- КОЗЬЯКОВА, М. И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX века. М.: Согласие, 2016. – 512 с.
- КОЛЕСОВ, В.В. – КОЛЕСОВА, Д.В. – ХАРИТОНОВ, А.А.: Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А–О. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014а. – 592 с.
- КОЛЕСОВ, В.В. – КОЛЕСОВА, Д.В. – ХАРИТОНОВ, А.А.: Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П–Я. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014б. – 592 с.
- КОНДАКОВ, Н.И.: Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. – 720 с.
- КОРОЛЬКОВА, А.В., ЛОМОВ, А.Г., ТИХОНОВ, А.Н.: Словарь афоризмов русских писателей. М.: Русский язык Медиа, 2004. – 665 с.
- КОСТОМАРОВ, В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1971. – 268 с.
- КОСТОМАРОВ, М.І.: Слов'янська міфологія. Київ: Либідь, 1994. – 384 с.
- КОСТОМАРОВ, Н.И.: Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2011. – 512 с.
- КОТКОВ, С.И.: Живая и мертвая вода в сказках и в действительности // Русская речь, 1982. – № 1. – С. 118–123.
- КОТОВА, М.Ю.: Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 360 с.
- КРАТКИЙ СЛОВАРЬ СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА // Молодёжные субкультуры / Под ред. Т.Г. Исламшиной, Р.С. Цейтлина. Казань: Изд-во КГТУ, 1997. – С. 101–114.
- КРУГЛИКОВА, Л.Е.: Дубина стоеросовая (К вопросу о происхождении ФЕ) // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Вторые Жуковские чтения. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого 2001. – С. 31–32.
- КУЗНЕЦОВА, И.В.: Календарная обрядность и устойчивые сравнения // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии : тез. докл. Междунар. конф. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 153–155.
- КУЗНЕЦОВА, И.В.: Обряды, обычаи и поверья как источник фразеологических единиц // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпозиума. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2004. – С. 402–406.
- КУЗНЕЦОВА, И.В.: Отражение некоторых мифологических поверий в фразеологии славян // Славянские языки и культура. Т. 1: Знание. Язык. Культура: материалы Междунар. науч. конф. Тула: Петровская гора, 2007а. – С. 48–52.
- КУЗНЕЦОВА, И.В.: Русская фразеология о девичестве и замужестве (на фоне славянской) // Frazeologické štúdie V: Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. Ružomberok, 2007б. – С. 273–289.
- КУЗНЕЦОВА, И.В.: Русские устойчивые сравнения с семантикой 'совсем не нужен' и 'очень нужен' // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 90–100.
- КУЗЬМИН, С.С.–ШАДРИН, Н.Л.: Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. – М.: Русский язык, 1989. – 352 с.
- ЛЕБЕДЕВА, А.А.: Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX – XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. – С. 229–242.
- ЛЕБЕДЕВА, Л.А.: Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 300 с.
- ЛЕВИН, Ю.И.: Провербиальное пространство // Паремииологические исследования: Сб. статей / Сост. и ред. Г.Л. Пермяков. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. – С. 109–126.

- ЛЕВИН, Ю.И.: Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. – С. 283–314.
- ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е.Е.: Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. – 336 с.
- ЛЕОНТОВИЧ, О.А.: Конверсационный анализ как метод исследования коммуникации // Аспекты креативной семантики. Волгоград: Перемена, 2010. – С. 118–127.
- ЛИЛИЧ, Г. А. – МОКИЕНКО, В. М. – ТРОФИМКИНА, О.И.: Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. – М.: АСТ : Астрель, 2010. – 639, [1] с.
- ЛИПАТОВ, А.Т. За гранью слова – даль. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1979. – 207 с.
- ЛОТМАН, Ю.М.: Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. – 472 с.
- ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В.Л.: Максим Горький // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. М.: XXI век – согласие, 2000. – С. 198–227.
- ЛЯШУК, В.: Парэміялагічныя фонды ў беларускіх і славацкіх народных казках // Parémie národů slovanských II: sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 10.–11. 11. 2004. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravská univerzita, 2005. – S. 167–176.
- МАЗАЛОВА (ГРЫСЫК), Н.Е.: Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1993. – С. 99 – 112.
- МАКСИМОВ, С.В.: Крылатые слова. Санкт-Петербург: Изд-во А.С. Суворина, 1890. – 493 с.
- МАЛЬЦЕВ, Г.И.: Традиционные формулы необрядовой лирики (к изучению эстетики устнопоэтического канона) // Поэтика русского фольклора («Русский фольклор», т. XXI). Ленинград: Наука, 1981. – С. 13–37.
- МАЛЬЦЕВА, Д.Г.: Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Около 1300 фразеологических единиц. М.: Азбуковник, 2002. – 350 с.
- МАКАРОВА, А.: Функционирование крылатого выражения-галлицизма „медовый месяц” в современной российской публицистике // Dyskursy trzeciego tysiąclecia III, pod. red. В. Afeltowicz, Е. Pajewskiej, Szczecin: Volumina, 2015, s. 145–150.
- МАС: Словарь русского языка. Изд. 2., в 4 т. Москва, 1981-1984.
- МАСЛОВА, В.А.: Лингвокультурология. Москва: Академия, 2010. – 144 с.
- МЕЛЕРОВИЧ, А.М. – МОКИЕНКО В.М.: Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.
- МЕЛЕРОВИЧ, А.М. – МОКИЕНКО, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997. – 864 с.; М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.; М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 855 с.
- МЕЛЬНИК, А.А.: Пословица – делам помощница. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1966. – 184 с.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б.: Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. М.: Флинта, Наука, 2001. – 312 с.
- МЕШКОВА, О.В.: Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. № 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. – С. 69–72.
- МИХЕЛЬСОН, М.И.: Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Санкт-Петербург. – Т. 1, 1903. – 779 с. Т. 2, 1905. – 580+250 с.
- МИХЕЛЬСОН, М.И.: Ходячие и меткие слова. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1892. – 690 с.

- МОКИЕНКО, В.М.: Вариантность фразеология и проблема индивидуально-авторских фразеологических единиц // Современная русская лексикография. 1977. – Ленинград: Наука, 1979. – С. 19–26.
- МОКИЕНКО, В.М.: Славянская фразеология: Уч. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Сб. статей к IX-му Международному съезду славистов. Ленинград: ЛГУ, 1983. – С. 40–53.
- МОКИЕНКО, В.М.: Образы русской речи. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: В глубь поговорки. – 2-е изд. – Киев: Радянська школа, 1989. – 221 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: Образы русской речи. 2-е изд., дополн. и испр. – Ленинград: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: Библизмы и фольклоризмы: генетическое родство или типологический параллелизм? // Studia Slavica Savariensia. – 2001. – № 1–2. – S. 65–77.
- МОКИЕНКО, В.М.: Пушкинская золотая рыбка до и после Пушкина // Пушкин. Альманах. – Под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2002. Вып. 3. – С. 3–15.
- МОКИЕНКО, В.М.: Новая русская фразеология. Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. – 608 с.
- МОКИЕНКО, В.М.: Фразеологические кальки в славянских языках // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 7. Opis, konfrontacja, przekład. Red. M. Sarnowski, W. Wysoczański. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009. – С. 167–181.
- МОКИЕНКО, В.М.: Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, серия «Филология. Социальные коммуникации», том 25 (64), № 2 (1). Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2012. – С. 100 – 109.
- МОКИЕНКО, В.М.: Современная паремология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010, № 3. – С. 6–20.
- МОКИЕНКО, В.М.: Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 37–49.
- МОКИЕНКО, В.М. – НИКИТИНА, Т.Г.: Большой словарь русского жаргона. 25000 слов. 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – НИКИТИНА, Т.Г.: Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – НИКИТИНА, Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – НИКИТИНА, Т.Г. – НИКОЛАЕВА, Е.К.: Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – СЕМЕНЕЦ, О.П. – СИДОРЕНКО, К.П.: Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. («Горе от ума») / Под общ. ред. К.П. Сидоренко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – СИДОРЕНКО, К.П.: Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова. М.: Центрполиграф, 2017. – 348 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – СИДОРЕНКО, К.П.: Словарь крылатых выражений Пушкина. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
- МОКИЕНКО, В.М. – СИДОРЕНКО, К.П.: Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. Санкт-Петербург – М.: Нева, 2005. – 800 с.
- МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ МОСКВЫ / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. — 544 с.

- МОЛОТКОВА, А.И.: Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.
- МУРАВЬЕВ, В.Б.: Московские литературные предания и были. М.: Московский рабочий, 1981. – 351 с.
- МУШКАТИРОВИЋ, Ј.: Причте илити по простому пословице темже сентенције илити реченија». Будим: Славено-србска печатња Краљевскога всеучилишта венгерскога, 1807.
- НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ПСКОВСКОГО КРАЯ: мультимедийное издание / под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Плошук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьева, Н.Ф. Лищенко, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Плошук. Разработчик приложения для ЭБД: А.М. Чиликин. Псков, 2014.
- НИКОЛАЕВА, Е.К.: Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград 1989. – 16 с.
- НИКОЛАЕВА, Т.М.: Типы индоевропейского предложения, по Ю.С. Степанову и грамматика русской паремии // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов Первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М., Калуга, 2013. – С. 88-101.
- НОВИКОВ, Л.А.: Семантическое поле // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 458–459.
- ОГОЛЬЦЕВ, В.М.: Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1978.– 159 с.
- ОЭСРФ: ШАНСКИЙ, Н.М. – ЗИМИН, В.И. – ФИЛИППОВ, А.В.: Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. – 238 с.
- ОСИПОВА, А.Г.: Купля / продажа // Антология концептов. Ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. М.: Гнозис, 2007. – С. 370–382.
- ПАЧАИ, И.: Ареальные аспекты парных слов в русском языке. Ньиредьхаза: Stúdium, 1995. – 165 с.
- ПАЧАИ, И.: Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре. Ньиредьхаза: Stúdium, 2002. – 296 с.
- ПЕРМЯКОВ, Г.Л.: От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М.: Наука, 1970. – 240 с.
- ПЕРМЯКОВ, Г.Л.: 500 наиболее употребительных русских пословичных изречений // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. – С. 154–162.
- ПЕРМЯКОВ, Г.Л.: К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. – С. 247–274.
- ПЕРМЯКОВ, Г.Л.: Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. – 236 с.
- ПЕТЕЛИНА, А.Г.: Торг // Антология концептов. Ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. М.: Гнозис, 2007. – С. 467–382.
- ПЕТРОВСКИЙ, М. С.: Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Ах романс, Эх романс, Ох романс: Русский романс на рубеже веков / сост. В. Я. Мордерер, М. С. Петровский. Санкт-Петербург: Герань, 2005. – С. 11–23.
- ПОДВЫСОЦКИЙ А.О.: Словарь областного архангельского наречия. Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. Санкт-Петербург: издание Второго отделения Императорской Академии наук, 1885. – 198 с.
- ПОДОЛЬСКАЯ, Н.В.: Оним // Русский язык: Энциклопедия. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая энциклопедия, Дрофа, 1997. – С. 288–289.
- ПОДЮКОВ, И.А.: Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие. Пермь: ПГПИ, 1990. – 127 с.

- ПОТЕБНЯ, А.А.: Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894. – 162 с.
- ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. – 1989. – 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. – Київ: Наукова думка, 2001. – 392 с.
- ПРОБЛЕМЫ фразеологической и лексической семантики: Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004 г.). Редколлегия: В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Ф.Ф. Фархутдинова, Ю.И. Третьякова. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – 286 с.
- ПРОКОШЕВА, К.Н.: Сказано – связано. Пословицы и поговорки Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. – 324 с.
- ПРОПП, В.Я.: Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
- ПРОХОРОВ, Е.П.: Публицист и действительность. М.: Изд-во Моск. ун-та 1973. – 317 с.
- ПУЩИН, И.И. Записки о Пушкине. Письма / Сост., вступ. ст. и комм. М.П. Мироненко и С.В. Мироненко. М.: Правда, 1989. – 576, [8] с.
- РАБКЕВИЧ, В.І.: Паслухай, што людзі кажуць: беларускія народныя прыказкі, прыкметы, жарты. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. – 270 с.
- РАЗУМОВ, А.А.: Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М.: Издательство Детской литературы, 1957. – 240 с.
- РАЙКОВА, И.Н.: Традиции и фольклор московских студентов // Молодёжные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 26–48.
- РЕДНИКОВ, И.: Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т.п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением. Вятка, 1883. – С. 229+XV с.
- РЕШЕТНИКОВ, Н.И. (авт.-составитель). Русский народный календарь: пословицы, приметы, обычаи, обряды, имена. М.: Олма-Пресс, 2005. – 608 с.
- РОГАЛЁВА, Е.И. – НИКИТИНА, Т.Г.: Ума палата. Детский фразеологический словарь. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2014. – 192 с.
- РОГАЛЁВА, Е.И.– НИКИТИНА, Т.Г.: Фразеологический практикум. М.: ВАКО, 2014. – 96 с.
- РОГАЛЁВА, Е.И.: Новый фразеологический словарь для детей. Псков: ЛОГОС, 2007. – 542 с.
- РОГАЛЁВА, Е.И.: Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.
- РОЙЗЕНЗОН, Л.И.: К лингвистической интерпретации загадки в связи с некоторыми проблемами фразеологии. // Авалиани, Ю.Ю., Ройзензон, Л.И., Ройзензон, С.И. (отв. ред.): Вопросы фразеологии, VII. Самарканд, 1975. – С. 18–34. / Труды СамГУ им. А. Навои, нов. сер., вып. 277.
- РОЙЗЕНЗОН, Л.И.: О понятии «фольклорная фразеология» // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула: Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого 1968. – С. 78 – 81.
- Русская мысль и речь. См. МИХЕЛЬСОН, М. И.: Русская мысль и речь.
- РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ И ЗАКЛИНАНИЯ. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М.: Изд-во МГУ, 1998. – 480 с.
- РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР / Сост. и примеч. В. Аникина. М.: Художественная литература, 1986. – 367 с.
- РЫБНИКОВА, М.А.: Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.

- РЯБЦЕВА, Н.К.: Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв.ред: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 108—116.
- РЯЗАНОВСКИЙ, Л.М.: Идеографические аспекты немецкой фразеологии. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.
- САВЕНКОВА, Л.Б.: Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
- САВЧЕНКО, А.В. – ХМЕЛЕВСКИЙ, М.С.: Контрастивный анализ этнонациональных ценностей в культуре и языке украинцев и русских (на материале образов из растительного мира) // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2017. – С. 565–569.
- САВЧЕНКО, А.В. – ХМЕЛЕВСКИЙ, М.С.: Украинская этносимволика из области растительного мира (лингвокультурологический аспект) // *Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 61, Number 1, June 2016. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2016. – S. 91–102.
- СВАЛОВА, Е.Н.: Устойчивые словесные формулы в свадебной обрядности Прикамья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып.4(20). – С. 29–37.
- СЕКАЧЕВА, Е.Р.: Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3 (5). – С. 67–75.
- СЕЛИВЕРСТОВА, Е.И.: О роли культурных коннотаций и фольклорных мотивов в варьировании пословицы // *Phraseologie und Text*. Материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. Факультет филологии и искусств (март 2009). Санкт-Петербург – Greifswald, 2010. – С. 166–174.
- СЕЛИВЕРСТОВА, Е.И.: Своеобразие осмысления фольклорного концепта в пословице // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 293–298.
- СЕМЕНЕНКО, Н.Н. – ШИПИЦИНА, Г.М.: Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.
- СЕРОВ, В.: Крылатые слова: Энциклопедия. М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.
- СКОВОРОДНИКОВ, А.П. – ДАММ, Т.И. Импоссибилия // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Флинта, Наука, 2003. – С. 207.
- СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е / С.М. Толстая (отв. ред.). М.: Междунар. отношения, 2011. – 512 с.
- СМИТ, Логан П.: Фразеология английского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во РСФСР, 1959. – 208 с.
- СНЕГИРЁВ, И.М.: Русские народные пословицы и поговорки, изданные И.М. Снегирёвым, с предисловием и дополнениями. М., 1848. – 527 с.
- СОБОЛЕВ, А.И.: Народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1956. – 155 с.
- СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР. Методические указания и иллюстративный материал по проведению фольклорной практики студентов I курса филологического факультета (под ред. О.В. Приемко). Минск: Белорусский ГУ, 2014. – 128 с.
- СОРОКИН, Ю.А. – ТАРАСОВ, Е.Ф.: Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого действия. Ред. Р.Г. Котов. М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
- СОРОКИНА, С.П.: Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева // Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 5–72.
- СПИРИН, А.С.: Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского-на-Дону ун-та, 1985. – 208 с.

- СТЕПАНОВ, Ю.С. – ПРОСКУРИН, С.Г.: Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. – 158 с.
- ТАЙЛОР, Э.Б.: Первобытная культура. М.: Директ-медиа, 1989. – 1458 с.
- ТАНЧУК, В.: Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986. – 192 с.
- ТАРСА, Я.: Фразеологизмы в демотиваторах // Ed. M. Palusova. Sbornik prispievku z mezinarodni konferencje. XXIII. Olomoucke dny rusistu. 10.–11.9.2015. Olomouc, 2016. – S. 221–226.
- ТЕЛИЯ, В.Н.: Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.
- ТЕРТЫЧНЫЙ, А.А.: Интернет-публицистика: жанровый профиль // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 156. – Кн. 6. – 2014. – С. 7–16.
- ТКАЧЕНКО, О.Б.: Сопоставительно-историческая фразеология славянских языков и финно-угорских языков. Киев: Наукова думка, 1979. – 298 с.
- ТОЛСТОЙ, Н.И.: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М: Индрик, 1995. – 512 с.
- ТОПОРОВ, В.Н.: Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. – С. 10–117.
- Традиционная культура Тверского края. Вып. 3. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2014. –125 с.
- ТРЕТЬЯКОВА, И.Ю.: К вопросу об окказиональных модификациях фразеологизмов в политическом дискурсе // Гуманитарные науки. – № 2. – 2015. – С.124–130.
- ТРОФИМОВА, Н.А.: Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – Санкт-Петербург: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
- ТРЫКОВА, О.Ю.: Граффити в субкультуре и художественной литературе // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4, Том I (Гуманитарные науки). – С. 231–233.
- ТСРЯ: Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю.: Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. – 955 с.
- УЖЧЕНКО, В.Д. – УЖЧЕНКО, Д.В.: Фразеологічний словник української мови. Близько 2500 виразів. Київ: Освіта, 1998. – 224 с.
- Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург; Грайфсвальд, 2016.– 278 с.
- ФАСМЕР, М.: Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. – 672 с.
- ФАТТАХОВА, Н.Н. – КУЛЬКОВА, М.А.: Народные приметы в разноструктурных языках. М.: Флинта; Наука, 2013. – 248 с.
- ФЁДОРОВ, А.И.: Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.
- ФЁДОРОВА, Л.Л.: Тихий ангел пролетел... – дурак родился? // Карнавал в языке и коммуникации. Коллективная монография. М.: РГГУ, 2016. – С. 260–274.
- ФИНК, Ж.: Невыносимая легкость рекламирования (о двух слоганах, источником которых является художественная литература) // Язык как система и деятельность – 4. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Введенской. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, Южно-российские научные чтения, 2013. – С. 280–283.
- ФРАЗЕОЛОГИЗМ И СЛОВО В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ (лингвистический и лингвометодический аспекты). Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., профессора Алины Михайловны Мелерович. М.: Элпис, 2008. – 615 с.
- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. Под ред. А.И. Молоткова. М.: Изд-во «Русский язык», 1978. – 543 с.

- ФРЕЙДЕНБЕРГ, О.М.: Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
- ФРОЛОВА, О.Е. Загадка как территория карнавала // Карнавал в языке и коммуникации. Коллективная монография. М.: РГГУ, 2016. – С. 241–250.
- ФРОЛОВА, О.Е.: Мир, стоящий за текстом. Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.
- ФРЭЗЕР, Дж.: Фольклор в Ветхом завете. М.: АСТ, 2003. – 656 с.
- ХЛЕБДА, В.: Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу // Русистика. № 1/2. – Берлин, 1994. – С. 74–84.
- ХРОЛЕНКО, А.Т.: Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 163 с.
- ЧЕРВЯКОВСКИЙ, С.А.: Послесловие // Пословицы и поговорки. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1955. – С. 27–37.
- ЧЕРНОУСОВА, И.П.: Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах. // Русская речь, 2012. № 1. – С. 93–99.
- ШАНСКИЙ, Н.М.: Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. – 231 с.
- ШМЕЛЕВ, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- ШУМОВ, К.Э.: «Эротические» студенческие граффити: на материалах студенческих аудиторий Пермского университета // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. – С. 454–483.
- ШУМОВ, К.Э.: Студенческие традиции // Современный городской фольклор. / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – С. 165–179.
- ШУПЛЕЦОВА, Ю.А.: Фразеологические единицы в песенном фольклоре Курганской области: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск 2008. – 227 с.

СОКРАЩЕНИЯ

- B–E: BIERNAT Z LUBLINA: Ezop, oprac. I. Chrzanowski. Kraków: Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie, 1910. – 541 s.
- KPP: ADALBERG, S.: Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa: Drukiem Emila Skińskiego 1889–1894. – 811 s.
- NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich, w oparciu o dzieło Samuela Adalberga oprac. zesp. red. pod kier. Juliana Krzyżanowskiego. Red. J. Krzyżanowski, t. 1–4, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy 1969–1978.
- PBL: KRZYŻANOWSKI Julian: Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie 1947. 90 s.
- SFP: Słownik folkloru polskiego. Red. J. Krzyżanowski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965. – 487 s.
- SychSGK: SYCHTA, B: Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. 1–7. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967–1976.
- БСКСИВРЯ: БЕРКОВ, В.П. – МОКИЕНКО, В.М. – ШУЛЕЖКОВА, С.Г.: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск: Магнитогорский ГУ – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Том 2. Н–Я. – 736 с.
- БСПП : МОКИЕНКО, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва: Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

БСФРЯ: Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2017. – 784 с.
ДП 1957: ДАЛЬ, В.И.: Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957. – 992 с.

Интернет-источники:

Армейский словарь, – URL: <http://odonvv.ru/forum/14-19-1> (доступ: 7.10.2016).
Ast-news: <http://ast-news.ru/node/165241>
Athenaeum: http://video.athenaeum.ru/watch/FAiU_ytZ3lk/yubiley-yuli...
Detmir: <http://www.detmir.ru/product/index/id/1843411/>
ERBEN, K. J.: Pohádky. – Режим доступа: Praha: Městská knihovna v Praze, verze 1.0 z 05. 05. 2011.
Funnyfire: <http://funnyfire.ru/battery-salutes/small-battery-salutes/fejerverk-po-schuchemu-veleniyu>
GRALIŃSKI F.: Folklorystyka 2.0, (электронный доступ: www.staff.amu.edu.pl/~filipg/gralinski-folklorystyka-20-2013.pdf)
GRZENIA, J.: Internet jako miejsce dialogu. – [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uranos.cto.us.edu.pl/~rozmowa/grzenia.htm>
Davies, N., 1995, *Serce Europy*, – URL: https://books.google.pl/books?id=8WjTBgAAQBAJ&pg=PT39&lpq=PT39&dq=miodowy+okres&source=bl&ots=4O39ojZrei&sig=_QAw0qruFcPvii_kwu40АНPcU5s&hl=pl&sa=X&ved=0ahUKEwiI5NqS_5zOAhUKWCwKHT6DC4gQ6AEIVTAM#v=onepage&q=miodowy%20okres&f=false (доступ: 31.07.2016).
Głowińska K., 2000, *Popularny słownik frazeologiczny*, Warszawa: Wilga.
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/krasikov.pdf>. (дата обращения: 5.11.2017)
<http://cukrzycapolska.pl/kontrola/miesiac-miodowy-w-cukrzycy/> (доступ: 29.09.2016).
<http://diabet-med.com/medovij-mesiac-diabet-1-tipa/> (доступ: 1.08.2016).
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90
<http://matki.nl/zanim-urodzisz/ii-trymest-ciazy/ii-trymestr-miodowy-miesiac-ciazy/> (доступ: 17.06.2016).
<http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7158> (13.02.2017)
<http://przedszkolowo.pl/strefa-nauczyciela/piosenki.pozegnanie-starszakow-bo-czasy-miodowe,1065> (доступ: 31.07.2016).
<http://psychoterapiawieliczka.pl/mechanizm-przemocy/> (доступ: 31.07.2016).
<http://puziko.online/nedeli/1-trimestr> (доступ: 29.09.2016).
<http://riddle-middle.ru/zagadki/14>
<http://riddle-middle.ru/zagadki/53>
<http://sunny7.ua/zdorove/jenskoe-zdorove/seks-i-tsistit--chto-meshaet-intimnoy-jizni> (доступ: 29.09.2016).
<http://t-pacient.ru/articles/6505/> (доступ: 29.09.2016).
<http://vdahl.ru/маленький-ерофейко-подпоясан-коротенько/>
<http://weblog.infopraca.pl/2011/10/pierwszy-rok-w-pracy-niczym-miodowy-miesiac/> (доступ: 28.09.2016).
<http://womenation.org/abused-women-handbook-fear/> (доступ: 29.09.2016).
http://wordhist.narod.ru/medovij_mesac.html (доступ: 1.08.2016).
<http://www.burgen-bernkastel.de/schwarzer-peter.shtml> (02.01.2017)
<http://www.linguee.de/deutsch-d%C3%A4nisch/uebersetzung/schwarzer+peter.html> (03.02.2017)
http://www.livesport.ru/football/2016/09/19/watford_manchester_united_press/ (доступ: 29.09.2016).
<http://www.lmexperts.ru/news/novyj-sotrudnik-i-kompaniya-ne-prevratit-medovij-mesyats-v-razvod.html> (доступ: 28.09.2016).
http://www.se.pl/wiadomosci/polska/premier-tusk-ocenia-rzad-po-4-latach-nie-byl-miodowy-czas-chce-rzadzic-lepiej_192501.html (доступ: 12.03.2016).
http://www.sluzbazdrowia.com.pl/artukul.php?numer_wydania=4226&art=1 (доступ: 31.07.2016).
http://www.telenir.net/domovodstvo/yenciklopedija_svadby/p23.php (доступ: 31.07.2016).
<http://www.tvn24.pl> (доступ: 29.12.2013).

<http://wylecz.to/pl/choroby/ginekologia/syndrom-miesiaca-miodowego-jakie-sa-objawy-i-przyczyny-choroby-miesiaca-miodowego.html> (доступ: 29.09.2016).
<https://de.glosbe.com/de/sl/Schwarzer?page=2&tmmode=MUST> (03.03.2017)
<https://otvet.mail.ru/question/52007906>
https://www.google.cz/search?q=Prom%C4%9Bny+stereotypu+hada+na+z%C3%A1klad%C4%9B+doklad%C5%AF+ve+folkloru&rlz=1C1GGRV_enCZ748CZ748&oq=Prom%C4%9Bny+stereotypu+hada+na+z%C3%A1klad%C4%9B+doklad%C5%AF+ve+folkloru&aqs=chrome..69i57.414j0j8&sourceid=chrome&ie=UTF-8.
<https://www.openrussia.org/post/view/604/> (доступ: 28.09.2016).
 Inpearls: <http://www.inpearls.ru/>
 Jivu: <http://jivu.info/kak-stat-schastlivym>
 Jurliga: <http://jurliga.ligazakon.ua/news/2009/7/1/15132.htm>
 Kultura: http://www.kultura.uz/view_2_r_8301.htm
 Narodowy Korpus Języka Polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nkjp.pl/>.
 NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego, – URL: <http://nkjp.pl/> (доступ: 12.07.2016).
 ÕIM, A. – ÕIM, K.: Eesti fraseologismide elektrooniline alussõnastik – FES. [электронный ресурс].
 Режим доступа: <http://www.folklore.ee/justkui/sonastik/>
 Ovkuse: <http://ovkuse.ru/recipes/zakuska-po-shchuchemu-veleniyu/>
 SIENKIEWICZ, H.: Ogniem i mieczem. T. 1 [электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.edukator.pl/rozdzia7,2998.html>.
 Sinus: <http://www.sinus.vl.ru/forum/showthread.php?t=24969>
 Slovník současné češtiny. – Режим доступа: <https://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny>
 Slovník spisovného jazyka českého. Za vedení B. Havránka (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky zpracoval lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český ČSAV: V. Červená a kol.
 [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ssjc.ujc.cas.cz/>
 Šťastná, L.: Proměny stereotypu hada na základě dokladů ve folkloru (PPT). 2017. [электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.sunhome.ru/journal/>
 ТЕА: ТЕА e-entsüklopeedia. [электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://www.ents.ee/ents.php?artikkel=kadakasaks&art=ENC-33738>
 Uchitel: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/peticia/sapojkov-s-v.pdf>
 Vhoz: <http://www.vhoz.ru/index.php?id=3346&option>.
 Vk.com: https://vk.com/topic-85598_26713569?offset=1580
 Wielki słownik języka polskiego, kier. projektu P. Źmigrodzki – URL:
http://wsjp.pl/index.php?id_hasla=31553&ind=0&w_szukaj=miodowy+miesi%C4%85c (dostęp: 8.12.2016).

АВЕРИНЦЕВ, С.С.: Вслушиваясь в слово: три действия в начальном стихе первого псалма — три ступени зла // Псалмы Давидовы. Дух и литера. Режим доступа:
https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/psalmy-davidovy-duh-i-litera/
 БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ СРАВНЕНИЙ. Мокиенко, В.М. – Никитина, Т.Г. М., 2008 [Электронный ресурс] https://docviewer.yandex.ru/url=ya-disk-publi=Mokijenko_Nikitina_Bolshoj_slovar_rus_nar_sravnenij.
 БРОКГАУЗ И ЕФРОН – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901, Т. 32. – 965 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924196#?page=5>.
 ВАСИЛЬЕВ, В.: Тихий Дон: Опыт комментария. // Литература, 2001, № 32. [электронный ресурс].
 Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200103203>
 ГОРЬКИЙ, М.: Трое. Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/troe/troe-13.htm>
 ДИАНОВА, Е.В.: Народные пословицы и поговорки в агрономической и кооперативной пропаганде 1920-х годов / Рябининские чтения – 2015. Отв. ред. Т.Г.Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2015. С. 29–31. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1478.html#note-id53388614> (дата обращения 02.02.2017)
 ЕФРЕМОВА, Т. Ф.: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/prostonarodje.html>.
 Книга Екклесиаста. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rusbible.ru/sinodal/ekk.html>.

- КОРЧАГИНА, И.Л.: Большая энциклопедия манипуляций. М.: Эксмо, 2009 [электронный ресурс].
Режим доступа: http://velib.com/read_book/korchagina_irina/bolshaja_ehnciklopedija_manipuljacija
- КРАСИКОВ, М.: «Здесь было зверски убито время!» (Современное студенчество сквозь призму эпиграфики). Антропологический форум № 14. 2011. – С. 160–234.
- КРЫЛОВ, И. А.: Сочинения. Т. 3. Басни, стихотворения, письма / под ред. Д.Д. Благого. М.: ОГИЗ, 1946. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rvb.ru/18vek/krylov/tocvol3.htm>
- ЛЕБЕДЕВА, Л.А.: Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и во фразеографии. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. – 192 с.
- НАЗАРОВСКАЯ, М.С.: Лексическая трансформация жанра басни в современном англоязычном интернет-фольклоре // Вестник Кемеровского государственного университета. Выпуск № 4 (60). – Т. 2. – 2014. – [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-transformatsiya-zhanra-basni-v-sovremennom-angloyazychnom-internet-folklore>
- НЕКЛЮДОВ, С.Ю.: Фольклорные традиции современного города www.ongal.net/editions/.../12Ethnourbana_Neklyudov_web.pdf (доступ 3.3.2107)
- НЕКЛЮДОВ, С.Ю.: Фольклорные традиции современного города. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://culture29.primepix.ru/upload/medialibrary/f67/f67211a724844c58553b17ad1374f56a.pdf>
- НЕКЛЮДОВ, С. Ю.: Фольклористика как область знания [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://postnauka.ru/video/5182>.
- НЕКЛЮДОВ, С.: Фольклор и его исследования: век двадцатый www.culture29.ru/.../73bb571cb38f26cf4e596284aacc6b01.pdf (доступ 3.3.2107)
- НИКИТИНА, С.Е.: Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. – 189 с.;
электрон. версия : <http://philologos.narod.ru/nikitina>
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
- ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ МИРА [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.poslovitza.ru/poslovizi_po_temam.html.
- ПСАЛТИРЬ. Режим доступа: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/psaltir/>
- РОБ, ДЭВИД, ХЕЙЛ, ДЖОН. Ментальная каузальность // Стэнфордская энциклопедия философии (версия весны 2014 года) / Ред. Эдвард Н. Залта. Пер. с англ. А.В. Кузнецова. URL = <http://philosophy.ru/mentalnaya-kauzalnost>
- СЕНКНВИЧ, Г.: Огнем и мечом. Ч. 1 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reading.club/chapter.php/51435/9/Senkevich_1_Ognem_i_mechom._Chast%27_1.html.
- СКРАДОЛЬ, Н.: Сталинские гномы, или эпистемология советского остроумия // Новое литературное обозрение. № 121, 2013. <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/121-2013/19674-stalinskie-gnomy-ili-epistemologiya-sovetskogo-ostroumiya.html> (Дата обращения: 02.02.2017).
- Словари и энциклопедии на Академике: Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
фразеографии. 1999. с. 11–13 [Электронный ресурс]. <http://www.dissercat.com/content/ustoichivye-sravneniya-russkogo-yazyka-vo-frazeologii-i-frazeografii>
- ШАНСКИЙ, Н.М., БОБРОВА, Т.А.: Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. – 398 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/rusethy/Zhrat-282.html>.